

76
9

~~757.~~

1 715 93

Листок возврата

322
Р. 22-1-1-1

Фридрихъ Альбертъ Ланге.

проверено
1958 г.

321
Р. 22

РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ

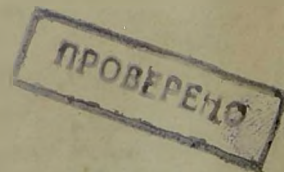
ЕГО ЗНАЧЕНІЕ

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ

переводъ съ 4-го немецкаго изданія

А. Б. Блѣка

съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго

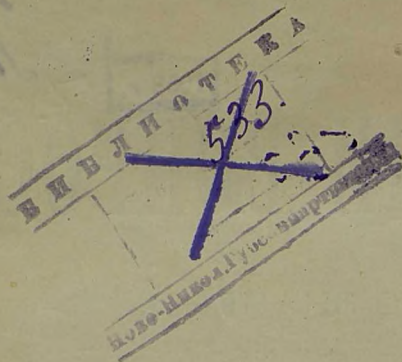
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

2-е изданіе Ф. Павленкова.

1895.

1146

9

10
4 76

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
НАУКИ И ВЫСШЕГО ШКОЛЬ-
НОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СОВ. ПУБЛ. НАУЧ.-ТЕХН.
БИБЛИОТЕКА

СВЕРЕНО
1997 г.

СВЕРЕНО
1983 г.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

32
1-22
КНИГА ВВЕРЯЕТСЯ
ДОПЕЧЕНІЮ ЧИТАТЕЛЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ

	СТР.
Предисловіе автора къ III (нѣмецкому) изданію	1
Предисловіе къ русскому изданію	3
ГЛАВА I.	
Борьба за существованіе	9
ГЛАВА II.	
Борьба за привилегированное положеніе	34
ГЛАВА III.	
О счастѣ	58
ГЛАВА IV.	
Норма благосостоянія	105
ГЛАВА V.	
Капиталъ и трудъ	148
ГЛАВА VI.	
Частная собственность, право наслѣдства и позе- мельная рента	185
ГЛАВА VII.	
О рѣшеніи рабочаго вопроса	238
Примѣчанія	289

1923

*

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ III ИЗДАНІЮ.

Въ третьемъ изданіи «*Arbeiterfrage*» dokonчены тѣ измѣненія, которыя начаты во второмъ *). Трудъ, первоначально имѣвшій въ виду практическія цѣли минуты, обратился въ теоретическую характеристику сущности и основъ рабочаго вопроса. Последняя глава, носившая болѣе всего слѣды первоначальнаго направленія, замѣнена совершенно новой главой, которая хотя тоже старается намѣтить практическіе выводы изъ теоріи, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ прежде. Прежде я имѣлъ въ виду непосредственно читателей изъ рабочей среды, а потому подвергалъ критикѣ принципы, тактику и шансы на успѣхъ различныхъ рабочихъ партій; — теперь же я, напротивъ, задался вопросомъ, что дѣлать государственнымъ дѣятелямъ и всѣмъ тѣмъ, кто въ состояніи вліять на ходъ общественныхъ событій, и чего имъ не слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы привести великій соціальный кризисъ къ благополучному концу.

Я и теперь продолжаю держаться того мнѣнія, хотя и опустилъ относящіеся сюда заключительныя слова, что рѣшеніе рабочаго вопроса лежитъ прежде всего въ рукахъ непосредственно заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Но я обращаюсь теперь уже не спеціально къ нимъ, а ко всѣмъ тѣмъ, кто достаточно свободенъ отъ предубѣжденій и личнаго интереса, чтобы быть въ состояніи серьезно и спокойно отнестись къ

*) Первое изданіе „*Arbeiterfrage*“ относится къ 1865 г. — Четвертое, съ котораго сдѣланъ переводъ, было простою посмертною перепечаткою третьяго.

популярно-научному изложению рабочего вопроса, какъ вопроса будущности всей нашей культуры.

Такой поворотъ вызванъ полнымъ игнорированіемъ перваго изданія «Arbeiterfrage» въ средѣ рабочихъ союзовъ и ихъ руководителей. Поэтому я во второмъ изданіи предпочелъ обратиться къ тому дѣйствительному кругу читателей, который нашла себѣ книга. Но при этомъ послѣдняя глава съ ея критикой рабочихъ партій становилась совершенно чуждой прибавкой, которую теперь тѣмъ болѣе приходилось отбросить, что я не имѣю въ настоящее время никакой возможности составить себѣ самостоятельный и безпристрастный взглядъ на положеніе дѣла. Правда, мнѣ со всѣхъ сторонъ доставляли съ готовностью, — за которую я теперь, пользуясь случаемъ, отъ души благодарю, — матеріалы для оцѣнки стремленій различныхъ союзовъ; но безъ личныхъ сношеній съ ними я не могъ бы сдѣлать изъ этихъ матеріаловъ правильного употребленія. Отъ личныхъ же сношеній меня уже нѣсколько лѣтъ удерживаетъ серьезная болѣзнь, не позволяющая мнѣ далеко выходить изъ стѣнъ моего рабочего кабинета и принуждающая меня сосредоточить весь остатокъ силъ на научномъ трудѣ.

Нѣкоторая перемѣна въ моихъ воззрѣніяхъ, не касающаяся впрочемъ моихъ основныхъ принциповъ, сильнѣе всего замѣтна въ *IV главѣ*, на которую замѣчательные труды *Брентано* остались не безъ вліянія. Но большая часть книги является здѣсь неизмѣненною копіей второго изданія.

Фр. А. Ланге.

Марбургъ, мартъ 1874 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Рабочій вопросъ, какъ извѣстно, имѣетъ очень обширную литературу, — до того обширную, что не-спеціалистъ можетъ ориентироваться въ ней лишь съ большимъ трудомъ и съ огромною тратою времени. Между тѣмъ въ настоящее время нѣтъ образованнаго человѣка, который не интересовался бы этимъ вопросомъ, потому что всѣ сознаютъ или чувствуютъ, что помимо его рѣшенія серьезные успѣхи цивилизаціи, обезпеченіе ея мирнаго развитія, удовлетвореніе дѣятельной любви къ ближнему остаются лишь пустымъ звукомъ. Такимъ образомъ дѣльное, по возможности полное и всестороннее изслѣдованіе этого жгучаго вопроса является потребностью не только для того или другого тѣснаго кружка людей, но и для всей образованной публики.

Удовлетворить этой потребности — задача нелегкая. Она предполагаетъ близкое знакомство автора съ разросшеюся до грандіозныхъ размѣровъ литературой рабочего вопроса, непредубѣжденность, т. е. отрѣшеніе отъ предразсудковъ тѣхъ партій, которыя полагаютъ, что нормальное общественное и государственное развитіе требуетъ только жертвъ со стороны народныхъ массъ, а не со стороны всѣхъ гражданъ, къ какому классу они бы ни принадлежали, философскую и историческую подготовку, т. е. знакомство съ теоріями человѣческаго счастья и прогресса и уясненіе себѣ преемственности задачъ, разрешаемыхъ человѣчествомъ вообще и даннымъ народомъ въ частности, кромѣ того близкое знакомство съ экономической наукой, подготовляющею и облегчающею рѣшеніе многихъ социальныхъ вопросовъ, наконецъ даръ популярнаго изложенія отвлеченныхъ и очень сложныхъ понятій. Всѣмъ этимъ труднымъ требованіямъ удовлетворяетъ въ значительной степени авторъ

труда, предлагаемого теперь русской читающей публикѣ и давно составляющаго въ оригиналѣ настольную книгу всѣхъ лицъ, интересующихся и занимающихся рабочимъ вопросомъ.

Со времени появленія перваго изданія этого труда прошло четверть вѣка, и тѣмъ не менѣе онъ нисколько не устарѣлъ. Напротивъ, «Рабочій вопросъ» Ланге выдержалъ нѣсколько изданій и до сихъ поръ находитъ себѣ сбытъ. Это уже указываетъ на большія достоинства труда. Авторъ его очевидно обладалъ широтою взгляда и прозорливостью, необходимыми для уясненія себѣ хода событій и будущаго развитія занимавшаго его вопроса. Иначе конечно его книга давно была бы сдана въ архивъ. Но она не только не устарѣла, а, наоборотъ, читается теперь съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ, и, можно даже сказать, приобрѣла теперь болѣе реальное значеніе, чѣмъ какое имѣла въ то время.

Помнится, какое впечатлѣніе она произвела на меня въ мои студенческіе годы. Тогда она казалась голосомъ челоука, говорящаго о заманчивомъ, но отдаленномъ будущемъ. Увлекателенъ былъ этотъ голосъ, въ особенности для молодежи, всегда живущей больше въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ. Глубокая любовь къ ближнему, самоотверженность, готовность жертвовать всѣмъ для обезпеченія блага униженнаго, оскорбленнаго, страждущаго — отличительныя ея черты. Книга автора, воодушевленнаго тѣми же чувствами и кромѣ того изучившаго способы и средства облегченія участи обездоленныхъ современнаго общества, не могла не читаться съ напряженнымъ и страстнымъ вниманіемъ. Предъ духовнымъ взоромъ открывалась мрачная картина страданій самаго многочисленнаго и безпомощнаго общественнаго класса. Уже это влекло сердца молодежи къ книгѣ. Кромѣ того въ ней предлагались широкія и коренныя средства помощи. Они тоже представлялись очень заманчивыми, но въ то же время даже увлекающійся умъ молодежи въ раздумьѣ останавливался предъ грандіозною задачею, указанною авторомъ и находившеюся повидимому въ такомъ полномъ противорѣчій съ дѣйствительностью, съ тѣмъ, чего можно было достигнуть и что допускали духъ времени и настроеніе правящихъ классовъ общества.

Таково было по крайней мѣрѣ впечатлѣніе, произведенное на меня книгою Ланге четверть вѣка тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я въ нее заглядывалъ лишь урывками, когда требовалась справка относительно той или другой мысли. И вотъ теперь пришлось ее вновь внимательно прочесть по поводу ея появленія на русскомъ языкѣ и участія моего въ редактированіи трехъ послѣднихъ ея главъ и примѣчаній. Какъ различно оказалось теперь впечатлѣніе! То, что четверть вѣка тому назадъ представлялось вопросомъ отдаленнаго будущаго, теперь предстало предо мною вопросомъ жгучей современности. Идеи Ланге перестали быть смѣлою фантазіею мыслителя-поэта. Тогда къ его книгѣ можно было относиться, какъ къ утопіи, которая однимъ представлялась заманчивою и увлекательною, другимъ быть можетъ — вредною и опасною; теперь это уже не утопія: жизнь сказала свое трезвое и вѣское слово, факты заговорили краснорѣчивѣе всякихъ книгъ, дѣйствительность предстала предъ нами съ своими рѣшительными и неотложными требованіями, — и оправдались слова Ланге, что рабочій вопросъ въ томъ широкомъ значеніи, какое онъ ему придавалъ, долженъ служить предметомъ дѣятельной и энергичной заботливости всѣхъ просвѣщенныхъ элементовъ общества, дорожащихъ *мирными* успѣхами цивилизаціи. Тогда рѣшеніемъ этого вопроса заняты были по преимуществу передовые мыслители, которыхъ часто признавали умами безпкойными, склонными указывать на несуществующія опасности; теперь этимъ вопросомъ заняты государственные люди, холоднымъ умомъ взвѣшивающіе условія мирнаго развитія народовъ, — и рабочій вопросъ во всей своей полнотѣ вышелъ изъ кабинетной тиши, сдѣлался болѣе чѣмъ когда либо предметомъ усиленныхъ заботъ правителей и законодателей. Его рѣшеніе составляетъ основной пунктъ правительственной программы молодого германскаго императора; имъ опредѣляется вся теперешняя экономическая и таможенная политика объединенной германской имперіи; и если сопоставить официально заявленную программу германскаго императора съ идеями, изложенными въ книгѣ Ланге, то мы будемъ поражены ихъ сходствомъ во многихъ основныхъ пунктахъ и деталяхъ.

Отмѣтимъ здѣсь остовъ идей Ланге. Онъ ставитъ рѣшеніе рабочаго вопроса въ самую тѣсную зависимость отъ рѣшенія соціальнаго вопроса. Въ сущности оба въ его представленіи совпадаютъ, ибо оба являются вопросомъ о сохраненіи и дальнѣйшемъ мирномъ развитіи нашей цивилизаціи путемъ прочнаго приобщенія къ ней широкихъ народныхъ массъ, по своему умственному развитію и матеріальной обезпеченности часто стоящихъ еще далеко въ сторонѣ отъ нея. Такимъ образомъ у Ланге рабочій вопросъ, какъ и должно быть, расширяется до вопроса о состоятельности всей нашей культуры. Если она окажется неспособной захватить низшіе соціальныя слои и поднять ихъ до уровня матеріальнаго и духовнаго благосостоянія средняго человѣка, если она и впредь будетъ обезпечиваться, какъ въ древности и вплоть до отмѣны крѣпостного права, подчиненнымъ и часто безнадежнымъ положеніемъ народныхъ массъ, если соціальное равенство всѣхъ людей должно оставаться пустымъ звукомъ, — тогда наша цивилизація обречена на вѣрную гибель, и соціальный катаклизмъ является неизбежнымъ. Съ этою мыслью Ланге наряду со всѣми просвѣщенными людьми вѣка примириться не можетъ. Онъ вѣритъ, что наша цивилизація включаетъ въ себя всѣ условія, необходимые для мирнаго прогресса, и старается выяснитъ тѣ средства, которыми она располагаетъ для поднятія уровня низшихъ общественныхъ классовъ. Онъ съ большою убѣдительною выясняетъ недостаточность такъ называемой самопомощи и государственной помощи въ ихъ теперешнихъ формахъ. И дѣйствительно, такая обширная задача, какъ обезпеченіе духовнаго и матеріальнаго благосостоянія многомилліонныхъ рабочихъ массъ, не можетъ быть достигнута помимо самихъ рабочихъ. Какія остроумныя системы самопомощи и государственной помощи мы бы ни придумали, всѣ онѣ окажутся несостоятельными, если сами рабочіе не примутъ дѣятельнаго участія въ многосложной задачѣ повышенія уровня своего умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго ценза *).

*) Какъ рельефно отбѣляется вѣрность этой мысли грозными стачками и ужасными беспорядками, происходящими даже въ столицахъ наиболѣе цивилизованныхъ странъ!

Это, такъ сказать, кардинальный пунктъ всѣхъ соображеній Ланге по рабочему вопросу. Задача же правительства, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы устранить препятствія къ этой самодѣятельности рабочихъ и отмѣнить всѣ законодательныя и административныя мѣропріятія, покровительствующія другимъ общественнымъ классамъ въ ущербъ обезпеченнымъ народнымъ массамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ задача его состоитъ еще и въ томъ, чтобы предоставить рабочимъ болѣе значительную свободу въ обсужденіи своихъ интересовъ и въ способахъ ихъ удовлетворенія законодательнымъ путемъ. Словомъ, необходимо, чтобы участіе рабочихъ въ государственной жизни, какъ одного изъ главныхъ факторовъ, перестало быть пассивнымъ. До сихъ поръ это участіе не проявляется въ надлежащей степени вслѣдствіе экономической и соціальной подчиненности рабочихъ, составляющей неизбежный результатъ всего нашего историческаго развитія, въ силу котораго удовлетвореніе многихъ соціальныхъ интересовъ поставлено въ тѣсную зависимость отъ богатства и образованія, отсутствующихъ въ народныхъ массахъ далеко не всегда по ихъ собственной винѣ. Такимъ образомъ экономическое и соціальное законодательство, какъ продуктъ дѣятельности однихъ общественныхъ классовъ въ ущербъ другимъ, требуетъ пересмотра съ точки зрѣнія интересовъ народныхъ массъ. Въ борьбѣ за существованіе, составляющей одно изъ главныхъ проявленій жизни, въ борьбѣ за привилегированное положеніе, какъ выражается Ланге, въ борьбѣ за счастье, насколько оно доступно человѣку, наконецъ въ борьбѣ за минимумъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, возможный при данномъ развитіи культуры, долженъ произойти рѣшительный поворотъ въ смыслѣ уравниванія шансовъ на успѣхъ между классами, господствовавшими въ обществѣ и государствахъ до сихъ поръ, и низшими соціальными слоями. Соотношеніе между трудомъ и капиталомъ, установившіеся взгляды на собственность во всѣхъ ея формахъ, заработки и доходы, обусловливаемые не трудомъ и знаніями, а проницательностью, обманомъ или насилиемъ, — все это требуетъ пересмотра въ видахъ установленія болѣе нормальныхъ экономическихъ и соціальныхъ условий.

И тутъ-то болѣе чѣмъ во всемъ остальномъ оправдывается то, что я сказалъ о различіи впечатлѣній, произведенныхъ на меня книгою Ланге четверть вѣка тому назадъ и теперь. Историческія событія съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ не только подтвердили необходимость этого пересмотра, но и выяснили, что онъ состоится и происходитъ уже въ направленіи, указанномъ Ланге на ряду съ другими болѣе или менѣе глубокими изслѣдователями рабочаго вопроса. Положеніе, занятое на примѣръ императоромъ Вильгельмомъ II въ этомъ вопросѣ, хотя бы во время грозныхъ вестфальскихъ стачекъ, расширеніе почти всюду государственной, муниципальной, общинной собственности въ ущербъ частной, правительственные программы, направленные къ обезпеченію интересовъ народныхъ массъ, — все это свидѣтельствуетъ о наступленіи новой эры въ государственной и народной жизни всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Значеніе этой эры въ смыслѣ болѣе рѣшительнаго приступа къ установленію соціальнаго равенства между людьми ярко и талантливо отмѣчено въ книгѣ Ланге. Въ этомъ главное ея достоинство, и если намъ кажется, что онъ, увлекаясь одною экономическою школою, производитъ несправедливый приговоръ надъ остальными, заподозрѣвая ихъ незаслуженно въ неблаговидныхъ побужденіяхъ, то мы въ то же время не можемъ не признать, что основныя его стремленія заслуживаютъ всевозможнаго сочувствія, что цѣли и задачи, воодушевляющія его, воодушевляють и всѣхъ лучшихъ людей нашего времени, что онъ понялъ и вѣрно оцѣнилъ духъ нашей эпохи, что онъ является горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ дальнѣйшаго мирнаго и успѣшнаго развитія нашей цивилизаціи путемъ пріобщенія къ ней народныхъ массъ, стоящихъ до сихъ поръ отъ нея въ сторонѣ, и что его книга такимъ образомъ служитъ глубокопродуманнымъ и во многихъ отношеніяхъ вѣрнымъ отвѣтомъ на самый жгучій запросъ, предъявляемый окружающею насъ дѣйствительностью всякому честному человѣку, озабоченному участію обездоленнаго ближняго.

Р. Сементковскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Борьба за существованіе.

Въ прошломъ столѣтіи излюбленной темой всѣхъ сочиненій, какъ популярныхъ, такъ и научныхъ, была цѣлесообразность мірозданія. Превозносилось и прославлялось идеально-гармоническое сохраненіе живыхъ существъ на землѣ и мудрая, предусмотрительная забота объ удовлетвореніи всякой потребности. Нынѣ приподнять одинъ край завѣсы, скрывающей тайны природы; выработано сознательное отношеніе къ *процессу происхожденія этой мудрой цѣлесообразности* (Прим. 1); смѣлости и настойчивости естествоиспытателей удалось проникнуть взоромъ въ то, что скрыто отъ непосвященнаго глаза, что лежитъ въ неизмѣримомъ пространствѣ за узкой ареной видимой жизни. И вотъ мы видимъ, что могучимъ орудіемъ природы для сохраненія существующаго, орудіемъ, проявляющимся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, служить не что иное, какъ колоссальное *расточеніе* все новыхъ и новыхъ зародышей жизни и быстрое *уничтоженіе* тѣхъ безчисленныхъ зародышей и живыхъ существъ, которыхъ какая нибудь счастливая случайность не успѣла втолкнуть въ узкую колею привилегированнаго развитія. Такъ обстоитъ дѣло въ растительномъ царствѣ; точно то же замѣчается и въ царствѣ животномъ; и хотя этотъ процессъ зарожденія и истребленія царитъ по преимуществу среди низшихъ организмовъ, тѣмъ не менѣе

указанный законъ распространяется и на высшія формы; отъ него не свободенъ даже самъ человѣкъ.

«Борьба за существованіе,—учитъ *Дарвинъ* (*Прим. 2*),—неизбѣжно вытекаетъ изъ тенденціи всѣхъ организмовъ быстро размножаться. Всякій организмъ, произведши въ продолженіе естественнаго срока своей жизни нѣсколько яицъ или сѣмянъ, подлежащихъ во время какого нибудь опредѣленнаго періода своей жизни или въ опредѣленное время года, или въ какой нибудь случайный моментъ уничтоженію; въ противномъ случаѣ, размножаясь въ геометрической прогрессіи, количество особей быстро разрослось бы до такого грандіознаго размѣра, что ни одна мѣстность не была бы въ состояніи прокормить его потомство. Такимъ образомъ, когда рождается больше особей, чѣмъ для сколькихъ можетъ быть обезпечено существованіе, то неизбѣжно должна возникнуть борьба за существованіе либо между особями одного вида, либо между различными видами, либо же между ними и внѣшними жизненными условіями.

«Не существуетъ исключенія изъ того закона, что естественный ходъ размноженія каждаго органическаго существа таковъ, что, еслибы оно не подвергалось уничтоженію, вся земля вскорѣ покрылась бы потомствомъ одной только четы.

«Даже человѣкъ, размножающійся лишь весьма медленно, удваиваетъ свое количество въ двадцать пять лѣтъ, а при постоянномъ такомъ размноженіи на землѣ черезъ нѣсколько тысячелѣтій не было бы свободнаго клочка для его потомства».

Процессъ разрушенія, ставящій преграды этому безконечному потоку жизни, происходитъ отчасти просто отъ недостатка необходимыхъ для существованія условій, особенно въ пищѣ, отчасти же вслѣдствіе того, что одинъ видъ животныхъ дѣлается добычею другого. Далѣе, весьма существенную роль въ этомъ могучемъ истребительномъ процессѣ играетъ климатъ. *Дарвинъ* вычисляетъ, что зима 1854—55 гг. уничтожила на его собственныхъ охотничьихъ участкахъ *четыре-пять*хъ всего

пернатога населенія. «Это истребленіе ужасно, если принять во вниманіе, что для людей 10% эпидемической смертности считается необычайно высокимъ».

Кромѣ того всѣ эти причины всячески переплетаются между собою. Невыгодныя климатическія условія вліяютъ не только непосредственно, но также и косвенно, путемъ уничтоженія пищи и путемъ той ожесточенной борьбы, которая немедленно возникаетъ между отдѣльными видами и особями, лишь только начинается недостатокъ въ пищѣ. Даже среди растений царитъ постоянная борьба на жизнь и смерть за тотъ небольшой клочекъ земли, изъ котораго они извлекаютъ себѣ пищу. Многихъ растений, прекрасно выносящихъ нашъ климатъ, нельзя разводить у насъ на открытомъ воздухѣ, потому что болѣе сильныя соперники вытѣсняють ихъ, заглушая ихъ ростъ и отнимая пищу. Другія могутъ держаться только въ большихъ массахъ, какъ напр. пшеница, которая въ одиночку въ саду не можетъ произрастать, а въ открытомъ полѣ успѣшно отстаиваетъ свое существованіе противъ враговъ, благодаря силѣ сопротивленія, которая заключается въ массовой сплоченности. Если же посѣять различныя разновидности пшеницы, то онѣ начинаютъ бороться между собою. Если продолжать смѣшивать и засѣвать сѣмена, то въ концѣ концовъ уплыветъ одинъ только тотъ сортъ, который наиболѣе приспособленъ къ данной почвѣ.

«Вдумываясь въ эту борьбу за существованіе,—говоритъ *Дарвинъ* въ заключеніе,—мы можемъ исполнѣ утѣшиться мыслью, что эта естественная война не непрерывна, что ей незнакомо чувство страха, что смерть обыкновенно наступаетъ быстро, и что переживаетъ и размножается наиболѣе сильный, здоровый и ловкій».

Между тѣмъ какъ для растенія ростъ и увяданіе, размноженіе и исчезновеніе суть лишь восходящія и нисходящія формы безсознательнаго существованія; въ то время какъ животное живетъ лишь настоящимъ и беззаботно наслаждается

счастьемъ минуты, пока условія благопріятны,—человѣкъ не можетъ помириться на пассивномъ воспріятіи страданій и наслажденій бытія. Онъ предчувствуетъ весь ужасъ уничтоженія, онъ ненавидитъ его и всѣми силами старается избѣжать. Онъ составилъ себѣ идеалъ человѣческой жизни и благоденствія. Ему извѣстна естественная цѣль жизни, онъ знаетъ, какъ легко умирать, когда эта цѣль достигнута. Цивилизованный человѣкъ исходитъ изъ того основного положенія, что эта естественная цѣль должна существовать какъ для него самого, такъ и для его ближнихъ. Всякая жизнь, разъ она создана, должна быть сохраняема. Слабыя дѣти, которымъ всѣхъ болѣе угрожаютъ болѣзни и лишенія, являются именно тѣми существами, къ которымъ человѣкъ питаетъ наиболѣе теплое участіе и о которыхъ желалъ бы всего тщательнѣе заботиться, еслибы это позволяла ему борьба за существованіе. Когда несчастный случай похищаетъ человѣка въ цвѣтъ лѣтъ и въ полномъ развитіи силъ, когда онъ становится жертвою дикихъ звѣрей или своего же брата-человѣка, то мы такую преждевременную гибель называемъ неестественной смертію. Наше нравственное чувство требуетъ для человѣка иной природы, чѣмъ природа животныхъ, и вся великая борьба и всѣ стремленія человѣчества имѣютъ цѣлью создать такой порядокъ вещей, при которомъ живое существо достигало бы возможнаго совершенства, наслаждаясь своимъ существованіемъ, и не падало бы жертвою внезапной гибели или медленно-подтачивающихъ лишеній.

Наука не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ сѣдой древности человѣкъ, несмотря на все свое умственное превосходство, въ продолженіе сотенъ тысячелѣтій боролся за существованіе со всѣми болѣе крупными и сильными животными. Когда онъ въ дилювіальную эпоху обиталъ вмѣстѣ съ нынѣ вымершими пещерными породами льва, медвѣдя и гіены, единственное его спасеніе отъ зубовъ и когтей всего этого звѣрья въ продолженіе громаднаго періода времени заключалось

можетъ быть въ бѣгствѣ, и самая ограниченность числа безопасныхъ убѣжищъ ставила предѣлы видовому размноженію. Съ подчиненіемъ человѣческой волѣ огня и съ изобрѣтеніемъ древнѣйшаго, грубаго каменнаго оружія начинается на землѣ культурный переворотъ. Съ научной точки зрѣнія только его и можно считать дѣйствительнымъ началомъ существованія человѣчества. Борьба съ животнымъ міромъ превращается отнынѣ въ охоту за животными, и мыслительная способность, до тѣхъ поръ всецѣло направленная на обезпеченіе отъ опасностей и приобрѣтеніе необходимѣйшихъ средствъ существованія, начинаетъ теперь обращаться къ рѣшенію болѣе высокихъ задачъ. Животныя съ болѣе сильной физической организаціей частью порабащаются, частью истребляются или отгоняются въ отдаленныя мѣстности.

Надо замѣтить, что весь животный и растительный міръ борется не только изъ-за почвы вообще, но также изъ-за *наиболѣе удобной и выгодной* почвы. Теплый и влажный уголокъ среди болѣе суровой мѣстности бываетъ сплошь усыянъ густымъ кустарникомъ, травами и цвѣтами, которые стараются здѣсь утвердиться и вытѣснить своихъ соперниковъ,—а тамъ, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ, и для смерти открывается наиболѣе богатая жатва. Сильные пришельцы овладѣваютъ нерѣдко всей почвой и истребляютъ всю туземную растительность. Точно такъ же боролись и люди въ опустошительныя эпохи переселеній народовъ изъ-за наиболѣе плодородныхъ странъ,—и вотъ роскошная Малая Азія и благословенная Італія становятся кладбищами цѣлыхъ народностей.

Затѣмъ выступила на сцену ужасная *расовая борьба*. Привилегированный европеецъ проникаетъ въ страны, дотолѣ безраздѣльно принадлежавшія менѣе развитымъ членамъ великой общечеловѣческой семьи. Онъ несетъ имъ христіанство и смерть. Начинается баснословно-ужасное опустошеніе. Коренные жители Вандименовой Земли истребляются, населеніе Австраліи доводится до жалкаго минимума; населеніе Антильскихъ

острововъ, острововъ Океаніи, громадныхъ пространствъ Сѣверной Америки быстро вымираетъ; изъ Африки увозятся въ Америку цѣлые милліоны несчастныхъ негровъ, подобно домашнему скоту,—на рабство и эксплуатацію. Здѣсь европеецъ приносить съ собою оспенный ядъ или другія эпидемическія болѣзни, тамъ—водку; въ одномъ мѣстѣ несчастныхъ аборигеновъ травятъ ищейками и бульдогами, въ другомъ происходитъ массовое разстрѣливаніе; то ихъ лишаютъ посредствомъ захвата охотничьихъ участковъ и истребленія полезныхъ животныхъ всякихъ средствъ къ пропитанію, то принуждаютъ жестокимъ обращеніемъ къ изнурительному труду.

Между тѣмъ ангелъ смерти не забывалъ и господствующей расы. Опустошенія чумы въ средніе вѣка превосходятъ всякое представленіе. Ужасная тридцатилѣтняя война покрыла цѣлыя области Германіи горами пепла и дымящихся развалинъ. Чудовищная жестокость и произволъ правосудія дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, особенно въ инквизиціонныхъ процессахъ о колдовствѣ и въ другихъ преступленіяхъ, вызванныхъ господствовавшимъ суевѣріемъ. Темницы были адскими мѣстами скрежета зубоваго и тираніи, подчасъ болѣе ужасными, чѣмъ даже мучительныя смертныя казни. Сиротамъ, лишеннымъ своего естественнаго кормильца и защитника, оставалось только гибнуть и умирать. Солнце видывало самыя невѣроятныя картины, видывало, какъ стада умирающихъ съ голоду дѣтей, отцы которыхъ погибли на войнѣ, выгонялись на пастбища и пожирали траву и корни, пока не умирали наконецъ отъ полного истощенія. Правда, что одинокій урожайный годъ въ тѣ времена легко наполнялъ страну избыткомъ и обиліемъ, но зато въ голодные годы люди умирали, какъ мухи, даже по улицамъ богатыхъ, торговыхъ нидерландскихъ городовъ.

Лишь за послѣднія столѣтія начали постепенно пріобрѣтать значеніе принципы гуманности, устранившіе прежніе ужасы; но это—лишь видоизмѣненіе формы истребительной

дѣятельности природы въ человѣческой средѣ. Нужно, правда, признаться, что эти формы значительно смягчены сравнительно съ господствовавшими въ предыдущія столѣтія. Но чѣмъ же объяснить, что, несмотря на это, нищета и бѣдствія страдающаго человечества никогда не ощущались такъ живо и такъ глубоко, какъ именно въ настоящее время? Чѣмъ объяснить, что прежде одни только мечтательные идеалисты да поэты-философы ломали себѣ головы надъ изысканіемъ средствъ къ осуществленію болѣе совершеннаго состоянія человѣческаго общества, а теперь сами массы постепенно проникаются сознаніемъ, что ихъ положеніе требуетъ грандіозныхъ перемѣнъ и исправимо только при помощи совершенно новыхъ учреждений? Почему прежде существованіе крайней бѣдности считалось неизбѣжнымъ рокомъ, несмотря на то, что этому противорѣчилъ опытъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время люди вступаютъ въ борьбу съ этимъ повидимому непреодолимымъ закономъ природы и требуютъ лучшаго порядка вещей, хотя имѣютъ пока лишь весьма неясное представленіе о той формѣ, которую онъ долженъ принять?

Отвѣтъ на эти вопросы сводится къ тому, что уменьшеніе привычки къ жестокостямъ, большее спокойствіе и большее просвѣщеніе сами по себѣ уже неизбѣжно увеличиваютъ сумму требованій, предъявляемыхъ къ жизни. Человѣкъ начинаетъ задумываться надъ болѣе высокимъ своимъ назначеніемъ; по привилегированнымъ особамъ своего рода онъ видитъ, чѣмъ онъ и самъ могъ бы быть, еслибы ему не препятствовали внѣшнія обстоятельства. Критическимъ взглядомъ разсматриваетъ онъ отношенія, обсуждаетъ и видитъ, что многому не мѣшало бы идти иначе. Къ сожалѣнію, когда правители утверждаютъ, что народъ слѣдуетъ держать подъ гнетомъ, чтобы онъ не достигъ самосознанія,—они съ своей точки зрѣнія правы, они утверждаютъ истину, хотя и страшную.

Какъ отдѣльный человѣкъ, прежде чѣмъ серьезно задуматься объ улучшеніи своего положенія, долженъ пріобрѣсть

въ своей повседневной борьбѣ за существованіе извѣстный досугъ,—такъ точно большее благоустройство современнаго порядка вещей, рѣдкость войнъ, меньшая опустошительность болѣзней, отсутствіе голодной смерти въ буквальномъ смыслѣ этого слова, все это вмѣстѣ взятое является причиною того, что жалкій жребій массъ ощущается нынѣ живѣе, чѣмъ въ бывшее время. Но существуетъ и другая причина, діаметрально противоположнаго свойства. Она состоитъ въ томъ, что все это состояніе относительнаго спокойствія и гуманности сопровождается бѣдствіями, которыя во многихъ отношеніяхъ отзываются въ душѣ гораздо тяжелѣе, чѣмъ непрерывное чередованіе страха и надежды бывшихъ бурныхъ временъ. Какъ странникъ гораздо болѣе устаетъ среди безпредѣльнаго однообразія пустынной равнины, чѣмъ въ горахъ, гдѣ ему приходится то съ трудомъ подниматься по крутой отвѣсной тропинкѣ, то спускаться въ долины,—такъ и *равнодушность* того *гнета*, который тяготѣетъ на народахъ культурныхъ государствъ, гораздо невыносимѣе прежней вѣчной игры въ страхъ и надежду.

Для рабочаго же класса къ этому присоединяется еще изолированность отъ другихъ общественныхъ элементовъ, лишаящая его всякаго участія въ культурныхъ удобствахъ, создаваемыхъ его же собственнымъ упорнымъ трудомъ. Въ этомъ заключается аналогія съ эпохою, предшествовавшей французской революціи.

«Въ XVIII столѣтіи, —говоритъ Токвиль*),—французскій крестьянинъ не могъ уже быть добычею феодальныхъ деспотовъ и только рѣдко терпѣлъ отъ прямого насилія правительства; онъ пользовался гражданскою свободою и владѣлъ частью земли; но люди другихъ классовъ удалялись отъ него, и онъ жилъ болѣе одинокимъ, чѣмъ когда либо въ дру-

*) Токвиль. «Старый порядокъ и революція». С.-Петербургъ, 1861 г. Пер. съ 4 изд., стр. 126.

гомъ государствъ. Новый и страшный родъ угнетенія, послѣдствія котораго заслуживаютъ внимательнаго и серьезнаго наблюденія».

Далѣе Токвиль въ своемъ остроумномъ изслѣдованіи приводитъ (стр. 139) слѣдующія слова изъ одного сочиненія министра финансовъ Неккера: «Огромная пропасть, существующая между народомъ и всѣми другими классами,—пишетъ Неккеръ въ 1785 г.,—только и объясняетъ безучастное отношеніе къ такому образу дѣйствій, какимъ руководится власть по отношенію ко всѣмъ людямъ, принадлежащимъ толпѣ. Безъ кротости и человеколюбія, характеризующихъ французовъ, и безъ идейнаго духа того вѣка это возбуждало бы горе и печаль въ сердцахъ тѣхъ, кто умѣетъ питать состраданіе къ тому несчастію, отъ котораго самъ свободенъ». И Токвиль добавляетъ, что «гнетъ сказывался менѣе въ томъ злѣ, которое наносилось горемыкамъ, чѣмъ въ тѣхъ помѣхахъ къ самостоятельному приобрѣтенію и пользованію благомъ, которыя ставились имъ на каждомъ шагѣ. Они были свободными собственниками, и тѣмъ не менѣе зачастую болѣе жалкими невѣждами, чѣмъ ихъ предки крѣпостные. Они оставались безъ промышленности среди всѣхъ видовъ искусства, безъ цивилизаціи среди цѣлаго моря наукъ и просвѣщенія».

«Между тѣмъ идеи вѣка со всѣхъ сторонъ уже проникали въ эти грубые умы; онѣ приходили въ нихъ путями проселочными и подземными, и въ этихъ тѣсныхъ и мрачныхъ мѣстахъ принимали странныя формы. Но извѣстнаго не измѣнилось. Нравы, привычки, вѣрованія крестьянина были, казалось, тѣ же самые; онъ оставался послушнымъ и даже веселымъ».

«Но попробуйте показать этому человѣку выходъ изъ того бѣдственнаго положенія, которое онъ повидимому такъ мало ощущаетъ, и онъ тотчасъ же ринется туда такъ стремительно, что перешагнетъ черезъ васъ, самъ того не замѣчая, если вы будете преграждать ему дорогу.—Все это для насъ ясно съ

той точки зрѣнія, на которой мы теперь находимся: *но современники не замѣчали этого.*

«Людямъ высшихъ сословій стоитъ большого труда уяснить себѣ то, что происходитъ въ душѣ народа, особенно въ крестьянской душѣ. Воспитаніе и образъ жизни показываютъ ему вещи въ такомъ свѣтѣ, который существуетъ только для него и другимъ людямъ остается невидимымъ. Но когда богачъ и бѣднякъ не имѣютъ ни общихъ интересовъ, ни общихъ тягостей, ни общихъ дѣлъ, тогда темнота, скрывающая мысли одного отъ ума другого, становится непроницаемой, и они могутъ жить цѣлые вѣка одинъ подлѣ другого, не понимая другъ друга. Приходишь въ изумленіе при видѣ того, съ какою непонятною безпечностью жили люди, занимавшіе верхнія и среднія ступени общественнаго зданія, уже на рубежѣ революціи, съ какимъ остроуміемъ они болтали между собою о добродѣтеляхъ народа, объ его кротости и преданности, объ его невинныхъ забавахъ, тогда какъ 93 годъ висѣлъ уже надъ ихъ головою: смѣшное и въ то же время страшное зрѣлище!»

— «И смѣшно, и страшно!»—воскликнуть бытъ можетъ нѣкогда наши потомки, припоминая наши дни, если только опытъ французской революціи не заставитъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ открыто взглянуть въ глаза неизбѣжному ходу событій и употребить всѣ старанія на то, чтобы направить переворотъ, неотвратимый при условіяхъ нашей эпохи, на путь мирнаго развитія. Нельзя отрицать того факта, что борьба за существованіе именно въ наше время снова даетъ чувствовать всю свою тяжесть цѣлому слою націи, на этотъ разъ самому могущественному и значительному слою—*промышленнымъ рабочимъ*, что въ умахъ современниковъ начинается зарождаться недовольство равномернымъ однообразіемъ гнета и что люди мечтаютъ о перемѣнахъ, хотя бы даже съ рискомъ ухудшенія.

Специфическая форма, въ которую вылилась борьба за существованіе въ своемъ новѣйшемъ фазисѣ, заключается въ разобненіи продуктивнаго труда отъ продуктивной почвы, въ

превращеніи всѣхъ продуктовъ труда въ товары и въ обусловливаемой этимъ эксплуатаціи труда капиталомъ *).

Въ прежнія историческія эпохи хищное меньшинство припуждало трудящееся большинство человѣчества къ барщинному труду и обращало его въ крѣпостное, рабское или по меньшей мѣрѣ вассальное состояніе посредствомъ физическаго насилія; нынѣ эта зависимость достигается, хотя и въ менѣе непосредственной, но столь же дѣйствительной формѣ, преобладаніемъ капиталистическаго владѣнія, благодаря которому рабочій, чтобы вообще найти кусокъ насущнаго хлѣба, принужденъ предоставлять свою рабочую силу къ услугамъ капиталиста. Въ силу этого вынужденнаго соглашенія послѣднему достается не только эквивалентъ расхода на содержаніе рабочаго, но и вся прибавочная стоимость, какая только можетъ быть добыта посредствомъ крайняго напряженія рабочей силы, и которая доставалась-бы самому рабочему, еслибы онъ могъ такъ же старательно воздѣлывать собственный участокъ земли или производить на собственный счетъ товары. То обстоятельство, что соглашеніе относительно продажи полной рабочей силы заключается не на всю жизнь, а только на непродолжительный срокъ, оставляетъ съ одной стороны рабочему свободу взять назадъ свою рабочую силу, лишь только представится возможность найти ей болѣе выгодное приложеніе, а съ другой стороны даетъ капиталисту власть принуждать работника посредствомъ лишенія средствъ пропитанія къ согласію на все менѣе и менѣе выгодныя для него условія. Вслѣдствіе этого является фикція свободы, скрывающая тѣмъ большую эксплуатацію и пригнетеніе рабочаго, что онъ по недостатку въ культурной странѣ свободной, незанятой земли не можетъ

*) Въ этомъ мѣстѣ нельзя конечно не замѣтить ясныхъ признаковъ вліянія превосходнаго труда *К. Маркса: «Капиталъ»* т. I. *Процессъ производства капитала.* (Hamburg. 1867; р. пер. Спб. 1872 г.). Далѣе мы изложимъ его принципъ и собственное отношеніе къ нему.

черпать свое пропитаніе прямо изъ природы, а господствующая форма производства—для товарнаго рынка, а не для непосредственнаго потребленія—дѣлаетъ для него невозможнымъ существованіе безъ капитала. Борьба за существованіе принимаетъ по этой причинѣ форму борьбы за рабочую плату, причемъ возникаетъ слѣдующее грустное и подавляющее явленіе: увеличенію благосостоянія массъ препятствуетъ то обстоятельство, что разность между продуктивностью труда и издержками на содержаніе рабочихъ достается капиталисту,—между тѣмъ какъ въ сторону пониженія благосостоянія ведетъ безконечная лѣстница бѣдствій, смотря по тому, насколько капиталисту удастся выжимать изъ рабочей силы возможно-большее количество труда за возможно-малое вознагражденіе. Это зависитъ конечно рядомъ съ другими факторами преимущественно отъ количества рабочихъ, конкурирующихъ въ борьбѣ за существованіе на средства того же заработнаго фонда. Чѣмъ сильнѣе предложеніе рабочихъ рукъ, тѣмъ болѣе понижается уровень заработной платы; чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ болѣе приближается плата къ той нормѣ, которая достаточна для устраненія крайней необезпеченности и бѣдствія. Перешагнуть она этотъ пунктъ только тамъ, гдѣ рабочему представится возможность добывать себѣ пропитаніе на свободной почвѣ невоздѣланныхъ и непоступившихъ еще въ частную собственность земель. Напротивъ, въ культурной странѣ съ воздѣланной и уже совершенно перешедшей въ частную собственность почвой, гдѣ промышленность успѣла привлечь къ себѣ массы неимущихъ рабочихъ,—тотъ же естественный законъ, который царитъ въ борьбѣ всѣхъ организмовъ, будетъ всегда сдерживать плату въ границахъ необходимаго минимума существованія.

Экономисты приписываютъ открытіе закона, согласно которому увеличеніе народонаселенія неизбѣжно низводитъ уровень заработной платы до минимума средствъ существованія, англійскому политико-эконому *Рикардо* ³⁾; «а законъ на-

родонаселенія», лежащій въ основаніи не только «закона заработной платы», но и всей борьбы за существованіе, приписывается обыкновенно *Мальтусу* ⁴⁾, хотя заслуга его открытія принадлежитъ совсѣмъ не ему. Да и самой извѣстностью своей Мальтусъ обязанъ не столько истинѣ, лежащей въ теоретической части названнаго его именемъ ученія, сколько извращенному примѣненію этого закона къ практической жизни, которое онъ рекомендуетъ: все спасеніе человѣчества онъ видитъ исключительно въ затрудненіи бракосочетаній и въ искусственныхъ преградахъ размноженію народонаселенія. Къ несчастію для Европы, многія попечительныя правительства слишкомъ охотно вступили на этотъ путь.

Много бесплодныхъ споровъ велось о теоріяхъ обоихъ мыслителей. Замѣчательное явленіе представляетъ при этомъ вліяніе на эти споры партійной точки зрѣнія. Такъ, въ былое время капиталисты обыкновенно были очень рѣшительными приверженцами Рикардо и Мальтуса. Имъ было пріятно, что можно найти оправданіе, провозгласивъ бѣдствія рабочихъ слѣдствіемъ неумолимаго закона природы, и сбросить съ себя такимъ образомъ всякую отвѣтственность. Противъ всевозможныхъ непріятныхъ стремленій и требованій гуманности они выступали съ дешевымъ возраженіемъ: вѣдь все будетъ тщетно, пока нельзя уменьшить предложеніе рабочей силы, т. е. задержать въ рабочихъ семьяхъ размноженіе. Въ настоящее время медаль уже показала свою оборотную сторону, и капиталисты теперь морщатся при упоминаніи о неумолимомъ законѣ природы. Они рукоплещутъ самымъ сумасброднымъ теоріямъ и цѣпляются въ отчаяніи за послѣднюю соломинку, лишь бы избѣжать необходимости признаться, что порожденныя промышленностью и непрерывно-растущія массы пролетаріата присуждены къ вѣчному прозябанію на низшей ступени человѣческаго существованія, между тѣмъ какъ они сами безраздѣльно пользуются всякимъ новымъ усовершенствованіемъ, всѣми плодами матеріальнаго и интеллектуальнаго

прогресса и наслаждаются растущим комфортом жизни. Въ этомъ измѣненіи настроенія отражается моральный прогрессъ человѣчества. Возрастающая *симпатія* ⁵⁾ къ судьбѣ нашихъ соотечественниковъ не справляется даже о томъ, основанъ ли существующій строй на самой природѣ вещей, или нѣтъ, — она просто заставляетъ называть его отвратительнымъ и ненавистнымъ; это проклятіе естественно переходитъ и на тѣ личности, которыя извлекаютъ изъ ненавистнаго порядка вещей наибольшую выгоду и дѣятельность которыхъ тѣсно съ нимъ связана. Чувство опережаетъ разсудокъ и рѣшительно становится на сторону рабочихъ, между тѣмъ какъ слѣпое, одностороннее сужденіе продолжаетъ раздѣлять точку зрѣнія капиталистовъ, на помощь которымъ вмѣстѣ съ безчисленными другими средствами является и *фальсифицированная наука* ⁶⁾ — для пропаганды и защиты ихъ воззрѣній.

Въ народной массѣ, подавленной и лишенной всякихъ удобствъ высшей культуры, начинается пробуждающаяся сознаніе силы и высшихъ правъ, а господствующіе классы встрѣчаютъ ее, взамѣнъ прежняго презрѣнія и заносчиваго упорства, цѣлой системой утонченныхъ трусливыхъ изворотовъ, іезуитской догматики и предательской опеки... Развѣ можно выбрать болѣе вѣрный путь для ускоренія грандіознаго и опустошительнаго взрыва народной жизни! Что касается въ частности тѣхъ тенденціозныхъ якобы научныхъ теорій, которыми стараются успокоить пробуждающіяся народныя массы, то онѣ обыкновенно только подливаютъ масла въ огонь: здравый смыслъ народа не хочетъ и не можетъ повѣрить, чтобы выводы искренней, справедливой и безпристрастной науки могли санкціонировать бѣдствія, а не благо массъ. Не трудно доказать, что существеннымъ факторомъ революціоннаго настроенія, какъ въ данный историческій моментъ, такъ и въ эпоху, непосредственно предшествовавшую французской революціи, является глубокое довѣріе къ наукѣ и политикѣ, вѣра въ ту помощь, которую онѣ могли бы оказать, еслибы

ихъ представители искренно того *захотѣли*. Сила ихъ по отношенію къ раціональной организаціи государственной жизни и теперь, какъ прежде, конечно значительно преувеличивается. Какъ ни грандіозны заслуги науки въ сферѣ техники за послѣднія десятилѣтія, какъ ни несомнѣнно, что успѣхи наиболѣе революціонной науки — *статистики* — уже заложили прочный фундаментъ будущей точной наукѣ о государствѣ, — все-таки многого еще не достаетъ намъ для того, чтобы можно было съ полной увѣренностью опредѣлить влияние на народное благо даже наиболѣе существенныхъ изъ современныхъ учреждений. Въ настоящее время нѣтъ никакой возможности изобрѣсти такія государственныя и общественныя формы, практическіе результаты которыхъ можно бы было заранѣе вычислить съ тою-же точностью, какъ дѣйствіе строго разсчитанной, математически-построенной машины. Однако неоспоримо, что, несмотря на все пренебрежительное и надменное отношеніе среднихъ слоевъ общества къ теоретикамъ и идеалистамъ, массы, борющіяся за существованіе, ждуть спасенія скорѣе отъ серьезныхъ и смѣлыхъ піонеровъ науки, чѣмъ отъ тѣхъ ласковыхъ и ловкихъ свѣтскихъ людей, которые ухитряются держаться на поверхности внѣшней жизни съ невѣроятно-легкимъ балластомъ. Массы вѣрятъ въ невозможное. Онѣ принимаютъ существующія государственныя формы за продуктъ сознательнаго недоброжелательства, препятствующаго осуществленію того, что могло бы быть сдѣлано въ пользу народа.

При этомъ упускаютъ изъ виду, что мотивомъ къ защитѣ существующаго служить не одна злая воля, которую рано или поздно нужно будетъ сломить, но часто также и разумная осторожность, удерживающая насъ отъ рискованныхъ экспериментовъ, пока къ тому не принудитъ крайность.

Хотя наукѣ и приходится отклонить отъ себя *всякое ручательство* за новый общественный строй, однако весьма *вѣроятно*, что при ея помощи будутъ найдены болѣе счаст-

ливыя формы, чѣмъ современныя, лишь только будетъ покинутъ путь традицій и индифферентизма. Освященные древностью отношенія кажутся почтенными, по большей части именно благодаря одной своей древности; пустившій въ умахъ глубокіе корни, хотя въ сущности полный недостатковъ порядокъ вещей до извѣстной степени цѣлесообразнѣе новаго, болѣе совершеннаго, но еще оспариваемаго и не вполне опредѣленнаго строя. Поэтому-то и нельзя совѣтовать легкомысленно мѣнять учрежденія, полныя силы, на другія — по видимому болѣе совершенныя. Но когда наступаютъ явные признаки мірового переворота и рушится старина, то можно бодро смотрѣть въ глаза будущему; ибо если ни за одну теорію нельзя вполне поручиться, если при каждомъ новомъ переустройствѣ приходится затрачивать массу силъ на опыты, — все же опыты эти являются теперь зрѣлымъ плодомъ исторіи: статистика и всѣ другія науки разъясняютъ ихъ и дѣлаютъ превосходными средствами для рѣшенія новыхъ проблемъ.

Почему же, несмотря на грозный оборотъ, принимаемый рабочимъ вопросомъ, несмотря на могучую помощь науки и предупредительное довѣріе народа ко всякой искренней попыткѣ рѣшенія, — до сихъ поръ въ этой области добыто такъ мало дѣйствительно благотворныхъ и непосредственно-полезныхъ результатовъ? Причинъ этого явленія слѣдуетъ искать не въ одномъ противодѣйствіи силы капитала или, говоря болѣе широко, не въ одномъ противодѣйствіи господствующихъ и привилегированныхъ классовъ вообще. Правда, ихъ вліяніе до того сильно, что они не только успѣли подчинить себѣ существующія государственныя учрежденія, но даже сѣмѣли поработить доктрины религій, проникнутой первоначально совсѣмъ инымъ духомъ, систематически извратили науку и обманули этимъ поддѣльнымъ продуктомъ нейтральную часть среднихъ классовъ. Тѣмъ не менѣе сила истины и справедливости гораздо скорѣе привела бы если не прямо къ цѣли,

то по крайней мѣрѣ къ грандіознымъ и смѣлымъ *попыткамъ*, еслибы люди, одушевленные добрыми наміреніями и побуждаемые всѣми своими знаніями и призваніемъ къ энергичному содѣйствію, не страдали до сихъ поръ недостаткомъ пониманія вѣрнаго пути или недостаткомъ твердой рѣшимости слѣдовать по нему.

Не трудно замѣтить, что большинство людей, занятыхъ практическимъ рѣшеніемъ социальнаго вопроса, незнакомо съ естественнымъ закономъ борьбы за существованіе или слишкомъ игнорируетъ его; и что, наоборотъ, люди науки единодушно признаютъ его въ болѣе или менѣе категорической формѣ, не чувствуя однако въ этомъ сознаніи импульса къ энергичной борьбѣ съ существующимъ порядкомъ вещей. Такимъ образомъ здѣсь господствуетъ самое непроизводительное раздѣленіе труда: *на сторону однихъ — горячее усердіе, на сторону другихъ — знаніе*. Первые поднимаютъ много прекрасныхъ вопросовъ, — вопросовъ, зачастую болѣе цѣнныхъ въ извѣстномъ отношеніи, чѣмъ простое улучшение матеріальнаго быта. Они стараются облагородить нравы, ограничить потребление спиртныхъ напитковъ, поднять уровень народнаго просвѣщенія, расширить область благотѣтельнаго вліянія церкви или даже образованности, — и забываютъ при этомъ обыкновенно, что борьба за существованіе вслѣдъ за каждымъ новымъ матеріальнымъ бѣдствіемъ будетъ порождать и новое нравственное зло. Теоретики же, въ вѣчномъ стремленіи къ истинѣ, развертываютъ все болѣе и болѣе полную и точную картину социальныхъ отношеній; они показываютъ намъ процентъ смертности имущихъ и неимущихъ, крестьянъ и промышленныхъ рабочихъ. Они прослѣживаютъ вліяніе благоприятныхъ и вліяніе неудовлетворительныхъ условій на всѣ возрасты, съ колыбели до могилы; на протяженіи цѣлыхъ столѣтій они показываютъ намъ вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ на смертность, опредѣляютъ среднюю продолжительность жизни для всевозможныхъ профессій. Наконецъ, почти всѣ извѣст-

ные политико-экономы доказываютъ, какъ *высота заработной платы* ограничивается ростомъ народонаселенія. Но послѣ Мальтуса не было ни одной сколько-нибудь замѣчательной попытки показать человѣчеству средство избавиться отъ гибельныхъ послѣдствій борьбы за существованіе.

Людямъ чистой науки не трудно, разумѣется, оправдать свое уклончивое отношеніе къ практической сторонѣ дѣла. Во-первыхъ, они могутъ сослаться на раздѣленіе труда, потому что служеніе чистому знанію требуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстнаго душевнаго спокойствія и свободы всѣхъ чувствъ отъ тревоженій вѣшняго міра. Затѣмъ и самое-то дѣло настолько еще спорно! Средства противъ этого уничтоженія жизни во цвѣтъ силъ, — если подобное средство вообще существуетъ, — приходится искать слишкомъ далеко отъ проторенныхъ дорожекъ, чтобы люди, которые по самому положенію своему претендуютъ на силу проницательности и трезвой критики, могли чувствовать особенное желаніе выступать съ какими-нибудь необыкновенными проектами. Лишний шагъ по этому пути можетъ завести ихъ въ обезславленную область *утопій* ⁷⁾, что такъ легко можетъ подорвать научный кредитъ писателя и съузить сферу вліянія даже болѣе серьезныхъ трудовъ его.

Мы не можемъ умолчать о томъ, что существуетъ еще другая причина, побуждающая людей съ высшимъ научнымъ образованіемъ, но съ традиціоннымъ міросозерцаніемъ, устранять всякую мысль о радикальномъ преобразованіи социальныхъ отношеній. Причина эта — *ложное представленіе о сущности государства*, соединенное со *страхомъ всемірной революціи*. — Со времени греческой и римской древности философы и политики любятъ представлять государство въ видѣ организма, — сравненіе, при которомъ отдѣльныя сословія играютъ роль высшихъ и низшихъ функций души или даже различныхъ частей тѣла. Всего извѣстнѣе взглядъ этотъ сдѣлался, благодаря той грубой и софистической баснѣ о возмущеніи чле-

новъ челоѣческаго тѣла противъ желудка, посредствомъ которой, по словамъ преданія, *Менелай*, *Атриста* склонили удалившихся на священную гору римскихъ пребежавъ къ возвращенію. Гораздо болѣе значенія имѣютъ возвращенія великихъ греческихъ философовъ *Платона* и *Аристотеля*, которыхъ одинъ изъ знатоковъ историческаго развитія государственныхъ наукъ ⁸⁾ называетъ *путеводными звѣздами не только древнихъ, но и новѣйшихъ временъ*.

Для Платона государство — нѣкоторымъ образомъ челоѣкъ въ большомъ видѣ. Главнымъ функциямъ души, элементамъ: *разумному*, *мужественному* и *алчному*, соответствуютъ три класса: правители, воины и работники. Последніе разъ навсегда отлучены отъ всякихъ высшихъ функций; среди же обоихъ высшихъ классовъ должна существовать, для поддержанія сословнаго достоинства, для устраненія распрей и для достиженія идеальной добродѣтели, полная общность имущества, женъ и дѣтей. Хотя онъ въ другомъ, менѣе идеальномъ планѣ государственнаго устройства и допускаетъ принципъ частной собственности, но ставитъ извѣстныя преграды возникновенію чрезмѣрныхъ частныхъ богатствъ. Этотъ платоновскій коммунизмъ былъ въ послѣдствіе отброшенъ, какъ простая личная особенность Платона, и только новѣйшіе утописты затронули его въ своихъ проектахъ государственнаго переустройства. Наоборотъ, идея строгаго разграниченія сословій при общемъ единствѣ государственнаго организма укрѣпилась и получила дальнѣйшее развитіе, благодаря самому вліятельному философу всѣхъ временъ — *Аристотелю*. Во всѣхъ его естественно-научныхъ и

⁷⁾ *P. Ф. Момъ: «Gesch. und Liter. der Staatswissensch.» I. S. 221, гдѣ мы встрѣчаемъ слѣдующій достойный замѣчанія отзывъ: «Платонъ навсегда останется образцомъ идеалистическаго міросозерцанія; замѣчательный, хотя и болязненный характеръ развитія нашихъ общественныхъ отношеній настоятельно побуждаетъ именно теперь заняться серьезнымъ анализомъ его основныхъ положеній».*

соціологическихъ воззрѣнійхъ вообще проходить тотъ принципъ, что *цѣлое должно быть выше и важнѣе части*,—принципъ, уже въ древности стоявшій въ рѣзкомъ противорѣчій съ *атомистической теоріей* ⁸⁾, а въ примѣненіи къ государственной жизни представляющій прямой контрастъ съ современнымъ уваженіемъ къ интересамъ личности.

По мнѣнію Аристотеля, человѣкъ можетъ достигнуть своего высшаго назначенія только въ качествѣ подчиненнаго члена цѣлаго общественнаго организма. Онъ отъ природы предназначенъ для государства, которое, въ качествѣ составнаго организма, не уравниваетъ своихъ гражданъ, а, напротивъ, пристраиваетъ ихъ къ отправленію опредѣленной высшей или низшей общественной функціи; въ особенности не можетъ оно существовать *безъ рабовъ*, всѣ добродѣтели которыхъ сводятся къ одному повиновенію. Но господствующая или подчиненная роль не должна быть навязана извнѣ, а должна скорѣе вытекать изъ самой природы индивидовъ, такъ чтобы рабы и при служеніи, повиновеніи или простомъ механическомъ трудѣ чувствовали себя нравственно столь же удовлетворенными, какъ и господствующіе классы, а князь и аристократы находили въ управленіи опять-таки свое естественное призваніе.

Если оставить въ сторонѣ пристрастіе Аристотеля къ монархическимъ учрежденіямъ,—результатъ пребыванія при македонскомъ дворѣ,—то мы найдемъ, что его ученіе вполне гармонировало съ характеромъ античной культуры и эллинскаго міросозерцанія. Во многихъ отношеніяхъ и понынѣ образованность привилегированныхъ сословій Эллады, ихъ гимнастика и музыка, ихъ наука и недосыгаемая творенія искусства,—все это было вѣдь немислимо безъ темнаго фона рабства. Исключительная политическая правоспособность гражданина, верховная власть грековъ надъ варварами, подчиненное положеніе не только рабовъ, но и всего трудящагося класса, — все это были вполне понятны для

грековъ явленія. Наше современное сознаніе оставило ихъ далеко за собою и отказалось бы даже отъ самой блестящей культуры, если она не можетъ вырасти на здоровой почвѣ. Вліяніе тѣневой стороны античной культуры оказалось однако настолько-же живучимъ, насколько свѣтлыя ея стороны были благотѣльны для новѣйшей культуры. Тяжелый, жесткій духъ римлянъ лишь нѣсколько преобразовалъ предразсудки грековъ, но не смягчилъ ихъ. Наши государственныя науки возникли отчасти подъ вліяніемъ идейнаго наслѣдства древности, отчасти подъ вліяніемъ новѣйшей *монархической власти*. Съ точки зрѣнія этой послѣдней вопросъ рѣшается еще проще. Для абсолютнаго монарха статистика служить какъ-бы только масштабомъ его личной власти, богатства и могущества.

Не остаются подобныя воззрѣнія безъ вліянія и на людей науки. Объясняется это очень просто существованіемъ въ сферѣ мысли раздѣленія труда. Свободное философское мышленіе, способное собирать въ одномъ фокусѣ результаты всѣхъ отдѣльныхъ наукъ, чрезвычайно рѣдко. Поэтому всѣ наші, даже наиболѣе ученые и даровитые, изслѣдователи являются до извѣстной степени дѣтьми всеобщаго предразсудка, такъ какъ они, дальнзоркіе въ узкихъ предѣлахъ своей специальности, внѣ ихъ ровно ничего не видятъ. Если къ этому прибавить злосчастное существованіе профессиональной, оплачиваемой государствомъ, «философіи», — вѣчно готовой провозглашать *все существующее разумнымъ*, то намъ не трудно будетъ объяснить себѣ причины осторожности и скрытности во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ наука сама такъ непосредственно наталкивается на элементы будущихъ міровыхъ переворотовъ, какъ напр. въ законѣ соперничества и борьбы за существованіе. Поэтому обыкновенно преспокойно провозглашаютъ, что ростъ народонаселенія увеличиваетъ могущество государства, что промышленность со всѣми ея бѣдствіями становится все-таки почвою для рас-

цвѣта пышной культуры, что наконецъ даже самая нужда, порождая эмиграцію, распространяетъ сѣмена культуры въ новыхъ странахъ свѣта. Повидимому еще и въ настоящее время массы, подобно рабамъ древности, существуютъ съ исключительной цѣлью служить почвою, на которой должны распускаться пышные цвѣты высшихъ жизненныхъ наслаждений, подобно тому, какъ въ деревѣ, представляющемъ собою тоже цѣлый организмъ, только верхушка украшена цвѣтами и плодами, роль же ствола и корней ограничивается, какъ и роль рабочихъ классовъ, несеніемъ всего бремени и добываніемъ пищи изъ нѣдръ земли. Обыкновенно радуются возрастающему могуществу государства, забывая о личностяхъ, осужденныхъ страдать подъ возрастающимъ гнетомъ борьбы за существованіе, какъ будто все сводится къ тому, чтобы увеличивались стада счастливаго собственника. Мысль о возможности упраздненія какого-нибудь государства, о возможности распаденья «высшей совокупности» связывается обыкновенно съ представленіемъ о полномъ хаосѣ, объ окончательной гибели. Что составляющимъ эту «совокупность» индивидамъ послѣ такой гибели часто живется гораздо сноснѣе, чѣмъ прежде, — этого не хотятъ принять во вниманіе; вѣдь «совокупность» на первомъ планѣ; внѣшнее «могущество» — вотъ первое и главное свойство этой совокупности, а «государственный принципъ» надо вѣдь безусловно отстоять! Такимъ путемъ не трудно дойти до полного забвенія всей исторіи, а исторія учитъ насъ, что наши государства именно тѣмъ-то и походятъ на живые организмы, что и они не безсмертны; отъ времени до времени изъ праха развалинъ должна пробиваться новая жизнь, чтобы жизнь вообще могла продолжаться.

Рука объ руку съ преувеличеніемъ значенія государства въ сравненіи съ значеніемъ индивида, рука объ руку съ идеей органической гармоніи правящихъ и подчиненныхъ членовъ идутъ страхъ и отвращеніе къ революціи.

Поэтому мы не считаемъ простою случайностью, что нѣмецкій послѣдователь Аристотеля, который въ качествѣ многосторонне-образованнаго мыслителя долженъ бы, казалось, обладать болѣе широкимъ взглядомъ на вещи, высказываетъ *) эту антипатію такъ-же яро, какъ и любой слѣпой фанатикъ легитимизма:

«Всякая революція грѣшитъ противъ принципа государственности, — говоритъ онъ: — ибо часть возстаетъ на цѣлое, чтобы сдѣлаться больше цѣлаго, и право разума снова замѣняется кулачнымъ правомъ. Такъ какъ государство есть условіе осуществленія всяческаго права, то оно безусловно неприкосновенно, и законъ обязанъ охранять его, разъ онъ вообще обязанъ охранять право.

«Въ революціи, которая на своемъ пути не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, мы во-очію видимъ бѣдственную картину разнузданности животныхъ инстинктовъ человѣка. Сила возбужденныхъ страстей осиливаетъ общественный разумъ, и страсть, слѣдуя лишь собственнымъ внушеніямъ, считаетъ себя разумомъ и опрокидываетъ всякій нравственный критерій, давая ему слишкомъ субъективное опредѣленіе. Всякое нравственное чувство, тяготѣвшее къ старинѣ, разлагается отъ дѣйствія насмѣшки. Повиновеніе называется отнынѣ холопствомъ, самообладаніе — малодушіемъ, нахальство же, наоборотъ, — прямодушіемъ; даже самому кощунству надъ человѣческимъ и божественнымъ порядкомъ присваивается эпитетъ геройства. *Лишь при помощи подобныхъ фикцій, лишь при помощи такого извращенія нравственности софизмами страсти неправда и бываетъ въ состояніи морочить себя и другихъ*».

Впрочемъ страхъ нашихъ ученыхъ предъ возможностью революціи въ настоящее время представляетъ собою нѣчто

*) *Trendelenburg. «Naturrecht auf dem Grunde der Ethik». Leipzig. 1860. S. 492 u. f.*

большее, чѣмъ простое переживаніе вредной государственной теоріи или отвращеніе къ безпорядкамъ и ужасамъ, почти неизбѣжнымъ въ эпохи крупныхъ революцій: вѣдь на этотъ разъ уже не отдѣльныя личности дрожатъ за свое спокойствіе, имущество, за вкоренившіяся привычки, за судьбу близкихъ и дорогихъ сердцу людей, но въ обществѣ слишкомъ легко зарождается мысль, что рано ли, поздно ли, а дѣло дойдетъ до низверженія и разрушенія всего строя — въ гораздо болѣе грандіозномъ смыслѣ, чѣмъ когда бы то ни было раньше. Конечно подобный страхъ, какъ онъ ни общераспространенъ, можетъ оказаться и вполне безосновательнымъ. Вѣдь твердо вѣрили же многіе высокоразвитые люди среди безпорядковъ реформаціонной эпохи въ близость свѣтопреставленія; нынѣ кричатъ по крайней мѣрѣ только о *гибели современной культуры*. При всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ новѣйшихъ временъ эта мысль постоянно всплываетъ на поверхность. Такъ напр., знаменитый *Нибуръ* почувствовалъ во время сравнительно-незначительной бури 1830 года такой панический ужасъ, что началъ серьезно опасаться возвращенія Европы къ эпохѣ варварства. А вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что такой мыслитель, какъ Нибуръ, не встревожился бы до такой степени временной сумятицей, еслибы его глубокое знакомство съ исторіей и государственной жизнью древнихъ и новыхъ временъ не подсказывало ему, что въ воздухѣ дѣйствительно носится такая страшная опасность.

Мы не будемъ здѣсь разбирать, дѣйствительно ли наша современная культура, съ ея безвкусной роскошью, вѣйшимъ лоскомъ призрачной образованности и эгоистической пресыщенностью, заслуживаетъ такой горячей симпатіи благородныхъ людей, — какъ не станемъ касаться вопроса о томъ, нѣтъ ли въ настоящее время налицо всѣхъ признаковъ, дающихъ намъ право надѣяться на возрожденіе въ ближайшемъ будущемъ нынѣ пригнетенныхъ народныхъ классовъ для болѣе простого, но зато болѣе здороваго и гармоническаго строя жизни.

Кто дѣйствительно признаетъ человѣка въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ, тотъ и безъ этой надежды не можетъ колебаться, на какую сторону стать, когда въ массахъ вспыхнетъ сознаніе ихъ высшаго назначенія. Его обязанность — облегчить по мѣрѣ силъ и возможности переходъ къ новому строю, смягчить характеръ борьбы и спасти для новой жизни все, что можно, изъ вѣчныхъ достояній человѣчества. Всякое сознательное противодѣйствіе этому движенію, когда движеніе приметъ характеръ общаго глубокаго явленія, будетъ постигнуто, по нашему искреннему убѣжденію, тѣмъ самымъ проклятіемъ, которое близорукій доктринеръ бросаетъ въ лицо революціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Борьба за привилегированное положеніе.

Уже въ великой органической природѣ борьба за существованіе непосредственно переходитъ въ борьбу за привилегированное положеніе; но явленія, которыя намъ предстоитъ здѣсь разсмотрѣть, складываются по отношенію къ чловѣку настолько своеобразно, что для ихъ объясненія уже недостаточно принципа зарожденія и уничтоженія физическаго существованія, если мы этому принципу не придадимъ болѣе общаго значенія, которое обнимало бы и духовное развитіе индивидовъ. Растенія и животныя борются только за болѣе теплое, болѣе влажное или защищенное мѣстечко, или за болѣе обильныя пастбища, и развѣ только вожаки табуновъ посредствомъ физической борьбы домогаются іерархическаго превосходства и утверждаютъ его;—а чловѣкъ наполнилъ систему своей общественной жизни такою массою іерархическихъ подраздѣленій, такимъ громаднымъ количествомъ всякаго рода привилегированныхъ положеній, что участіе здѣсь специальныхъ, въ животномъ мірѣ весьма слабо развитыхъ, факторовъ несомнѣнно. И хотя приходится согласиться, что именно въ этой богато-развитой организаціи общегитія обнаруживается превосходство чловѣческой природы, однако не подлежитъ сомнѣнію, что въ подавляющемъ различіи условій индивидуальнаго благосостоянія, связаннаго съ этой организаціей, кроются причины крупныхъ бѣдствій, не-

устранимыхъ, пока масса чловѣчества обречена будетъ нести на своихъ плечахъ бремя борьбы за существованіе, а привилегированное меньшинство одно будетъ наслаждаться счастьемъ всесторонняго развитія.

Основнымъ закономъ борьбы за существованіе въ физической природѣ является *перепроизводство зародышей жизни*, большинство которыхъ обречено заранѣе на гибель. Въ общественной жизни чловѣка мы находимъ вполне аналогичный законъ по отношенію къ тѣмъ свойствамъ, при помощи которыхъ личность пріобрѣтаетъ и сохраняетъ привилегированное положеніе: *зачатки способностей и наклонностей къ первенствованію разсыяны въ большомъ количествѣ, но громадное большинство ихъ отъ природы обречено на жалкое прозябаніе*. Чловѣкъ ощущаетъ это жалкое прозябаніе, проникается мучительнымъ чувствомъ, когда ему приходится пользоваться одними только низшими способностями, въ то время какъ высшія влекутъ его къ болѣе широкой дѣятельности, навсегда для него закрытой.

Но это обстоятельство ни мало не измѣняетъ желѣзнаго шествія природы. Будничная борьба за существованіе пригнетаетъ пробуждающіяся силы чловѣка; не будь заботы о физическомъ существованіи, благороднѣйшія качества чловѣка могли бы развиваться до той степени совершенства, которая доступна его природнымъ способностямъ. Между собою эти благородныя стремленія чловѣческой природы никогда не ведутъ смертельной борьбы; скорѣе они стремятся впередъ, въ полной гармоніи и солидарности, и чрезвычайно энергично борются за свое развитіе; къ сожалѣнію, необходимость черной работы тѣмъ сильнѣе пригнетаетъ болѣе благородныя качества, чѣмъ болѣе чловѣку приходится сосредоточивать свои силы на поддержаніи физическаго существованія. Слѣдовательно этому гнету постоянно соответствуетъ противоположный гнетъ извнѣ: стоитъ только устранить какимъ-нибудь образомъ этотъ внѣшній гнетъ, и немедленно вырастаютъ могучія

личности, которыя дѣяніями своими нерѣдко оставляютъ далеко за собой бывшихъ повелителей и руководителей народныхъ. Но усильте гнеть, и всѣ прекрасные таланты пропадутъ съ полнымъ сознаніемъ, что они погибаютъ. Если на это обстоятельство до сихъ поръ обращается такъ мало вниманія,—то это только увеличиваетъ мучительное сознаніе побѣждаемыхъ личностей, такъ какъ обыкновенно каждому думается, что онъ одинъ въ загонѣ, что къ нему одному немилостива мачиха-судьба. Поэтому, когда такая личность жалуется на неудовлетворенность своихъ потребностей, а общество объявляетъ ея жалобы брюзжаніемъ тщеславнаго неудачника, то часто правы до известной стѣпени обѣ стороны; только при этомъ личности не мѣшало бы понять, что вся тяжесть ея упрека относится къ *природѣ* и къ существующимъ въ данную минуту социальнымъ учрежденіямъ, а общество должно бы подумать, что подъ этимъ недовольствомъ обыкновенно кроются *дѣйствительныя силы*, задавленные, неудовлетворенныя въ своихъ стремленіяхъ.

Часто утверждаютъ, что истинный талантъ или по крайней мѣрѣ что великій геній преодоливаетъ всегда всѣ препятствія и съ какой-то демонической фатальностью достигаетъ своей цѣли. Утвержденіе глубоко ошибочное, притомъ заключающее въ себѣ незаслуженное прославленіе великихъ и униженіе слабыхъ. Болѣе широкій взглядъ на жизнь открываетъ совсѣмъ иную картину. Въ ней повсюду много званыхъ, но мало избранныхъ. Разумѣется, если принять въ расчетъ благопріятныя обстоятельства и сравнительно-неожиданные повороты въ самой жизни, то не останется сомнѣнія, что существуетъ какая-то высшая необходимость, въ силу которой одинъ индивидъ выходитъ изъ борьбы побѣдителемъ, а другой гибнетъ. Но это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ той истинѣ, которую мы имѣемъ въ виду, утверждая, что на каждое высшее положеніе въ общественной жизни, въ сферѣ ли науки или искусства, государственной дѣятельности или воен-

ной службы, или же въ сферѣ промышленной іерархіи, на всѣхъ ступеняхъ, отъ простаго работника до богатаго фабриканта,—есть масса достойныхъ претендентовъ, таланты которыхъ остаются однако неизвѣстными, либо при всей своей общепризнанности оказываются позади болѣе счастливыхъ соперниковъ. Иногда это повидимому не имѣетъ мѣста, но въ такомъ случаѣ обыкновенно забываютъ о *вліяніи высшаго положенія на развитіе способностей*. Положимъ, что при замѣщеніи лица, долго занимавшаго опредѣленное высшее положеніе, сравниваютъ его съ его конкурентами. Обыкновенно при этомъ приходятъ къ тому заключенію, что не только ни одинъ изъ конкурентовъ не выдерживаетъ критики, но что лицо, покидающее свой постъ, просто незамѣнимо, что оно превосходитъ своихъ претендентовъ рѣшительно во всемъ. На фабрикѣ изъ сотни рабочихъ быть можетъ найдется человѣкъ двадцать съ задатками дѣльных мастеровъ,—но они могутъ какъ разъ не показаться подходящими, а пока они приспособятся, пройдетъ нѣкоторое время. Опасаясь риска неудачнаго выбора, предприниматель останавливается обыкновенно на человѣкѣ, уже зарекомендовавшемъ себя въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. На мѣсто послѣдняго является опять-таки по возможности испытанная личность и т. д., пока наконецъ необходимость не принудитъ испытать способности неизвѣстной еще личности. Изъ 20 человѣкъ, которые будутъ тогда стоять на очереди, выборъ падаетъ на одного; если только не явится на сцену недоброжелательство, послѣдность или какая-нибудь другая помѣха, то дѣло пойдетъ прекрасно. Немного спустя, избранное лицо не только удовлетворяетъ требованію, но все его существо преобразуется: привилегированное положеніе успѣло во многихъ отношеніяхъ его усовершенствовать. Хозяинъ-же, сдѣлавъ этотъ выборъ, забываетъ что сама природа создала къ его услугамъ *избытокъ талантовъ*, и похваливаетъ свою проницательность, которая помогла ему выбрать изъ толпы претендентовъ единственно пригоднаго человѣка.

То обстоятельство, что обыкновенно требуется не мало времени, прежде чѣмъ новичекъ сживется и сроднится съ своимъ новымъ положеніемъ, оказываетъ рѣшительное вліяніе на форму всего общественнаго строя. Этотъ повидимому ничтожный фактъ искусственно такъ сильно понижаетъ естественное число претендентовъ на высшее положеніе, что неизбежно происходитъ *слишкомъ высокая оценка услугъ, оказываемыхъ обществу его привилегированными членами*. Вся система іерархическаго расчлененія со всѣми своими градаціями становится, въ связи съ другими явленіями, страшнымъ препятствіемъ на пути человѣческаго прогресса. По незнакомству съ закономъ перепроизводства талантовъ, многіе съ сознаніемъ своей пригодности для какого-нибудь высшаго положенія соединяютъ и надежду на неизбежную удачу. Поэтому-то никогда нѣтъ недостатка въ личностяхъ согласныхъ на самое низкое положеніе, если только онѣ видятъ въ немъ путь къ высокимъ почестямъ и крупной наживѣ. Иначе какъ были бы возможны всѣ тѣ наемныя войска, которыя испоконъ вѣковъ составляли проклятіе человѣчества?

Въ сферѣ промышленности это іерархическое расчлененіе проявляется конечно всего слабѣе, по той простой причинѣ, что здѣсь надъ всей аристократіей простого труда высится аристократія *капитала*, подавляя всѣ остальные градаціи своимъ страшнымъ превосходствомъ. Поэтому нечего удивляться, что на многихъ фабрикахъ мастера въ матеріальномъ отношеніи обставлены немногимъ лучше простыхъ рабочихъ, и что наконецъ самъ управляющій или директоръ, завѣдующій всѣмъ производствомъ, занимаетъ рядомъ съ собственникомъ подчиненное мѣсто. Далѣе мы увидимъ, что особенно настоятельно рекомендуемое со всѣхъ сторонъ рѣшеніе рабочаго вопроса на лучший конецъ только расчищаетъ рабочему путь къ достиженію положенія предпринимателя. Поэтому мы считаемъ небезполезнымъ обратить здѣсь такое же серьезное вниманіе на *перепроизводство талантовъ*, какое мы въ преды-

дущей главѣ удѣлили *перепроизводству живыхъ зародышей*. Если достиженіе человѣкомъ положенія *капиталиста-предпринимателя* уже по самому существу дѣла нельзя считать простымъ логическимъ продолженіемъ жизненнаго поприща искуснаго *рабочаго*, — то неудовлетворительность такого рѣшенія выступить еще рельефнѣе, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что на каждый развившійся талантъ приходится масса другихъ, лишенныхъ этого счастливаго преимущества.

Этотъ взглядъ съ одной стороны располагаетъ насъ выступить на помощь побѣждаемымъ и изнемогающимъ съ иными средствами, чѣмъ принципъ простого невмѣшательства въ экономическую жизнь и принципъ свободы передвиженія; а съ другой стороны онъ всего надежнѣе застраховываетъ насъ отъ холопскаго обоготворенія сильныхъ и знатныхъ. Наблюденіе показываетъ, что пчелы при улучшеніи питанія могутъ по своему произволу воспитывать себѣ матокъ изъ личинокъ обыкновенныхъ рабочихъ пчелъ. Если окажется, что человѣкъ въ интеллектуальной сферѣ можетъ посредствомъ улучшенія духовной пищи достигнуть того же развитія, то значительно поуменьшится поклоненіе блестящимъ фигурамъ, встрѣчающимся на великой жизненной сценѣ. Тогда люди ясно сознаютъ, какъ глубоко-вѣрна и вѣчно-справедлива нравственная посылка стремленія къ *равенству*. Правда, даже въ самой идеальной схемѣ будущаго строя социальной жизни человѣчества никогда не можетъ быть полнаго внутренняго и внѣшняго равенства. Вѣдь уже въ самой спеціализаціи талантовъ для различной дѣятельности, въ раздѣленіи труда въ интеллектуальной сферѣ заключается преимущество, доставляемое человеку умомъ. Однако при всемъ количественномъ и качественномъ различіи индивидуальнаго развитія, придется категоричнѣе и откровеннѣе признать во всѣхъ людяхъ существованіе общихъ элементовъ, чѣмъ это возможно сдѣлать въ общихъ положеніяхъ; а въ практическомъ отношеніи вслѣдствіе этого явится отвращеніе ко всякому искусственному усиленію

неизбѣжнаго въ силу высшихъ законовъ различія въ индивидуальномъ положеніи до той степени, при которой ступенька равенства совершенно равносильна равенству человеческихъ существъ. Во всякомъ случаѣ устраненіе наслѣдственныхъ или обусловливаемыхъ частной собственностью на капиталъ *кастовыхъ разграниченій* будетъ однимъ изъ первыхъ требованій болѣе справедливаго строя; но истинное рѣшеніе вопроса наступитъ только тогда, когда *самое неравенство* будетъ низведено до той степени, какой требуетъ гармонія общежитія. У древнихъ аѳинянъ суточное вознагражденіе дипломатическихъ пословъ равнялось приблизительно двойной поденной платѣ рабочаго. Наши современные посланники тратятъ во сто разъ больше поденной платы простого рабочаго. Подобное же отношеніе повторяется вездѣ. Когда подумаешь, что въ основаніи всѣхъ этихъ высокихъ общественныхъ положеній, всей этой роскоши лежитъ тотъ фактъ, что громадное количество рукъ работаетъ въ настоящее время не для удовлетворенія необходимыхъ потребностей всѣхъ членовъ общества, а для *возвышенія отдѣльной личности надъ среднимъ уровнемъ благосостоянія гражданъ*,—тогда становится вполне яснымъ, что безъ значительнаго сокращенія всѣхъ этихъ неравенствъ совершенно немыслимъ міровой переворотъ въ сферѣ борьбы за существованіе. Въ этихъ неравенствахъ, если взглянуть на нихъ пошире, какъ бы накопленъ тотъ капиталъ, на проценты котораго будутъ существовать народы до того момента, когда новыя учрежденія начнутъ приносить доходъ; нашъ рабочій людъ привыкъ переносить чудовищный трудъ и лишь незначительный досугъ удѣлять наслажденію и саморазвитію, и эта привычка будетъ дѣйствовать еще долгое время послѣ того, какъ измѣнившееся законодательство и нравы начнутъ оказывать объединяющее вліяніе вмѣсто дифференцирующаго.

Теперь является вопросъ, возможно ли вообще будетъ, не прибѣгая къ постоянному насилию, когда-нибудь превратить дифференцирующее вліяніе въ постепенно-объединяющее; и

не будетъ ли тотъ самый законъ природы, который насъ принуждаетъ къ борьбѣ за существованіе, доставлять привилегированнымъ классамъ прогрессивно-возрастающей перевѣсъ, пока наконецъ въ результатъ этой дифференцировки не явится полное раздѣленіе на низшую и высшую расу? Аналогія всего органическаго міра говоритъ, на первый взглядъ, въ пользу послѣдней гипотезы. Мы съ самаго начала первой главы положили въ основаніе своего изслѣдованія величественную теорію *Дарвина*—теорію борьбы организмовъ. Но эта борьба организмовъ составляетъ у Дарвина лишь часть ученія о *происхожденіи видовъ* ⁹⁾. Другое, не менѣе важное положеніе великаго натуралиста гласитъ, что *приобрѣтенныя* въ продолженіе жизни качества передаются до нѣкоторой степени и потомству. Такимъ образомъ, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній группируются однородныя качества, тамъ формируется все болѣе и болѣе опредѣленный *новый характеръ*; незамѣтно все болѣе приспособляясь къ окружающей обстановкѣ, этотъ новый характеръ можетъ въ продолженіе тысячелѣтій вылиться въ особую расу, породу или даже въ совершенно новый видъ. Все нецѣлесообразное, всѣ промежуточные звенья гибнутъ въ безпощадной борьбѣ за существованіе, а все болѣе совершенное и лучше приспособленное къ даннымъ жизненнымъ условіямъ одерживаетъ верхъ и сохраняетъ за собою поле битвы. Разъ это воззрѣніе вѣрно, то не только вѣроятно, что современные человеческія расы произошли отъ одного первичнаго типа, путемъ постепеннаго уклоненія отъ своего первообраза, но не можетъ оставаться сомнѣніемъ въ *возможности образованія и впредь болѣе современныхъ расъ*. Каждое выдѣленіе изъ общества *привилегированной группы*, продолжающей свое существованіе только въ узкихъ предѣлахъ касты, непременно содержитъ уже въ себѣ зародыши для образованія новой расы поработорителей міра, обладающей всѣми задатками для низведенія втеченіе тысячелѣтій потомковъ современнаго человечества на степень низшихъ су-

ществъ. Въ силу вѣкового рабства это различіе въ концѣ концовъ неизбежно отразится и на внѣшности, и на всѣхъ духовныхъ и физическихъ качествахъ обѣихъ расъ. Нельзя не признать, что во многихъ крупныхъ и краснорѣчивыхъ явленияхъ исторіи мы находимъ не мало зачатковъ такого вліянія дифференціаціи. Хотя напимѣръ легко можетъ быть, что различныя *касты* Индіи произошли первоначально отъ различныхъ по происхожденію племенъ; но нѣкоторые изъ нихъ, только благодаря различію своего общественнаго положенія, достигли постепенно той рѣзкой обособленности, которую мы замѣчаемъ во всемъ ихъ существѣ въ настоящее время. Несомнѣнно также, что угнетенные потомки коренныхъ жителей страны пали физически и духовно такъ низко, только благодаря наслѣдственной передачѣ результатовъ многовѣкового гнета. *Аристократія* (Adel) отличалась во многихъ историческихъ эпохахъ не только внѣшней важностью, привитою воспитаніемъ, но также и врожденнымъ превосходствомъ, особенно физическимъ. Но насколько всѣ эти преимущества зависятъ отъ лучшаго питанія, физическаго упражненія, досуга и развитія силъ въ серьезной борьбѣ или веселой игрѣ, настолько же съ другой стороны не подлежитъ никакому сомнѣнію, что однообразный трудъ или утомительное ремесло надолго оставляютъ на личности слѣды своего вліянія; что послѣдствія этихъ вліяній передаются по наслѣдству и что такимъ образомъ, отъ сочетанія воспитанія и наслѣдственной передачи, постепенно формируются все болѣе опредѣленные типы рабочихъ классовъ. Во всякомъ слишкомъ мелочномъ раздѣленіи труда кроется уже зародышъ образованія кастъ. Стоитъ только погрузиться въ глубину вѣковъ, и мы повсюду найдемъ сильную склонность къ наслѣдственной передачѣ техническихъ знаній и пріемовъ, и въ то же время стремленіе утвердить это установленное обычаемъ наслѣдованіе и возвести его на степень правоваго кастоваго принципа. Благодаря этому кастовому раздѣленію труда, съ одной стороны разви-

лись тѣ спеціальныя способности, безъ которыхъ едва ли можно бы было объяснить себѣ, какимъ образомъ древность создала многія произведенія искусства при тогдашнихъ крайне незначительныхъ техническихъ средствахъ; а съ другой стороны каждая такая наслѣдственная спеціализація человѣческихъ талантовъ шла всегда рука объ руку съ вырожденіемъ, поражающимъ все существо человѣка и главнымъ образомъ его чувство свободы и умственные потребности. Вѣдь многосторонность дарованій и потребностей человѣческой природы составляетъ характерное отличіе человѣка отъ остальнаго животнаго міра, одареннаго болѣе односторонними способностями и склонностями: ни искусно сотканная паутина, ни остроумныя ячейки пчелъ не могутъ служить прототипомъ высшей человѣческой дѣятельности.

Раздѣленіе труда встрѣчаетъ противодѣйствіе въ нашемъ вѣчномъ стремленіи къ интеллектуальному прогрессу и свободѣ, которое ведетъ насъ отъ частнаго къ общему, отъ простаго служенія природѣ и обстоятельствамъ къ господству надъ ними. Не будь этого противодѣйствія, мы, право, не видѣли бы никакихъ существенныхъ препятствій закону «естественнаго подбора» ¹⁰⁾ создать новую кастовую эпоху и постепенно вновь раздѣлить все человѣчество на разные низшіе и высшіе виды, причемъ первые развились бы изъ современныхъ рабочихъ, а послѣдніе—изъ привилегированныхъ классовъ. Въмѣсто этого мы замѣчаемъ позорную гибель всякой попытки выдѣленія изъ среды человѣчества высшей расы. То внезапная катастрофа истребитъ до тла аристократическіе роды, то они постепенно исчезаютъ въ массахъ или исторія прямо шагаетъ черезъ тотъ народъ, у котораго установилось подобное раздѣленіе. Существованіе привилегированныхъ народныхъ классовъ наблюдалось до сихъ поръ во всѣ эпохи; наслѣдственная передача играла при этомъ всегда очень значительную роль; повидимому разъ установившееся неравенство должно бы идти далѣе; повидимому этотъ принципъ ясно

проглядываетъ въ тѣхъ законахъ природы, которымъ вообще подлежитъ и человѣчество; и все-таки всѣ новообразованія этого рода крайне непрочны: словно какая то невидимая сила въ интересахъ единства рода человѣческаго ставитъ имъ границы, «ихъ же не преjdeши». Въ жизни человѣчества замѣчается скорѣе противоположный процессъ, въ силу котораго, частью вымираніемъ слабѣйшихъ расъ, частью же ихъ возвышеніемъ, кладется основаніе все большему уравнию всего рода. Здѣсь не мѣсто доказывать, что вообще въ природѣ рядомъ съ процессомъ дифференціаціи значительную роль играетъ и обратный процессъ, къ которому Дарвинъ въ своей гениальной теоріи отнесся безъ достаточнаго вниманія. Мы указываемъ на это, какъ на лишній аргументъ въ пользу того, что и въ будущемъ человѣчество никогда не дойдетъ до окончательнаго соціального раскола, хотя именно *антагонизмъ труда и капитала заключаетъ въ себѣ задатки для образованія аристократіи болѣе опасной, чѣмъ любая изъ предыдущихъ*.

Наслѣдственная передача имущества и правъ играетъ у человѣка несравненно большую роль, чѣмъ непосредственная наслѣдственность физическихъ и психическихъ качествъ. А такъ какъ унаслѣдованный капиталъ можетъ быть употребленъ на развитіе въ потомкахъ собственника различныхъ высшихъ интересовъ, на пробужденіе рыцарскихъ качествъ и на поднятіе интеллектуальнаго уровня и эстетическаго чувства,—то высшая буржуазія, благодаря своему безпримѣрному имущественному превосходству, обладаетъ повидимому всѣми средствами для созданія въ своихъ нѣдрахъ прочной аристократической касты властителей міра. Но къ счастью она не выказываетъ къ этому ни малѣйшей склонности. Какъ средневѣковая аристократія—дворянство, остатки котораго и въ настоящее время продолжаютъ еще играть столь значительную роль, никакъ не могла отрѣшиться отъ принципа *физическихъ* преимуществъ, при помощи которыхъ она завоевала

свое привилегированное положеніе, и не стремилась посредствомъ интеллектуальнаго прогресса обезпечить себѣ господства даже при измѣнившейся исторической обстановкѣ,—такъ точно и денежная аристократія сравнительно рѣдко рѣшается уклониться отъ принципа голой наживы. Она легко удовлетворяется внѣшнимъ лоскомъ образованности, нерѣдко ударяется при этомъ въ карикатуру, пренебрегаетъ простотой и благородствомъ, не старается воспитывать въ своемъ потомствѣ прежде всего мужественность и способность становиться выше превратностей внѣшней судьбы. Поэтому ея мнимо-непреодолимое денежное могущество оказывается колоссомъ на глиняныхъ ногахъ.

Гораздо болѣею опасностью угрожаетъ повидимому возможность вырожденія, подъ влияніемъ господства капитала, промышленныхъ рабочихъ въ низшую физически и психически расу. Когда посмотришь, какую отчаянную борьбу ведутъ въ классической странѣ промышленнаго прогресса, въ Англіи, требованія гуманности съ промышленной эксплуатаціей рабочей силы; какъ алчный капиталъ ради дешевизны и легкости эксплуатаціи настойчиво стремится овладѣть женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, чтобы безпрепятственно выжимать всѣ рабочіе соки изъ этихъ физически наиболѣе слабыхъ существъ;—то поневолѣ останавливаешься на мысли, что безъ мужественнаго сопротивленія многочисленныхъ врачей, государственныхъ дѣятелей и друзей человѣчества всякаго званія здѣсь дѣйствительно должно бы наступить непрерывное вырожденіе человѣческой расы, по той простой причинѣ, что обстановка какой-нибудь бумагопрядильни сравнительно благоприятнѣе для выродившихся существъ, чѣмъ для людей здоровыхъ и нормально развитыхъ ¹¹⁾. Вѣдь ухитрились же американцы устроить остроумную помѣсь современной разсчитливости съ античнымъ институтомъ рабства и даже оформить ее въ новую политико-экономическую теорему, гласившую, что «болѣе быстрое обращеніе» негровъ-невольниковъ выгоднѣе

медленного; другими словами, что всего цѣлесообразнѣе въ экономическомъ отношеніи выжать изъ негра, хотя бы цѣною быстрого разрушенія его силъ, сверхъ-человѣческое количество труда, а затѣмъ на вырученный барышъ возстановить затраченный капиталъ, т. е. купить новыхъ невольниковъ, еще не надломленныхъ убійственнымъ трудомъ. Не будь противодѣйствія гуманности, весьма вѣроятно, что въ Англіи, такъ нуждающейся въ уродахъ, принципъ «естественнаго подбора» вызвалъ бы цѣлое поколѣніе калѣкъ и уродовъ. Зачатокъ этого процесса замѣчается въ сотняхъ примѣровъ, но до сихъ поръ дальнѣйшее развитіе этого явленія рано или поздно наталкивалось на препятствіе.

Едва ли стоитъ доказывать, что послѣднимъ логическимъ выводомъ той чисто матеріалистической школы политической экономіи ¹²⁾, которая въ настоящее время съ такимъ апломбомъ выступаетъ подъ облагороженной кличкой теоріи фритредерства, является окончательное устраненіе всѣхъ стѣсненій, противопоставляемыхъ гуманностью безпощадному процессу дифференцированія. Ученіе это, на видъ безгранично либеральное, отстаиваетъ съ фанатизмомъ самыхъ ярыхъ религиозныхъ гонителей тѣ общественныя преграды, которыя при современномъ строѣ во всякой странѣ съ вполне занятой территоріей неизбежно устанавливаются между господствующимъ и служащимъ классомъ, въ силу одного факта частной собственности на капиталъ. А такъ какъ всѣ остальные ограниченія, какъ напр. цеховой гнетъ, промышленные законы, протекціонизмъ и т. д., служатъ прежде всего препятствіемъ для полнаго развитія капиталистическаго могущества, то другу капитализма очень не трудно надѣть либеральную маску, въ то время какъ въ сущности вся его дѣятельность направлена на усиленіе зависимости рабочаго отъ капиталиста. Чтобы понять истинный смыслъ этой экономической тенденціи, стоитъ только обратить вниманіе на то обстоятельство, что ея сторонники накидываются на законодательное ограниченіе женскаго

и дѣтскаго фабричнаго труда съ тою же запальчивостью, а частью употребляютъ противъ него ту же аргументацію, какъ и противъ цехового гнета и протекціонизма. *Карлъ Маркс* ¹³⁾ оказалъ человѣчеству безсмертную услугу, сорвавъ маску лицемерія съ этой тенденціи господствующаго политико-экономическаго ученія и показавъ съ краснорѣчивыми документами въ рукахъ, что она повсюду подъ фирмой свободы стремится только къ порабощенію и эксплуатаціи, нарушая всѣ требованія гуманности, обходя даже самыя ясныя постановленія фабричнаго законодательства, лишь бы добиться своей цѣли. Если мы, несмотря на это, не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что это политико-экономическое ученіе, какъ и соответствующій ему капиталистическій способъ производства, имѣло свое относительное, историческое основаніе, а частью и теперь еще имѣетъ его, и что всякое стараніе поддержать въ настоящее время жалкіе остатки средневѣковыхъ формъ труда было бы роковой ошибкой и бесполезнымъ безуміемъ, — то нами при этомъ руководитъ главнымъ образомъ одно простое соображеніе. Мы полагаемъ, что новыя, болѣе цѣлесообразныя и болѣе соответствующія современной зрѣлости человѣческаго рода формы общественныхъ отношеній и труда не могли развиваться безъ промежуточнаго момента — эпохи промышленнаго кулачнаго права. Кромѣ того нами при этомъ руководитъ ясное пониманіе недостатковъ и несправедливостей, которыми сопровождались и были формы распределенія труда; но мы также отлично знаемъ, что по мѣрѣ ихъ историческаго паденія, при измѣнявшихся условіяхъ, не только увеличивались ихъ недостатки, но и хорошія стороны окончательно вырождались. Наконецъ мы также видимъ, что всѣ планы пересозданія социальнаго строя, исходятъ ли они изъ принципа свободы ассоціацій, или же изъ проповѣди широкихъ социальнo-политическихъ реформъ, опираются въ сущности на отношенія, порожденные капиталистическимъ способомъ производства. Какъ этотъ послѣдній принесъ въ жертву

одной громадной преградѣ—принципу частнаго капиталовладѣнія—всѣ остальные преграды, такъ и въ борьбѣ за ея устраненіе всѣ старанія направляются на то, чтобы сломить и это послѣднее препятствіе къ человѣческому равенству и низвести такимъ образомъ борьбу за привилегированное положеніе до значенія свободнаго состязанія человѣческихъ силъ, ищущихъ приложенія къ дѣлу. Ужасное вліяніе этой единственной, но зато громадной преграды зависитъ преимущественно отъ ея эластичности, отъ ея кажущейся расплывчатости; преграда эта, въ частностяхъ неуловимая, но въ общемъ всемогущая, одновременно находится и вездѣ, и нигдѣ. Поэтому-то мы, прослѣдивъ причины зла до самыхъ общихъ законовъ развитія органическихъ существъ, должны теперь отыскивать основанія для нашихъ реформаторскихъ попытокъ въ самыхъ глубокихъ тайникахъ человѣческой природы.

Если мы, изучая процессъ исторіи, обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что болѣе совершенныя формы образуются всегда изъ формъ менѣе совершенныхъ,—то замѣтимъ, что борьба за привилегированное положеніе, образуя лишь наиболѣе интересную сторону борьбы за существованіе, подобно ей проявлялась въ формахъ, тѣмъ болѣе грубыхъ и жестокихъ, чѣмъ далѣе отъ насъ историческій моментъ. Эта борьба во всѣ времена вела человѣчество по пути прогресса, хотя и усѣвала этотъ путь массою столь ужасныхъ жертвъ, что мы рады случаю свалить отвѣтственность за нихъ на безсознательный процессъ природы. Наиболѣе тяжкая форма привилегированнаго положенія, именно—отношенія *господина* къ *рабу*, является въ то же время и наиболѣе древней формой; мы не только видимъ, что въ древности высшая степень культуры привилегированныхъ классовъ вырастаетъ на отвратительной почвѣ рабства, но можемъ серьезно задать себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли принять рабство за исходный пунктъ высшаго интеллектуальнаго развитія человѣчества въ миическую эпоху всякой культуры. Правда, наше чувство возмущается при

мысли, что такимъ образомъ добро происходитъ отъ зла; видъ голой истины не всегда привлекателенъ для насъ. Зло остается тѣмъ же ненавистнымъ зломъ даже въ томъ случаѣ, когда изъ него проистекаетъ добро; мы не имѣемъ права вступать въ нравственные компромиссы съ мерзостью и низостью въ надеждѣ на тѣ хорошія послѣдствія, которыя по нашимъ расчетамъ могутъ изъ нихъ проистечь въ настоящемъ или въ будущемъ,—но съ другой стороны мы не должны изъ предубѣжденія уклоняться отъ такого взгляда на явленія, на который насъ наталкиваетъ логика.

По традиціи, политическая экономія родоначальникомъ культуры считаетъ того первобытнаго охотника или рыболова, который, благодаря случаю или усовершенствованному орудію, или благодаря болѣе сильнѣ и ловкости, добылъ болѣе припасовъ, чѣмъ сколько ему нужно, и уступаетъ часть ихъ другому взаменъ какой-нибудь услуги. Еслибы это было такъ, то первый привилегированный человѣкъ съ самаго начала былъ бы уже капиталистомъ. Гораздо проще и сообразнѣе съ условіями первобытной жизни дикихъ народовъ предположить, что не «первобытный охотникъ или рыболовъ», а какой-нибудь дерзкій разбойникъ или, что въ сущности одно и то же, храбрый завоеватель силою заставилъ побѣжденных исполнять рабскій трудъ, великодушно даруя имъ за это жизнь. Такимъ образомъ разбойникъ, избавляемый рабами отъ непосредственной нужды и заботы о хлѣбѣ насущномъ, получаетъ досугъ для физическаго и нравственнаго самоусовершенствованія и возможность сдѣлаться, благодаря преимуществамъ своего положенія, существомъ во многихъ отношеніяхъ облагоустроеннымъ. Такимъ-то образомъ онъ можетъ подняться до такого культурнаго уровня, какого при данныхъ условіяхъ только этимъ путемъ и можно достигнуть. Изъ подобныхъ облагоустроенныхъ хищныхъ звѣрей въ образѣ человѣка повидимому и выработались дворянскіе и княжескіе роды всѣхъ временъ и народовъ. Но эти благородныя фамиліи, несмотря

на всю ненавистную несправедливость своего происхожденія, именно и сдѣлались главнѣйшими носителями культуры вообще, а во многихъ отношеніяхъ даже и *нравственной* культуры; ибо только при беззаботномъ и привилегированномъ существованіи повидимому и могли развиться тѣ черты великодушія, рыцарственности, самоотверженной храбрости и гордаго прямодушія, которыя впоследствии, при болѣе благоприятной обстановкѣ, сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ лучшихъ людей. Нечего удивляться, что рядомъ съ этимъ сказывается деморализующее вліяніе рабства,—и не только въ рабѣ, но и въ господинѣ,—и что въ нѣкоторые періоды культуры последнее вліяніе даже преобладаетъ: вѣдь человѣческая природа настолько многосторонняя, что можетъ вмѣщать одновременно чрезвычайно разнородныя стремленія къ добру и злу. Если мы далѣе замѣчаемъ, что главнымъ образомъ свобода возводитъ нравственное существо человѣка на высшую ступень совершенства, то мы должны видѣть въ этомъ лишь указаніе для будущаго и путеводную звѣзду для нашей современной практической дѣятельности, а не опроверженіе нашего взгляда на прошлое человѣчества, такъ какъ при былыхъ, болѣе грубыхъ формахъ борьбы за существованіе почти только однимъ привилегированнымъ господамъ и выпадало на долю жалкое подобіе свободы.

Одного не нужно забывать при изученіи прошедшей жизни человѣчества, а именно, что человѣчество никогда не наслаждалось тѣмъ идеальнымъ состояніемъ первобытнаго равенства и всеобщаго счастья, которое воспѣваютъ поэты. Да оно никогда и не могло имъ пользоваться, потому что тѣмъ сильнѣе было подчинено закону борьбы за существованіе, чѣмъ первобытнѣе было его существованіе. Слѣдовательно выдѣленіе привилегированныхъ классовъ было, съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ интересовъ, незначительной жертвой, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ эти классы не становились слишкомъ могущественными и надменными; потому что жизнь, которую уничто-

жали тираны, все равно была бы уничтожена инымъ образомъ. Въ гибели отдѣльной личности мы замѣчаемъ конечно только жестокую сторону этого искупительнаго процесса; но зато цѣною этихъ жертвъ человѣчество приобрѣло какъ бы образцы и примѣры для своихъ стремленій и для своей борьбы. Безъ сомнѣнія, у насъ не было бы никакого интеллектуальнаго развитія безъ поэзіи, но едвали могла бы хоть сколько нибудь развиться поэзія безъ привилегированныхъ героевъ и геройскихъ родовъ. У насъ не было бы никакой науки, если бы привилегированныя положенія не освобождали мыслителей отъ насущныхъ заботъ и не предоставляли имъ безпрепятственно развиваться. Но жестоко заблуждаются тѣ, кто поэтому думаетъ, что все будетъ обстоять благополучно, если элементы истинной человѣчности всегда сосредоточены въ сливкахъ общества: массы начинаютъ проникаться рѣшимостью положить конецъ такому порядку вещей, и эта зарождающаяся рѣшимость лучше всего доказываетъ ихъ возрастающую зрѣлость и способность къ болѣе высокой формѣ существованія. Да и сами привилегированныя сословія по мѣрѣ усиленія общечеловѣческой симпатіи начинаютъ терять способность пользоваться преимуществами своего положенія съ прежней наивной непосредственностью.

Наконецъ идея низверженія стараго принципа заключается въ основахъ христіанства, истинному духу котораго суждено перейти въ плоть и кровь народовъ повидимому только тогда, когда будутъ сломлены старыя церковныя формы. Указаніе на загробную жизнь есть лишь откровеніе, притча, символъ; исполненіемъ и нагляднымъ доказательствомъ можетъ быть одно осуществленіе на землѣ. Когда же будетъ объявлена бѣднѣйшамъ такого рода благая вѣсть?

Противорѣчіе, состоящее повидимому въ томъ, что мы съ одной стороны признаемъ исторической необходимостью принесеніе цѣлыхъ поколѣній въ жертву немногимъ личностямъ, а съ другой—называемъ это жертвоприношеніе проклятіемъ

и громаднымъ несчастіемъ для всего человѣчества,—это противорѣчіе только кажущееся. Оно не заключаетъ въ себѣ ничего нелогическаго, напротивъ того, оно—вѣрное отраженіе вѣчнаго контраста природы и духа, объективнаго сознанія и нравственнаго хотѣнія. Идеальное осмысливаніе выбивается наружу изъ неосмысленности унаслѣдованнаго бытія, и никогда, пока мы хотимъ оставаться нравственными существами, мы не должны отказываться отъ своего права сдѣлать нынѣшній день началомъ новой жизни, какъ для отдѣльной личности, такъ и для всего человѣчества. Вникнувъ поглубже въ прошедшее, мы не преминемъ открыть извѣстную *цѣлесообразность* въ этомъ страшномъ жертвоприношеніи; но это не та узко-разсчитливая, близорукая предусмотрительность человѣческаго ума, съ которой мы знакомы изъ ежедневнаго опыта, а колоссальный и беспощадный механизмъ природы, который, творя и вновь уничтожая, медленно приближается къ своей тысячелѣтней цѣли, сопровождаемый столами.

Нашему уму представляются можетъ быть тысячи другихъ, болѣе удобныхъ путей, но мы не должны забывать, что нашъ умъ самъ есть не что иное, какъ продуктъ этого безконечнаго процесса. Поэтому всякая его попытка обратиться въ глубь вѣковъ, чтобы критиковать планъ мірозданія и свое собственное происхожденіе, есть не болѣе, какъ суетное усиліе; но впереди—его сфера и его право: онъ для того и созданъ на свѣтъ, для того и развивался, чтобы воплощать въ жизнь стремленіе къ улучшенію соціальнаго строя,—даже больше того—къ улучшенію всей природы, насколько хватитъ силъ человѣческихъ. Поэтому да не смущаютъ насъ разные доморощенные мудрецы, ссылающіеся на исторію и глубоко-мысленно высказывающіе давно избитыя и изношенныя соображенія о томъ, что во всѣ времена существовали аристократія, богатство и сословія; что массы всегда были предназначены къ труду, терпѣнію и послушанію, къ молитвѣ и труду; что разумность и справедливость всегда были только

идеалами, и что всѣ идеалистическіе планы, начиная съ рациональнаго государства Платона, на практикѣ всегда терпѣли позорныя крушенія! Мы понимаемъ исторію гораздо лучше этихъ мудрецовъ; мы слишкомъ хорошо знаемъ, что тысячекратное крушеніе того, чему въ концѣ концовъ все-таки суждено осуществиться, есть только одно изъ проявленій извѣстнаго основнаго принципа творческаго и разрушительнаго процесса. Но мы знаемъ также, что все великое въ исторіи всегда исходило отъ носителей такихъ идей, которыя выходили далеко за предѣлы пережитаго опыта. Мы знаемъ, что и стремленія прошлыхъ вѣковъ не пропали безслѣдно, что мы въ случаѣ несчастнаго исхода нашей борьбы за лучшую будущность человѣчества примкнемъ къ почтенному ряду предшественниковъ, а намъ на смѣну явятся болѣе счастливые преемники. Мы знаемъ наконецъ, что *никогда, съ самаго начала исторіи*, совокупность духовныхъ и матеріальныхъ условій жизни народовъ не испытывала, подъ слабой оболочкой нетронутыхъ внѣшнихъ формъ, такого сильнаго внутренняго переворота, какъ за послѣднія сто лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно этотъ умственный переворотъ добьется своихъ правъ и во внѣшнихъ формахъ жизни; поэтому мы смѣло можемъ разсчитывать, что наша эпоха болѣе, чѣмъ всякая предыдущая, потрудились въ пользу осуществленія нашего идеала.

Этотъ характеръ нашего времени ясно показываетъ намъ, въ чемъ заключается рѣшительный отвѣтъ на вопросъ, не будетъ ли процессъ дифференцированія фатально продолжаться въ силу неумолимаго закона природы? Слова нѣтъ, этотъ законъ существуетъ на всякой ступени развитія человѣчества, и при всѣхъ обстоятельствахъ будетъ стремиться къ своему проявленію; но его вліяніе частью видоизмѣняется, а частью даже совсѣмъ уничтожается и отбѣняется на задній планъ другимъ естественнымъ закономъ, въ силу котораго изъ потребности общежитія развивается въ человѣчествѣ идея ра-

венства и солидарного прогресса. На рѣкѣ, когда сила теченія и сила гребца дѣйствуютъ въ противоположныхъ направленіяхъ, челнокъ повидимому подчиняется исключительно той силѣ, на сторонѣ которой перевѣсъ; въ сущности же онъ, по неизмѣннымъ законамъ природы, находится подъ вліяніемъ обѣихъ силъ. Точно такъ и человѣкъ не можетъ избѣжать одновременнаго вліянія съ одной стороны равномѣрнаго и безпредѣльнаго потока естественной дифференціаціи, съ другой—вліянія идеи единства и равенства. Первая сила,—сила бессознательнаго процесса природы, общая человѣку не только съ животнымъ царствомъ, но и со всѣмъ органическимъ міромъ, преобладаетъ во всѣ періоды спокойствія, пока въ дѣло неожиданно не вмѣшается идея высшаго предназначенія рода человѣческаго и, побѣдивъ апатію, не дастъ человечеству новаго толчка по направленію къ его вѣчной цѣли. Оба вліянія, какъ сознательное, такъ и бессознательное, управляются тѣми же неизмѣнными законами природы, которыми опредѣляется и все духовное, и физическое существованіе человѣка. Но при этомъ вліяніе законовъ сознательнаго духа пріобрѣтаетъ въ исторіи все большій перевѣсъ и ведетъ человѣка по пути, рѣзко отличающемуся отъ прогресса другихъ существъ именно этимъ триумфомъ мысли.

Сдѣлается ли торжество разума и справедливости надъ животной природою настолько равномѣрнымъ и непрерывнымъ, чтобы побѣдить дифференціацію въ самомъ ея зародышѣ,—этого мы теперь знать не можемъ. До сихъ поръ это возмущеніе высшихъ стремленій природы противъ низшихъ проявляется только періодическими толчками. Періодически прибываетъ и убываетъ сила идеальныхъ стремленій, подобно приливу и отливу, и роль перемежающихся волнъ этого историческаго процесса играютъ революціи. Оба періодическихъ момента служатъ прогрессу, но различнымъ образомъ. Въ эпохи безмятежнаго сна идеи высшаго назначенія человечества прогрессируютъ тѣмъ же путемъ, какъ вообще весь громадный

органическій міръ, только быстрѣе и замѣтнѣе. Принципъ остается тотъ же: дифференціація создаетъ привилегированныя положенія, которыя борьба за преобладаніе возводитъ на высшую ступень культуры и благосостоянія. Что отстаетъ, то принуждено либо приспособляться къ какому-нибудь низшему положенію на кастовой лѣстницѣ, либо погибать. Раздѣленіе труда доводитъ въ борьбѣ за существованіе всякаго рода работу до высшей степени совершенства и порождаетъ техническую ловкость и искусство. Что не можетъ обезпечить своего положенія, подвергается уничтоженію; сильный побѣждаетъ, слабый погибаетъ, а такъ какъ пріобрѣтенныя способности отчасти передаются и потомству, то очень понятно, что сила и трудоспособность всего рода съ теченіемъ времени постепенно растутъ. Отставшіе классы оттѣсняются не только на *низшую*, но даже на *подчиненную* ступень соціальной лѣстницы; въ животномъ мірѣ это явленіе наблюдается лишь въ единичныхъ случаяхъ, но въ человѣческомъ обществѣ его можно назвать господствующимъ порядкомъ вещей. Поэтому здѣсь процессъ дифференцированія съ одной стороны совершается очень быстро, а съ другой—рано или поздно побѣждается пробуждающимся чувствомъ солидарности. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ человѣческій прогрессъ рѣзко мѣняетъ свой прежній характеръ. Всеобщее благосостояніе нерѣдко приносится на время въ жертву; въ грандіознѣйшихъ катастрофахъ, какъ на примѣръ при разложеніи древняго греческаго и римскаго міра, повидимому гибнутъ всѣ результаты длиннаго культурнаго періода; на самомъ же дѣлѣ происходитъ только закладка фундамента для новаго и высшаго существованія человечества. Угнетенные классы общества выбиваются изъ своего положенія то посредствомъ умственной, то посредствомъ нравственной могучей борьбы; господствующіе классы теряютъ упрямую увѣренность въ привычной власти. Благородные люди привилегированныхъ классовъ протягиваютъ руку и братаются съ угнетенными—подъ градомъ проклятій своего сословія; въ

тиранахъ шевелится совѣсть и парализуетъ энергію. Всѣ про-
никаются предчувствіемъ новаго времени: борьба вызываетъ
къ жизни новыя и неожиданныя силы; нужда порываетъ всѣ
пути матеріальныхъ интересовъ, и критическое положеніе всего
общества толкаетъ его на смѣлыя попытки. Вообще такіе пе-
ріоды всегда тѣсно связаны съ умственнымъ пробужденіемъ,
съ возрожденіемъ въ человѣчествѣ высшихъ и благороднѣй-
шихъ стремленій, и даже тамъ, гдѣ они ограничиваются по-
видимому одной нивелировкой, они въ дѣйствительности под-
нимаютъ общество на болѣе высокую ступень.

Мы вовсе не намѣрены утверждать, будто подобный по-
рывъ разума и общечеловѣческой солидарности всегда непре-
мѣнно проявляется въ побѣдоносной и очевидной социальной
революціи. Побѣда духа идетъ иногда путемъ внѣшняго пора-
женія, и въ процессѣ исторіи всегда вокругъ истиннаго ядра
каждаго движенія громоздятся массы постороннихъ элемен-
товъ. Съ другой стороны, даже эпохи безграничнаго повиди-
мому произвола эгоистическихъ стремленій не вполне свободны
отъ идеалистическихъ вѣяній, въ которыхъ идея общей всему
человѣчеству цѣли облагораживаетъ и освѣжаетъ затхлую обы-
денность будничной жизни и обращаетъ борьбу за преобла-
даніе, хотя бы и въ тѣсной области, въ солидарную борьбу
за высшую форму социальной жизни. Когда такимъ образомъ
изъ совокупности такихъ мелкихъ революцій и преобразованій
втеченіе длиннаго періода времени образуется увеличеніе ра-
венства и улучшеніе положенія угнетенныхъ классовъ, тогда
эгоизмъ и индифферентизмъ безъ дальнѣйшихъ размышленій
дѣлаютъ выводъ, что все это слагается само собою, что стоитъ
только предоставить вещи самимъ себѣ, какъ онѣ идутъ въ
свободной игрѣ эгоистическихъ интересовъ, чтобы достигнуть
той великой цѣли, къ которой идеалисты хотятъ привести
человѣчество путемъ сознательныхъ стремленій.

Если это воззрѣніе само по себѣ уже противорѣчитъ не-
тинѣ,—то оно вдвойнѣ ошибочно въ такую эпоху, когда про-

буждающееся сознаніе неизбежности и близости великихъ ре-
формъ толкаетъ всѣ единичныя стремленія къ уничтоженію
соціального зла.

Этого сознанія нельзя уже уничтожить въ нашемъ поко-
лѣніи; оно все болѣе и болѣе распространяется и укореняется
вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что всѣ наши труды и всю нашу
борьбу на почвѣ народнаго образованія, устройства ассоці-
ацій, расширенія политическихъ правъ массы—нельзя еще
считать настоящимъ рѣшеніемъ великой задачи, что они лишь
предшествуютъ этому рѣшенію, какъ несомнѣнное знаменіе
новаго времени, какъ его родовыя потуги.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О счастье.

Мы намѣрены рассмотреть въ этой главѣ два вопроса, по своей природѣ весьма различные: вліяніе случая на постановку рабочаго вопроса, и связь между *внутреннимъ* благополучіемъ чловѣка и внѣшними условіями его жизни. Изслѣдованіе перваго явленія составляетъ важную, хотя до сихъ поръ и мало разработанную часть социальной науки; а второе мы необходимо отнесемъ къ естественно-научной антропологіи, если только захотимъ возвыситься надъ туманной точкой зрѣнія моралистовъ. Тѣсная связь между обоими вопросами сдѣлается намъ вполне ясною, если мы вспомнимъ, что общераспространенное поверхностное міросозерцаніе придаетъ вліянію случая на различія общественнаго положенія людей, вообще говоря, лишь мимолетное значеніе, и утверждаетъ, что всякъ самъ своего счастья коваецъ, что всякій, за исключеніемъ только легкомысленныхъ людей, вполне заслуживающихъ своего наказанія, можетъ себя чувствовать одинаково счастливымъ въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ. Такъ напр., неаполитанскій лаццарони считаетъ идеаломъ счастья свою беззаботную праздность, которую онъ не согласился бы промѣнять на положеніе высокопоставленнаго, но отягченнаго бременемъ заботъ, государственнаго чловѣка, еслибы и обладалъ даже всѣми нужными для этого дарованіями. Авантюристъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе у отдаленнаго берега,

въ своей борьбѣ съ нуждой и опасностями находитъ въ сущности то, чего искалъ. Богачъ-купецъ, который могъ бы пользоваться всѣми наслажденіями жизни, часто предпочитаетъ, не будучи даже скрягою, дольше работать въ своей душевной конторѣ и копить милліоны для легкомысленныхъ наслѣдниковъ. Перебравши такимъ образомъ все чловѣчество и наткнувшись въ концѣ концовъ на цѣлый классъ, который, какъ въ настоящее время промышленные рабочіе, неоспоримо *недоволенъ* своей судьбой, моралисты, долго не задумываясь, или объявляютъ страданія рабочихъ заслуженными, или же стараются доказать, что въ дѣйствительности рабочіе вовсе не такъ несчастны, какъ они говорятъ. Моралисты напоминаютъ, что всякому, весьма естественно, хотѣлось бы пользоваться выгодами своего социального положенія безъ его невыгодныхъ сторонъ, но что по зрѣломъ размысленіи все-таки большинство людей не согласится на мѣну. Фабричный рабочій не возьмется за тяжелый трудъ земледѣльца, хотя при этомъ онъ выигралъ бы въ отношеніи чистаго воздуха и большаго досуга; крестьянинъ въ свою очередь неохотно закабалится въ тѣсное пространство фабричной мастерской. Фабрикантъ, правда, гораздо свободнѣе располагаетъ своимъ временемъ, чѣмъ рабочій; но зато онъ ни днемъ, ни ночью не можетъ избавиться отъ мучительныхъ заботъ, тогда какъ рабочій—пошабашилъ, и гуляй, не думая о своей профессіи. Кромѣ того, по этому поверхностному мнѣнію, хозяинъ пользуется только вознагражденіемъ за свой трудъ, и всякій прилежный и бережливый рабочій можетъ добиться такого же положенія, въ какомъ находится хозяинъ. Есть у него на это охота—онъ это непременно и сдѣлаетъ; а если нѣтъ,—то онъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что чувствуетъ себя всего счастливѣе въ низшемъ положеніи зауряднаго, перебивающагося изо дня въ день ремесленника. Буржуазные мыслители готовы, пожалуй, признать, въ виду неопровержимой очевидности этого факта, что существуютъ многочисленные баловни судьбы, которымъ

незаслуженно достаются всевозможныя блага міра сего, и что съ другой стороны—не мало тружениковъ, счастье которыхъ разбивается несправедливыми ударами судьбы.

Но они полагають, что на эти факты можно смотрѣть, какъ на единичныя исключенія, которыя на всю общественную организацію не оказываютъ никакого вліянія, и утѣшаютъ себя тѣмъ, что вѣдь истинное, внутреннее счастье людей ни мало не зависитъ отъ подобныхъ капризовъ судьбы.

Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ мы попытаемся доказать, что слѣпой случай не только въ индивидуальной жизни играетъ гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, но что и совокупность его воздѣйствій на общество не теряетъ своей силы оттого напр., что одинаково вѣроятныя счастливыя и несчастныя случайности взаимно уничтожаются. Затѣмъ мы изслѣдуемъ, находится ли внутреннее счастье человѣка, его блаженство, въ какой-нибудь зависимости отъ внѣшняго счастья или несчастья, и въ какой именно.

Абсолютно говоря, въ природѣ не существуетъ случайностей; напротивъ—все, что случается, происходитъ въ силу неизмѣнныхъ законовъ природы. Поэтому понятіе «случайности» требуетъ при изслѣдованіи каждаго отдѣльнаго явленія ближайшаго опредѣленія.

Говоря о «случайностяхъ» въ судьбахъ человѣческихъ, понятіе «случайность» нерѣдко противопоставляютъ понятію о сознательномъ вліяніи на наши судьбы Высшаго Существа.

Это воззрѣніе не имѣетъ никакого отношенія къ нашему изслѣдованію: подъ «случайными» обстоятельствами и явленіями мы попросту понимаемъ всѣ тѣ, которыя не вытекають логически изъ природы и силъ самого индивида, а обуславливаются теченіемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ. И здѣсь еще можетъ повидимому оставаться извѣстная доля двусмысленности.

Если человѣкъ неожиданно-негаданно нашелъ самородокъ

золота, то фактъ находки былъ, разумѣется, простѣйшей случайностью; но узнавъ и поднявъ онъ его не случайно. Легкомысленный мечтатель прошелъ бы быть можетъ, не обративъ на него достаточнаго вниманія, даже еслибы его разсѣянный взглядъ мелькомъ и скользнулъ по нему.

Далѣе, положимъ, золото-искатель добылъ на австралійскихъ пріискахъ послѣ цѣлесообразно-затраченного кропотливаго труда такое же количество золота; его трудъ подвергался очевидно столькимъ ежедневнымъ превратностямъ судьбы, что успѣхъ въ каждый отдѣльный моментъ и въ общей сложности зависѣлъ въ одинаковой степени отъ простой случайности, какъ и отъ личныхъ способностей рабочаго.

Допустимъ наконецъ третій случай, что человѣкъ приобрѣлъ обыкновеннымъ трудомъ за равномерно-высокую заработную плату то же самое количество золота; ясно, что въ послѣднемъ примѣрѣ участіе случая всего ничтожнѣе, хотя оно и здѣсь не вполне устранено.—Оставляя въ сторонѣ, что въ извѣстной степени даже отсутствіе несчастныхъ случайностей должно быть причислено къ счастливымъ случайностямъ,—мы не можемъ не замѣтить, что вѣдь благопріятный случай привелъ рабочаго въ ту страну, гдѣ онъ могъ продать свой трудъ за данное вознагражденіе, и если даже здѣсь его энергія и предусмотрительность могли принимать значительное участіе, въ концѣ концовъ благопріятная случайность доставила ему необходимое знаніе обстоятельствъ и возможность воспользоваться ими.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ фактъ приобретенія количества золота зависитъ какъ отъ личныхъ качествъ индивида, такъ и отъ случайности, хотя и въ очень различной мѣрѣ. Разсматривая явленіе, мы всегда легко можемъ отдѣлить продуктъ личныхъ свойствъ отъ продукта слѣпого случая. Поэтому такіе примѣры не только ни мало не затемняютъ вопросъ, но могутъ, напротивъ, помочь выясненію его, такъ какъ намъ въ сущности приходится имѣть дѣло всегда только

съ подобными *сочетаніями* случайности и личной дѣятельности: по всей вѣроятности, никогда человѣкъ не можетъ натолкнуться на такое событіе, которое было бы исключительно результатомъ одного случая или же одной человѣческой дѣятельности—безъ примѣси въ большей или меньшей степени и другого фактора. Такимъ образомъ, когда мы упоминаемъ о счастливыхъ и несчастныхъ случайностяхъ, мы, строго говоря, подразумеваемъ подъ этимъ выраженіемъ не *фактъ* самъ по себѣ, но только долю участія въ немъ тѣхъ обстоятельствъ, которые находятся внѣ сферы произвольной человѣческой дѣятельности. Но послѣдняя сторона во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ясно проявляются счастье и несчастье, настолько беретъ верхъ надъ другими, что по большей части не стоитъ труда и упоминать о нихъ.

Говоря о борьбѣ за существованіе и за преобладаніе, мы познакомились съ закономъ, въ силу котораго природа на каждое мѣсто создаетъ большое число конкурентовъ; торжествуетъ только одинъ, а всѣ остальные либо окончательно погибаютъ, либо же продолжаютъ свое существованіе на низшей ступени іерархической лѣстницы. По этой причинѣ дарвинизмъ не безъ основанія утверждаетъ, что именно это устройство природы съ одной стороны вызываетъ процессъ *дифференцированія*, а съ другой—*прогрессъ* отъ низшихъ формъ къ высшимъ; причемъ вообще болѣе сильные конкуренты побѣждаютъ, болѣе слабые погибаютъ, а тѣ, организація которыхъ представляетъ какое-нибудь преимущество, имѣютъ болѣе всего шансовъ подняться на высшую ступень. Покажемъ здѣсь на простомъ примѣрѣ, что это торжество большей силы и лучшей организаціи ни мало не исключаетъ вліянія слѣпой случайности.

Представьте себѣ скачки въ Англіи, гдѣ обращено все вниманіе на то, чтобы устранить вліяніе случая. Опытные знатоки лошадиныхъ достоинствъ до того изощрили вѣрность своего глаза, приобрѣли такой навыкъ, что обыкновенно ихъ

приговоры о преимуществахъ того или другого конкурента немногимъ отличаются другъ отъ друга и отъ истины. Для пари на каждую отдѣльную лошадь скоро образуется особый курсъ; но и о самыхъ отличныхъ лошадяхъ держать пари *не одинаково*, а всегда предполагаютъ, что на побѣду даже наилучшей по общему мнѣнію лошади менѣе шансовъ, чѣмъ на ея пораженіе. Въ этомъ проглядываетъ частью опасеніе ошибочной оцѣнки ея достоинствъ; частью же, и это во всякомъ случаѣ главное, исполнѣ вѣрная мысль, что сумма возможныхъ случайностей всегда перевѣшиваетъ своимъ вліяніемъ природныя качества. Когда въ состязаніи принимаютъ участіе сто лошадей, природныя качества которыхъ считаются исполнѣ одинаковыми (чего въ дѣйствительности конечно никогда не бываетъ), то курсъ пари относительно каждой лошади установился бы какъ сто противъ одного, и все-таки побѣдила бы одна изъ нихъ. Еслибы, наоборотъ, абсолютно исключить всякую случайность, то пари зависѣло бы исполнѣ отъ степени увѣренности въ непогрѣшимой оцѣнкѣ качествъ каждой отдѣльной лошади, и въ этомъ случаѣ курсъ по отношенію къ лучшей лошади поднялся бы выше пари. Опытъ дѣйствительно и показываетъ, что даже самыя лучшія лошади, сѣдоки которыхъ благоразумно щадятъ ихъ силы въ началѣ скачки, увлекаются передовыми немного въ сторону, чего счастливо удалось избѣжать другимъ конкурентамъ; нерѣдко онѣ по винѣ сѣдока попадаютъ на менѣе удобную почву, и въ концѣ концовъ по одной изъ этихъ причинъ или по ихъ совокупности проигрываютъ побѣду, въ то время какъ менѣе одаренная отъ природы, хотя тоже прекрасная лошадь одерживаетъ верхъ по той простой причинѣ, что ей съ начала и до конца не подвернулась ни одна изъ этихъ неблагопріятныхъ случайностей. Хотя такимъ образомъ побѣда, какъ мы видимъ, очень сильно зависитъ отъ случая,—предпочтеніе при выборѣ болѣе сильнаго конкурента остается все-таки крайне раціональнымъ.

Въ природѣ, гдѣ не существуетъ преднамѣреннаго исклю-

ченія или сознательнаго устраненія случайностей, ихъ вліяніе гораздо значительнѣе, иногда даже такъ значительно, что поневолѣ задаешь себѣ вопросъ, какъ послѣ этого возможенъ вообще естественный подборъ путемъ конкуренціи родовъ и особей, сохраненія всего цѣлесообразнаго и постепеннаго возвышенія такимъ образомъ общей цѣлесообразности всѣхъ формъ. И все-таки не трудно понять механизмъ этого процесса. При этомъ не нужно только упускать изъ вида, что природа располагаетъ для своего творчества громадными періодами времени и что она посредствомъ безчисленнаго повторенія можетъ добиться той цѣли, которой не достигаетъ единичный актъ. Такъ напр., у тѣхъ животныхъ, которымъ въ быстротѣ ногъ приходится искать спасенія отъ своихъ враговъ, гибель или сохраненіе жизни каждой отдѣльной особи гораздо менѣе обуславливается степенью быстроты, чѣмъ тѣмъ обстоятельствомъ, натолкнетъ или не натолкнетъ его случай на хищника или охотника. Но если изъ ста случаевъ выпадетъ хоть одинъ, когда проворная и ловкая газель сѣмѣетъ спастись отъ врага, а менѣе быстрая особь того же вида погибнетъ, то это обстоятельство уже увеличиваетъ нѣсколько вѣроятность сохраненія жизни для болѣе одаренной особи. Изъ десяти тысячъ встрѣчающихся съ врагами особей спасется хоть сотни наиболѣе быстроногихъ, и каждая изъ нихъ можетъ оказать большее или меньшее вліяніе на улучшеніе необходимыхъ качествъ въ расѣ. Такое же дѣйствіе оказываетъ на характеръ явленія большое количество индивидовъ и при одновременной встрѣчѣ съ враждебными силами. Когда морозъ уничтожаетъ милліоны яичекъ или личинокъ какого нибудь насѣкомаго, то изъ общей громадной массы остаются въ живыхъ не тѣ, природныя свойства которыхъ лучше приспособлены къ перенесенію холода, а скорѣе тѣ, которымъ удалось забраться въ лучшія норы, въ середину плотнаго клубка или вообще стать подъ защиту какой нибудь подобной, непредвидимой случайности. Но всегда между норами, которыя при извѣстномъ уровнѣ

температуры перестаютъ служить достаточною защитою отъ холода, и между безусловно надежными норами найдется значительное число такихъ, температура которыхъ стоитъ какъ разъ на границѣ нормальной. Здѣсь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ все лучше приспособленное сохраняется, а слабое подвергается уничтоженію. Дальнѣйшій процессъ тотъ же, что въ предыдущемъ примѣрѣ.

Теперь мы обратимся къ разбору вліянія внѣшняго счастья и несчастья на человѣческую жизнь, но ограничимся при этомъ явленіями изъ области экономическихъ судебъ отдѣльных индивидовъ и цѣлыхъ классовъ общества, оставляя въ сторонѣ все, касающееся другихъ сферъ человѣческой жизни. Здѣсь наше вниманіе немедленно останавливается на томъ обстоятельствѣ, что сочетаніе привычки къ накопленію капитала съ развитіемъ частной собственности и права наслѣдства порождаетъ различіе индивидуальныхъ положеній, неизвѣстное остальнымъ живымъ существамъ. Можно держаться какого угодно мнѣнія относительно достоинствъ или недостатковъ этихъ учреждений, но во всякомъ случаѣ ясно, что фактъ происхожденія отъ знатнаго или незнатнаго семейства, съ индивидуальной точки зрѣнія, съ полнымъ правомъ считается счастливой или несчастливой случайностью, хотя, разумѣется, его нельзя причислять къ «превратностямъ» судьбы: онъ уже съ первыхъ дней существованія человѣка намѣчаетъ жизненный путь, предлагая собственнымъ силамъ личности благодарную или неблагодарную почву дѣятельности.

Но, желая получить ясное понятіе о социальномъ значеніи счастья и несчастья, мы не должны начинать прямо съ разбора частнаго случая—наслѣдственнаго различія въ экономическомъ положеніи, а должны, напротивъ, положить въ основаніе нашего изслѣдованія болѣе общій случай, когда у отдѣльных индивидовъ исходныя точки развитія приблизительно сходны. Тогда мы тотчасъ замѣтимъ, что повсюду внѣшнее счастье, распредѣляя какъ въ лоттерей взносы многихъ между

немногими, чрезвычайно способствует усиленію имущественнаго различія. Возьмемъ для примѣра слѣдующій простой случай: сто человѣкъ среднего имущественнаго состоянія принимаютъ при одинаковыхъ повидимому условіяхъ раскопку каменнаго угля. Положимъ, что прежній многолѣтній опытъ показалъ, что разработка каменнаго угля въ данной мѣстности вообще вознаграждаетъ затраченный капиталъ только 4—5%. Очевидно, что для каждого изъ ста предпринимателей это отношеніе измѣняется. Большинство изъ нихъ, не нашедши ничего, должно будетъ по недостатку капитала прекратить свои поиски. Другіе найдутъ, можетъ быть, какъ разъ въ то время, когда ихъ средства уже на исходѣ, бѣдныя и неудобныя для эксплуатаціи залежи, которыя хотя и не покроютъ сдѣланныхъ ранѣе расходовъ, но позволяютъ по крайней мѣрѣ продолжать поиски, поддерживая надежду на болѣе счастливую находку. Третьи добьются, пожалуй, хорошихъ результатовъ отъ своего предпріятія, но только на долю немногихъ или даже одного выпадетъ главный выигрышъ, только одному суждено быстро и при благоприятныхъ обстоятельствахъ найти богатые залежи и разбогатѣть. Отнынѣ дальнѣйшія условія труда этихъ лицъ перестаютъ быть одинаковыми и разъ установившееся различіе будетъ по всей вѣроятности неудержимо возрастать. Счастливый конкурентъ будетъ скоро въ состояніи, опираясь на наличный капиталъ, приобрести за грошевую цѣну лучшія изъ прогорѣвшихъ предпріятій и на нѣкоторыхъ изъ нихъ непременно получить барышъ, хотя первые предприниматели на нихъ только разорались. Къ болѣе прибыльнымъ онъ примѣнитъ лучшія машины, пригласитъ лучшихъ техниковъ, воспользуется всѣми новѣйшими изобрѣтеніями и самыми остроумными усовершенствованіями. Съ успѣхомъ предпріятія растетъ и его предпримчивость, и въ то же время растутъ его средства къ заведенію всевозможныхъ связей, полученію свѣдѣній, улучшенію производства и болѣе прибыльному сбыту продуктовъ.

Такимъ образомъ результаты вліянія первой счастливой случайности не только не уменьшаются, но скорѣе даже прогрессивно возрастаютъ. Конечно, еслибы всѣ принимавшіе участіе въ разработкѣ копей могли произвольное число разъ повторять свою азартную игру въ счастье, то существовала бы извѣстная вѣроятность, что и другіе впослѣдствіи еще выиграютъ, и первый случайный счастливецъ рисковалъ бы просорить при дальнѣйшей конкуренціи болѣе или менѣе значительную сумму. Но въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ. Даже при болѣе благоприятныхъ послѣдующихъ условіяхъ разорившимся конкурентамъ потребуется не мало времени и копотливаго труда на накопленіе капитала для продолженія конкуренціи. А между тѣмъ первый счастливецъ могъ уже такъ увеличить свой капиталъ, что второй, а тѣмъ менѣе третій удачникъ не успѣетъ уже догнать его за всю свою жизнь, остальная же толпа соискателей только окончательно разстроитъ свои дѣла.

Не только общая продолжительность жизни отдѣльнаго индивида строго ограничена, но и всѣ жизненные условія постоянно измѣняются вмѣстѣ съ каждымъ возрастомъ—юностью, возмужалостью и глубокой старостью. Прослѣдите жизнь цѣлаго ряда людей, пробившихся изъ ничтожества или даже полной нищеты къ громадному богатству,—и вы почти вездѣ замѣтите, что они вообще отличаются большой склонностью къ риску, но въ юности гораздо чаще рѣшались на безразсудно-смѣлыя предпріятія, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда они поступаютъ съ гораздо большей обдуманностью, хотя затѣи ихъ все еще продолжаютъ носить на себѣ характеръ грандіозности. Правда, эти дерзкіе игроки, рѣшавшіеся въ юности на самыя отчаянныя ставки, *всѣ выиграли*, т. е. тѣ разумѣется, о которыхъ мы вообще что нибудь знаемъ; остальные вѣдь пропали безъ вѣсти. Не говоря уже о тѣхъ, у кого недостаетъ силъ и настойчивости довести до конца рискованное предпріятіе, всякій охотно согласится, что даже для силь-

наго не можетъ быть при этомъ недостатка въ серьезныхъ опасностяхъ. Молодой *Жиаръ* ¹⁴⁾ скрывается изъ отцовскаго дома, начинаетъ свое житейское поприще корабельнымъ юнгой, а кончаетъ его миллионеромъ. Развѣ въ самомъ первомъ его шагѣ кромѣ энергіи и ума не проглядываетъ также и вліяніе внѣшняго счастья? А сколькимъ опасностямъ долженъ былъ онъ потомъ еще подвергнуться, чтобы въ молодыхъ годахъ сдѣлаться шкиперомъ? Вѣдь по самой сущности своей опасность не для всѣхъ смѣльчаковъ оканчивается одинаково благополучно. Предположимъ теперь, что цѣлая дюжина молодыхъ Жиаровъ, одаренныхъ одинаковыми силами и энергіей, вздумала сбѣжать изъ родительскаго дома; изъ нихъ навѣрное хотъ одного изловятъ еще по дорогѣ; другой потерпитъ крушеніе на морѣ, третій попадетъ въ руки какихъ нибудь безсовѣстныхъ авантюристовъ и такимъ образомъ погибнетъ. У нѣкоторыхъ другихъ въ лучшіе годы безразсудной смѣлости будетъ постоянно уходить изъ-подъ носа всякая возможность отличиться, скука и строгая дисциплина надломить ихъ нравственныя силы и задержать дальнѣйшее развитіе. Еще нѣкоторые, ослабленные болѣзнями, подавленные дурнымъ обращеніемъ, потеряютъ мало-по-малу тотъ импульсъ, который въ нихъ жилъ. Словомъ, либо на жизненномъ пути вообще не встрѣчалось никакихъ серьезныхъ опасностей, либо же нужно допустить, что извѣстное число индивидовъ, не смотря на все сходство природныхъ способностей и вообще всѣхъ другихъ жизненныхъ условій, потерпѣло неудачу или погибло, а одинъ одержалъ верхъ единственно потому, что ему повезло счастье.

Но чтобы нишій обратился въ Креза, требуется обыкновенно цѣлый рядъ такихъ счастливыхъ случайностей, частое совпаденіе которыхъ конечно мало вѣроятно. Жиаръ, сдѣлавшись шкиперомъ, положилъ начало своему громадному богатству посредствомъ контрабанды. Правда, существуетъ не мало людей, разбогатѣвшихъ отъ контрабанды, но рядомъ съ ними есть много такихъ, которые потеряли въ этой рис-

кованной игрѣ не только все свое имущество, но даже и самую жизнь. У насъ нѣтъ никакихъ основаній и данныхъ для математически-точного опредѣленія вѣроятности выигрыша при этомъ предпріятіи, какъ это можно напр. вычислить въ лоттерей; однако для лучшаго выясненія намъ можетъ послужить одна простая формула, причемъ числа мы беремъ произвольно, только для примѣра. Если предположить, что изъ каждыхъ двѣнадцати мальчиковъ, убѣжавшихъ отъ родителей, только одному удастся въ молодыхъ годахъ сдѣлаться шкиперомъ, то первоначальную вѣроятность этого факта можно выразить дробью $\frac{1}{12}$. Допустивъ далѣе, что изъ каждыхъ десяти одинаково-способныхъ шкиперовъ, занимающихся контрабандой, среднимъ числомъ только одному удастся разбогатѣть, мы должны вторую вѣроятность выразить дробью $\frac{1}{10}$. Такимъ образомъ вѣроятность совпаденія обѣихъ счастливыхъ случайностей въ судьбѣ одной личности равняется, по легко-понятному правилу теории вѣроятностей ¹⁵⁾, ничтожной дроби $\frac{1}{120}$ (то-есть $\frac{1}{12} \times \frac{1}{10}$). Но при ближайшемъ знакомствѣ съ жизнью такихъ счастливыхъ авантюристовъ и дерзкихъ спекуляторовъ какъ Жиаръ, мы въ ихъ молодости находимъ обыкновенно цѣлый рядъ рискованныхъ предпріятій. Поэтому приходится допустить, что природа при образованіи большихъ частныхъ богатствъ примѣняетъ тотъ же процессъ, какъ и въ борьбѣ за преобладаніе: приносить въ жертву много однородныхъ силъ для упроченія за одною окончательной побѣды.

Фактъ обладанія богатствомъ сразу упрочиваетъ уже дальнѣйшее увеличеніе и сохраненіе его: случаи риска становятся рѣже и качественно незначительнѣе, да и рискъ распространяется теперь уже только на незначительную часть имущества, между тѣмъ какъ первоначально человѣку приходилось ставить на одну карту все имущество вмѣстѣ съ жизнью.

Ясно, стало быть, что сказка о бѣдномъ простомъ работникѣ, который можетъ сдѣлаться миллионеромъ исключительно

благодаря труболюбію, бережливости и смѣливости. — не выдерживаетъ никакой критики. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются примѣры, гдѣ сочетаніе благоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ съ личной энергіей и предприимчивостью имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ судьбѣ Жиравовъ, Ричардовъ, Ленуаровъ и имъ подобныхъ завоевателей богатства. Намъ очень важно и въ этихъ случаяхъ убѣдиться, что только чрезвычайно рѣдкое, по самой природѣ вещей, совпаденіе счастливыхъ обстоятельствъ возвышаетъ одну личность надъ общей массой. Весьма характернымъ примѣромъ можетъ служить жизнь с.-галленскаго фабриканта хлопчато-бумажныхъ издѣлій *Нефа* ¹⁶⁾ (Matthias Nef). Онъ началъ съ простаго бѣднаго ткача и, успѣшно работая, сталъ сбереженія своего заработка пускать въ оборотъ; такимъ образомъ онъ приобрѣлъ значительное имущество и основалъ собственное крупное промышленное предпріятіе, хотя никогда во всю свою жизнь не пускался въ рискованныя спекуляціи.

Извѣстная крайняя степень бѣдности имѣетъ значеніе доходнаго капитала для того, кто перенесъ ее въ юныхъ годахъ и закалилъ въ ней свои силы. На первый взглядъ эта мысль должна, разумѣется, показаться парадоксальною; тѣмъ не менѣе она справедлива, въ чемъ мы вполне убѣдимся изъ жизни Нефа, если вспомнимъ, что его отецъ, ткачъ и усердный посылитель трактировъ, въ самомъ раннемъ возрастѣ заставлялъ его работать. Разъ вынесши всѣ лишенія, его физическая организація до того окрѣпла, что онъ уже на четырнадцатомъ году былъ въ состояніи добывать трудомъ своихъ дѣтскихъ рукъ заработокъ, достаточный для прокормленія взрослого. Это, очень естественно, доставило ему значительное преимущество передъ всякимъ другимъ конкурентомъ-работникомъ. Однако развѣ можно поэтому рекомендовать для всеобщаго примѣненія подобный педагогическій методъ, состоящій попросту въ принужденіи къ непомѣрному труду и къ постояннымъ лишениямъ? Разумѣется,

нѣтъ, и притомъ по двумъ причинамъ, изъ которыхъ каждой въ отдѣльности болѣе чѣмъ достаточно. Во-первыхъ, при этомъ та выгода, на которую рассчитываютъ, во всякомъ случаѣ исчезнетъ или достанется капиталистамъ. Отдѣльный рабочій, если онъ при одинаковомъ уровнѣ потребностей превосходитъ остальныхъ своей трудоспособностью, можетъ извлечь изъ нея выгоду для себя, капитализировать ее и выбиться изъ положенія простаго наемнаго работника. Но лишь только всѣ наличные работники приобретутъ одинаковую трудоспособность, то конкуренція немедленно настолько понизитъ заработную плату, что положеніе каждаго отдѣльнаго рабочаго окажется нисколько не лучше прежняго. Въ общемъ ихъ заработка будетъ лишь въ обрѣзъ хватать на поддержаніе жалкаго существованія, а прибыль отъ ихъ добавочнаго труда будетъ всецѣло доставаться предпринимателю въ формѣ увеличенія барыша, да потребителямъ — въ формѣ удешевленія продуктовъ. Но добытое такимъ образомъ удешевленіе не можетъ служить достаточнымъ вознагражденіемъ за бѣдность и обѣднѣніе духовной жизни, неизбѣжныя при непомѣрномъ физическомъ напряженіи. Отдѣльный рабочій можетъ еще, получая за свой добавочный трудъ соотвѣтственно-большую плату, съ избыткомъ вознаграждать себя духовнымъ развитіемъ и отдыхомъ; но какъ скоро подобное чрезмерное напряженіе рабочей силы сдѣлается всеобщимъ явленіемъ, а слѣдовательно и регуляторомъ общаго уровня заработной платы, необходимо пропадетъ и это индивидуальное преимущество. Вторая изъ вышеупомянутыхъ причинъ состоитъ въ томъ, что условія, подобныя обстановкѣ дѣтства Нефа, ведутъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ къ преждевременному истощенію, а это конечно парализуетъ всякое дальнѣйшее развитіе, не говоря уже о столь обычномъ явленіи, какъ преждевременная смерть. Нефъ выдержалъ всѣ эти лишенія и чрезмерное напряженіе, — слѣдовательно онъ по самой организаціи представляетъ исключеніе среди всей массы своихъ

менѣе счастливыхъ сверстниковъ. Къ тому-же онъ въ дни юности, къ счастью своему, имѣлъ возможность чередовать ткацкое ремесло съ полевыми работами, что во всякомъ случаѣ поддерживало его здоровье среди такого напряженія силъ. Даже не считая этого послѣдняго обстоятельства чѣмъ-то необыкновеннымъ, исключительнымъ, мы должны согласиться, что оно способствовало развитію въ немъ такой трудоспособности, какой не могли выработать въ себѣ другіе его конкуренты, даже если они обладали одинаковымъ природнымъ талантомъ и одинаковой настойчивостью. Но тотъ фактъ, что молодой Нефъ при весьма ограниченныхъ потребностяхъ могъ зарабатывать почти вдвое больше другихъ ткачей, былъ лишь базисомъ его дальнѣйшихъ успѣховъ, какъ бы основнымъ капиталомъ, которымъ его снабдили природа и обстоятельства, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить исключительнымъ объясненіемъ его позднѣйшей удачи. Здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе главнымъ образомъ еще то обстоятельство, что для него періодъ молодости, когда человѣкъ особенно дѣятеленъ и энергиченъ, совпалъ съ расцвѣтомъ швейцарской хлопчато-бумажной промышленности, который многихъ вывелъ изъ бѣдственнаго положенія, хотя только немногимъ доставилъ такой грандіозный успѣхъ. Представимъ себѣ въ то же время другого молодого рабочаго, съ такими же способностями къ своей профессіи, какъ Нефъ—къ ткацкому ремеслу, съ такой же энергіей, съ такимъ же личнымъ кредитомъ и съ одинаковымъ сбереженнымъ отъ труда капиталомъ; тѣмъ не менѣе объ одинаковомъ успѣхѣ для него не могло бы быть и рѣчи, если онъ не ткачъ. Или предположимъ, что этотъ безпримѣрно благоприятный для промышленности моментъ не совпалъ бы съ полнымъ расцвѣтомъ рабочей силы молодого Нефа; — тогда ему конечно пришлось бы, при всѣхъ своихъ способностяхъ, лишь медленно подниматься по ступенямъ благосостоянія, между тѣмъ какъ теперь ему удалось пройти ихъ чрезвычайно быстро.

Въ юности Нефъ намѣревался однажды продаться въ заграничную военную службу, но ростъ его оказался на полдюйма ниже нормальнаго. Часто онъ и самъ впоследствии задавалъ себѣ вопросъ, что вышло бы изъ него, еслибы онъ подошелъ подъ законную солдатскую мѣрку? Очень можетъ быть, вышелъ бы хорошій солдатъ, дѣльный офицеръ, какихъ не мало, — конечно, еслибы раньше его не постигла какая-нибудь случайность судьбы. Но такой же блестящей роли, какъ его промышленная роль, ему отъ военной карьеры врядъ ли можно бы ожидать, такъ какъ весь складъ его способностей имѣлъ совсѣмъ иное направленіе. Изъ Нефа точно такъ же не могъ бы выйти Жираръ, какъ изъ Жирара — Нефъ.

Но въ извѣстномъ смыслѣ нельзя отрицать дерзкой смѣлости и въ болѣе солидномъ и осторожномъ Нефѣ: онъ долгое время вкладывалъ все свои сбереженія въ новыя предприятия, не оставляя себѣ никакого запаснаго капитала, и слѣдовательно подвергался риску потерять при первомъ крупномъ хлопчато-бумажномъ кризисѣ все свое наличное состояніе. Тотъ фактъ, что кризисъ наступилъ лишь послѣ того, какъ Нефъ настолько окрѣпъ, что могъ уже выдержать его, былъ опять таки простой счастливой случайностью, которая не могла входить въ его первоначальные расчеты. Это обстоятельство наталкиваетъ насъ на мысль о существованіи благоприятныхъ случайностей другого рода, которыя по отношенію къ матеріальному успѣху труда играютъ столь же значительную роль, какъ и единичные счастливые выигрыши въ лоттерей среди массы напрасно потерянныхъ ставокъ: мы говоримъ о *цѣломъ рядѣ спекуляцій, избѣжавшихъ несчастнаго случая.*

Какъ извѣстно, несчастныя случайности человѣкъ старается сознательно предотвратить посредствомъ цѣлой системы страховыхъ учрежденій, между тѣмъ какъ противъ такъ называемыхъ счастливыхъ случайностей онъ не только не измышляетъ никакихъ гарантій, но даже еще старается со-

здать ихъ посредствомъ признанныхъ или терпимыхъ лоттерей. Основаніе этого слѣдуетъ искать отчасти въ томъ, что непосредственныя вліянія крупнаго счастья или несчастья мы можемъ обнять однимъ взглядомъ; намъ всегда легко стать мысленно въ положеніе субъекта, на котораго оно обрушилось, хотя бы для насъ лично вѣроятность попасть въ подобное положеніе была и очень ничтожна; между тѣмъ мы не замѣчаемъ и не умѣемъ обнять тѣхъ безчисленныхъ жертвъ, которыми общество расплачивается за индивидуальное счастье, и даже не знаемъ обыкновенно, гдѣ и какъ ихъ искать.

Не можетъ быть конечно и рѣчи о *счастливой случайности*, если у какой-нибудь отдѣльной личности не сгоритъ домъ или не потонетъ корабль съ товаромъ, потому что отъ подобнаго удара судьбы вполне возможно себя обезопасить, да и поражаетъ онъ далеко не всѣхъ, такъ что вѣроятность опасности для каждой отдѣльной личности весьма незначительна. Совсѣмъ иное дѣло, если кто-нибудь предпринимаетъ цѣлый рядъ спекуляцій: вѣроятность проигрыша при каждой отдѣльной спекуляціи, положимъ, не велика, но все-таки она не представляетъ безконечно малой величины. Положимъ напримѣръ, что данная спекуляція обставлена такъ, что значительный перевѣсъ шансовъ на сторонѣ ея удачи; для наглядности представимъ это въ числахъ и допустимъ, что за ея успѣхъ можно держать пари 9 противъ 1. Такимъ образомъ вѣроятность выигрыша будетъ $\frac{9}{10}$, а вѣроятность проигрыша — $\frac{1}{10}$. Разумѣется, саму по себѣ подобную спекуляцію никто не станетъ порицать, если только ставки ея будутъ умѣренны; умный человѣкъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ посредствомъ цѣлаго ряда подобныхъ спекуляцій значительно увеличить свое состояніе. Но отвѣтъ на вопросъ: дѣйствительно-ли хороша спекуляція — зависитъ во всякомъ случаѣ существенно отъ отношенія величины ставки къ величинѣ выигрыша. Если ставка значительно превос-

ходить выигрышъ, то это плохая спекуляція, несмотря на благопріятную вѣроятность; одна несчастная случайность можетъ погубить все, что было выиграно предыдущимъ рядомъ счастливыхъ случайностей. Но даже въ томъ случаѣ, когда ожидаемый выигрышъ равняется ставкѣ или болѣе ея, существуетъ случай, когда нельзя рекомендовать длиннаго ряда подобныхъ спекуляцій, — именно тогда, когда ставкой каждый разъ служить весь капиталъ или сумма, превышающая его. Въ такомъ случаѣ исходъ будетъ лишь тогда благопріятенъ, когда всѣ *безъ исключенія* спекуляціи успѣшны. Поэтому для цѣлаго ряда спекуляцій шансы сложатся, согласно вышеупомянутому правилу теоріи вѣроятностей, уже нѣсколько иначе, чѣмъ для единичнаго случая. Такъ напримѣръ, если за успѣхъ извѣстной спекуляціи можно держать пари 3 противъ 1, то его вѣроятность для каждаго единичнаго случая выразится дробью $\frac{3}{4}$; но уже для троекратнаго непрерывнаго повторенія риска эта формула вѣроятности видоизмѣняется въ $\frac{27}{64}$; при четвертомъ повтореніи она приметъ видъ $\frac{81}{256}$; слѣдовательно теперь можно уже, наоборотъ, ставить болѣе 2 противъ 1, что изъ этихъ четырехъ спекуляцій по крайней мѣрѣ одна будетъ неудачна. Слѣдовательно при большемъ рядѣ непрерывныхъ повтореній непремѣнно долженъ наступить моментъ, когда наконецъ даже наибольшая вѣроятность успѣха перейдетъ въ свою полную противоположность, какъ это говоритъ намъ и здравый смыслъ. Поэтому вполне справедливо порицаютъ того, кто немедленно снова пускаетъ въ оборотъ весь свой наличный барышъ. Несмотря на это, въ числѣ быстро разбогатѣвшихъ дѣльцовъ всегда найдется не мало такихъ, которые придерживались именно этого приѣма и всегда помѣщали все свое состояніе или по крайней мѣрѣ большую часть его въ новыя предпріятія, успѣхъ которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представлялся вѣроятнымъ. Впрочемъ надо замѣтить, что обыкновенно человѣческій умъ, если онъ упускаетъ изъ вида теорію вѣроятно-

стей, осуждаетъ подобный пріемъ не такъ строго, какъ онъ того заслуживаетъ: вообще въ этомъ случаѣ успѣхъ принимается за вполнѣ удовлетворительное оправданіе, особенно же если организація предпріятія доказываетъ необычайный талантъ и энергію. При этомъ забываютъ, что цѣлая масса личностей, столь же смѣлыхъ, энергичныхъ и талантливыхъ, потерѣла на томъ же пути либо полное крушеніе, либо была значительно отброшена назадъ. А такъ какъ счастливцевъ, одинъ добившійся цѣли, на каждомъ шагу своей карьеры дѣйствительно проявлялъ выдающуюся энергію и предусмотрительность, до вся удача вообще приписывается исключительно этимъ качествамъ, а участіе такого важнаго и рѣшающаго фактора, какъ счастливое совпаденіе обстоятельствъ, не принимается въ расчетъ.

Гдѣ отсутствуетъ всякій рискъ, тамъ преимущество, доставляемое отдѣльной личности ея искусствомъ, основательностью и бережливостью, даже въ лучшемъ случаѣ весьма незначительно. Въ біографіи любого разбогатѣвшаго рабочаго вы найдете доказательства, что не одно упорное трудолюбіе и бережливость превратили скудные сбереженія заработка въ колоссальное состояніе, что въ этой метаморфозѣ непремѣнно игралъ значительную роль рискъ въ той или другой формѣ. Но гдѣ рискъ, тамъ и проигрышъ, и фикція гарантируемаго личными способностями успѣха объясняется по-просту тѣмъ, что *намъ рѣзко бросаются въ глаза лишь случаи удачи, между тѣмъ какъ соответствующіе случаи неудачи остаются въ тѣни*. И здѣсь природа затрачиваетъ массу зародышей, чтобы дать развиться одному счастливцу.

Мы показали, какую громадную и первенствующую роль играетъ счастье въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ быстрая и значительная удача обуславливается, по обыденному представлению, исключительно одними личными качествами человека. Для подтвержденія можно бы привести еще цѣлую массу примѣровъ, но, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно и сдѣлан-

наго нами указанія на тѣ стороны соціальной проблемы, которыя вѣчно упускаются изъ вида подъ вліяніемъ какъ бы оптического обмана, производимаго ослѣпительной картиной индивидуальнаго счастья. Нельзя напримѣръ отрицать того общеизвѣстнаго факта, что распредѣленіе значительной доли земныхъ благъ стоитъ въ исключительной зависимости отъ «случайностей происхожденія», что эти блага нерѣдко достаются, благодаря слѣпому капризу судьбы, какъ разъ наименѣе способной личности. Напрасно пытались статистическими изысканіями доказать, что участіе этихъ случайностей въ процессѣ образованія имуществъ безконечно мало¹⁷⁾. Крайне трудно опредѣлить отношеніе между суммою наслѣдственныхъ имуществъ и имуществъ благопріобрѣтенныхъ; по крайней мѣрѣ, всѣ извѣстныя, скудныя попытки статистическаго отвѣта не выдерживаютъ критики. При этомъ обыкновенно забываютъ тѣ многочисленные случаи, когда сословный выскочка при помощи брака, усыновленія или ассоціаціи вступаетъ въ пользованіе древнимъ наслѣдственнымъ имуществомъ, или при помощи необыкновеннаго кредита, какой и самому ловкому достается изъ сотни случаевъ лишь одинъ разъ, пріобрѣтаетъ значительныя суммы на накопленное другими имущество. Но еслибы даже дѣйствительно въ промышленномъ и торговомъ мірѣ крупныя имущества рѣдко сохраняли свой крупный характеръ до третьяго или четвертаго поколѣнія,—то изъ этого факта вовсе еще не слѣдовало бы, что эти имущества по-просту поглощаются потребленіемъ и что, наоборотъ, вновь возникающія имущества накапливаются непосредственно простыми ручнымъ трудомъ. Напротивъ, они обыкновенно лишь раздробляются процессомъ наслѣдственной передачи, и каждая отдѣльная часть вновь дѣлается ставкою въ промышленномъ рискѣ. Такимъ образомъ нерѣдко можетъ случиться, что шесть частей въ короткое время исчезнуть или значительно уменьшатся въ своемъ объемѣ, между тѣмъ такъ седьмая, доставшись какой-нибудь побочной линіи семейства, развернется

до величины первоначального имущества. Но чѣмъ несомнѣннѣ такимъ образомъ становится вліяніе случая на судьбы даже упроченныхъ торговыхъ предпріятій и старинной, концентрированной собственности, тѣмъ обязательнѣе для насъ его признаніе въ той сферѣ, гдѣ возвышеніе происходитъ лишь медленно.

Вообще же вліяніе счастливой случайности всегда имѣетъ тенденцію накопленія. Она, какъ въ лоттерей, обираетъ многихъ и передаетъ ихъ ставки немногимъ избранныкамъ. Осуществленіе нѣкоторыхъ предпріятій, какъ напр. разработка рудниковъ, новая морская торговля съ новыми рынками, эксплуатація крупнаго, дорогого изобрѣтенія или усовершенствованія немислимы безъ того, чтобы надежда на высокій барышъ не соблазнила и, разумѣется, не обманула цѣлой массы соискателей. Если при этомъ обманутые непосредственно и не увеличиваютъ будущаго выигрыша, то они дѣлаютъ это косвенно, помогая своими жертвами исчерпывать сумму несчастныхъ случайностей и приближая тотъ моментъ, когда появится выигрышный билетъ или благоприятный случай.

Не скрывается ли въ этомъ механизмѣ какой-нибудь полезный для человѣчества факторъ, помогающій ему подниматься съ помощью подобныхъ жертвъ на высшую ступень культуры? Полагаемъ, что да,—но считаемъ нужнымъ во всякомъ случаѣ предварительно устранить нѣкоторыя ложныя представленія, которымъ была бы чрезвычайно на руку возможность оправдать капиталистическое накопленіе посредствомъ игры слѣплаго случая. Дѣло въ томъ, что нерѣдко самымъ грубымъ образомъ смѣшиваютъ накопленіе національнаго капитала съ концентраціей капитала въ немногихъ рукахъ. Борясь всѣми силами противъ концентраціи капитала, рабочіе называютъ своего врага по-просту «капиталомъ». Въ этомъ случаѣ они смѣшиваютъ не понятія, а только названія, да и то часто ради краткости, а не по невѣжественному незнанію того, что политическая экономія собственно

понимаетъ подъ названіемъ *капитала*. Политическая же экономія обвиняетъ ихъ за это въ смѣшеніи самыхъ понятій. Во-первыхъ, она начинаетъ съ замѣчанія, что капиталъ въ сущности есть не что иное, какъ сумма всѣхъ приобрѣтенныхъ трудомъ богатствъ или благъ. Далѣе она показываетъ, какъ именно недостатокъ капитала, т. е. хлѣбныхъ запасовъ, отстроенныхъ домовъ, одежды, всевозможнаго сырого матеріала, машинъ, путей сообщенія, воздѣланной и удобренной почвы и т. д. дѣлаютъ страну бѣдной, между тѣмъ какъ изобиліе всѣхъ этихъ предметовъ вызываетъ національное благосостояніе, въ которомъ принимаетъ участіе и рабочій. Она доказываетъ, что денежный капиталъ есть лишь извѣстная часть всего наличнаго капитала, предназначенная для посредничества въ процессѣ обращенія, что банковыя бумаги, бумажныя деньги, векселя и т. д. не составляютъ еще капитала, а представляютъ собою простое видоизмѣненіе долгового свидѣтельства. Наконецъ она заявляетъ, что и спросъ на трудъ, а слѣдовательно и уровень заработной платы стоятъ въ тѣсной зависимости отъ находящагося въ странѣ капитала. И вдругъ, какъ выводъ изъ всѣхъ этихъ вполне вѣрныхъ и неоспоримыхъ положеній, она въ концѣ концовъ торжественно провозглашаетъ: слѣдовательно борьба рабочихъ противъ капитала нелѣпа, какъ будто совсѣмъ и не подозреваетъ, что рабочіе борются не противъ капитала вообще, а противъ *концентрированнаго* капитала или, вѣрнѣе сказать, противъ *силы умноженія и эксплуатаціи*, возникающихъ вслѣдствіе концентраціи *собственности* на капиталъ въ *немногихъ рукахъ*! Безстыдство достигаетъ нерѣдко такихъ размѣровъ, что начинаютъ увѣрять рабочихъ, будто богатство предпринимателей есть въ то же время и ихъ собственное богатство, будто ихъ личное благосостояніе неразрывно связано съ цвѣтущимъ состояніемъ крупныхъ коммерческихъ предпріятій и хозяйскимъ барышемъ. Явно смѣшивая самыя понятія, эти господа упрекаютъ рабочихъ за смѣшеніе клочекъ, — смѣшеніе, за которымъ

стоитъ вполне ясная и экономическая правильная цѣль, и третируетъ ихъ какъ дѣтей, незнакомыхъ съ самыми элементарными понятіями. И это позволяетъ себѣ наука, которая до сихъ поръ щеголяетъ, въ Германіи по крайней мѣрѣ, въ такомъ дѣтскомъ костюмѣ, что самое грубое смѣшеніе концентрированнаго денежнаго капитала съ національнымъ имуществомъ возводится, даже въ весьма распространенныхъ руководствахъ, нѣкоторымъ образомъ въ принципъ. Вѣдь воображаетъ же вполне серьезно одинъ изъ подобныхъ экономистовъ¹⁸⁾, будто можно опровергать теорію Мальтуса ссылками на періоды удвоенія капитала изъ процентной прибыли, между тѣмъ какъ отдаваемые въ ростъ деньги составляютъ лишь незначительную часть національнаго имущества, подчиненную своимъ особымъ законамъ. Въ наиболѣе бѣдныхъ и вообще отсталыхъ странахъ нѣрѣдко процентная норма для звонкой монеты наиболѣе высока, а слѣдовательно вышеупомянутый періодъ удвоенія наименѣе продолжителенъ, между тѣмъ какъ ежегодно въ опредѣленное время народонаселеніе массами гибнетъ отъ недостатка пищи! Концентрація въ немногихъ рукахъ капитала и предпринимательскаго барыша будетъ всегда приносить значительный вредъ всему обществу въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она способствуетъ *усилению зависимости* рабочаго, со всѣми деморализующими послѣдствіями, которыя она оказываетъ какъ на рабочихъ, такъ и на самихъ хозяевъ; а во-вторыхъ, она развиваетъ въ обществѣ привычку затрачивать большую часть приобрѣтеннаго имущества, и притомъ часть, возрастающую по мѣрѣ увеличенія національнаго богатства, на удовлетвореніе безумной *роскоши*, вмѣсто того чтобы стремиться къ постепенному облегченію и улучшенію жизни возможно большаго числа лицъ. Проповѣдуя «увеличеніе капитала во что-бы то ни стало», экономисты совершенно несправедливо оставляютъ безъ всякаго вниманія послѣднее обстоятельство. Стюартъ Милль говоритъ въ своей главѣ «о недвижимомъ состояніи» (IV кн. гл. VI¹⁹⁾, что «еще крайне

сомнительно, облегчили ли всѣ наши механическія изобрѣтенія до сихъ поръ хоть одному человѣку трудъ добыванія насущнаго хлѣба. Они дали возможность большому числу людей жить тою же каторжной жизнью и большому числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться. Они увеличили удобства среднихъ классовъ, но еще не начали производить въ человѣческой судьбѣ тѣхъ великихъ перемѣнъ, къ совершенію которыхъ назначены они своей сущностью и своей будущностью» *). Фактъ подмѣченъ вполне вѣрно, но только слишкомъ односторонне объяснять его исключительно тѣмъ, что увеличеніе народонаселенія идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ средствъ производства. Даже при недвижимомъ состояніи народонаселенія долженъ получиться тотъ же самый результатъ, если только принять, что капиталъ накапливается въ относительно немногихъ рукахъ; ибо нельзя представить себѣ такой массы механической или живой рабочей силы, которая могла бы вполне удовлетворить ненасытныя желанія отдѣльной личности, не говоря уже—цѣлаго класса привилегированныхъ личностей. Стоитъ лишь заручиться средствами подчинить себѣ рабочую силу и заставить ее служить. При современномъ же общественномъ строѣ они всегда имѣются налицо по-стольку, по-скольку капиталъ накапливается въ рукахъ немногихъ личностей при полной необезпеченности всего рабочаго населенія. Представимъ себѣ тотъ же самый наличный капиталъ въ рукахъ всей массы населенія, въ формѣ ли коллективной, или же въ формѣ частной собственности. Тогда притязанія каждой отдѣльной личности будутъ ограничены притязаніями всѣхъ остальныхъ членовъ общества. Рабочая сила, ручная и машинная, прежде всего будетъ производить для удовлетворенія насущныхъ потребностей всего общества, затѣмъ явится уже и возможность сокращенія рабочаго времени.

*) «Основанія политической экономіи». Изд. Пыпина, 1865 года, т. II, стр. 279.

удовлетвореніе же роскоши будетъ стоять на послѣднемъ планѣ, а потому роскошь будетъ возрастать весьма умѣренно. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что по законамъ человѣческой природы въ томъ именно культурномъ фазисѣ, когда господствуетъ лишь незначительное неравенство въ имущественномъ положеніи, соединенное со всеобщимъ благосостояніемъ, прочныя гражданскія добродѣтели легче всего могутъ ограничивать произволъ богачей. Чувство солидарности достигаетъ при подобныхъ отношеніяхъ своего апогея, и образованность расцвѣтаетъ такъ пышно, что смѣло можно сказать: самыхъ высокихъ и чистыхъ наслажденій человѣкъ можетъ достигнуть лишь въ обществѣ равноправныхъ и одинаково наслаждающихся личностей. Здѣсь роскошь перерождается въ культъ прекраснаго и сама опредѣляетъ такимъ образомъ свою цѣль. Чего не можетъ никогда доставить счастливому собственнику количественный ростъ средствъ, то доставляетъ ему счастливое сочетаніе благосостоянія и образованности окружающаго общества. Но когда чрезмѣрное накопленіе богатствъ въ немногихъ рукахъ, при обѣднѣніи массъ, нарушить подобное состояніе относительнаго социальнаго равновѣсія, то немедленно приходитъ конецъ и всѣмъ гражданскимъ добродѣтелямъ; образованность вырождается и вмѣстѣ съ ростомъ роскоши извращается вкусъ. Какъ мало подобный порядокъ вещей подвигаетъ человѣчество впередъ, мы еще лучше поймемъ, если теперь подвергнемъ анализу и *внутреннее* счастье, индивидуальное душевное благополучіе. Но прежде считаемъ нужнымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, оправдывающее въ нѣкоторомъ отношеніи социальный рискъ и указывающее его связь съ человѣческимъ прогрессомъ.

Изъ предыдущихъ разсужденій мы могли уже замѣтить, какъ сильно удача отважнаго авантюриста или дерзкаго предпринимателя увлекаетъ другихъ смѣльчаковъ на ту же дорогу, причемъ стимуломъ является не только природное влеченіе энергичнаго человѣка къ опасностямъ и препятствіямъ, но не менѣе того также и соблазнительная иллюзія всемогущества

смѣлаго и сильнаго человѣка. Источникъ этой иллюзіи кроется попросту въ томъ, что блескъ успѣха бросается въ глаза всему міру, между тѣмъ какъ злополучные конкуренты, хотя бы отъ природы и были одарены равными силами, молча лежатъ на днѣ морей, на поляхъ битвъ или бродятъ по свѣту жалкими калѣками и нищими. Успѣхъ избранниковъ счастья дразнитъ ихъ подражателей мечтою о *преміи* за труды и опасности. Впрочемъ эта премія по природѣ своей рѣзко отличается отъ того, что экономисты называютъ «преміей за рискъ». Подъ послѣдней подразумѣвается эквивалентъ той жертвы, которая кроется въ рискѣ; она предполагаетъ условія, при которыхъ возможно хотя отчасти обнять взглядомъ и опредѣлить вѣроятность потери. Поэтому политико-экономическая «премія за рискъ» вообще всегда настолько высока, что вполне покрываетъ потерю, вѣроятную при болѣе или менѣе продолжительномъ рядѣ однородныхъ предпріятій, и даже даетъ излишекъ, потому что безъ него при одинаковой конечной прибыли всякій предпочиталъ бы вѣрное предпріятіе рискованному. Напротивъ того, премія, о которой мы здѣсь говоримъ, не составляетъ подобнаго эквивалента, точно такъ же, какъ надежда на крупный лоттерейный выигрышъ никогда не представляетъ полнаго эквивалента сдѣланной ставки. Скорѣе она, подобно лоттерейному выигрышу, есть лишь *приманка*, и филистерская пословица: «повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить» *), слишкомъ часто оправдывается на разныхъ отчаянныхъ удалцахъ. Но о погибшихъ или липившихся своего состоянія плачется обыкновенно только тотъ скромный гражданинъ, племянникъ или сосѣдъ котораго потерпѣлъ несчастіе, между тѣмъ какъ на жизненномъ рынкѣ бросается въ глаза только счастливецъ и будитъ своимъ примѣромъ въ тысячахъ сердецъ охоту подражать. Такимъ обра-

*) «Wer sich in Gefahr begibt, kommt darin um!» т. е. кто лѣзетъ въ опасности, тотъ въ нихъ и погибнетъ.

зомъ съ точки зрѣнія *частной экономіи* въ этихъ рискованныхъ ставкахъ соціальной лоттереи почти всегда лежитъ неискупленная жертва, которую нельзя оправдать, потому что сумма потерь неудачниковъ далеко превышаетъ выигрышъ счастливица. Но съ точки зрѣнія общечеловѣческаго прогресса и *коллективныхъ интересовъ общества* дѣло принимаетъ совсѣмъ иной видъ.

Стоитъ только взглянуть въ судьбу тѣхъ многочисленныхъ людей, которые посвящаютъ свою жизнь изобрѣтеніямъ и открытіямъ. Какъ жалокъ часто жребій изобрѣтателей даже въ томъ случаѣ, если имъ удалось добиться своей цѣли и сдѣлать важное изобрѣтеніе въ достаточно удобной формѣ! А сколько изобрѣтателей умираетъ, не успѣвъ оставить человечеству ничего, кромѣ неосуществленной идеи, гениальной модели или машины, которой не достаетъ какой-нибудь мелочи для практическаго примѣненія! Эти малооцѣненные и еще менѣе вознаграждаемые современниками начинанія, нѣсколько видоизмѣненные и дополненные, становятся для потомковъ источниками громаднхъ богатствъ. Помѣшавшіеся и оборванные прожектеры, всѣми презираемые, готовые безъ устали проповѣдывать всѣмъ и каждому свои вѣчно-живыя надежды и засадить весь міръ за осуществленіе какой-нибудь химеры, принадлежатъ также къ числу вышеупомянутыхъ донкихотовъ изобрѣтательности, и часто различіе между ними и изобрѣтателями важныхъ машинъ и техническихъ усовершенствованій чрезвычайно относительно и даже неуловимо. Хотя у этихъ людей, какъ у культурныхъ пионеровъ въ отдаленныхъ степяхъ и какъ у искателей невѣдомыхъ странъ, нужно признать своеобразную организацію и врожденное стремленіе къ подобной дѣятельности, тѣмъ не менѣе при ближайшемъ разсмотрѣніи мы найдемъ, что *стремленіе къ обогащенію* здѣсь гораздо важнѣе, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Какая масса времени и силъ потрачена на исканіе «философскаго камня» и соединенное съ нимъ искусство добыванія золота! Вѣдь не безъ причины же именно «золотой кумиръ» такъ

увлекалъ многихъ голодныхъ ученыхъ и толкалъ ихъ въ бездну безпредѣльной и безнадежной «науки»! Человѣкъ нерѣдко тратилъ все свое состояніе на сооруженіе *perpetuum mobile* и, полный надеждъ, быть можетъ, рисовалъ по вечерамъ на своемъ чердакѣ голодному семейству тѣ несмѣтныя богатства и почести, которыя долженъ принести ему успѣхъ его опытовъ, и строилъ воздушные замки, утѣшавшіе его за лишенія нищенской жизни. Вотъ человѣкъ, открывшій минеральный источникъ и добившійся, благодаря своей неимовѣрной энергіи, блестящихъ результатовъ при эксплуатаціи своей находки; онъ расскажетъ намъ, какъ онъ еще въ дѣтствѣ мечталъ о выигрышныхъ лоттерейныхъ билетахъ и какъ онъ молодымъ человѣкомъ потерялъ все свое состояніе при разработкѣ золотого прииска. Изъ біографій знаменитыхъ путешественниковъ, открывавшихъ новыя страны, мы узнаемъ между прочимъ, что стимуломъ ихъ предпріятій было всегда желаніе открыть новый путь къ сокровищамъ Индіи. Такимъ образомъ обманчивая надежда на соблазнительную наживу уже у отдѣльныхъ людей играетъ нерѣдко роль путевода къ неожиданнымъ сокровищамъ; а въ общей сложности человечество всегда извлекаетъ для себя выгоду изъ тѣхъ разочарованій, которыя часто поражаютъ отдѣльныхъ его членовъ.

Но этотъ фактъ нисколько не освобождаетъ насъ отъ обязанности содѣйствовать разъясненію и въ этомъ направленіи, совѣтовать и предупреждать, даже съ рискомъ замедлить прогрессъ и завоевательное шествіе человечества. Мы уже указали, что борьба за существованіе годится лишь для неразумной природы и для человѣка на той ступени, когда онъ еще находится всецѣло подъ вліяніемъ грубыхъ страстей, между тѣмъ какъ съ пробужденіемъ полного сознанія въ человѣкѣ возникаетъ и стремленіе возвыситься, благодаря своему интеллекту, надъ бездушнымъ процессомъ зарожденія и уничтоженія. Точно также полное пониманіе сущности и явленій соціальной лоттереи поведетъ непременно къ попыткамъ уни-

чтожить ее и внести справедливость во взаимныя отношенія между вознагражденіемъ и трудомъ.

Грубый механическій факторъ человѣческаго прогресса, игравшій столь важную роль во всѣхъ предыдущихъ эпохахъ исторіи, становится совершенно излишнимъ послѣ того, какъ въ человѣчествѣ пробудился духъ высшаго развитія и любовь къ благороднымъ идеаламъ.

Теперь мы перейдемъ къ важному вопросу: какъ относится *внѣшнее* благополучіе человѣка къ его *внутреннему* благополучію? Отъ какихъ законовъ зависитъ послѣднее? Дѣйствительно ли внутреннее благополучіе такъ вполне обуславливается внѣшнимъ успѣхомъ, какъ это можно думать, судя по неустанной людской погонѣ за наживой и барышемъ; или оно вполне независимо отъ нашего матеріальнаго положенія, какъ это провозглашаютъ доктрины христіанства и нѣкоторые философы древности? Но можетъ быть гораздо лучше оставить послѣднія мнѣнія совсѣмъ въ покоѣ, потому что они въ сущности представляютъ лишь идеалъ и не столько говорятъ намъ о томъ, *что есть*, сколько о томъ, *что было бы желательно*. Что такой идеалъ, который дѣлаетъ человѣка независимымъ отъ всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вполне мыслимъ и возможенъ, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, такъ какъ способность человѣка жить идеями и во внѣшнемъ мірѣ цѣнить лишь духъ и форму не имѣетъ границъ. Но въ жизни этотъ идеалъ, даже въ крайне несовершенной формѣ, встрѣчается слишкомъ рѣдко, чтобы ему придавать большое значеніе при разсмотрѣніи дѣйствительнаго положенія вещей. Поэтому ограничимся тѣмъ взглядомъ, который такъ часто провозглашается на жизненномъ рынкѣ, безъ всякихъ претензій на идеализмъ; онъ заключается въ томъ, что вообще *каждый чувствуетъ себя счастливымъ всего въ своемъ положеніи*, что въ особенности бѣдняки, «не зная ничего лучшаго», не страдаютъ отъ своего положенія, пока оно не сдѣлается еще хуже, между тѣмъ какъ самое незначительное улучшение

ихъ быта доставляетъ имъ завидное наслажденіе; что съ другой стороны богачи, пресыщенные даровыми наслажденіями обеспеченной жизни, живутъ изо дня въ день разочарованно и апатично: увеличеніе суммы наслажденій перестаетъ ихъ радовать и пріятно волновать, всякое же ограниченіе производитъ крайне болѣзненное ощущеніе.

Въ новѣйшее время не разъ пытались придать *ученію о счастіи* научную форму, причемъ, если оставить безъ вниманія чисто-метафизическія умозрѣнія, исходили либо изъ математическаго, либо изъ фізіологическаго принципа. Перваго метода придерживался знаменитый математикъ *Даніиль Бернулли* ²⁰⁾, когда онъ вознамѣрился въ основу различія между такъ называемой «математическою надеждой» и тѣми явленіями обыденной жизни, которыя обуславливаются надеждою, положить какой нибудь точно опредѣленный принципъ. Какъ извѣстно, подъ «математической надеждой» понимаютъ обыкновенно цѣнность какого нибудь блага, выраженную въ числахъ и помноженную на ту дробь, которая означаетъ вѣроятность достиженія этого блага. Сравнивая эту формулу съ дѣйствительными явленіями жизни, скоро нашли, что данное благо цѣнится людьми весьма различно, смотря по степени ихъ благосостоянія. Богачъ цѣнитъ сумму въ сто франковъ менѣе, чѣмъ бѣднякъ, и поэтому скорѣе готовъ употребить эту сумму на рискованное предпріятіе. У кого эти сто франковъ составляютъ все наличное состояніе, тотъ въ большинствѣ случаевъ не рискнетъ этой суммой, какъ бы ни соблазняла его математическая надежда возратить ее съ прибылью. Изъ этого наблюденія Бернулли и вывелъ то положеніе, что относительная (личная) цѣнность какой нибудь очень малой суммы равняется абсолютной (математической) ея цѣнности, дѣленной на состояніе даннаго лица. Примѣняя къ этому предложенію дифференціальное и интегральное вычисленіе, мы найдемъ, что относительная цѣнность всякой суммы возрастаетъ *какъ логарифмъ* ²¹⁾ ея абсолютной цѣнности.

Формулированное Бернулли положеніе было подробнѣе развито Лампасомъ (который ввелъ въ употребленіе выраженія: «*fortune physique*» и «*fortune morale*»), и съ тѣхъ поръ часто встрѣчалось въ руководствахъ по теоріи вѣроятностей. Но никто въ то время не предчувствовалъ еще того громаднаго значенія, которое оно приобрѣло въ послѣдствіи, благодаря изслѣдованіямъ Э. Г. Вебера и Фехнера. Мы считаемъ необходимымъ коснуться здѣсь нѣсколько этихъ необыкновенно важныхъ по своимъ результатамъ открытій, обобщающихъ даны научную основу какъ ученію объ обществѣ, такъ и всей прагматической антропологіи ²²). Изслѣдуя тѣ минимальныя различія вѣса, длины, звуковъ, которыя распознаются при помощи нашихъ внѣшнихъ чувствъ—осязанія, зрѣнія и слуха, Веберъ нашелъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ важенъ не абсолютный размѣръ этого различія, а отношеніе его къ общему размѣру сравниваемыхъ величинъ. Такъ напримѣръ, человекъ, который сравниваетъ тяжести, равняющіяся приблизительно 6 лотамъ, и ощущаетъ при взвѣшиваніи на рукѣ различіе въ $\frac{1}{30}$ часть этого вѣса, при 12 лотахъ можетъ равнымъ образомъ ощущать лишь тридцатую же часть вѣса. То же наблюдается при опредѣленіи длины двухъ почти равныхъ линій, при опредѣленіи силы звуковъ и т. д.

Этотъ фактъ Фехнеръ принялъ за исходный пунктъ для цѣлаго ряда изслѣдованій, общій результатъ которыхъ сводится къ тому, что во всѣхъ сферахъ ощущенія имѣетъ мѣсто тотъ же законъ зависимости ощущенія отъ раздраженія, его вызвавшего. Это то и есть вышеупомянутый законъ Бернулли или, по выраженію Фехнера, законъ Вебера, котораго простѣйшая математическая формула будетъ: $y = \log x$, гдѣ y обозначаетъ собою данное ощущеніе, а x — то раздраженіе, которымъ это ощущеніе вызвано; за единицу слѣдуетъ принять ту величину раздраженія, при которой соответствующее ощущеніе равно нулю. Фехнеръ, прослѣдившій этотъ законъ во всѣхъ простѣйшихъ отношеніяхъ психическихъ явленій къ

ихъ физическимъ причинамъ, имѣлъ полное право назвать его «основнымъ психо-физическимъ закономъ».

Едва-ли можно сомнѣваться, что законъ распространяетъ свое дѣйствіе на большую часть всевозможныхъ социальныхъ и политическихъ явленій, такъ какъ уже одно предположеніе о его примѣнимости бросаетъ поразительный свѣтъ на цѣлый рядъ своеобразныхъ явленій народной жизни. Такъ напр., возьмемъ впечатлительность разныхъ народовъ или отдѣльных слоевъ одного и того же народа къ тяготящему на нихъ гнету политическихъ или социальныхъ условій. При самомъ поверхностномъ наблюденіи бросается въ глаза, что впечатлительность ко всякому усиленію этого гнета пропорціональна не абсолютной величинѣ, на которую онъ усиливается, а тому отношенію, въ которомъ упомянутое усиленіе стоитъ къ общей суммѣ гнета. Вотъ почему тамъ, гдѣ жизнь поставлена въ болѣе благопріятныя условія, даже незначительное ухудшеніе вызываетъ нерѣдко сильное недовольство, между тѣмъ какъ такое же ухудшеніе при болѣе тяжеломъ гнетѣ ощущается менѣе сильно.—Здѣсь однако не мѣсто для болѣе подробнаго разсмотрѣнія этихъ явленій, да оно потребовало бы обширной предварительной работы, чтобы привести къ сколько нибудь надежнымъ результатамъ. Для насъ же достаточно показать, что математическое основаніе теоріи счастья, которое намъ даетъ формула Бернулли, не стоитъ особнякомъ въ воздухѣ, но представляетъ при современномъ состояніи науки въ данной области одну изъ самыхъ твердыхъ и наилучше обоснованныхъ точекъ опоры.

Изъ этого принципа очевидно вытекаетъ нѣчто вроде уравненія между душевнымъ благополучіемъ различныхъ индивидовъ, въ томъ смыслѣ, что человекъ, въ изобиліи снабженный внѣшними благами, нуждается въ сравнительно болѣе крупной прибавкѣ къ своему счастью, чѣмъ бѣднякъ, чтобы получить одинаковое ощущеніе. Такое же уравненіе только въ болѣе значительной степени, доходящее почти до полной тожде-

ственности, пытались вывести изъ другого, весьма известнаго физиологическаго явленія. *Dr. Пидеритъ*, въ своей глубоко-мысленной лекціи о «Теоріи счастья» *), старается доказать, что основаніе всей теоріи счастья кроется въ законѣ *вліянія контрастовъ*, въ силу котораго наши нервы тѣмъ воспримчивѣе ко всякаго рода возбужденію, чѣмъ болѣе они передъ тѣмъ подвергались противоположному возбужденію. Мы живѣе ощущаемъ холодъ послѣ тепла, сытое состояніе намъ пріятнѣе послѣ голода, свѣтъ кажется всего сильнѣе, когда нашъ глазъ испыталъ передъ тѣмъ темноту. Отсюда недалеко до мысли распространить эту особенность нашей нервной системы и на духовную жизнь.

«Каждая радость, учить Пидеритъ **), кажется намъ тѣмъ большею, чѣмъ сильнѣе было предшествовавшее горе; только послѣ глубочайшей тоски наступаетъ величайшее спокойствіе, и кто никогда не испыталъ несчастія, тотъ и счастья не знаетъ. Примѣръ можетъ выяснитъ это положеніе. Каждый изъ насъ не разъ чувствовалъ непріятный холодъ въ пальцахъ при температурѣ въ три градуса теплоты. Но погрузимъ на минуту руку въ воду со льдомъ, и эта же самая температура покажется намъ довольно высокой. Такъ и съ человѣческимъ сердцемъ. Иной недоволенъ своимъ положеніемъ, жалуется на судьбу; но чуть сердце его погрузится въ ледяную ванну несчастія, и онъ потеряетъ все, чѣмъ обладалъ прежде,—онъ сразу научается цѣнить потерянное, и положеніе, прежде казавшееся невыносимымъ, теперь могло бы его осчастливить. Только тотъ можетъ вполне оцѣнить здоровье, кто его лишился; невыразимо-счастливое чувство возвращающагося здоровья знаетъ только выздоравливающій и въ этомъ чувствѣ находитъ награду перенесенныхъ страданій».

Итакъ, лишенія и горе усиливаютъ впечатлѣнія послѣдую-

*) *Dr. Пидеритъ*. Двѣ естественно-научныя лекціи. Спб. 1868 г. «Теорія счастья».

**) Стр. 14.

щаго наслажденія и радости; то же самое замѣчается и обратно. Веселое расположеніе играющихъ дѣтей легко переходитъ въ слезы, и человѣкъ, всѣ желанія котораго всегда встрѣчали немедленное удовлетвореніе, подъ конецъ становится столь впечатлительнымъ, что его можетъ раздосадовать даже муха на стѣнѣ.

«Какъ человѣкъ не можетъ постоянно питаться сладкими кушаньями, продолжаетъ Пидеритъ *), такъ не можетъ онъ и вѣчно наслаждаться радостью и счастьемъ. Кто чрезмѣрно ѣстъ сладкое, у того скоро появится отвращеніе къ нему; кто чрезмѣрно наслаждается радостью и счастьемъ, тотъ въ силу закона контрастовъ скоро почувствуетъ пресыщеніе ими. Многие удивляются, что англійскіе богачи, которымъ жизнь ни въ чемъ не отказала, такъ часто страдаютъ сплиномъ и стрѣляются; но это удивленіе неосновательно, потому что

«Ничто не сносится труднѣй,

Чѣмъ цѣлѣй рядъ счастливыхъ дней!»

Этотъ законъ контрастовъ имѣетъ то же значеніе по отношенію къ двигательнымъ, какъ и по отношенію къ чувствительнымъ нервамъ. Послѣ продолжительнаго покоя ничто не производитъ болѣе благотворнаго и пріятнаго ощущенія, чѣмъ трудъ и напряженіе, между тѣмъ какъ покой въ свою очередь сладокъ только послѣ усиленнаго труда. «То же самое, говоритъ Пидеритъ **), замѣчается и относительно душевныхъ движеній. Душевная дѣятельность есть первое условіе душевнаго здоровья, и наслажденіе, вызываемое этой дѣятельностью, главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ благотворномъ дѣйствіи послѣдующаго душевнаго покоя. Чѣмъ долѣе и усиленнѣе мы стремились къ духовной цѣли, тѣмъ сильнѣе чувство удовольствія и покоя по достиженіи ея. Поэтому степень удовольствія зависитъ не столько отъ достоинства исполненнаго труда, т. е. не отъ того случайнаго достоинства, которое онъ имѣетъ въ глазахъ другихъ людей, сколько отъ про-

*) *Ib.* стр. 16.

**) *Ib.* стр. 20.

должительности и степени усилий, употребленных для достижения цели. Ученый математикъ напр. остается совершенно равнодушнымъ, рѣшивъ уравненіе первой степени, но школьникъ, сдѣлавшій ту же задачу послѣ усиленнаго труда, считаетъ себя счастливымъ, достигнувъ вожделѣннаго результата».

Легко замѣтить, что этимъ путемъ, не расширяя горизонта изслѣдованія, можно дойти до такой точки зрѣнія, что въ сущности счастье и несчастье человѣка покажутся независимыми отъ внѣшнихъ условій. Пословица «всякъ самъ своего счастья ковать», примѣняемая близорукимъ филистеромъ ко внѣшнимъ условіямъ человѣческой жизни, къ результату его труда, по видимому примѣнима здѣсь съ гораздо большимъ правомъ, потому «что счастье складывается по опредѣленнымъ физиологическимъ законамъ, которые распространяются на всякаго, на всякій возрастъ и на всѣ сословія». — «Радость и горе, счастье и несчастье чередуются въ жизни, какъ день и ночь, и тѣмъ темнѣе была ночь, тѣмъ яснѣе и отраднѣе кажется намъ свѣтъ новаго дня». Несчастный всегда можетъ снова выбиться изъ несчастья, если возьмется за трудъ, и притомъ «за трудъ, къ которому его побуждаютъ его наклонности и способности: одинъ хватается за книги, другой — за посохъ путешественника; тотъ — за плугъ, этотъ — за искусство; — и вмѣстѣ съ трудомъ возвращается въ усталое сердце наслажденіе, радость, счастье».

Придавленный жизнью работникъ, безъ сомнѣнія, не будетъ въ состояніи прочесть эти строки, не ощущая въ сердцѣ того злобнаго чувства, которое придаетъ рабочему вопросу его специфическій и грозный характеръ. Но отчего это происходитъ? Не достаетъ ли злобствующему рабочему лишь *яснаго пониманія* вышеупомянутаго ученія? Разумѣется, нѣтъ; ибо, не смотря на свое происхожденіе отъ физиологическихъ возрѣній, оно очень просто и удобопонятно. Или же зависть разжигаетъ эту непримиримую злобу и отвѣчаетъ на всѣ философскія утѣшенія горькимъ, язвительнымъ смѣхомъ? Опять-

таки нѣтъ, хотя зависть и играетъ тутъ нѣкоторую роль, о чемъ мы упомянемъ ниже. Главнымъ же образомъ эта злоба вытекаетъ изъ непосредственнаго сознанія, что современное положеніе не гармонируетъ съ вышеупомянутыми ученіями, и одного этого факта вполне достаточно, чтобы заставить насъ подумать о томъ, не имѣетъ ли законъ контрастовъ въ примѣненіи къ ощущенію нами счастья опредѣленнаго предѣла, и можно ли вообще составить себѣ достаточно ясное представленіе о сущности вопроса, если считать счастье, доставляемое удовлетвореніемъ какой-нибудь потребности или устраненіемъ какого-нибудь лишенія, просто лишь *пропорциональнымъ* соотвѣтствующему лишенію?

Чтобы понять, что неограниченное примѣненіе закона контрастовъ не исчерпываетъ всего вопроса, припомнимъ только*) тѣ грустные и къ сожалѣнію не рѣдкіе въ перемѣнчивой человѣческой жизни случаи, когда крупное и главнымъ образомъ *продолжительное* несчастье не только не дѣлаетъ человѣка болѣе впечатлительнымъ къ наслажденіямъ, но, наоборотъ, на долгое время притупляетъ воспримчивость, если не убиваетъ ее окончательно. Даже при физиологическихъ ощущеніяхъ вліяніе контрастовъ имѣетъ границы. Слишкомъ сильное раздраженіе парализуетъ нервъ и дѣлаетъ его нечувствительнымъ не только къ тому ненормальному раздраженію, которому онъ передъ тѣмъ подвергался, но и къ противоположному впечатлѣнію. То же самое замѣчается и относительно душевнаго состоянія человѣка. Можно ли предположить, чтобы *Dr. Ладендорфъ* или капельмейстеръ *Реккель* сдѣлались способнѣе наслаждаться, послѣ того какъ они вырвались на свободу изъ долгодѣтнаго мучительнаго заключенія въ смиренитель-

*) На этой и на слѣдующихъ страницахъ мы цитируемъ отчасти дословно, отчасти съ небольшими измѣненіями нашъ собственный этюдъ подъ заглавіемъ: „*Счастье и трудъ*“, помѣщенный въ 7 и 8 книжкахъ журнала Эд. Пфейфера „*Die Arbeit*“ (Stuttg. 1866), къ сожалѣнію скоро прекратившаго свое существованіе.

номъ домѣ, которому они подверглись по злобѣ политическихъ враговъ? Фрицъ Рейтеръ оставилъ намъ прекрасное описаніе безотраднaго душевнаго состоянія, которое послѣ 7-лѣтняго заключенія въ крѣпости продолжалось еще много лѣтъ, прежде чѣмъ къ нему снова возвратились умственная свѣжесть и способность наслаждаться всею прелестью чередованія труда и отдыха? Но развѣ отупляющее дѣйствіе несчастія, проявившееся здѣсь такъ рельефно, въ дѣйствительности встрѣчается рѣдко? Мы думаемъ, напротивъ, что въ незначительной степени оно даже очень распространено. Я по крайней мѣрѣ не думаю, чтобы лондонская швея, едва находящая при своей убійственно-однообразной работѣ нѣсколько часовъ для сна, была способна, даже вырвавшись внезапно изъ бѣдственнаго положенія, къ такому же избытку счастья, какой чувствуетъ здоровая и свѣжая, никогда не знавшая ни горя, ни нужды барышня, дождавшись наконецъ послѣ нѣсколькихъ тревожныхъ мѣсяцевъ счастливой минуты свиданія съ любимымъ человѣкомъ.

Правда, существуетъ извѣстнаго рода внутренняя гармонія, которая можетъ самой измученной душѣ доставить щедрое вознагражденіе за всѣ лишенія; но Пидеритъ говорить не объ этой сладости отреченія, да ее и нельзя принимать въ расчетъ при физиологическомъ и соціально-политическомъ изслѣдованіи сущности счастья, если мы только не хотимъ вступить на лицемѣрный путь богатаго попа, утѣшающаго голоднаго школьнаго учителя обѣщаніемъ внутренняго удовлетворенія и загробнаго вознагражденія за добросовѣстную воспитательную дѣятельность. Нужно согласиться, что личности, вырастающія въ обеспеченной обстановкѣ безъ расслабляющей изнѣженности, способны вообще къ болѣе утонченнымъ и благороднымъ наслажденіямъ, чѣмъ люди, съ юныхъ лѣтъ стоящіе подъ гнетомъ тяжелаго труда, и врядъ ли можно отрицать, что, развѣ они имѣютъ средства доставлять себѣ эти наслажденія, они находятъ въ нихъ счастье, не всякому доступное. Чередованіе труда и отдыха доставляетъ бѣдняку-поден-

щику, когда онъ послѣ 12-ти часового труда возвращается въ свою узкую и низкую хижину, конечно такое же наслажденіе, какъ и сановнику, который засвѣтло оставляетъ свое бюро, чтобы погулять на свѣжемъ воздухѣ и провести вечерокъ въ театрѣ или въ пріятномъ обществѣ. Но можно ли считать большимъ заблужденіемъ со стороны поденщика, если онъ находитъ свое счастье болѣе ограниченнымъ, чѣмъ счастье сановной особы? Нѣтъ, ибо контрастъ можетъ дѣлать много, но еще далеко не все. Внѣшнія условія счастья не слѣдуетъ смѣшивать съ самимъ счастьемъ, и постоянный, равномерный избытокъ ихъ можетъ даже породить пресыщенность и притупить чувства; но въ общей сложности нельзя не признать, что ихъ абсолютная норма существенно способствуетъ увеличенію суммы и живости пріятныхъ ощущеній, и что ихъ отсутствіе во всякомъ случаѣ уменьшаетъ человѣческое счастье.

Далѣе напомнимъ, что физиологія, изъ которой мы почерпаемъ вышеупомянутое, повидимому столь примирительное ученіе о вліяніи контрастовъ, даетъ намъ также ясныя указанія относительно общаго воздѣйствія часто повторяющихся вліяній на жизненный процессъ. Мы отлично знаемъ, что извѣстная степень лишенія можетъ способствовать сохраненію здоровья и эластичности всѣхъ функцій нашего тѣла; что значительныя напряженія не только покрываются отдыхомъ и питаніемъ, но что вызванный ими обмѣнъ веществъ даже доставляетъ организму нѣкоторый избытокъ, что дѣятельные органы развиваются сильнѣе и что при этомъ общее состояніе организма удовлетворительнѣе и совершеннѣе, чѣмъ при вяломъ спокойствіи. Но намъ не хуже извѣстно и то, что существуетъ такой максимумъ напряженія и лишенія, при которомъ дѣло внезапно принимаетъ совсѣмъ противоположный оборотъ: силы пропадаютъ, обмѣнъ веществъ клонится къ регрессированію вмѣсто прогрессированія, продолжительность жизни уменьшается, и истощенный организмъ преждевременно хирѣетъ и чахнетъ. Не имѣемъ ли мы достаточнаго основанія

допустить, что этимъ явленіямъ физической жизни соотвѣтствуютъ аналогичные процессы и въ психической жизни? Мы можемъ какъ угодно высоко цѣнить то наслажденіе, съ которымъ рабочій послѣ 13-ти часового пребыванія въ душной фабричной темницѣ сидитъ у домашняго очага за своимъ скуднымъ ужиномъ; но, не говоря уже о томъ, что изнурительный и однообразный трудъ поглощаетъ у него значительную долю времени въ продолженіе всей жизни,—должно же существовать и внутреннее различіе между людьми съ испытанными лицами и истощеннымъ организмомъ и тѣми упитанными, довольными фигурами, которыя намъ попадаются на каждомъ шагѣ среди зажиточныхъ классовъ. *Общее чувство* благополучія или злополучія, служащее постояннымъ фономъ для всѣхъ частныхъ аффектовъ горя или радости, играетъ немаловажную роль въ нашемъ ощущеніи счастья или несчастья, и хотя его нельзя попросту отождествлять съ общей суммой пережитыхъ страданій и радостей, оно тѣмъ не менѣе существенно обуславливается тѣмъ количествомъ наслажденій или лишеній, которое намъ доставляетъ жизнь.

Разнообразіе наслажденій, доступное для человѣка богатаго, имѣетъ громадное преимущество передъ тѣми однообразными развлеченіями, которыми располагаетъ большинство нашихъ промышленныхъ рабочихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что человѣкъ, пресыщенный наслажденіями искусства и угонченнаго общества, находитъ новый источникъ радостей въ общеніи съ природой, въ особенности—соединенномъ съ умѣренными усиліями, какъ на примѣръ въ прогулкѣ по горамъ, въ охотѣ или въ укрѣпляющемъ нервы морскомъ купаньи. Даже такихъ умѣренныхъ напряженій, не говоря уже о соединенныхъ съ ними наслажденіяхъ, рабочій обыкновенно не можетъ себѣ разрѣшить. Ему знакомо только ежедневное, продолжительно-однообразное напряженіе, высасывающее изъ него всѣ соки. Въ этомъ то и заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ того безспорнаго факта, что сельскій рабочій

вообще чувствуетъ себя счастливѣе, чѣмъ фабричный, хотя его трудъ, по крайней мѣрѣ временами, требуетъ гораздо болѣе усилія, и хотя его пища грубѣе и скуднѣе, чѣмъ пища фабричнаго рабочаго. Тѣмъ не менѣе онъ не охотно помѣнялся бы съ послѣднимъ,—и онъ вполне правъ: не только его дѣятельность разнообразится постояннымъ чередованіемъ посѣва и жатвы, но и близость къ природѣ доставляетъ ему массу впечатлѣній, освѣжающихъ его умъ и оживляющихъ его духъ *).

Но самымъ важнымъ пунктомъ въ концѣ концовъ является все-таки естественное вліяніе *сравненія*, которое каждый человѣкъ постоянно и невольно проводитъ между своимъ положеніемъ и положеніемъ своего ближняго. Разумѣется, подобное сравненіе не можетъ быть вполне совершеннымъ: человѣкъ не въ состояніи переселиться въ душу другого и судить о его положеніи его же ощущеніями. Мы обыкновенно воображеніемъ составляемъ себѣ приблизительное представленіе о счастіи другого и, наблюдая внѣшнюю обстановку его жизни, *прикладываемъ къ ней свой собственный масштабъ*. Такимъ то образомъ бѣднякъ воображаетъ себѣ счастіе богача болѣе значительнымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, потому что для него лично всѣ тѣ наслажденія, которыми онъ никогда не пользовался, представляютъ гораздо болѣе прелесть, а собственное положеніе, рядомъ съ положеніемъ богача, кажется состояніемъ хроническаго лишенія. Это чувство никогда не пропадаетъ вполне, если бѣднякъ живетъ

*) *Gossen* «Die Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln», Braunschweig, 1854. (Законы человѣческихъ отношеній и вытекающія изъ нихъ правила для человѣческой дѣятельности). Авторъ попытался установить строго-математическую теорію наслажденія и труда, исходя изъ того факта, что всякое наслажденіе сильнѣе всего въ первый моментъ и затѣмъ начинаетъ слабѣть. Этотъ этюдъ, несмотря на всю односторонность, съ которой авторъ развиваетъ свою тему, заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ встрѣтилъ до сихъ поръ.

въ сосѣдствѣ съ богачемъ; но при продолжительномъ образіи оно можетъ значительно притупиться. При переѣвѣ обстоятельствъ и при всякомъ поводѣ, рельефнѣе отгнѣняющѣмъ существующее различіе, это чувство выступаетъ наружу живѣе. Мы ничего не объяснимъ, если назовемъ это возникающее изъ сравненія чувство—простой завистью и вообразимъ, что покончили съ нимъ разъ навсегда. Объясненіемъ сущности счастья тоже можно развѣ только устранить вредныя послѣдствія этого чувства, а не само чувство; ибо оно неизбѣжно возникаетъ изъ данныхъ отношеній. Соціально-политикъ обязанъ принимать въ расчетъ подобныя чувства. Его задача никогда не совпадаетъ съ задачею моралиста, да наконецъ даже въ случаѣ подобнаго совпаденія подлежитъ еще вопросу, слѣдуетъ ли называть завистью то угнетенное настроеніе, которое овладѣваетъ бѣднякомъ, когда онъ сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ богача. И на сторонѣ людей счастливыхъ возникаетъ вслѣдствіе сравненія аналогичное чувство, которое въ его сознательной формѣ называется злорадствомъ. Но та черта, которая и въ злорадствѣ, и въ зависти представляется намъ безнравственной и отвратительной, есть лишь тѣневая сторона вышеупомянутаго естественнаго ощущенія. Завистникъ мучается тѣмъ, что другой счастливъ; но прежде чѣмъ подобная мысль можетъ проникнуть въ сознаніе человѣка, на лицо уже имѣется фактъ, что собственное несчастье рядомъ съ бросающимся въ глаза счастьемъ другого человѣка становится невыносимѣе; но это возникающее въ силу естественной необходимости ощущеніе не можетъ подлежать нравственному осужденію, какъ не подлежитъ ему и то повышенное самосознаніе, которое зарождается у баловня судьбы, когда онъ замѣчаетъ, что изъ тысячъ предпочтеніе выпало на его долю. Грѣхопаденіе наступаетъ здѣсь лишь вслѣдъ за рефлексіей.

Съ соціально-политической точки зрѣнія вопросъ о томъ, гдѣ находится точка враждебнаго соприкосновенія этихъ

чувствъ съ нравственнымъ принципомъ человѣческаго совершенства, играетъ впрочемъ подчиненную роль. Достаточно указать на ихъ существованіе, чтобы вывести изъ него, что чрезмѣрное различіе въ жизненной обстановкѣ индивидовъ неизбѣжно производить меньшую сумму коллективнаго счастья, чѣмъ приблизительно-одинаковыя условія существованія, при которыхъ меньшинство не чувствовало бы себя неестественно привилегированнымъ, а большинство—угнетеннымъ. Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшее психологическое развитіе этого вопроса, мы напомнимъ здѣсь только о той простой истинѣ, что развитыя выше положенія о счастьи допускаютъ и *совершенно противоположное примѣненіе*, чѣмъ то, какое обыкновенно изъ нихъ дѣлаютъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы выводить изъ нихъ, что лишенія бѣдняковъ не мѣшаютъ ихъ счастью, и что поэтому все прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, можно сдѣлать изъ нихъ какъ разъ обратное заключеніе, а именно, что наслажденія высшей культуры и комфорта *не прибавляютъ къ счастью ничего существеннаго*, и что поэтому *отъ нихъ слѣдовало бы отречься, лишь только это представится желательнымъ по какимъ нибудь другимъ причинамъ*.

Извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи Руссо требовалъ во имя добродѣтели и нравственности этого возвращенія съ пути высшей культуры къ простой жизни невинныхъ первобытныхъ народовъ. Въ настоящее время мы отлично знаемъ, что представленіе объ идиллическомъ счастьи первобытныхъ народовъ исполнѣе ошибочно, что, наоборотъ, чѣмъ болѣе народъ отсталъ въ культурномъ развитіи, тѣмъ вообще болѣе отвратителенъ и неудовлетворителенъ строй его общественной жизни. Далѣе ни въ какомъ случаѣ нельзя считать безразличнымъ, развиваетъ ли человѣкъ свои способности и качества гармонично и во всей ихъ полнотѣ, или же нѣтъ, хотя бы онъ въ обоихъ случаяхъ даже чувствовалъ себя одинаково счастливымъ. Кто разъ созналъ, до какой степени совершенства можетъ быть доведенъ человѣкъ въ духовномъ и физическомъ отношеніи

у того непременно зародится стремление приближать свою собственную личность, своих ближних и потомков къ этому совершенству, и мнимое счастье дикарей теряет для него всю свою прелесть, еслибы даже и можно было доказать, что их душевное настроеніе не оставляет ничего больше желать. Кромѣ того человѣчеству во всей его совокупности присуще стремленіе къ такому совершенству, какое мы до сихъ поръ можемъ найти лишь въ созданіяхъ художниковъ и поэтовъ. Правда, что стремленіе къ этой цѣли проявляется въ довольно безпорядочной формѣ. У массы нашего народонаселенія нѣтъ ни досуга, ни средствъ заниматься музыкой и рыцарскими упражненіями, предаваться наукамъ, приобрѣтать пріятныя и благородныя манеры. Въ настоящее время приходится радоваться, если отъ оупляющаго труда, утомляющаго и тѣло, и душу, остается хоть столько досуга, чтобы человѣкъ могъ слѣдить за дѣлами государственнаго и общиннаго управленія и такимъ образомъ принимать нѣкоторое участіе въ важнѣйшихъ актахъ современной интеллектуальной жизни.—Наоборотъ, тѣ немногіе, которые обладаютъ средствами, употребляютъ ихъ на свои удовольствія гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, и часто не дѣлаютъ самаго необходимаго какъ для самосовершенствованія и собственнаго развитія, такъ и для воспитанія дѣтей.

Это явленіе также вполне естественно, и мы не много выиграемъ, осуждая богачей за безмысленную роскошь. Но можно надѣяться, что и въ этомъ отношеніи при дальнѣйшемъ прогрессѣ человѣчества постепенно восторжествуютъ лучшіе принципы, чему дѣйствительно весьма значительное содѣйствіе можетъ оказать та теорія счастья, съ которой мы выше познакомились. Она намъ прежде всего объясняетъ, почему люди, разъ достигнувъ обезпеченности, обыкновенно стремятся все къ новымъ и новымъ наслажденіямъ,—съ тою *ненасытностью*, которую моралисты такъ яро осуждаютъ. Такъ какъ мы, собственно говоря, можемъ вполне отчетливо ощущать лишь тѣ черты каждаго новаго своего состоянія, кото-

рыхъ *отличаютъ* его отъ прежняго, то человѣкъ вполне ощущаетъ счастье лишь въ тотъ моментъ, когда его счастье *испытываетъ увеличеніе*. Скрыга, привыкшій видѣть все свое счастье исключительно въ обладаніи богатствомъ, чувствуетъ поэтому удовлетвореніе лишь тогда, когда его имущество непрерывно возрастаетъ по меньшей мѣрѣ въ одинаковой пропорціи. Такъ, если онъ, обладая стотысячнымъ капиталомъ, получалъ ежегодно десять тысячъ талеровъ, то онъ при 200,000 долженъ получать по меньшей мѣрѣ 20,000, чтобы избѣжать мучительнаго чувства неудовлетворенности. Но, чтобы чувствовать себя вполне счастливымъ, онъ, собственно говоря, долженъ приобрѣтать въ возрастающей прогрессіи. Точно то же и у жуира съ его наслажденіями. Чѣмъ сильнѣе онъ привыкъ къ постоянному удовлетворенію чувствъ посредствомъ пріятныхъ возбужденій, тѣмъ болѣе должны будутъ усиливаться эти возбужденія для того, чтобы онъ могъ сохранить привычную степень удовлетворенности; и если онъ хочетъ получать постоянное ощущеніе удовольствія отъ своего дома, своего экипажа, своей прислуги, не освѣжая при этомъ своей воспримчивости къ наслажденіямъ, по закону контрастовъ, посредствомъ труда и огорченій,—то онъ долженъ будетъ прогрессивно увеличивать роскошь своей обстановки. А когда человѣкъ воленъ самъ выбирать, какъ ему удовлетворять себя, возстановляя ли посредствомъ упорнаго труда свою воспримчивость къ наслажденіямъ, или же мѣняя простое наслажденіе на болѣе утонченное, то не слѣдуетъ удивляться, что онъ предпочитаетъ обыкновенно послѣдній путь. Тѣмъ не менѣе этотъ путь безспорно наихудшій, такъ какъ необходимо ведетъ къ притупленію нервовъ и къ пресыщенности.

Но фактически роскошь избираетъ не только этотъ прямой путь, а дѣлаетъ въ то же время и самыя удивительныя прыжки въ сторону, такъ какъ увеличеніе наслажденія, какъ было уже выше замѣчено, можетъ быть достигнуто также при помощи простаго разнообразія. Отсюда издержки безумной

моды, при которой склонность къ разнообразію играет такую же роль, какъ и стремленіе удовлетворить тщесловіе и честолюбіе. Отсюда — частая ломка и ниспроверженіе того, что только-что было построено; отсюда — такое громадное расточеніе рабочей силы во всѣхъ сферахъ жизни! — Вообще расточеніе рабочей силы есть, собственно говоря, главное зло роскоши, если принимать въ расчетъ не отдѣльныхъ лицъ, а все общество. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы попробуемъ сдѣлать предположеніе, — разумѣется, несогласное съ дѣйствительностью, — будто всѣ издержки увеличивающейся роскоши дѣйствительно служатъ эстетическому вкусу, облагораживаютъ человѣка и его обстановку. Далѣе не трудно понять, что первыя изъ сдѣланныхъ издержекъ оказываютъ всегда наиболѣе значительное и замѣтное вліяніе. Уже при умѣренномъ состояніи можно устроить себѣ здоровое и уютное жилище, простую, но изящную обстановку и получать доступъ къ образовательнымъ средствамъ, предлагаемымъ человѣчеству искусствомъ и наукою. Это неизмѣримо возвышаетъ жизнь надъ уровнемъ того жалкаго существованія, которое гибнетъ подъ гнетомъ непосильнаго труда и недостатка отдыха, не достигая полнаго развитія всѣхъ духовныхъ способностей. Но затѣмъ чѣмъ болѣе средствъ затрачивается на человѣческую жизнь, тѣмъ менѣе замѣтнымъ становится ихъ дѣйствіе, сводясь постепенно на незамѣтные почти тонкости *). Безъ сомнѣнія, чувства знатока, всецѣло погруженнаго въ высшія наслажденія жизни, изощряются для воспріятія утонченныхъ и въ своемъ родѣ совершенныхъ впечатлѣній въ той именно степени, въ какой притупляется его первоначальная свѣжесть воспріимчивости къ наслажденіямъ. Второстепенный пѣвецъ, голосъ котораго можетъ доставить наслажденіе цѣлымъ тыся-

*) Нельзя отрицать аналогіи этой мысли съ ученіемъ фонъ-Тюнена, по которому прибыльность вновь вкладываемыхъ въ предпріятіе денежныхъ фондовъ постепенно ослабѣваетъ.

чамъ обыкновенныхъ смертныхъ, рѣжетъ ухо публикѣ, привыкшей исключительно къ первоклассному пѣнію; и вотъ на выработку и оплату первоклассныхъ голосовъ начинаютъ тратить громадныя суммы, оставляя въ то же время безъ всякой поддержки развитіе благороднаго искусства пѣнія.

То же самое и во всѣхъ другихъ искусствахъ. Въ настоящее время костюмъ элегантной парижской женщины стоитъ иной разъ такую сумму, какой не могутъ заработать въ цѣлый годъ сотни прилежныхъ работниковъ вмѣстѣ. За десятую долю этихъ издержекъ еще можно бы сдѣлать изысканный костюмъ для женщины высшаго общества нѣмецкаго провинціального города, а сотой доли за глаза хватило бы на достаточно еще изящную, хотя и неприхотливую одежду. То же самое можно сказать и о роскоши жилища, какъ и обо всемъ прочемъ. Относительно же прислуги можно всегда даже провести границу, за которой увеличеніе ея числа является исключительно ради пышности и тщесловія, такъ какъ господинъ получаетъ отъ такого увеличеннаго контингента ровно столько же услугъ, какъ и отъ несравненно меньшаго числа рукъ.

Что роскошь вообще доставляетъ лишь незначительную сумму счастья, уже достаточно часто утверждали древніе мудрецы. Но ихъ мнѣніе находило мало сочувствія. Оно повидимому стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ здравымъ человѣческимъ смысломъ и съ естественной, неизвращенной логикой; и все-таки оно вполне справедливо и, какъ мы видѣли, можетъ быть доказано почти съ естественно-научной точностью. Это кажущееся противорѣчіе само собою уничтожится, когда мы обратимъ вниманіе на то, что законъ ощущенія счастья самъ производитъ своими своеобразными условіями оба вышеупомянутыхъ явленія: какъ *притупленіе* воспріимчивости къ наслажденіямъ, такъ и *ненасытность*, требующую постояннаго усиленія ихъ.

Итакъ, мы видимъ, что роскошь *не содержитъ въ себѣ самоограниченія*. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ,

не должно ли извѣтъ установить для нея законные предѣлы? Древніе спартанцы, римляне и другіе народы такъ дѣйствительно и поступали; но ихъ усилія увѣнчивались лишь временнымъ успѣхомъ, и склонность къ пышности и мотовству до сихъ поръ въ концѣ концовъ всегда одерживала верхъ надъ такимъ противникомъ, какъ вѣншее ограниченіе. Соціалисты держались первоначально того мнѣнія, что полнѣйшее равенство людей было бы залогомъ наиболѣе счастливаго порядка вещей; но врожденное стремленіе къ свободѣ возмущается при видѣ насильственныхъ препятствій развитію значительныхъ природныхъ дарованій и талантовъ, которые въ противномъ случаѣ всегда будутъ проявлять свое вліяніе; и если теоремы нашего ученія о счастья вѣрны, то подобное полное и безусловное равенство людей вовсе даже и не желательно, потому что оно было бы связано съ нѣкоторой монотонностью общественной жизни. Если мы, оставляя въ сторонѣ вопросъ о приѣмахъ практическаго осуществленія, зададимся лишь мыслью намѣтить въ существенныхъ чертахъ идеально-счастливый общественный строй, то мы должны прежде всего выразить желаніе, чтобы въ обществѣ не существовало такихъ членовъ, которымъ низкое вознагражденіе за трудъ и недостатокъ отдыха мѣшаютъ принимать участіе въ умственной жизни всего общества. Далѣе, мы должны пожелать, чтобы болѣзненная ненасытность роскоши была обуздываема не насильственно, а подверглась бы внутреннему радикальному исцѣленію. Наконецъ мы должны пожелать, чтобы неравенство средствъ среди людей было настолько сглажено, насколько это можетъ быть достигнуто посредствомъ медленныхъ и непрерывныхъ вліяній, безъ нравственно-стѣсняющихъ свободное движеніе оковъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Норма благосостоянія.

Англичане, особенно охотно и старательно занимающіеся рабочимъ вопросомъ, обладаютъ въ выраженіи: *standard of life* очень удобнымъ и вполнѣ общепонятнымъ терминомъ для обозначенія такого понятія, которое въ этомъ вопросѣ играетъ весьма важную роль. Слово «*standard*» (собственно говоря: штандартъ, знамя) употребляется при обозначеніи рода монеты, калибра огнестрѣльнаго оружія, единицъ мѣры, вѣса и т. п. и обозначаетъ вообще мѣру или норму чего бы то ни было. Передавая англійскій терминъ словами «норма благосостоянія», мы хотимъ этимъ обозначить тотъ уровень питанія и прочихъ жизненныхъ потребностей, на которомъ можетъ держаться данный классъ населенія. Такимъ образомъ норма благосостоянія рабочаго сословія занимаетъ въ соціальной жизни низшую ступень, потому что мы здѣсь не говоримъ о нищѣ брѣтѣи и бродягахъ. Впрочемъ не безынтересно замѣтить, что, къ сожалѣнію, этимъ послѣднимъ отчасти сносѣе живетъ на бѣломъ свѣтѣ, чѣмъ честному и прилежному рабочему. Но важность понятія «норма благосостоянія» заключается не въ томъ, что нормальная мѣра притязаній рабочаго на жизненные блага представляетъ собою средній выводъ изъ обобщеній статистическихъ данныхъ, а въ томъ, что норма благосостоянія рабочаго класса является важнымъ соціальнымъ факторомъ, функція котораго состоитъ въ противоодѣйствіи гнету борьбы за существованіе. Къ тому же это

понятіе, — въ нашихъ по крайней мѣрѣ глазахъ, — настолько широко, что обнимаетъ всѣ, даже духовныя, средства, при помощи которыхъ рабочее сословіе можетъ вообще бороться съ жизненнымъ гнетомъ. Что въ этомъ смыслѣ выраженіе «норма благосостоянія» имѣетъ громадное значеніе, что рабочее населеніе съ прочными привычками и съ опредѣленными жизненными притязаніями оказываетъ капиталистической эксплуатаціи несравненно большее противодѣйствіе, чѣмъ такое населеніе, которое въ своихъ привычкахъ легкомысленно принаравливается къ обстоятельствамъ, — это вообще неоспоримый фактъ. Гдѣ случайная конъюнктура вызываетъ внезапное возвышеніе заработной платы и гдѣ слѣдовательно увеличенное вознагражденіе труда достается такъ же неожиданно, какъ и лотерейные выигрыши, и столь же неожиданно снова прекращается, тамъ обыкновенно возникаютъ разнузданность и деморализація, за которыми слѣдуютъ сугубая нищета и бѣдствія. Наоборотъ, тамъ, гдѣ рабочимъ въ благоприятную для нихъ пору удается употреблять временный излишекъ заработной платы на солидное улучшеніе своей жизненной обстановки, — они сами, безъ всякаго предварительнаго сговора и рѣшенія, единодушно воспротивятся всякой попыткѣ пониженія новаго, повышеннаго уровня благосостоянія. Итакъ, первымъ послѣдствіемъ нормы благосостоянія является естественная коалиція всѣхъ членовъ общества, находящихся приблизительно въ одинаковомъ положеніи. Этой естественной коалиціи нельзя запретить. Не такъ еще давно въ законодательствахъ большей части европейскихъ государствъ господствовало плачевное заблужденіе, въ силу котораго рабочимъ строго-настрою воспрещались всякія коллективныя рѣшенія и требованія въ сферѣ заработной платы. Тѣмъ не менѣе, когда дѣло доходило до пониженія привычнаго уровня нормы благосостоянія, рабочіе съ удивительной солидарностью, безъ всякаго предварительнаго сговора, были всегда готовы на самое энергичное сопротивленіе. Но при столкновеніи съ пре-

восходными силами капитала дѣйствіе этого сопротивленія органичивается самымъ незначительнымъ кругомъ. Какъ извѣстно, стоимость продуктовъ находится въ зависимости отъ наличнаго предложенія и спроса. Слѣдовательно, когда фабриканту становится невозможнымъ платить прежнюю заработную плату (если только онъ не хочетъ производить безъ барыня, что противорѣчитъ его нормѣ благосостоянія), онъ уменьшаетъ ее, и если при этомъ не находитъ себѣ рабочихъ, то совершенно прекращаетъ производство. Пока въ другомъ мѣстѣ еще стоитъ болѣе высокая заработная плата, его прежніе рабочіе могутъ бороться. Они могутъ быть гораздо скорѣе уступили бы, не такъ старательно искали бы другихъ занятій, не такъ легко эмигрировали бы, еслибы они не привыкли къ извѣстной опредѣленной нормѣ благосостоянія, отъ которой не желаютъ отказаться; однако когда пониженіе заработной платы сдѣлается всеобщимъ, они все равно погибли, они принуждены уступить и понизить уровень своихъ жизненныхъ потребностей.

Мы здѣсь еще не касаемся вопроса, могутъ ли рабочіе посредствомъ прочной и систематической *организации* отстаивать или даже повышать норму своего благосостоянія. Подобныя организаціи не могутъ приобрести необходимой прочности, пока каждый отдѣльный ихъ членъ не проникнется сознаніемъ, что онъ въ нихъ нуждается, что социальная борьба будетъ все сильнѣе и сильнѣе придавливать его, если онъ не рѣшится принести часть своей индивидуальной свободы и часто даже всю свою минутную выгоду въ жертву коллективнымъ интересамъ. Поэтому подобныя попытки подлежатъ анализу не при изслѣдованіи естественныхъ элементовъ рабочаго вопроса, а при изученіи тѣхъ широкихъ путей, которые избраны для его рѣшенія. Именно то обстоятельство, что союзы рабочихъ въ настоящее время уже играютъ столь значительную роль въ фактическомъ положеніи вещей (въ Германіи ихъ значеніе принимаетъ со времени появленія въ свѣтъ перваго изданія этого сочиненія, т. е. съ конца 60-хъ годовъ, все

болѣе грандіозные размѣры), доказываетъ, что мы живемъ въ эпоху серьезныхъ попытокъ практическаго рѣшенія рабочаго вопроса, хотя многіе продолжаютъ еще сомнѣваться даже въ самомъ существованіи подобнаго вопроса.

Такъ какъ самымъ важнымъ практическимъ результатомъ нормы благосостоянія слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что она до извѣстной степени замѣняетъ собою искусственное объединеніе, то намъ не мѣшаетъ узнать по крайней мѣрѣ, обо что обыкновенно разбивается порождаемая равенствомъ жизненной обстановки солидарность рабочихъ, даже когда она ведетъ къ временному торжеству рабочей стачки. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ опровергнуть безсмысленное мнѣніе, будто рабочія стачки уже потому не могутъ привести къ благоприятному результату, что заработная плата вообще опредѣляется не произволомъ рабочихъ и работодателей, а «предложеніемъ и спросомъ»²³⁾. Представимъ себѣ, что у рабочихъ есть средства для жизни и помимо заработной платы. Тогда уменьшеніе предложенія рабочихъ рукъ должно бы было неизбежно повести къ ослабленію производства. Состояніе предложенія и спроса на *рабочемъ рынкѣ* отразилось бы на состояніи *товарнаго рынка*, и еслибы при этомъ продолжалъ существовать прежній спросъ на товары, то слѣдствіемъ уменьшенія предложенія было бы возвышеніе цѣнъ, которое затѣмъ сдѣлало бы возможнымъ повышеніе уровня заработной платы. Таковъ былъ бы естественный ходъ дѣла, еслибы всѣ заинтересованные лица были въ равной степени обезпечены. Въ настоящее же время въ дѣло вмѣшиваются голодъ и нищета и даютъ ему другой ходъ, либо принуждая рабочихъ продавать свою силу за болѣе низкую плату, либо уменьшая ихъ число посредствомъ извѣстнаго смертоноснаго вліянія нужды и способствуя такимъ образомъ продолженію борьбы противъ пониженія заработной платы. Предприниматель преспокойно выжидаетъ или же изворачивается въ своей бѣдѣ посредствомъ введенія новыхъ машинъ, сокращающихъ необходимое число

рабочихъ рукъ. Другой основной причиной неизбежнаго пораженія въ этой борьбѣ рабочихъ служитъ тотъ фактъ, что въ настоящее время существуютъ весьма значительные *запасы* всѣхъ почти предметовъ потребленія, между тѣмъ какъ рабочіе обладаютъ лишь незначительными запасами для своего содержанія. При изслѣдованіи этого вопроса обыкновенно слишкомъ односторонне принимаютъ въ расчетъ однихъ только капиталистовъ и предпринимателей, которые конечно могутъ выдержать борьбу. Но не въ этомъ суть: главное дѣло въ соотношеніи запасовъ. А какъ грандіозенъ запасъ предметовъ потребленія, какая масса ихъ скоплена въ фабричныхъ складахъ, у оптовыхъ и розничныхъ торговцевъ, въ кладовыхъ потребителей,—это намъ снова доказалъ громаднѣйшій хлопчатобумажный кризисъ съ такой наглядностью, которая поразила даже самыхъ опытныхъ знатоковъ въ англійскихъ торговыхъ палатахъ. Поэтому рабочимъ нелѣпо разсчитывать и бить посредствомъ рабочихъ забастовокъ исключительно на ослабленіе работодателя. Работодатель будетъ обезсиленъ забастовками только въ томъ случаѣ, если онѣ мѣшаютъ исполненію такихъ заказовъ, приостановка которыхъ грозитъ опасностью его существованію и его кредиту; да и то въ послѣднемъ отношеніи современная солидарность капиталистическихъ интересовъ установила такую предусмотрительность, которая работодателю какъ нельзя болѣе на руку. Забастовка не можетъ сдѣлать работодателя податливѣе, если рабочіе станутся въ такое время, когда заработная плата находится въ подавленномъ состояніи, потому что тогда и цѣны на продукты стоятъ ниже. Скорѣе бы можно было добиться чего нибудь *при возрастающей конъюнктурѣ*; но тогда-то рабочіе обыкновенно менѣе всего объ этомъ думаютъ. При каждомъ значительномъ повышеніи спроса наступаетъ всегда такой моментъ, когда фабрикантъ *уже получаетъ высшія цѣны безъ параллельнаго однако повышенія вознагражденія рабочимъ*. На нѣкоторое время всѣмъ работы по горло и

вообще работается прибыльѣе. Только послѣ того какъ спросъ еще болѣе увеличится, потребуются еще новыя рабочіе. Если бы въ этотъ, наиболѣе благопріятный, моментъ рабочіе отказались отъ работы, то въ большинствѣ случаевъ пришлось бы повысить плату. Разумѣется, этотъ выигрышъ снова исчезъ бы съ наступленіемъ слѣдующаго затишья.—Къ этому слѣдуетъ прибавить, что утилизація благопріятно-комбинирующихся обстоятельствъ предполагаетъ всегда развитое уже сознание солидарности интересовъ и предварительную искусную организацію, между тѣмъ какъ стремленіе сохранить разъ установившуюся норму благосостоянія въ неблагопріятные моменты есть какъ бы мать всѣхъ рабочихъ организацій и естественный источникъ всей ихъ нравственной силы. Оставляя въ сторонѣ судьбу отдѣльных индивидовъ, можно сказать даже, что защита *statu quo* благосостоянія никогда не остается безполезной. *Дѣлу защиты благосостоянія служатъ*—какъ ни легко забывается этотъ выводъ мертвой теоріей—*не одніе удачныя рабочія забастовки, но и неудачныя*. При послѣднихъ, разумѣется, непосредственный убытокъ рабочихъ значительнѣе, чѣмъ потери работодателей. Первые зачастую ставятъ на карту счастье всей своей жизни, не получая *для себя лично* никакой соотвѣтствующей выгоды; но они ослабляютъ, подобно даже неудачному штурму на крѣпость, силу сопротивленія осажденныхъ и дѣлаютъ ихъ болѣе склонными къ капитуляціямъ. Вообще работодатель, разъ испытавшій забастовку рабочихъ, впослѣдствіи не такъ то легко рѣшится безъ серьезнаго повода понизить заработную плату; даже и въ томъ случаѣ, если онъ изъ перваго конфликта вышелъ побѣдителемъ, онъ не захочетъ вторично вступить въ эту борьбу. Совсѣмъ иначе обстоятъ дѣла на сторонѣ рабочихъ. Даже потерпѣвъ подобное пораженіе, рабочіе послѣ первой попытки гораздо легче рѣшаются на вторую, чѣмъ до своего неудачнаго опыта. Разъ сброшенъ привычный кошмаръ пассивнаго подчиненія всѣмъ распоряженіямъ, исходящимъ изъ конторы,—къ надеждѣ до-

биться при второй попыткѣ лучшаго успѣха легко присоединяется известная доля жажды мести, приливаютъ новыя силы. Но что главнѣе всего—во все продолженіе такой борьбы противъ пониженія нормы благосостоянія въ рабочихъ ясно говоритъ чувство, что борются они не только за собственное матеріальное благосостояніе, но и *за свою честь*, и за благо всего рабочаго класса. Какъ важно это чувство чести, это яснѣе всего видно изъ особенно упорнаго характера тѣхъ рабочихъ забастовокъ, которыя вызываются фабричными порядками. Вообще у человѣка съ защитой привычной нормы благосостоянія всегда связано естественное чувство чести. Честолюбіе, побуждающее къ достиженію высшей нормы благосостоянія, вліяетъ поэтому значительно слабѣе, чѣмъ чувство стыда въ случаѣ необходимости спуститься съ привычнаго уровня.—Къ этому присоединяются еще другіе нравственные мотивы. Въ сферѣ привычной нормы благосостоянія всѣ наклонности, потребности и семейная обстановка рабочаго такъ сложились, что каждый недостающій грошъ оставляетъ гдѣ нибудь замѣтный пробѣлъ, вызывающій слезы дѣтей, горе матери семейства и мучительное чувство неудовлетворенности привычныхъ мелкихъ потребностей. То же самое явленіе имѣло бы мѣсто, еслибы рабочему съ высшаго уровня благосостоянія пришлось спуститься къ современной нормѣ. Иное дѣло при повышеніи уровня. Здѣсь нѣтъ пока на лицо поддержки привычекъ и невольнo сказывающихся потребностей. Онѣ не такъ-то легко и скоро вѣдаются въ плоть и кровь человѣка, чтобы рабочій могъ сразу всей душою сжиться съ своимъ новымъ положеніемъ на высшей ступени благосостоянія. Слѣдовательно временно онъ живетъ, если только не явится на помощь какая нибудь спасительная сберегательная касса, въ *изобиліи*, и это изобиліе оказываетъ на него, несмотря на его сравнительно бѣдную обстановку, то же нравственное вліяніе, какъ и на привилегированные классы общества. Въ этомъ отношеніи рабочій стоитъ въ гораздо менѣе благопріятныхъ

условіяхъ, чѣмъ привилегированные, потому что въ большинствѣ случаевъ онъ отдѣленъ значительной пропастью отъ привычекъ и удовольствій остальныхъ общественныхъ слоевъ, и у него нѣтъ никого, кто бы могъ указать ему подходящее примѣненіе относительно излишнихъ средствъ. Поэтому положительно нечему удивляться, если онъ въ такомъ случаѣ часто позволяетъ себѣ дикіе эксцессы и бессмысленное мотовство, между тѣмъ какъ у него не хватаетъ еще множества такихъ предметовъ и условій обстановки, которые необходимы для мало-мальски сноснаго и человѣчнаго существованія. Нанять лучшее жилище, обзавестись новыми постелями, часами, книгами и т. д.,—это ему не такъ легко приходитъ въ голову; а если и придетъ, то у него сейчасъ же зарождается вопросъ, удастся ли ему сохранить занятую такимъ образомъ ступень благосостоянія; между тѣмъ прокученный излишекъ дохода доставляетъ очевидную чистую прибыль испытанныхъ удовольствій, хотя и оставляетъ все прочее по старому. А эгоизмъ грубыхъ и тупоголовыхъ капиталистовъ дѣлаетъ изъ этого вполне естественнаго и общаго психологическаго закона выводъ, что повышение заработной платы совершенно бесполезно для рабочаго, потому что вмѣстѣ съ нимъ увеличивается легкомысліе ²⁴⁾. Словно наше рабочее населеніе создано изъ худшаго матеріала, чѣмъ умѣренная и добродѣтельная буржуазія! Дайте только подольше продержаться такой повышенной заработной платѣ, и вы увидите, какъ относительное мотовство, благодаря не менѣе вѣрнымъ психологическимъ законамъ, постепенно станетъ превращаться въ повышение уровня нормы благосостоянія, расчищая такимъ образомъ путь къ духовному подъему рабочаго класса.

Слѣдовательно, *бессознательная сила привычки* лучше всего объясняетъ тотъ фактъ, что гнетъ конкуренціи наталкивается въ извѣстный моментъ на сопротивленіе со стороны рабочаго, что пониженіе уровня заработной платы не можетъ переступить предѣловъ *низшей обычной нормы благосостоянія дан-*

ной страны; такимъ образомъ англичанинъ не позволить низвести уровень своего благосостоянія до нѣмецкой нормы, а нѣмецъ—до уровня жизни какого нибудь ботокуда.

Весьма ошибочно мнѣніе, будто рабочій вообще можетъ путемъ воздѣйствія на разсудокъ и чувство *работодателя* оказать значительное нравственное сопротивленіе процессу пониженія уровня заработной платы. При этомъ совсѣмъ не важенъ вопросъ, представляетъ ли весь классъ работодателей безъ исключенія сплошное скопище людей безсердечныхъ, неспособныхъ сочувствовать страданіямъ ближняго, или же нѣтъ: вѣдь бессознательное вліяніе интересовъ челоѣка на весь складъ его мышленія и при другихъ обстоятельствахъ достаточно велико. Поэтому нечего разсчитывать, что капиталисты *позволятъ* въ концѣ концовъ *убѣдить себя*, что они *сознаютъ*, что не слѣдуетъ увеличивать угнетенія рабочихъ. Правда, въ Англіи были попытки довести ихъ до этого сознанія; для этого указываютъ на постоянное возрастаніе *налога въ пользу неимущихъ*, причемъ такую точку зрѣнія называютъ практической, потому что она банальна. Въ результатѣ такой аргументаціи является развѣ только размноженіе филантропическихъ обществъ, но на заработную плату она не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія. Вѣдь предпріятіе должно во что бы то ни стало приносить доходъ, и притомъ по возможности больше дохода; а изъ барышей можно потомъ, пожалуй, и удѣлить нѣсколько грошей на добрыя дѣла. Ни дать, ни взять, какъ у христіанскаго фабриканта индійскихъ идоловъ. Чувство благочестія побуждаетъ его, правда, жертвовать ежегодно нѣсколько фунтовъ стерлинговъ миссіонерамъ; но фабрикація идоловъ идетъ своимъ порядкомъ: это денежные дѣла, здѣсь кончается его чувство благочестія. Насмѣшкою надъ всѣми результатами многолѣтняго экономическаго опыта было бы мнѣніе, что рабочій можетъ иначе оказать работодателю нравственное противодѣйствіе въ пониженіи заработной платы, чѣмъ именно *категорическимъ заявленіемъ своей воли*.

Какими же средствами обладает рабочий, чтобы настоять на своем veto? На мѣсто попытокъ убѣдить работодателей могутъ явиться угрозы, эксцессы, вообще первыя проявленія соціальной войны противъ имущихъ, такъ часто употребляемые въ прежнихъ грубыхъ и плохо организованныхъ англійскихъ Strikes'ахъ и современныхъ бельгійскихъ забастовкахъ. Правда, съ точки зрѣнія морали и культуры нельзя не оплакивать такого поведенія рабочихъ, но эпоха, которая еще опирается на военные массы и не гнушается завоевательныхъ войнъ, не вправѣ слишкомъ сильно жаловаться на подобное нарушеніе правового порядка, который всѣ свои выгоды предоставляетъ имущимъ, для обездоленныхъ же не оставляетъ ничего, кромѣ угрозъ и наказаній. Скорѣе нужно удивляться, что идея права имѣетъ еще такъ много власти надъ умами рабочихъ массъ; вѣдь они такъ мало испытали благодѣяній права: съ ихъ точки зрѣнія имъ приходилось сталкиваться повсюду только съ правомъ сильнѣйшаго, облеченнымъ въ маску искусственныхъ процессуальныхъ формъ. Кромѣ того имущіе въ своихъ столкновеніяхъ съ рабочими такъ часто и охотно опираются на *страхъ*, внушаемый судами вкупѣ съ полицейской и военной силой, а въ крайнемъ случаѣ и картечью, что у недовольныхъ массъ слишкомъ легко можетъ зародиться желаніе испробовать и въ свою очередь убѣдительность этой ultima ratio. Этотъ расчетъ не настолько ошибоченъ, какъ обыкновенно думаютъ; и хотя всѣ подобныя попытки, какъ это еще въ послѣднее время неоднократно показала Бельгія, обыкновенно кончались пораженіемъ рабочихъ, послѣдніе все-таки позаботились, чтобы и имущіе непосредственно почувствовали тѣ непріятности, съ которыми связано отчаянное положеніе рабочихъ. Изъ нашей теоріи счастья, развитой въ предыдущей главѣ, ясно, что и небольшое стѣсненіе благосостоянія доставитъ живущимъ въ матеріальной роскоши сравнительно значительное страданіе, между тѣмъ какъ рабочаго, вся жизнь котораго проходитъ въ крайней бѣд-

ности, не могутъ такъ устрашить ни борьба, ни опасность, ни перспектива цѣлаго ряда еще большихъ лишеній. Возможно себѣ представить даже такое положеніе дѣлъ, при которомъ періодическія возстанія служатъ главною формою сопротивленія противъ дальнѣйшаго усиленія гнета; правда, на долю отдѣльныхъ личностей, прибѣгающихъ къ такимъ отчаяннымъ мѣрамъ, достается при этомъ лишь страшная мѣсть побѣдоноснаго противника; зато ужасъ, внушаемый этими взрывами массоваго отчаянія, служитъ прекрасною защитою всему подавленному и пригнетенному классу. Впрочемъ для громаднаго большинства рабочихъ въ культурныхъ европейскихъ государствахъ эта примитивная, грубая форма соціальной борьбы есть пережитый фазисъ; правда, они частенько уже помышляютъ о великой и всеобщей соціальной революціи, но только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ разьединеннымъ возстаніямъ²⁵⁾. Умственный прогрессъ, надежда другимъ путемъ придти къ цѣли и развитая склонность къ цѣлесообразной и организованной борьбѣ все болѣе и болѣе выводятъ изъ употребленія прежнюю грубую форму рабочаго бунта.

Какое еще средство остается у рабочаго для защиты нормы своего благосостоянія? Быть можетъ эмиграція?²⁶⁾ Но для эмиграціи, кромѣ знанія пригодныхъ странъ, условій путешествія и т. д., прежде всего требуется нѣкоторый капиталъ, такъ какъ земли съ необработанной плодородной почвой лежатъ не настолько близко отъ насъ, чтобы можно было поселиться на нихъ безъ особенныхъ хлопотъ. Гдѣ имѣетъ мѣсто послѣднее обстоятельство, какъ напримѣръ въ значительной части Сѣверной Америки, тамъ, разумѣется, является совсѣмъ иная постановка всего рабочаго вопроса²⁷⁾.

Болѣе значительную роль играютъ повидимому *переселенія* внутри *страны*. Хотя фабричная промышленность постоянно вліяетъ на земледѣльческіе округа въ смыслѣ уменьшенія ихъ народонаселенія; хотя почти повсюду существуетъ постоянное

движеніе изъ менѣе населенныхъ провинцій въ болѣе населенные центры промышленности, однако въ моменты великихъ кризисовъ можетъ имѣть мѣсто обратное теченіе. Но такое движеніе вообще слѣдуетъ скорѣе отнести къ симптомамъ процесса уничтоженія, губящаго часть рабочихъ, чѣмъ признавать въ немъ такой пріемъ борьбы, который ведетъ къ непосредственному успѣху. Пока рабочій питаетъ хоть какую-либо надежду выйти побѣдителемъ изъ борьбы за сохраненіе нормы благосостоянія, онъ не оставляетъ своего мѣста. Только подъ гнетомъ отчаянія возвращается онъ въ свою родную деревню, гдѣ его встрѣчаютъ безъ особеннаго удовольствія, гдѣ ему нечего ожидать ни правильнаго примѣненія своей рабочей силы, ни подходящаго образа жизни. Зачастую это возвращеніе является результатомъ расчета на поддержку со стороны родственниковъ или родной общины. Большинство рабочихъ, въ отчаяніи кочующихъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая по бѣлу свѣту лучшаго угла, обречено на нищету и гибель. Доказанный статистикой фактъ, что съ каждымъ значительнымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ увеличивается и число нищихъ и бродягъ, бросаетъ мрачный свѣтъ на положеніе рабочихъ классовъ. Если извѣстное количество нищихъ и бродягъ и дошло до такой жизни по разнымъ нравственнымъ мотивамъ, не имѣющимъ никакой прямой связи съ фабричною промышленностью, то совсѣмъ уже иное дѣло съ измѣнчивымъ контингентомъ *нищенства по нуждѣ*, которое не только возникаетъ вмѣстѣ съ нуждою, но вмѣстѣ съ нею снова и пропадаетъ. Но и изъ числа рабочихъ, брошенныхъ судьбою на этотъ путь, многіе гибнутъ отъ нищеты, другіе переходятъ къ *нищенству по привычкѣ* и лишь часть ихъ съ наступленіемъ лучшаго времени возвращается къ покинутому труду. Нельзя вообще также считать дѣйствительнымъ средствомъ и переходъ къ простому чернорабочему труду, къ землянымъ работамъ и т. п. занятіямъ. Фабричные рабочіе неохотно и только въ случаяхъ крайней нужды рѣшаются на подобный трудъ, при

которомъ они не находятъ примѣненія своему техническому навыку и со временемъ утрачиваютъ его совершенно, подвергая въ то же время свои физическія силы чрезмѣрному напряженію. Такимъ образомъ въ борьбѣ за норму благосостоянія сходятъ со сцены многіе рабочіе, которымъ никогда не суждено возвратиться побѣдителями, которые однако самымъ исчезновеніемъ своимъ оказываютъ вліяніе на возстановленіе нормальной заработной платы. Наибольшее вліяніе оказываютъ *мертвецы*; не потому, разумѣется, что-бы ихъ судьба произвела впечатлѣніе на общественное мнѣніе и настроеніе рабочихъ, но по той простой причинѣ, что они навсегда очищаютъ и освобождаютъ мѣста. Еслибы при такихъ обстоятельствахъ удѣлѣнные рабочіе вздумали устроить забастовку и затѣмъ потерпѣли бы пораженіе, то все-таки легко можетъ случиться, что побѣдитель увидитъ себя вынужденнымъ, какъ говорится, «добровольно» повысить заработную плату; спросъ на продукты производства повысился, дѣло идетъ бойко, а рабочихъ не хватаетъ. Къ этому именно и сводится вся сущность выдвинутого Лассалемъ *«железнаго закона заработной платы»*, согласно которому при современной формѣ производства заработная плата никогда не можетъ далеко или на продолжительное время удалиться отъ той нормы, которая «въ силу привычки» потребна для поддержанія существованія и продолженія рода. Этотъ *«законъ заработной платы»* или *«законъ Рикардо»* (см. выше примѣч. 3 къ I гл.) есть въ своей наиболѣе общей формѣ не что иное, какъ непосредственный выводъ изъ фактической борьбы за существованіе.

Между этимъ выводомъ и явленіями жизни, взятыми во всей ихъ сложности и разнообразіи, лежитъ, правда, громадная пропасть, до сихъ поръ еще далеко не заполненная наукою; однако нѣкоторыя основныя точки опоры можно и теперь уже намѣтить съ достаточною увѣренностью.—Прежде всего стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что громадная масса нашего рабочаго населенія даже въ благопріятные періоды не

въ состояніи такъ питаться и одѣваться, такъ жить и чередовать трудъ съ отдыхомъ, чтобы были удовлетворены элементарныя требованія раціональной гигиены. Еслибы социальное равенство и всеобщее благосостояніе достигли такого развитія, чтобы исчезла всякая разниа между *продолжительностью жизни* бѣдняка и богача, или еслибы эта разниа обратилась въ пользу болѣе простого образа жизни бѣдныхъ классовъ общества, то человѣчество сдѣлало бы колоссальный шагъ впередъ; но вѣдь этотъ шагъ никогда не будетъ возможенъ при господствѣ абсолютнаго индивидуализма. Въ дѣйствительности же съ каждымъ значительнымъ повышеніемъ цѣнъ на средства жизни (когда слѣд. остающаяся неизмѣнной *денежная плата* представляетъ пониженіе *при переводѣ на предметы потребленія*) смертность, и безъ того слишкомъ значительная въ цѣлыхъ странахъ, возрастаетъ; притомъ надо еще замѣтить, что вліяніе это было бы еще рельефнѣе, если бы наши статистическія таблицы позволяли отличать смертность рабочаго населенія отъ смертности состоятельныхъ классовъ²⁸⁾.

Гораздо яснѣе происходитъ колебаніе числа браковъ и рожденій вслѣдъ за колебаніями цѣнъ на хлѣбъ, такъ что могло бы показаться, что здѣсь то и слѣдуетъ искать истинную причину закона Рикардо²⁹⁾.

Лассаль напримѣръ тоже выставляетъ эту причину на первый планъ на одномъ ряду съ эмиграціей. «Рабочая плата,—говоритъ онъ въ своемъ составляющемъ эпоху *«Гласномъ отвѣтѣ»* 1 марта 1863 г.,— не можетъ долго продержаться и опуститься ниже размѣра, безусловно необходимаго для существованія, потому что тогда наступаютъ выселенія, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и наконецъ уменьшеніе числа рабочихъ посредствомъ нищеты, что ослабляетъ предложеніе рабочихъ рукъ и потому возводитъ рабочую плату до прежняго размѣра»^{*)}. Но зависимость браковъ и рожденій

^{*)} *Лассаль*: Сочиненія I т., стр. 237—8.

отъ цѣнъ на жизненныя средства доказываетъ лишь тотъ фактъ, что принципъ борьбы за существованіе есть всеобщее основаніе нашего движенія населенія, а не опредѣляетъ еще колебаній заработной платы; эти колебанія даже въ моменты большихъ торговыхъ кризисовъ происходятъ въ слишкомъ короткіе промежутки времени, чтобы конкуренція подростающаго молодого поколѣнія могла оказывать какое либо вліяніе посредствомъ плюса или минуса благоприятныхъ или неблагоприятныхъ лѣтъ. Но еслибы заработная плата когда нибудь непрерывно продержалась на высокомъ уровнѣ въ продолженіе двадцати приблизительно лѣтъ, то это служило бы вѣрнымъ признакомъ процвѣтанія промышленности, которая тогда могла бы доставить занятіе и всему приросту рабочихъ силъ, потому что количество рабочихъ силъ не увеличивается вдругъ, въ одинъ годъ. Даже при отсутствіи наплыва рабочихъ извнѣ, число ихъ должно постепенно возрастать уже въ силу того, что съ наступленіемъ болѣе благоприятнаго періода уменьшается смертность дѣтей и молодыхъ людей. Но къ тому времени, когда мѣра переполнится, и на этомъ пути прироста наступитъ избытокъ предложенія труда,—а норма благосостоянія успѣетъ конечно, благодаря долголѣтней *привычкѣ*, значительно повыситься, тогда даже кризису со всеми сопровождающими его бѣдствіями не такъ то легко будетъ возстановить положеніе вещей, существовавшее за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ.

Такимъ образомъ оказывается, что *сама нищета* становится въ опасные для нормы благосостоянія моменты единственнымъ регулирующимъ факторомъ, потому что и выселенія представляютъ, какъ мы видѣли, лишь одну изъ формъ проявленія нищеты; мы конечно оставляемъ въ сторонѣ, какъ и вездѣ въ своемъ изложеніи, тотъ случай, когда выселенія искусственно поддерживаются или систематически организуются ремесленными союзами. Теперь возникаетъ вопросъ: какъ могутъ нищета, болѣзни и смертность столь тяжело па-

дать на чашку вѣсовъ, когда норма благосостоянія не опустилась еще до самой низкой изъ возможныхъ ступеней? иными словами, почему недостатокъ самаго необходимаго для поддержанія жизни даннаго рабочаго населенія обнаруживается въ немъ ранѣе, чѣмъ понизится общая норма? Только отвѣтъ на этотъ вопросъ выяснитъ въ полномъ свѣтѣ социальное значеніе нормы благосостоянія.

Напоминаемъ нашъ выводъ въ примѣч. 4 къ I главѣ, гдѣ мы показали, какія разнообразныя вліянія оказываетъ нужда прежде, чѣмъ она проявится въ статистическихъ таблицахъ въ видѣ увеличенія цифры смертности. Нужда давитъ *постоянно*, но убиваетъ только *при случаѣ*, когда для тѣла въ томъ процессѣ измѣненія, которому оно подчинено, наступаетъ какъ разъ самый неблагоприятный моментъ; или нужда дѣлаетъ неспособнымъ къ работѣ, что для нашего вопроса сводится къ тому же. Прежде всего нужно твердо установить, что пагубныя вліянія нужды фактически проявляются какъ у населенія съ болѣе высокой нормой благосостоянія, такъ и у населенія съ болѣе низкой нормой; вся наша задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы лучше выяснитъ этотъ фактъ. Намъ кажется, что объясняется это съ одной стороны *различіемъ въ привычкахъ* по отношенію къ пищѣ и содержанію, съ другой стороны—общимъ стремленіемъ по возможности дольше сохранять тѣ внѣшнія стороны нормы благосостоянія, которыя бросаются въ глаза и служатъ болѣе украшеніемъ и отличіемъ,—сохранять ихъ, даже *жертвуя для этого самыми необходимыми потребностями*. Первый факторъ мы можемъ здѣсь обойти, потому что въ общемъ своемъ видѣ дѣло говоритъ само за себя, а подробности этого вопроса еще не разработаны наукою³⁰). Второй факторъ имѣетъ громадное социальное значеніе; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ именно психологическихъ основаній человѣческаго характера, которыя глубоко вліяютъ на всѣ отношенія. Общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что эта психологическая черта проявляется не въ одномъ рабочемъ сословіи,

но гораздо рельефнѣе во всѣхъ «высшихъ» классахъ, разъ только нарушается гармонія между жизненными претензіями и средствами. Эмигранты временъ французской революціи, часто люди высшей аристократіи, взлелѣанные роскошью и нѣгой, зачастую предпочитали въ буквальномъ смыслѣ голодать, чѣмъ поступиться «благородствомъ» внѣшней обстановки: не одинъ талеръ ушелъ *«на водку»*, хотя, по совѣсти признаться, баринъ гораздо бы охотнѣе употребилъ его потихоньку на сносный обѣдъ. То же самое и нынѣ довольно часто встрѣчается у небогатыхъ дворянъ, да и чиновникъ съ небольшимъ содержаніемъ и громкимъ титуломъ, которому приходится съ денежными тузами, «все съ вельможами дружество водить», тоже охотнѣе откажетъ себѣ во всемъ другомъ, чѣмъ въ представительной обстановкѣ. Хотя при этомъ дѣло не такъ-то легко доходить до дѣйствительнаго голода, однако зачастую выступаютъ на сцену другія лишенія, которыя оказываютъ на сохраненіе жизни неменьшее вліяніе и могли бы быть устранены откровеннымъ признаніемъ недостатка въ предметахъ второстепенной необходимости. Мы склоняемся къ предположенію, что вліяніе дороговизны на смертность простирается включительно до тѣхъ слоевъ чиновничьяго міра, доходъ которыхъ втрое или вчетверо превосходитъ доходъ рабочей семьи. Въ обыденной жизни слишкомъ склонны строго осуждать такое поведеніе и осмѣивать его, какъ жалкое тщеславіе; и дѣйствительно, эти насмѣшки вполне заслуженны, если съ такой маскированной нуждой соединяются заносчивость и презрѣніе къ другимъ сословіямъ. При этомъ не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что въ такомъ поведеніи рядомъ съ сильной склонностью въ мишурному блеску кроется и идеальная черта, достойная уваженія. Эти люди дѣлаютъ изъ своей привычной нормы благосостоянія принципъ и стараются по-этому, какъ бы по чувству какого-то долга, сохранить за собою отличительные признаки своего общественнаго положенія. Конечно убѣжденіе въ существованіи особенной чести дворя-

нина, чиновника или потомка состоятельныхъ предковъ само по себѣ крайне нѣлпо; но то обстоятельство, что человѣкъ можетъ приносить этимъ предрасудкамъ, разъ они существуютъ, осязательныя жертвы, не унижаетъ, а скорѣе нѣсколько «вышаетъ» его. И никакого, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія, что такая привязанность къ извѣстнымъ атрибутамъ высшей нормы благосостоянія составляетъ нѣчто благородное и хорошее въ томъ классѣ, положеніе котораго не допускаетъ никакой мысли о заносчивости по отношенію къ другимъ общественнымъ слоямъ. Вѣдь не за горами то время, когда большая часть народа, даже въ городахъ, ходила босикомъ. А теперь рабочій не только хочетъ одѣваться подобно своимъ согражданамъ въ обще-принятое приличное платье, но желаетъ имѣть кромѣ своего рабочаго костюма еще какой-нибудь хорошій сюртукъ. Онъ видитъ *внѣшній символъ своего человеческого достоинства* въ томъ, чтобы не отставать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, и если въ черные дни онъ этому сознанию приносить жертвы, то это свидѣлствуетъ объ извѣстномъ героизмѣ. Далѣе, такъ какъ борьба за существованіе не прекратилась бы и въ томъ случаѣ, еслибы рабочій уступилъ во всѣхъ этихъ вещахъ, то въ упорной защитѣ нормы благосостоянія слѣдуетъ видѣть средство, до извѣстной степени предохраняющее рабочее сословіе отъ непрерывнаго культурнаго паденія. Совсѣмъ другой вопросъ, слѣдуетъ ли совѣтовать рабочему классу употреблять въ періодъ благоденствія каждую лишнюю копѣйку дохода немедленно *на повышение нормы благосостоянія*. Совѣтуютъ рабочимъ обзаводиться часами, термометрами и книгами, подписываться на газеты, лучше одѣваться, нанимать получше квартиры и т. д. Прекрасный, несомнѣнно, совѣтъ, если рабочій приобретаетъ себѣ такимъ образомъ лучшую, болѣе уютную домашнюю обстановку и благодаря ей какъ бы самъ себя отвлекаетъ отъ трактирной жизни, отъ отупляющаго употребленія водки и отъ грязныхъ развлеченій и удовольствій. Но другой вопросъ, не лучше ли ему,

когда поворотъ счастья улучшаетъ его положеніе, каждый лишній грошъ припрятывать, чтобы впослѣдствіи, въ союзѣ съ другими единомышленниками, завоевать себѣ посредствомъ него свободу; потому что это всего возможнѣе именно въ моменты скоро преходящаго повышенія заработной платы, а если всѣ сердца проникнутся святою рѣшимостью обречь свои силы великому дѣлу освобожденія, — это вполне искупить нравственныя выгоды повышенія нормы благосостоянія. Участіе въ товариществахъ и ремесленныхъ союзахъ и основаніе таковыхъ, гдѣ они еще не существуютъ, въ широкомъ смыслѣ есть также повышение нормы благосостоянія, и притомъ самое настоящее и плодотворное изъ всѣхъ: истина, распространеніе которой къ сожалѣнію замедляется тѣмъ, что рабочій сознаетъ значеніе такихъ союзовъ чаще въ періоды нужды, когда едва находитъ средства для ихъ основанія, чѣмъ въ періоды относительнаго избытка, когда ему сравнительно легче сдѣлать это. Нашъ анализъ нормы благосостоянія бросаетъ яркій свѣтъ на вопросъ, по поводу котораго ведется не мало самыхъ сбивчивыхъ и бесплодныхъ споровъ: бесплодныхъ, потому что противники опираются на тотъ или другой частный фактъ, не выясняя надлежащей общей точки зрѣнія. Это — вопросъ о фактическомъ улучшеніи или ухудшеніи положенія рабочихъ классовъ. Извѣстно, что мнѣніе о непрерывномъ улучшеніи положенія рабочаго и вообще бѣднѣйшихъ классовъ народа такъ общераспространено и обставлено такою массою всевозможныхъ цифръ и данныхъ, что рѣзкій крикъ отчаянія, заявляющій міру діаметрально противоположное, остается по большей части голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вопросъ этотъ представляетъ столько затрудненій, что даже *Лассаль* уклонился отъ его рѣшенія и въ дедукціи своихъ воззрѣній (см. «*Гласный отвѣтъ*», стр. 235—241 русскаго перевода) тотчасъ же поспѣшилъ выбрать базисомъ для своихъ выводовъ *относительно* дурное положеніе рабочаго сословія *по сравненію* съ положеніемъ *другихъ классовъ*. Хотя въ размышленіяхъ

Лассалья о психологической мѣрѣ лишеній и много правды, все-таки въ его дедукціи остается пробѣлъ, важности котораго нельзя не признать. Въдѣ дѣло, строго говоря, не въ томъ, чтобы въ запутанномъ и ученомъ изслѣдованіи (см. стр. 235 и прод. l. cit.) привести истинное доказательство для того или другого воззрѣнія. Въ этомъ отношеніи Лассаль могъ бы вполне ограничиться однимъ заявленіемъ, что его противники просто-на-просто не способны аргументировать. Вопросъ сводился бы скорѣе къ тому, чтобы и въ этомъ отношеніи обезопасить законъ Рикардо отъ всякихъ сомнѣній. Хотя противники Лассалья и сдѣлали громадный промахъ, нагло заявляя, что въ дѣйствительности ученіе это исповѣдуется далеко не всѣми авторитетами политической экономіи, все-таки изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы оно не допускало никакихъ возраженій. Въ особенности такого вывода не могъ сдѣлать Лассаль, потому что ему оставалось еще вмѣстѣ съ Карломъ Марксомъ, которому онъ обязанъ теоретическимъ фундаментомъ своей агитаціи, поскольку таковой вообще существуетъ, переработать съ своей точки зрѣнія всю политическую экономію. Такимъ образомъ одному новому политико-эконому, Г. Шмоллеру («*Die Arbeiterfrage*», «*Preuss. Jahrb.*» окт. 1864 г., стр. 413 и слѣд.), могла придти въ голову мысль, признавая цитаты Лассалья вѣрными, какъ это долженъ сдѣлать всякій честный человѣкъ, въ то же время обвинить всѣ его авторитеты въ поверхностности. Шмоллеръ совершенно вѣрно понималъ, что вся наша политическая экономія нуждается для большей глубины своихъ выводовъ въ психологическомъ обоснованіи человѣческой дѣятельности. Заявивъ, что необходимость эта особенно ясно сказывается именно въ спорѣ о заработной платѣ и такъ называемомъ законѣ Рикардо, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ свою аргументацію:

«Лассаль утверждаетъ, что заработная плата зависитъ отъ предложенія и спроса; съ увеличеніемъ спроса увеличивается и рабочее сословіе и тѣмъ самымъ немедленно понижаетъ

заработную плату до minimum'a, требуемаго привычками народа для поддержанія существованія. А все-таки заработная плата возрасла за послѣднее время;—болѣе солиднаго возраженія противники не сумѣли ему противопоставить, забывая, что фактъ еще не опровергаетъ закона, разъ это дѣйствительно законъ. Совершенно вѣрно, что и Рикардо, и Ад. Смитъ говорятъ то же самое, и до послѣдняго времени за ними повторяли то же самое и большинство политико-экономовъ. Что позднѣйшая политическая экономія не усмотрѣла невѣрности этого такъ называемаго закона, зависитъ главнымъ образомъ отъ современныхъ фактическихъ условій, отъ того гнета, который терпѣли рабочіе въ продолженіе переходнаго періода, отъ неуравновѣшенности понятій, неизбежной на рубежѣ двухъ культурныхъ періодовъ. *Всѣ авторитеты*, цитируемые Лассалемъ въ его «*Книжкѣ для чтенія рабочимъ*» (стр. 328—332 рус. пер.), *имѣли передъ глазами то положеніе дѣлъ, которое существовало въ 40-хъ годахъ*. Въ дѣйствительности же этотъ такъ называемый желѣзный законъ—не болѣе какъ поверхностная абстракція, такъ часто встрѣчающаяся въ англійской политической экономіи, именно благодаря ея житейски-практической исходной точкѣ».

И дѣйствительно Лассаль придавалъ «желѣзному закону» слишкомъ абсолютный характеръ; поэтому съ его точки зрѣнія нельзя опровергнуть упрека, что законъ этотъ есть не болѣе какъ абстракція изъ отношеній уже оконченнаго періода, развѣ только удалось бы доказать существованіе его и для настоящаго времени вполне точными эмпирическими аргументами. Но нельзя также одобрить того презрительнаго отношенія, съ которымъ Шмоллеръ третируетъ эту «абстракцію». Назвать ее «поверхностной»—это значитъ уже увлечься. Напротивъ, она почерпнута изъ самой глубины тѣхъ отношеній, которыя были передъ глазами вышеупомянутыхъ политико-экономическихъ авторитетовъ. А *правильная* абстракція изъ *данныхъ* отношеній остается навсегда слишкомъ вѣской, чтобы

ее при первом же видоизмѣненіи отношеній, когда она по-видимому перестаетъ соответствовать имъ, отбросить въ сторону, какъ пустой орѣхъ. Она указываетъ на причинную связь, навсегда сохраняющую свое теоретическое значеніе, хотя бы прежде господствовавшая причина вступила въ послѣдствіи съ другими причинами въ новую комбинацію.

Если допустить даже, что «железный законъ» имѣетъ силу лишь при условіи безграничнаго эгоизма и полного обособленія заинтересованныхъ; если допустить далѣе, что эти условія въ первой половинѣ нашего столѣтія имѣли первостепенное значеніе, такъ что явленія дѣйствительности были по-видимому просто-на-просто ихъ послѣдствіемъ; если наконецъ допустить, что въ дѣло вмѣшались новые мотивы, вытекшіе изъ симпатіи или изъ правового сознанія или вызванные къ жизни законодателями, благодаря лучшему пониманію общественнаго блага,—то *поверхностнымъ* наблюдателемъ окажется какъ разъ тотъ, кто довольствуется самымъ фактомъ переменъ и безъ дальнѣйшихъ размышленій ставитъ крестъ надъ прошлыми наблюденіями, какъ надъ пережитымъ фазисомъ. Но болѣе глубокій мыслитель прежде всего постарается тщательно сохранить эти прежнія наблюденія, сдѣланные при болѣе простой комбинаціи условій, и приметъ за исходную точку убѣжденіе, что тождественныя причины, поскольку онѣ продолжаютъ существовать, и нынѣ порождаютъ тѣ же слѣдствія. Эти слѣдствія потому только и не проявляются непосредственно, что на практикѣ *комбинируются съ другими слѣдствіями*. Это опять-таки та же самая совокупность статическихъ и механическихъ силъ, о которой постоянно приходится напоминать политико-экономамъ. Когда лодка, несмотря на усиленную греблю противъ теченія, остается по-видимому неподвижною, на ней несомнѣнно отражается вся сила теченія рѣки. Въ томъ-то и состоитъ вѣчная заслуга классической школы англійской политической экономіи, что она доказала существованіе подобнаго теченія въ общественной сферѣ, хотя

въ настоящее время и нежелательно, чтобы корабль нашихъ социальныхъ отношеній носился по волнамъ безъ руля и парусовъ. Такимъ образомъ, если мы послѣдуемъ за Шмоллемъ въ его разложеніи закона заработной платы на психологическіе факторы, то условія сороковыхъ годовъ, если только они измѣнились, приобретаютъ для насъ особенно важное значеніе; потому что только на сравненіи отдѣльныхъ періодовъ мы будемъ въ состояніи основать свой психологическій анализъ.

При такихъ условіяхъ дѣйствительно общій характеръ вопроса значительно по-видимому упрощается; никто вѣдь не станетъ отрицать, что въ такую эпоху, когда столь дорогая сердцу промышленниковъ и капиталистовъ эгоистическая школа политической экономіи продолжаетъ, не смотря на всю оппозицію *«катедеръ социалистовъ»*, владѣть общественнымъ мнѣніемъ,—что въ такую эпоху социальное положеніе рабочихъ, насколько оно обусловлено исключительно отношеніями къ работодателямъ, зависитъ отъ тѣхъ же факторовъ, какъ и прежде. Поэтому если и произошла существенная переменъ, а это требуетъ еще доказательства, то ее слѣдуетъ приписать исключительно вмѣшательству новыхъ факторовъ, появившихся съ того времени. А въ чемъ искать этихъ факторовъ? Во вмѣшательствѣ *государства* съ цѣлью устранить наиболѣе вредныя злоупотребленія, во вліяніи образованнаго меньшинства представителей привилегированныхъ классовъ, нынѣ еще незначительнаго, проникшихся нѣкоторой *симпатіей* къ дѣлу рабочихъ; кое гдѣ, пожалуй, въ *опасеніи* грядущей социальной революціи, а прежде всего въ пробужденіи *въ средѣ самихъ рабочихъ* чувства солидарности и сознательнаго отношенія къ своему положенію. Развитію всѣхъ этихъ новыхъ мотивовъ, психологическую природу которыхъ мы здѣсь только вкратцѣ намѣтили, ничто не способствовало въ такой степени, какъ *ясное представленіе о сущности социального процесса и о той формѣ, въ которую онъ выльется, если устранить всякое про-*

тиводѣйствіе разумныхъ и этическихъ стремленій и ихъ вліяніе на борьбу за существованіе. Всякое затемнѣніе подобнаго представленія равносильно подготовленію застоя или даже регресса на пути къ лучшему. Но именно поэтому-то, если мы только желаемъ оріентироваться, и необходимо въ настоящее время имѣть постоянно въ виду положеніе вещей въ сороковыхъ годахъ, являющееся чистымъ и простымъ результатомъ эгоистическаго направленія политической экономіи. Съ другой стороны самымъ характернымъ доказательствомъ зависимости популярныхъ теорій отъ затронутыхъ интересовъ можетъ служить современное стремленіе, особенно замѣтное въ Германіи, починить старую, послѣдовательную и откровенную, хотя и безсердечную манчестерскую экономію оптимистическими заплатками изъ *Бастіа и Кэри*.

Дѣйствительно ли условія измѣнились съ половины настоящаго столѣтія такъ сильно въ пользу рабочихъ?—прежде всего выслушаемъ здѣсь *Маркса*. Въ своемъ воззваніи *) къ рабочему классу *Европы*, въ отвѣтъ на одинъ блестящій Гладстоновскій докладъ, панегирикъ прогрессу англійскаго національнаго богатства, онъ говоритъ слѣдующее.

«Неоспоримый фактъ, что нищета рабочихъ массъ не уменьшилась въ періодъ 1848—64 гг., и все-таки этотъ періодъ безпримѣренъ на скрижаляхъ исторіи своимъ промышленнымъ и торговымъ прогрессомъ. Въ 1850 г. одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ органовъ англійскаго средняго сословія пророчилъ: когда англійскій ввозъ и вывозъ увеличатся на 50%, то англійскій пауперизмъ упадетъ до нуля. Хорошо же! 7 апрѣля 1864 г. государственный канцлеръ Гладстонъ привелъ въ восхищеніе свою парламентскую аудиторію заявленіемъ, что общая сумма вывоза и ввоза Великобританіи простиралась въ 1863 г. не болѣе не менѣе, какъ до 443,995,000 фунт. стерл. «Поразительная сумма, приблизительно втрое превышающая общую сумму британскихъ торговыхъ оборотовъ въ едва исчезнувшей эпохѣ 1843 г.»; и несмотря на это, онъ краснорѣчиво говорилъ о «нищетѣ». «Подумайте, воскликнулъ онъ, о тѣхъ, кто стоитъ на краю гибели!», о «все еще одинаково низкой заработной платѣ», о «человѣческой жизни, представляющей въ девяти случаяхъ изъ десяти простую борьбу за существованіе!»

«Когда американская междоусобная война выбросила на мостовую ланкаширскихъ и чеширскихъ фабричныхъ рабочихъ, палата лордовъ послала въ эти мануфактурные округа врача съ порученіемъ изслѣдовать, какого процентнаго minimum'a углеродистыхъ и азотистыхъ веществъ, притомъ въ наиболѣе простомъ и дешевомъ видѣ, вообще достаточно для предупрежденія «голодныхъ болѣзней». Д-ръ Смитъ, уполномоченный врачъ, нашелъ, что еженедѣльной порціи въ 28,000 гранъ углеродистыхъ веществъ и 1330 гранъ азотистыхъ среднимъ числомъ едва хватаетъ для предохраненія взрослого человѣка отъ заболѣваній, вызываемыхъ голодомъ, и что эта доза приблизительно совпадаетъ съ тою скудной пищей, до которой довелъ хлопчато-бумажныхъ рабочихъ гнетъ крайней нищеты. Замѣьте теперь далѣе! Тотъ же ученый врачъ получилъ впоследствии новое порученіе отъ медицинскаго чиновника Тайнаго Совѣта (Privy Council) изслѣдовать условія питанія наиболѣе бѣдной части рабочаго класса. Результатъ его изслѣдованій обнародованъ въ «Шестомъ докладѣ о состояніи народнаго здравія» по распоряженію парламента. Что же открылъ врачъ?—что ткачи на шелковыхъ фабрикахъ, швеи, перчаточники, чулочницы и другіе рабочіе изъ году въ годъ въ среднемъ выводѣ не получаютъ даже вышеупомянутой минимальной порціи незанятыхъ хлопчато-бумажныхъ рабочихъ, т. е. того процента углеродистыхъ и азотистыхъ веществъ, котораго едва хватаетъ для предотвращенія голоднаго заболѣванія». «Кромѣ того,—мы цитируемъ оффиціальныя доклады:—осмотръ семей земледѣльческаго населенія показалъ,

Рабочій вопросъ.

*) Воззваніе это появилось въ 1864 г. и было напечатано въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ и англійскихъ рабочихъ газетахъ.

что слишком $\frac{1}{3}$ изъ нихъ получаетъ *меньше* указаннаго minimum'a углеродистой пищи, слишком $\frac{1}{3}$ меньше указаннаго minimum'a азотистой, и что въ среднемъ выводѣ въ мѣстности трехъ графствъ: *Беркширъ, Оксфордширъ и Соммерсширъ* поступает недостаточное количество азотистыхъ пищевыхъ припасовъ». Возвращаясь затѣмъ къ докладу государственнаго канцлера, воззваніе Маркса приводитъ изъ него цитату, дѣйствительно способную навести на серьезное раздумье:

«Съ 1842 по 1852 годъ обложенный налогомъ поземельный доходъ увеличился на 6⁰/₀; за восемь послѣдующихъ лѣтъ (1853—1861 гг.) онъ увеличился на 20⁰/₀, принимая за исходную точку 1853 годъ. Фактъ до невѣроятности поразительный! Этотъ опьяняющій ростъ богатства и могущества, прибавляетъ самъ Гладстонъ, *ограничивается исключительно имущими классами*» ³¹).

Далѣе въ воззваніи сказано: «Если вы пожелаете узнать, при какихъ условіяхъ надломленнаго здоровья, запятнанной нравственности и духовнаго вырожденія созданъ и создается рабочими классами этотъ *опьяняющій ростъ богатства и могущества, ограниченный исключительно имущими классами*», то полюбуйтеся на описаніе рабочихъ помѣщеній для наборщиковъ, портныхъ и модистокъ въ послѣднемъ «*Докладъ о состояніи народнаго здоровья*»! Прочтите для сравненія «*Докладъ комиссіи 1863 года о дѣтскомъ трудѣ*», гдѣ между прочимъ значится:

«Весь классъ горшечниковъ, мужчины и женщины, представляетъ собою физически и духовно выродившееся населеніе: болѣзненные дѣти сдѣлаются въ свою очередь болѣзненными родителями, и непрерывное ухудшеніе расы неизбежно; вырожденіе населенія гончарныхъ округовъ еще замедляется постояннымъ притокомъ изъ сосѣднихъ земледѣльческихъ округовъ и брачнымъ подборомъ изъ среды здоровыхъ расъ! Бросьте одинъ только взглядъ на «*Синюю Книгу*» и прочтите тамъ о «*Нуждахъ булочниковъ-подмастерьевъ*». Кто не отрицаетъ съ

ужасомъ отъ парадокса, занесеннаго въ доклады фабричныхъ инспекторовъ и освѣщеннаго таблицами Генеральной Регистратуры,—парадокса, утверждающаго, что въ ту самую минуту, когда норма питанія ланкаширскихъ рабочихъ съ трудомъ держится надъ уровнемъ голодныхъ болѣзней, здоровье ихъ улучшилось, благодаря временному удаленію ихъ съ бумагопрядильныхъ фабрикъ хлопчато-бумажнымъ кризисомъ, и что уменьшилась смертность фабричныхъ дѣтей, потому что матерямъ наконецъ-то стало возможнымъ кормить ихъ вмѣсто опійной микстуры грудью».

«Оберните снова медаль: реестры подоходнаго налога и налога на собственность, внесенные въ палату общинъ 20-го іюля 1864 года, показываютъ, что число лицъ съ годовымъ доходомъ въ 50,000 фунт. стерл. и болѣе увеличилось отъ 5-го апрѣля 1862 г. до 5 апрѣля 1863 года, т. е. втеченіе одного только года, съ 67 до 80 челов. Тѣ же списки разоблачаютъ фактъ, что на долю какихъ-нибудь трехъ тысячъ лицъ выпадаетъ годовой доходъ приблизительно въ 25,000,000 ф. стерл., слѣдовательно больше, чѣмъ общій годовой доходъ всей земледѣльской рабочей массы Англій и Уэльса! Откройте книгу цензовъ на 1861 годъ, и вы найдете, что число англійскихъ и уэльскихъ земледѣльцевъ мужского пола, равнявшееся въ 1851 году 16,934, понизилось къ 1861 г. до 15,066, такъ что концентрація поземельной собственности за 10 лѣтъ увеличилась на 11⁰/₀. Если сосредоточеніе земли въ немногихъ рукахъ и дальше будетъ идти такъ-же, то земельный вопросъ замѣчательно упростится,—точь въ точь какъ въ эпоху римской имперіи, когда Неронъ скалил зубы надъ своимъ открытіемъ, что половина провинціи Африки принадлежала шести *владѣльцамъ*».

Воззваніе переходитъ далѣе къ утвержденію, что положеніе дѣлъ во всѣхъ промышленныхъ странахъ похоже на англійское, что хотя *денежная плата* повсемѣстно возвысилась, тѣмъ не менѣе *ея дѣйствительная цѣнность*, т. е. ея отно-

шение къ цѣнѣ продуктовъ, получаемыхъ въ концѣ концовъ въ вознагражденіе за трудъ, нисколько не возрасла.

Прежде чѣмъ заняться изслѣдованіемъ фактовъ, утверждающихъ противное, упомянемъ для упрощенія вопроса, что намъ при этомъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до тѣхъ многочисленныхъ прекрасныхъ учреждений и улучшеній, которыя по существу своему могутъ распространяться лишь на немногія сотни и тысячи рабочихъ. Не потому, что эти улучшенія вообще ничего не стоятъ, но только мѣсто ихъ не здѣсь, такъ какъ никто не подвергаетъ сомнѣнію прогресса внутри отдѣльныхъ кружковъ, а потому — что прогрессъ этотъ остается въ настоящее время безъ замѣтнаго вліянія на среднія статистическія цифры; значеніе, которое могутъ имѣть эти улучшенія въ качествѣ *прототиповъ* (*Vorbilder*) *будущаго*, относится опять-таки къ другому вопросу. Поэтому намъ здѣсь нечего касаться ни *Мюльгаузенской рабочей общины*, ни *гуманныхъ порядковъ на знаменитой свѣчной фабрикѣ бр. Вильсонъ*, ни увеличенія *взносовъ въ сберегательныя кассы* всѣхъ странъ, ни *потребительныхъ ассоціацій*, ни *союзовъ для образованія рабочихъ*, ни всѣхъ другихъ великолѣпныхъ созданій новѣйшаго времени, какъ бы они ни назывались. Какіе бы поразительные итоги мы ни подводили всѣмъ подобнымъ предпріятіямъ, результаты все-таки будутъ всегда *) слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ общей суммой потребностей промышленнаго населенія страны; никто уже теперь не вздумаетъ серьезно приписывать завоеванное *въ среднемъ* **) улучшеніе положенія рабочихъ классовъ этимъ поправкамъ.

*) Помимо того, что они принесутъ пользу лишь небольшой группѣ избранныхъ рабочихъ, рядомъ съ которой только рельефнѣе отбѣнится грустная доля остальныхъ массъ.

**) Увеличеніе средняго заработка можно объяснить скорѣе увеличеніемъ относительнаго числа упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи группы избранныхъ рабочихъ и повышеніемъ *ихъ* благосостоянія; для общей же массы средній выводъ рабочей платы не имѣетъ никакого значенія: ея заработокъ не повысился.

Здѣсь рѣчь идетъ скорѣе просто-напросто о заработной платѣ, и притомъ о ея реальной нормѣ, т. е. о томъ количествѣ средствъ существованія, которое можно приобрести въ данный моментъ на заработную плату. — Не мѣшаетъ далѣе предварительно замѣтить, что числовые данныя въ этой сферѣ принадлежатъ, какъ извѣстно, къ самымъ ненадежнымъ, какія вообще существуютъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны цифру смертности слѣдуетъ считать самымъ твердымъ краеугольнымъ камнемъ всей статистики народонаселенія. Причины, мѣшающія надежному опредѣленію реальной нормы заработной платы, легко объясняются трудностью самой задачи; поэтому мы укажемъ здѣсь только нѣкоторые источники заблужденій, которые *не случайно* могутъ видоизмѣнить выводы съ одинаковой вѣроятностью какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, — но дѣйствуютъ *постоянно*, подтасовывая такимъ образомъ результаты вычисленій въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Источники эти кроются въ тѣхъ *данныхъ относительно высоты заработной платы*, которыя часто невѣрно приводятся въ докладахъ торговыхъ палатъ и т. п. документахъ.

Неточности въ этой сферѣ объясняются:

1) *Ошибками въ вычисленіи среднихъ величинъ*, происходящими отъ неправильности употребляемаго метода. Часто берутъ просто среднее арифметическое различныхъ размѣровъ вознагражденія разнаго рода труда, вмѣсто того чтобы предварительно снабдить каждую норму указателемъ или коэффициентомъ числа представителей данной категоріи. А такъ какъ обыкновенно наименѣе низко оплачиваемые рабочіе классы наиболѣе многочисленны, и такъ какъ далѣе нельзя предположить соотвѣтствующую ошибку противоположнаго рода, то средній выводъ для заработной платы окажется выше дѣйствительнаго даже въ томъ случаѣ, когда помянутую ошибку сдѣлаетъ хотя бы одинъ изъ изслѣдователей.

2) *Заинтересованностью лицъ, доставляющихъ свѣдѣнія*. Вездѣ, гдѣ требуется не простое *да* или *нѣтъ*, не категори-

ческое выражение или заявление, поддающееся документальному контролю, — гдѣ, напротивъ, предоставляется просторъ личному сужденію, тамъ интересы, антипатіи и симпатіи лицъ, доставляющихъ свѣдѣнія, оказываютъ значительное вліяніе, что однако не предполагаетъ еще непременно сознательной фальсификаціи. А такъ какъ за свѣдѣніями о размѣрахъ заработной платы обыкновенно обращаются не къ рабочимъ, а къ *работодателямъ* и *чиновникамъ*, то плюсъ въ средних выводахъ неизбѣженъ.

3) Игнорированіемъ средней величины того ущерба, который получаютъ рабочіе отъ штрафовъ при ошибкахъ, отъ поджиданія новой работы и т. п.

4) Полнѣйшимъ игнорированіемъ той доли заработной платы, которую непременно слѣдовало бы откладывать для обезпеченія въ старости, на случай болѣзней и т. д., и которую во многихъ отрасляхъ труда, гдѣ силы рабочаго тратятся и истощаются поразительно быстро, пришлось бы назначать по очень высокой оцѣнкѣ. Вполнѣ несправедливо и невѣрно, игнорируя это соображеніе, безъ дальнѣйшихъ разсужденій приравнивать фактически существующую заработную плату къ удовлетворенію суммы наличныхъ ежедневныхъ потребностей рабочаго ³²⁾.

5) Наконецъ повторяющимся постоянно, хотя и подъ разными новыми формами, урѣзываніемъ заработной платы, посредствомъ выплаты ея плохой монетою, посредствомъ явнаго или тайнаго бракованія и т. д.

Хотя въ единичныхъ случаяхъ и можно избѣгать всѣхъ этихъ ошибокъ, но ихъ частое вмѣшательство остается все-таки неизбѣжнымъ. Вслѣдствіе этого во всѣхъ свѣдѣніяхъ о заработной платѣ, не почерпнутыхъ непосредственно изъ расчетныхъ книгъ, слѣдуетъ а priori предполагать слишкомъ высокій средній выводъ. Но при этомъ не слѣдуетъ опять-таки забывать, что эта ошибка присуща въ одинаковой степени какъ старымъ, такъ и новымъ свѣдѣніямъ, слѣдовательно

замѣчаніе наше не имѣетъ цѣлью опровергнуть возрастаніе реальной нормы заработной платы, фактически существующее и доказываемое сравнительно тщательными изысканіями. Это относится быть можетъ къ такимъ даннымъ, какія приводитъ напр. *Шульце-Демичъ* («*Arbeiterkatech.*», S. 41) со словъ англійской парламентской коммиссіи. Послѣдняя въ своемъ докладѣ выражаетъ величины заработныхъ платъ въ тѣхъ количествахъ муки и мяса, которыя могли быть въ каждомъ данномъ случаѣ приобретены за недѣльную плату. Вотъ результаты этихъ вычисленій по отношенію къ заработной платѣ хлопчато-бумажнаго рабочаго.

Она заключала въ себѣ приблизительно:

стоимость, равную:					
въ 1804 г.	62 ¹ / ₂ ф.	мяса	или	117 ф.	пшенич. муки.
» 1814 »	67 »	»	»	175 »	» »
» 1833 »	83 »	»	»	267 »	» »
» 1850 »	85 »	»	»	320 »	» »

Пусть эти числа вѣрны или, что для нашего вопроса безразлично, всѣ пропорціонально преувеличены, все-таки было бы грубымъ заблужденіемъ предполагать, что пища рабочаго къ 1850 году дѣйствительно въ той же пропорціи улучшилась сравнительно съ прежней. На свои деньги онъ могъ бы въ 1850 году во столько-то и столько-то разъ болѣе имѣть мяса и пшеничной муки, но при условіи, если онъ не расширилъ прочихъ своихъ потребностей; но даже и это не вѣрно, если придать вопросу болѣе широкую постановку. Такъ какъ цѣна на мясо и муку обуславливается предложеніемъ и спросомъ, и потребленіе рабочаго населенія имѣетъ рѣшающее вліяніе на спросъ во всей данной странѣ, то подлежитъ еще большому сомнѣнію, можетъ ли рабочій въ 1850 году увеличить свою мясную порцію на одну треть сравнительно съ 1804 годомъ. Между тѣмъ какъ нельзя доказать непосредственно, что потребленіе рабочими мяса возросло въ отношеніи 3:4,

существует весьма большая вѣроятность для противоположнаго, потому что *за этотъ періодъ времени всѣ остальные жизненные потребности несомненно увеличились въ весьма значительной мѣрѣ*. Но мы впали бы въ еще болѣе грубое заблужденіе, еслибы вздумали опровергать это замѣчаніе заявленіемъ, что многія другія жизненные потребности за это время значительно подешевѣли. Во-первыхъ, фактически это совершенно не вѣрно по отношенію ко многимъ жизненнымъ потребностямъ, и притомъ наиболѣе *насыщеннымъ* (стоитъ только вспомнить квартирный вопросъ!); затѣмъ вѣдь указанное быстрое пониженіе цѣны на нѣкоторые продукты промышленности шло рука объ руку съ еще болѣе значительнымъ возростаніемъ потребления этихъ предметовъ въ наиболѣе многочисленномъ классѣ населенія. Правда, это указываетъ на *повышеніе нормы благосостоянія*, но еще не говоритъ о существенномъ улучшеніи положенія рабочихъ. Это кажущееся противорѣчіе объясняется по-просту вышеуказаннымъ нравственнымъ значеніемъ нормы благосостоянія. Мы видѣли, что питаніе можетъ сдѣлаться вполне неудовлетворительнымъ въ то самое время, какъ рабочее населеніе горячо отстаиваетъ извѣстные внѣшніе признаки завоеваннаго *statu quo*, къ числу которыхъ относятся: одежда, меблировка жилищъ, столовая утварь и друг. Прежде чѣмъ умереть съ голоду, человѣкъ, разумѣется, продастъ всѣ эти вещи; но прежде чѣмъ ихъ продать и такимъ образомъ отказаться въ глазахъ своихъ сосѣдей отъ привычной нормы благосостоянія, онъ *стѣснитъ* себя въ значительной степени въ пищѣ. Наоборотъ, въ періодъ благоденствія онъ всегда охотнѣе всего будетъ стараться возвысить обстановку своей жизни именно по отношенію къ вышеуказаннымъ менѣе необходимымъ предметамъ; его соблазнить неожиданная дешевизна той или другой утвари, составлявшей до тѣхъ поръ привилегію высшихъ классовъ. Дѣйствительность блестящимъ образомъ подтверждаетъ эти апріорныя умозаключенія, и сомнѣваться въ этомъ — значитъ проглядѣть лѣсъ за

деревьями. Подробности этого вопроса, самыя интересныя, остаются конечно на долю будущихъ изысканій, но общая картина его ясно показываетъ, что увеличеніе жизненныхъ средствъ по отношенію къ населенію лишь весьма незначительно, — между тѣмъ какъ предметы менѣе насущныхъ потребностей умножились въ баснословныхъ размѣрахъ, благодаря распространенію потребления среди всего населенія. Здѣсь не мѣсто приводить доказательства въ пользу послѣдняго положенія, да фактъ этотъ и безъ того общепризнанъ; только наши политико-экономы считаютъ обыкновенно широкое распространеніе тысячъ подобныхъ мелкихъ удобствъ достаточнымъ доказательствомъ подъема благосостоянія, между тѣмъ какъ мелочи эти, *пока существуетъ голодъ*, являются лишь новыми оковами, прикрѣпляющими рабочаго къ его современному положенію. Признаніе или отрицаніе голода и есть именно центръ тяжести всего спора. Самый простой путь найти доказательства увеличенія или уменьшенія фактически потребляемыхъ рабочимъ классомъ жизненныхъ средствъ состоитъ повидимому въ сравненіи тѣхъ количествъ жизненныхъ продуктовъ, которыя приходится каждый разъ на долю отдѣльнаго человѣка, но и этотъ пріемъ вычисленія имѣетъ много недостатковъ. Прежде всего возникаетъ вопросъ, какъ велико рабочее сословіе: различіе въ потребительной силѣ разныхъ классовъ настолько велико, что *увеличеніе общаго потребления можетъ завистъ какъ разъ отъ меньшинства*, хотя конечно не отъ меньшинства, состоящаго лишь изъ нѣсколькихъ процентовъ. Здѣсь главнымъ образомъ должно быть принято въ соображеніе *потребленіе мяса*, въ которомъ большая часть населенія почти совсѣмъ не участвуетъ, а между тѣмъ для болѣе здороваго и нормальнаго развитія человѣчества мясо должно считаться единственной пищей, безъ которой дѣйствительно нельзя обойтись. Но что сказать, если въ одной и той же странѣ существуютъ такіе контрасты, какъ напримѣръ въ *Испаніи*, гдѣ въ *Мадридѣ* на каждую душу

населенія приходится ежегодно по 76,12 ф. мяса, а въ провинціи Альмерія лишь по 5,87 ф.? Въ Германіи, правда, если принять въ расчетъ цѣлыя провинціи, такіе контрасты не встрѣчаются; но что оказалось бы, еслибы въ нѣкоторыхъ промышленныхъ округахъ можно было дѣйствительное потребление опредѣлить по классамъ и сословіямъ? Но какъ уже сказано выше, мы не станемъ дѣлать по этому поводу никакихъ догадокъ, однако не будемъ также подражать и тѣмъ поверхностнымъ расчетамъ, посредствомъ которыхъ прежде въ пылу оффиціального самовосхваленія вычислялось возрастаніе потребления на cadaго человѣка, и въ которыхъ несомнѣнно лишь одно основное желаніе доказать благотѣльность правительства. Современная наука, серьезнѣе относящаяся къ дѣлу, не можетъ уже удовлетворяться подобными расчетами. Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ матеріаловъ для опредѣленія количества мясной пищи можетъ намъ служить перепись скота, которая издавна ведется въ Пруссіи съ методической правильностью. Вглядимся въ нее повнимательнѣе! Съ 1816—1822 годъ въ Пруссіи каждая 1,000 людей возрасла до 1,130, а 1,000 головъ рогатаго скота въ то же время увеличилась лишь до 1,058 штукъ; 1,000 свиней—до 1,070. Слѣдовательно здѣсь уже размноженіе животныхъ породъ, доставляющихъ наибольшее количество мяса, происходитъ медленнѣе, чѣмъ размноженіе людей; то же самое замѣчается въ періодъ 1822—31 г. и въ 1832—40 гг.: люди размножаются быстрѣе рогатаго скота, т. е. породы, доставляющей не только наибольшее количество мяса, но и одинъ изъ существеннѣйшихъ продуктовъ питанія — молоко; размноженіе же свиней немного усиливается. Въ періодъ 1840—49 г. размноженіе людей, благодаря дороговизнѣ и оскуднѣнію пищевыхъ средствъ, очень незначительно: люди размножаются, какъ 1,000:1,032, между тѣмъ рогатый скотъ — какъ 1,000:1,080, а свиньи — какъ 1,000:1,102; затѣмъ число людей снова начинаетъ возрастать быстрѣе числа животныхъ, употребляемыхъ въ пищу.

Что такимъ образомъ окажется въ концѣ концовъ, если обозрѣть весь періодъ времени 1816—1858 гг.? Люди размножились въ пропорціи 1,000 къ 1,712, рогатый скотъ только 1000:1367, свиньи — 1,000:1,725; слѣдовательно послѣдніа размножились только немного сильнѣе людей, между тѣмъ какъ наиболѣе полезная порода животныхъ количественно значительно отстала. Это конечно не представляетъ еще готоваго вывода. Предварительно слѣдуетъ замѣтить, что разность между ввозомъ и вывозомъ для Пруссіи не такъ значительна, чтобы это обстоятельство могло существенно измѣнить данное отношеніе. Гораздо важнѣе качественное измѣненіе вслѣдствіе улучшенія породъ; если принять во вниманіе, что у мазуровъ въ Галиціи быкъ или корова вѣситъ лишь 2 (?) центнера, а въ низовьяхъ Вислы, напротивъ,—до 10 центнеровъ, то станетъ вполне ясно, что улучшеніе породъ можетъ имѣть весьма значительное вліяніе. *Энгель*, касаясь этого вопроса, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Въ 1816 году 10 головъ рогатаго скота приходилось на долю 26 чел., нынѣ (т. е. въ концѣ 1858 г.)—на долю 32 чел. Еслибы средній вѣсъ рогатаго скота остался безъ перемѣны, то на долю cadaго изъ 32 нынѣ доставались бы, разумѣется, меньшія порціи; но еслибы средній вѣсъ увеличился только на $\frac{1}{4}$, то въ 1858 г. порціи для cadaго изъ 32 сдѣлались бы даже немного болѣе тѣхъ порцій, достававшихся въ 1816 году cadaму изъ 26 чел. Одна корова должна была въ 1816 г. снабжать молокомъ и масломъ 4,8 чел., а въ 1858 г. — 5,5 чел. Но если средній удой cadaй коровы увеличился приблизительно хоть на $\frac{1}{7}$, т. е. напр. съ 500 квартъ до 571 кварты, то молочное питаніе нисколько не уменьшилось».

Правда, *Энгель* предполагаетъ, что дѣйствительный качественный ростъ вѣроятно еще больше, такъ что скорѣе произошло улучшеніе, чѣмъ ухудшеніе мясного питанія; но онъ слишкомъ осторожный и критическій изслѣдователь, чтобы категорически утверждать это, потому что въ дѣйствительности

для такого утверждения не имѣется достаточныхъ оснований. Что улучшеніе породъ рогатаго скота въ Пруссіи въ цѣлые округа еще совсѣмъ не проникло, въ другихъ не удалось, и вообще съ успѣхомъ осуществлено лишь въ немногихъ мѣстностяхъ,—это должны будутъ признать всѣ знатоки сельскаго хозяйства. Поэтому самое большее, что мы можемъ допустить, это—что общее количество доставляемой рогатымъ скотомъ въ видѣ мяса, молока и молочныхъ продуктовъ пищи осталось приблизительно въ прежнемъ отношеніи къ цифрѣ народонаселенія. *Но развѣ и распределение этого количества между различными классами населенія осталось то-же самое?* Мы этого не думаемъ. Положимъ на каждую душу народонаселенія среднимъ числомъ по 60 ф., что будетъ безъ сомнѣнія еще слишкомъ щедро; ясно, что *имушціе не будутъ удовлетворены этой нормой* ³³⁾.

Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ нѣтъ надобности стѣснять себя въ этомъ важномъ пунктѣ, потребляется среднимъ числомъ не менѣе 150 фунт., въ высшемъ же сословіи, безъ сомнѣнія, и того болѣе. За ними слѣдуетъ значительный слой населенія, которому приходится жить разсчитливо, и потому довольствоваться, положимъ, 100 ф. *Что затѣмъ остается остальнымъ?* Передъ нами теперь развертывается очень интересная проблема, рѣшеніе которой быть можетъ заставить противниковъ Лассалю пожалѣть о той хвастливой самоувѣренности, съ которою они преувеличиваютъ число обезпеченныхъ лицъ, противопоставляя Лассалевскимъ вычисленіямъ свои баснословныя измышленія. Что, если мы спросимъ ихъ, какъ велико число лицъ, которыя могутъ употреблять въ пищу столько же мяса, сколько потребляютъ умѣренные люди со среднимъ состояніемъ, не пренебрегающіе при этомъ и зеленью? Ужъ не принять-ли намъ число этихъ лицъ въ 10% всего народонаселенія? Или быть можетъ даже въ 20% или 30%? Но вѣдь въ такомъ случаѣ для *остального народонаселенія скоро ничего бы не осталось*. Или быть можетъ слѣдуетъ считать мясо предметомъ

роскоши? Но позвольте! Мы такъ-же мало знаемъ процентную цифру имущихъ, какъ и тѣ статистики, которые дѣлаютъ видъ, будто знаютъ ее. Мы твердо знаемъ лишь одно, что съ 1816 г. — какъ число имущихъ, такъ и принадлежащая имъ собственность возрасли необыкновенно сильно. Какъ это должно отразиться на столѣ бѣдныхъ и вообще менѣе обезпеченныхъ классовъ при томъ условіи, что общее количество мясной пищи, приходящейся среднимъ числомъ на каждую душу населенія, остается неизмѣннымъ, — мы можемъ себѣ разъяснить посредствомъ небольшого ариметическаго примѣра; при этомъ для наглядности введемъ опредѣленные числа, вмѣсто того, чтобы производить вычисленія надъ *x* и *y*. Если допустить, что въ 1816 г. десятая часть населенія могла получать умѣренную порцію мясной пищи, то эта десятая часть потребить такое количество мяса, что остальнымъ $\frac{9}{10}$ останется вмѣсто 60 ф. только по 50 ф. на человѣка. Если далѣе предположить, что въ 1858 г. число тѣхъ, которые могутъ вполне насытиться, увеличилось лишь на половину, то остальному населенію придется на душу уже только по 44 ф. Какъ ни видоизмѣняй этотъ расчетъ, мы постоянно должны будемъ признать одно изъ двухъ: либо что число лицъ, пользующихся достаточной мясной пищей, крайне незначительно, либо что ихъ хорошее питаніе ощутительно отражается на питаніи неимущихъ. Изъ этого можно теперь заключить, улучшилось ли положеніе рабочихъ классовъ во время того безпримѣрнаго расцвѣта промышленности, который породила наша эпоха, и въ состояніи ли постепенное и естественное повышеніе нормы благосостоянія, безспорно проявляющееся въ болѣе широкомъ распространеніи весьма многихъ мелочей, разрѣшить рабочій вопросъ, пока въ горшкѣ рабочаго будетъ такъ-же мало мяса, какъ теперь.—Поэтому мы не можемъ сдѣлать еще никакихъ общихъ выводовъ изъ тѣхъ почтенныхъ наблюденій, которыя недавно произвелъ д-ръ *Страсбургеръ* надъ измѣненіемъ отношенія заработной платы къ цѣнамъ на продукты, хотя эти

изысканія какъ въ историческомъ, такъ и въ статистическомъ отношеніи произведены весьма тщательно. Страсбургеръ ограничиваетъ свои наблюденія заработною платой однихъ типографскихъ наборщиковъ; именно—онъ сравниваетъ, сколько вознагражденія одинъ наборщикъ получалъ за точно определенное количество труда въ различные года и сколько ржи можно было каждый разъ купить за это вознагражденіе при существовавшихъ на нее цѣнахъ. Такимъ образомъ примѣръ оказывается, что хотя съ начала прошлаго столѣтія (1717 г.) до 1848 года и замѣчаются сильныя колебанія, но нѣтъ вполне яснаго и постоянного прогресса, между тѣмъ какъ съ 1848 г. замѣчается уже прогрессъ, принимающій съ 1864 года (*т. е. какъ разъ съ начала германскаго рабочаго движенія!*) значительные размѣры.

Какой же можно сдѣлать выводъ, если принять во вниманіе всѣ указанныя обстоятельства? Прежде всего позволимъ себѣ замѣтить, что наборщикъ 1840—47 гг., вознагражденіе котораго, переведенное на рожь, приблизительно равнялось вознагражденію 1720 года, находился вѣроятно въ значительно болѣе несправномъ положеніи. Подъ вліяніемъ всесторонняго культурнаго прогресса, примѣра среднихъ и болѣе богатыхъ классовъ и соблазнительной дешевизны продуктовъ промышленности, а часто и прямо подъ гнетомъ общественныхъ условий *), рабочій въ настоящее время *volens-nolens* тратитъ большую часть своей заработной платы на иные предметы, чѣмъ пищу. Къ этому прибавилось еще, что цѣны на мясо возрасли непропорціонально больше, чѣмъ цѣны на рожь. Поэтому даже независимо отъ квартирнаго вопроса совершенно очевидно, что послѣдовало ухудшеніе быта рабочихъ, вдвойнѣ конечно ощутительное рядомъ съ безграничнымъ ростомъ роскоши имущихъ. Что же касается повышенія съ 1848 г.

*) Стоять на примѣръ только припомнить тѣ требованія приличной, опрятной одежды, которыя предъявляетъ къ дѣтямъ школа.

и главнымъ образомъ съ 1864 г. уровня дѣйствительнаго вознагражденія за трудъ, то здѣсь мы имѣемъ предъ собою несомнѣнный примѣръ успѣшности сознательной борьбы за общіе интересы. Оно было плодомъ стройной агитаціи наборщиковъ которые въ Германіи, какъ извѣстно, сплотились ранѣе другихъ ремесленниковъ; но она же своимъ поразительно-быстрымъ успѣхомъ подала сигналъ ожесточенной реакціи работодателей, которые прежде всего стараются уничтожить великій союзъ наборщиковъ. Этотъ единичный въ Германіи примѣръ ясно показываетъ намъ, что замкнутая и находящаяся внѣ предѣловъ всякой конкуренціи организація несомнѣнно можетъ значительно повысить относительный уровень заработной платы; то же самое, только въ несравненно большемъ размѣрѣ, убѣдительно доказываетъ по отношенію къ *Англіи* основательное излѣдованіе Брентано: «*Современные рабочіе цехи*» («*Die Arbeitergilden der Gegenwart*»). Здѣсь, какъ и въ вопросѣ о томъ, не можетъ ли вмѣшательство государства путемъ фабричнаго законодательства при существующей формѣ производства принести значительную пользу рабочимъ, разумѣется нельзя придерживаться крайнихъ воззрѣній *Маркса*, который всѣмъ этимъ попыткамъ не придаетъ никакого значенія въ виду необходимости радикальнаго соціальнаго переворота. И все-таки остается по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, не слѣдуетъ ли въ концѣ концовъ считать всѣ эти многотрудные успѣхи рабочихъ, такъ часто парализуемые и устраняемые могуществомъ капитала, простою подготовкой къ болѣе радикальному преобразованію отношеній, которое распространится и на организацію государства, и на форму собственности.

Во всякомъ случаѣ разница между такого рода борющейся самопомощью и взятой съ бою государственной помощью не такъ велика, какъ можно бы думать, судя по господствующимъ представленіямъ. Кромѣ того достовѣрно, что даже грандіозные успѣхи англійскихъ рабочихъ ничего не измѣнили въ общемъ ходѣ соціальнаго недуга. Брентано въ одной своей

статьѣ, посвященной: «*Ученію о возвышеніи заработной платы*»*), выполнѣ вѣрно доказаль, что рабочіе могутъ (конечно лишь при извѣстныхъ условіяхъ, установленіе которыхъ далеко не вездѣ возможно!) повышать относительный уровень своей заработной платы въ ущербъ капиталистической прибыли и интересамъ потребителей, и что въ результатѣ этого процесса должна получиться *замѣна производства менѣе необходимыхъ предметовъ потребленія широкимъ производствомъ предметовъ первой необходимости.*

Дѣйствительно, здѣсь то и заключается сущность всего социальнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство, что социальный вопросъ въ главныхъ своихъ основахъ тождественъ съ вопросомъ рабочимъ. Только тогда и можно будетъ сказать, что рабочій вопросъ, а съ нимъ вмѣстѣ и вообще социальный, могутъ быть разрѣшены безъ революцій или по крайней мѣрѣ находятся на вѣрномъ пути къ разрѣшенію, когда *различіе въ социальномъ положеніи отдѣльныхъ группъ населенія не будетъ увеличиваться и начнется обратный процессъ постепеннаго ихъ уравниванія*, а это тождественно съ уменьшеніемъ затраты труда на предметы роскоши и утонченнаго образа жизни для немногихъ и увеличеніемъ труда, имѣющаго въ виду частію удовлетвореніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей, частію же созданіе источниковъ умѣренныхъ и общедоступныхъ наслажденій. Съ этимъ пунктомъ связаны всѣ существенныя стороны социальнаго вопроса: возрастаніе крупныхъ имуществъ рядомъ съ ужасающей нищетой; скопленіе населенія въ большихъ городахъ и промышленныхъ округахъ параллельно съ обезлюдненіемъ земледѣльческихъ мѣстностей; безпомощность и грубость низшихъ слоевъ общества и утонченная лжеобразованность и безнравственность высшихъ классовъ.

Квартирный вопросъ, составляющій нынѣ повсемѣстную

*) *Hildenbrands: „Jahrb. f. Nationalökon. u. Statistik“, Bd. 61, S. 251 u. ff. Ср. особенно конецъ статьи, стр. 280 и слѣд.*

злобу дня, долженъ разсматриваться подѣ тѣмъ же угломъ зрѣнія. Въ отвратительной обстановкѣ нашихъ крупныхъ городовъ, гдѣ нерѣдко нѣсколькимъ семействамъ приходится дѣлиться между собою зараженнымъ воздухомъ единственной комнаты, социальное зло выступаетъ наружу всего рельефнѣе, особенно съ того времени, какъ статистика принялась освѣщать эти мрачные закоулки. Здѣсь народное бѣдствіе становится скорѣе всего понятнымъ среднимъ классамъ и даже богачамъ, такъ какъ оно отражается на самыхъ высокихъ ступеняхъ социально-іерархической лѣстницы, а страхъ предъ разительными болѣзнями съ успѣхомъ замѣняетъ собою недостатокъ естественнаго состраданія и симпатіи къ поправленію человѣческому достоинству. Въ томъ то и состоитъ роковая особенность новѣйшихъ націй, если только не человѣческаго рода вообще, что борьба за сохраненіе нормы благосостоянія всего безсильнѣе оказывается именно тамъ, гдѣ поправлены всѣ принципы семейной жизни, обычаевъ, добродѣтелей и всѣхъ домашнихъ удобствъ. Намъ настойчиво указываютъ на Англію и Америку, чтобы выяснить, какъ благотворно отражается на квартирномъ вопросѣ стремленіе каждой семьи имѣть согласно укоренившемуся обычаю отдѣльный домъ. Нельзя конечно отрицать, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою случай, въ которомъ норма благосостоянія произвела до извѣстной степени необыкновенное дѣйствіе, но это объясняется тѣмъ, что на защиту ея энергически стали не одни рабочіе, а прежде всего средніе классы, обладающіе большею силою сопротивленія. Тамъ, гдѣ существуетъ общая привычка жить и строиться только такъ, чтобы для каждаго семейства былъ отдѣльный домикъ, спекуляція квартирными казармами и незастроенными мѣстами естественно не можетъ подняться до такой головокружительной высоты, какъ на нашихъ глазахъ въ Берлинѣ, гдѣ десятая часть населенія живетъ въ подвалахъ. Впрочемъ и въ Англіи наиболѣе бѣднымъ обитателямъ крупныхъ городскихъ центровъ живетъ въ этомъ отношеніи не лучше, чѣмъ

въ Вѣнѣ, Берлинѣ или Кёнигсбергѣ, а въ *pendant* къ нашимъ городскимъ порядкамъ—въ Англіи имѣются отвратительнѣйшія ненормальности того же рода въ деревняхъ и среди земледѣльческихъ рабочихъ³⁴⁾.

Хорошей иллюстраціей тѣсной связи между квартирнымъ вопросомъ и главными причинами нашего соціального зла можетъ служить тотъ фактъ, что изъ всѣхъ многочисленныхъ обсужденій и разработокъ этого жгучаго вопроса самымъ безплоднымъ оказался результатъ «Политико-экономическаго конгресса». Здѣсь, среди ревностныхъ сторонниковъ ученія о всемогуществѣ частной предпримчивости и свободной конкуренціи первый докладчикъ по вопросу о квартирной нуждѣ, д-ръ *Закс*, принужденъ былъ открыть свои резолюціи заявленіемъ, что частная предпримчивость «не была въ состояніи» удовлетворительнымъ образомъ рѣшить его, что нужно избрать другіе пути^{*)}. «*Не въ состояніи!*» Господа основатели вѣнскихъ строительныхъ банковъ разразились бы по этому поводу гомерическимъ хохотомъ, еслибы они не чувствовали еще остатковъ утомленія отъ послѣдняго маленькаго погрома, во время котораго желанная государственная помощь недостаточно энергично заступалась за нихъ. И отчего имъ не посмѣяться? Спекуляція знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, и хотя частная предпримчивость конечно можетъ принести пользу въ квартирномъ вопросѣ, но столь же несомнѣнно, что она не принесетъ пользы до тѣхъ поръ, пока предпринимательскій интересъ будетъ попрежнему играть главную роль въ этомъ дѣлѣ. Собравъ основной капиталъ, подобное общество предпринимателей будетъ получать лучшіе дивиденды вѣроятно тогда именно, когда оно будетъ поступать какъ разъ по мѣру своихъ предшественниковъ, т. е. если оно будетъ *не бороться* съ соціальнымъ зломъ, а *эксплоатировать* его.

*) Третье засѣданіе Политико-экономическаго конгресса („*Volkswirtschaftlicher Kongress*“) въ Вѣнѣ 1873 года, 13 августа.

Второй референтъ политико-экономическаго конгресса, Фаухеръ, прямо ударился по этому вопросу въ ересь и принялъ такой тонъ, какъ будто онъ рѣшился бы подать голосъ чуть не за экспроприацію частной собственности на городскую землю, еслибы только взаимныя отношенія нашихъ политическихъ партій не дѣлали такой мѣры опасною. Голосованіе конечно тщательно удалило изъ резолюцій всякія еретическія поползновенія, и собраніе приняло, по краснорѣчиво-мягкому выраженію своего президента, «*осторожныя рѣшенія*». Этому выраженію не мѣшаетъ сдѣлаться общеизвѣстнымъ. Мы упомянули объ этихъ дебатахъ только для того, чтобы показать, какъ мало склонна та политико-экономическая школа, которая является принципиальной сторонницей новѣйшаго индустріализма, устранять въ жизни его неизбѣжныя темныя стороны. Впрочемъ обсужденіе многочисленныхъ и отчасти достойныхъ вниманія проектовъ уничтоженія квартирной нужды лежитъ внѣ нашего плана³⁵⁾.

Теоретическую же сторону квартирнаго вопроса мы поставимъ еще разъ внимательно освѣтить ниже, когда будемъ разсматривать вопросъ о *поземельной рентѣ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Капиталъ и трудъ.

Въ этой главѣ мы займемся главнымъ образомъ *воззрѣніемъ Маркса на капиталистическій способъ производства*, которое на первый взглядъ стоитъ повидимому въ значительномъ противорѣчій съ основными положеніями нашего собственнаго взгляда, изложеннаго въ первыхъ двухъ главахъ. Воззрѣніи Маркса на Мальтуса и его ученіе мы не разъ уже касались. Его собственный взглядъ на *отношеніе закона народонаселенія къ рабочему вопросу* наиболее ясно и полно изложенъ въ VI главѣ (русск. пер. изд. 1872 г.) его капитальнаго сочиненія. Изложивъ свою собственную теорію, Марксъ прибавляетъ въ этомъ мѣстѣ (стр. 543, 656):

«Это есть тотъ законъ возрастанія населенія, который свойственъ капиталистическому способу производства, какъ вообще каждому исторически-особенному способу производства соответствуетъ свой собственный законъ возрастанія населенія, имѣющій только историческое значеніе. Абстрактный законъ размноженія существуетъ только для растений и животныхъ.»

Ниже мы увидимъ, каковъ, по мнѣнію Маркса, законъ возрастанія населенія, соответствующій капиталистическому періоду. Но да будетъ намъ позволено замѣтить прежде, что и для растений, и животныхъ, строго говоря, не существуетъ никакого «абстрактнаго» закона размноженія, такъ какъ вооб-

ще абстракція есть только выдѣленіе общаго въ цѣломъ рядѣ однородныхъ явленій,—обобщеніе, которое мы совершаемъ въ нашемъ умѣ и затѣмъ выражаемъ въ формѣ логическихъ понятій и общеупотребительныхъ положеній. Поэтому и законъ размноженія рода посредствомъ созданія и уничтоженія массы зародышей, изъ которыхъ только часть достигаетъ полного развитія и продолжаетъ родъ, создавая новый излишекъ зародышей,—этотъ законъ есть въ сущности лишь логическое обобщеніе явленій, представляющихся на различныхъ ступеняхъ растительнаго и животнаго міра въ безконечномъ разнообразіи. Это разнообразіе одинаково распространяется какъ на количественныя отношенія между первоначальными зародышами и достигшими полного развитія индивидами, такъ и на способъ и характеръ зарожденія, развитія, гибели или же совершенствованія путемъ естественнаго подбора. Что касается перваго пункта, мы уже ранѣе указали, что наиболее массовымъ характеромъ процессъ зарожденія и уничтоженія отличается именно среди низшихъ организмовъ, что чѣмъ выше типъ, тѣмъ равномернѣе устанавливается въ немъ количественное различіе между зародышами и уцѣлѣвшими особями. Наконецъ у человѣка является сознательное стремленіе достигнуть по возможности такихъ результатовъ, при которыхъ всякая зародившаяся индивидуальная жизнь могла бы достигать полного своего развитія,—при которыхъ вырожденіе и преждевременная гибель встрѣчали бы врага не только въ естественной самозащитѣ индивида, но и въ возможно цѣлесообразной организаціи соціальнаго строя,—при которыхъ, однимъ словомъ, интеллектуальное развитіе человѣчества довело бы проявленія борьбы за существованіе до minimum'a.

Въ способахъ, посредствомъ которыхъ природа производитъ и уничтожаетъ сравнительное «перенаселеніе» (употребляемъ для краткости одинаковый терминъ и для растений и животныхъ), мы встрѣчаемъ крайнее разнообразіе отдѣльныхъ конкретныхъ явленій. Переселенія народовъ и эмиграція отдѣль-

ныхъ лицъ, борьба и формальные завоевательные походы, попытки перехода къ новымъ источникамъ пропитанія, ловля невольниковъ и дрессировка рабочихъ классовъ для спеціальнаго труда,—все это имѣетъ мѣсто въ животномъ мірѣ, какъ и въ человѣческомъ; и если въ послѣднемъ всѣ эти конкретныя проявленія борьбы за существованіе несравненно разнообразнѣе, то вѣдь это только естественное слѣдствіе болѣе богатой природы человѣка, большаго развитія всѣхъ его дарованій и наконецъ, не менѣе того, и большаго значенія, которое мы приписываемъ явленіямъ человѣческой жизни, понятнымъ для насъ во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ. — Этимъ, разумѣется, еще нисколько не устраняется возраженіе, которое Марксъ выставляетъ противъ примѣненія дарвиновской теоріи къ жизни человѣческаго общества. Въ дѣйствительности, Марксъ хочетъ высказать нѣчто гораздо болѣе обширное, чѣмъ мысль, что законъ народонаселенія, соотвѣтствующій капиталистическому періоду, есть только специфическая форма всеобщаго закона размноженія органическихъ существъ. Онъ находитъ, напротивъ, что этотъ законъ до такой степени видоизмѣненъ капиталистическимъ способомъ производства, что именно въ этомъ своеобразномъ видоизмѣненіи, а не во всеобщемъ законѣ природы, слѣдуетъ искать истинное происхожденіе тѣхъ золъ, которыя создали рабочій вопросъ. Относительное перенаселеніе, соотвѣтствующее современному капиталистическому способу производства, не зависитъ, по мнѣнію Маркса, отъ того, сильно ли или слабо возрастаетъ народонаселеніе, или даже совсѣмъ не увеличивается; этотъ избытокъ могъ бы, если говорить теоретически, возникнуть даже среди населенія изъ существъ, не размножающихся и не умирающихъ, и для которыхъ слѣдовательно не имѣли бы мѣста оба основныя положенія господствующаго ученія о народонаселеніи.

По Марксу, капиталистическій способъ производства неизбежно влечетъ за собою постоянный приливъ и отливъ въ

спросъ на рабочія силы; эти колебанія вырываютъ рабочаго изъ его естественной колеи и отдають на произволъ капитала. Насколько этотъ процессъ можно изложить, не прибѣгая къ тяжеловѣсной и странной терминологіи Маркса (хотя, признаться, при этомъ придется отчасти пожертвовать точностью опредѣленія ради популярности изложенія), дѣло обстоитъ приблизительно такъ:

Вся классическая политическая экономія, отъ Ад. Смита до Дж. Ст. Милля включительно, крѣпко держится положенія, что весь производительный капиталъ затрачивается на уплату рабочей платы, что слѣдовательно одновременно съ накопленіемъ приложеннаго къ національной промышленности капитала происходитъ равномерное накопленіе фонда, изъ котораго оплачиваются національные работники. Марксъ, наоборотъ, строго отличаетъ постоянный капиталъ, заключающійся въ фабричныхъ зданіяхъ, каналахъ, желѣзныхъ дорогахъ, машинахъ и всевозможныхъ орудіяхъ производства, отъ переменнаго капитала, изъ котораго оплачивается трудъ. Правда, что и машины въ свою очередь производятся тѣми же рабочими, но это не даетъ намъ никакого права признавать разность между всеми затратами фабриканта на предпріятіе и затратами его на вознагражденіе рабочихъ равною суммѣ, израсходованной на оплату труда, создавшаго орудія производства. По мнѣнію Маркса, въ этомъ приравненіи заключается одно изъ наиболѣе богатыхъ послѣдствій основныхъ заблужденій классической политической экономіи. Вѣдь фабрикантъ машинъ работаетъ съ своей стороны опять-таки машинами, которыя дѣлаютъ для него возможнымъ сбереженіе рабочей платы. Хотя эти машины въ свою очередь производятся также рабочими, однако и здѣсь снова повторяется то же самое явленіе: и на этой ступени производства орудій труда, насколько она носитъ характеръ капиталистическаго способа производства, часть стоимости оплачивается не въ формѣ заработной платы, а въ видѣ *вознагражденія за содѣй-*

ствіе приспособленія, которое экономизируетъ заработную плату. Еслибы сумма всѣхъ этихъ приспособленій, служащихъ для сбереженія заработной платы, оставалась всегда одинаковою, тогда безъ сомнѣнія долженъ бы былъ установиться такой порядокъ, при которомъ капиталъ, затраченный на промышленность, при дальнѣйшемъ своемъ ростѣ долженъ бы цѣликомъ обратиться на закупку новыхъ рабочихъ силъ. Въ дѣйствительности этого не наблюдается; наоборотъ, постоянный капиталъ, заключенный въ экономизаторахъ заработной платы—машинахъ, постоянно и на всѣхъ ступеняхъ производства увеличивается, вслѣдствіе чего лишь часть вновь приливающего къ промышленности капитала должна тратиться на заработную плату. Признавъ пока это возрѣніе неоспоримо вѣрнымъ, мы далѣе легко выведемъ, что вмѣстѣ съ прогрессомъ промышленности пропорціонально возрастаетъ постоянная часть промышленнаго капитала, что поѣтому одновременно съ прогрессомъ промышленности происходитъ возрастающее сбереженіе рабочихъ силъ, за которымъ не поспѣваетъ процессъ возрастанія спроса на рабочія руки, потребныя для построенія новыхъ машинъ. Только усиленіе производства въ одной данной отрасли, а еще болѣе—открытіе новыхъ отраслей въ состояніи тогда увеличить спросъ на рабочія руки.

Но если оставить уже цѣликомъ въ сторонѣ всю теорію неравенства между постояннымъ капиталомъ и суммой заработныхъ платъ, затрачиваемыхъ на его созданіе, подробнымъ развитіемъ которой Марксъ обѣщаетъ заняться въ одной изъ послѣдующихъ частей своего капитальнаго труда, то и тогда придется безъ дальнѣйшихъ размышленій признать, что введеніе машинъ ведетъ путемъ отдѣльныхъ толчковъ въ безработицѣ для значительной части рабочихъ. Этого обстоятельства вполне достаточно, чтобы вывести изъ него «законъ возрастанія населенія, соотвѣтствующій капиталистическому способу производства», которымъ Марксъ хочетъ замѣнить для человѣческаго общества теорію Дарвина. Мы еще скажемъ

нѣсколько словъ объ этомъ вопросѣ, чтобы затѣмъ доказать, что эта какъ будто совершенно самостоятельная по происхожденію причина относительнаго перенаселенія есть въ сущности только видоизмѣненіе той же старой, проявляющейся въ тысячѣ разнообразныхъ формъ, борьбы за существованіе. Какого бы взгляда на отношеніе машинъ къ общему спросу на рабочія силы мы ни придерживались, мы все-таки не можемъ отвергать, что внезапное введеніе крупныхъ механическихъ улучшеній всегда оставляетъ безъ куска насущнаго хлѣба громадныя массы рабочаго люда. Но такія улучшенія чаще всего дѣлаются въ періоды недостатка рабочихъ силъ. Слѣдовательно, тогда происходитъ внезапный переходъ отъ крайне благопріятнаго для рабочихъ состоянія рабочаго рынка къ крайне неблагоприятному. Въ такія эпохи увеличивается прибыль капиталиста, а рабочій поневолѣ понижаетъ цѣну на свою рабочую силу. Часть рабочихъ даже этого не будетъ въ состояніи сдѣлать немедленно и должна будетъ прибѣгнуть къ помощи общественной благотворительности. Такимъ образомъ появляется на время перенаселеніе, и притомъ повидимому совершенно независимо отъ закона борьбы за существованіе. Этотъ излишекъ населенія не перестаетъ однако быть населеніемъ промышленнымъ. Накопившіеся капиталы усиленно ищутъ новаго выхода и накидываются наконецъ съ бѣшеной стремительностью на какое-нибудь новое предпріятіе. Спросъ на рабочія руки мгновенно усиливается, и рабочая плата должна бы теперь необходимо повыситься, еслибы не было на лицо «резервной промышленной арміи—именно того избытка населенія, который выдѣлился при предшествующемъ кризисѣ. Здѣсь главнымъ образомъ и набираетъ промышленность своихъ рекрутовъ, и вліяніе этой-то общественной категоріи и мѣшаетъ контингенту постоянно занятыхъ рабочихъ увеличивать свои требованія: резервъ опять выступаетъ на сцену. Такимъ образомъ капиталистъ выгадываетъ то, что у него постоянно обезпеченъ на общественномъ иждивеніи запасъ свободныхъ

рабочихъ рукъ, которыя онъ по мѣрѣ надобности привлекаетъ къ труду и снова отталкиваетъ, разъ перестаетъ въ нихъ нуждаться. Движеніе промышленности въ видѣ періодическихъ скачковъ есть слѣдствіе процесса накопленія капитала, а приливы и отливы на рабочемъ рынкѣ являются въ свою очередь слѣдствіями развитія промышленности путемъ скачковъ. Эти періодическіе приливы и отливы вызываютъ перенаселеніе, которое съ своей стороны является препятствіемъ къ возвышенію заработной платы. Подобное же вліяніе оказываютъ и *торговые кризисы*. Періоды перепроизводства и эпохи промышленнаго упоенія привлекли всѣ свободныя рабочія силы страны на службу промышленности; теперь же торговый кризисъ выбрасываетъ на улицу массы старательныхъ рабочихъ. «Характерный жизненный путь новѣйшей промышленности,—говоритъ Марксъ (стр. 544 и 545),—являющійся въ видѣ десятилѣтнихъ цикловъ, прерываемыхъ мелкими колебаніями и состоящихъ изъ періодовъ средняго оживленія, производства на всѣхъ парахъ, кризиса и застоя,—основывается на постоянномъ образованіи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и новомъ образованіи запасной промышленной арміи или избыточнаго населенія. Превратности промышленнаго цикла въ свою очередь увеличиваютъ чрезмѣрное населеніе и вообще служатъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ его воспроизведенія.

«Этотъ своеобразный жизненный путь новѣйшей промышленности, котораго мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ болѣе раннихъ періодовъ исторіи человѣчества, былъ невозможенъ и въ дѣтскомъ періодѣ капиталистическаго производства. Тогда составъ капитала (т. е. соединеніе постоянного и переменнаго капитала или средствъ производства и заработной платы) измѣнялся крайне медленно. А потому накопленію его вообще соответствовало соразмѣрное возрастаніе запроса на трудъ. Столь же медленно, какъ и прогрессъ его накопленія въ сравненіи съ новѣйшей эпохой, наталкивался онъ на естест-

венные предѣлы рабочаго населенія, могущаго служить для эксплуатаціи,—предѣлы, которые можно было устранить только насильственными мѣрами. Внезапное и порывистое расширеніе размѣра производства есть условіе его внезапнаго сокращенія; послѣднее вызываетъ снова первое; но первое невозможно, если нѣтъ наготовѣ челоѣческаго матеріала, если нельзя *увеличить число работниковъ, независимо отъ абсолютнаго возрастанія населенія*. Этотъ всегда готовый челоѣческій матеріалъ создается тѣмъ простымъ процессомъ, который при помощи способовъ, уменьшающихъ число работниковъ въ сравненіи съ увеличеннымъ производствомъ, постоянно освобождаетъ часть работниковъ. Такимъ образомъ вся форма движенія новѣйшей промышленности вытекаетъ изъ постоянного превращенія части рабочаго населенія въ незанятыхъ или на половину занятыхъ рабочихъ руки».—Мы нарочно привели это сравнительно легко понятное мѣсто собственными словами Маркса, но считаемъ все-таки необходимымъ прибавить еще нѣсколько словъ въ поясненіе. Всякій знаетъ, что введеніе какой-нибудь отрасли промышленности въ странѣ, народонаселеніе которой дотолѣ было знакомо лишь съ земледѣліемъ, скотоводствомъ и кустарнымъ промысломъ, встрѣчаетъ всегда громадное затрудненіе отъ недостатка рабочихъ. Если не принимать въ расчетъ такихъ случайностей, какъ никѣмъ еще не эксплуатируемая водяная сила и другія благоприятныя условія, то прежде всего привлекаетъ *дешевизна рабочихъ рукъ*. Вслѣдствіе дешевизны всѣхъ жизненныхъ средствъ, дѣйствительное вознагражденіе за трудъ представляется рабочимъ сравнительно довольно высокимъ. Фабрикантъ можетъ предложить плату болѣе высокую, чѣмъ обычная въ странѣ, и все-таки значительно выгадаетъ, потому что сбываетъ свой фабрикатъ на всемірномъ рынкѣ, а не на мѣстѣ производства. Слѣдствіемъ его появленія будетъ то, что немногія свободныя руки, которыхъ не лишены даже земледѣльческіе округа, перейдутъ къ нему. Небольшой контин-

гентъ рабочихъ онъ привозить съ собою, а къ нему потомъ примыкають выходцы изъ сосѣднихъ округовъ, и народонаселеніе окрестностей значительно возрастаетъ. Въ это первое время росту народонаселенія можетъ явиться на помощь также и уменьшеніе смертности, ибо реальная норма заработной платы для неимущихъ, какъ мы выше замѣтили, понимается. Во всякомъ случаѣ уменьшается процентъ неспособныхъ къ труду, такъ какъ всегда будутъ существовать лица, которыя при полной своей негодности къ полевой работѣ могутъ еще быть пригодны на фабрикѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ возрастаетъ потребление всевозможныхъ жизненныхъ припасовъ. Въ странѣ начинаютъ появляться ремесленники, мелкіе торговцы, трактирщики и такъ далѣе, и возросшее благодаря всѣмъ этимъ лицамъ потребление возвышается цѣны на припасы. Реальная норма заработной платы падаетъ, а такъ какъ процессъ измѣненія установившихся въ странѣ цѣнъ на трудъ, переведенныхъ на деньги, всегда включаетъ въ себѣ извѣстный моментъ инертности (конечно при высокихъ цѣнахъ—пониженіе ихъ идетъ гораздо легче), то одновременно падаетъ и заработная плата земледѣльческаго труда, и обманчивыя надежды рабочаго люда на поднятіе экономическаго положенія посредствомъ перехода къ фабричному труду могутъ поэтому еще нѣкоторое время возрастать. Между тѣмъ фабрика не только поглотила всѣ въ обыкновенное время (исключая страды и т. д.) излишнія рабочія силы, но успѣла даже выбить часть населенія изъ ея привычной колеи. Повидимому все идетъ при этомъ какъ по маслу. Можетъ даже случиться, что страна при своихъ прежнихъ экономическихъ отношеніяхъ страдала *относительнымъ* перенаселеніемъ, и что оно теперь повидимому исчезаетъ, хотя абсолютно народонаселеніе все еще продолжаетъ возрастать.—Теперь-то и наступаетъ первый болѣе чувствительный кризисъ. Значительная часть народонаселенія оказывается безъ куска хлѣба. Одни съ трудомъ пробиваютъ себѣ путь къ

инымъ отраслямъ труда, другіе переселяются въ сосѣдніе округа; среди оставшихся наступаетъ нищета, а вслѣдствіе этого усиливается смертность; но все-таки существуетъ еще значительный зародышъ «резервной промышленной арміи», которая теперь и обращается къ общественной помощи. Населеніе принуждено нести теперь издержки на содержаніе такой общественной группы, которая въ сущности всегда была исключительной принадлежностью фабрики и снова станетъ помогать обогащенію фабриканта, лишь только наступитъ благоприятный для этого моментъ. Значительныя денежныя суммы, потребныя на содержаніе голодныхъ рабочихъ,—суммы, уплата которыхъ должна бы въ сущности падать на капиталъ, выплачивается теперь лицами, не имѣющими никакого отношенія къ фабричной промышленности. Капиталистъ обложилъ страну въ свою пользу данью. Являются налоги въ пользу неимущихъ, а тамъ, гдѣ они уже ранѣе были, они увеличиваются. Для того, чтобы дать работу оставшимся за штатомъ рабочимъ, предпринимаются дорогія и въ данное время мало производительныя общественныя постройки, проводятся дороги и т. п. Все это лишь новые налоги, тяжесть которыхъ, по присущей всѣмъ налогамъ тенденціи обращаться въ подушный сборъ («законъ переложенія»), ложится на способную еще платить часть населенія ³⁶).

Между тѣмъ въ какой-либо другой промышленной отрасли, не подвергшейся кризису, является полная возможность извлечь выгоду изъ незанятыхъ рабочихъ рукъ, которыя теперь можно приобрести по низшей цѣнѣ. Возникають съ возрастающей легкостью новыя промышленныя предпріятія, а старыя понемногу оживаютъ. Промышленный круговоротъ преодолевъ фазисъ безразличнаго положенія, и періодъ лихорадочно возбужденной дѣятельности приближается — вначалѣ медленно, а затѣмъ все съ возрастающей быстротой. Снова призывается запасная промышленная армія, но ея наличнаго состава уже недостаточно. Излишекъ народонаселенія, повидимому пропа-

дающій, на самомъ дѣлѣ увеличивается при помощи прежнихъ средствъ. Моментъ наибольшаго недостатка рабочихъ рукъ есть въ то же время моментъ наиболѣе сильнаго развитія относительнаго перенаселенія, тяжесть котораго при слѣдующемъ кризисѣ оказывается вдвойнѣ чувствительною. Такъ идетъ все далѣе и далѣе. Каждая новая волна подтачиваетъ крѣпкіе устои старыхъ общественныхъ отношеній, раздробляетъ твердыя составныя части и передвигаетъ съ мѣста на мѣсто все большія массы подвижныхъ элементовъ. Въ той части населенія, которая непосредственно не затронута промышленностью, также происходятъ, хотя медленно, но громадныя перемѣны. Цѣны на жизненные припасы поднимаются. Люди съ постояннымъ жалованьемъ начинаютъ чувствовать экономическую стѣсненность. Для всей массы рабочаго люда борьба за существованіе становится все тяжелѣе. Явились разнообразныя новыя потребности; норма благосостоянія во многихъ отношеніяхъ поднялась сравнительно съ прежней, болѣе простой обстановкой, но существованіе массъ въ общемъ стало хуже. Промышленность «обоатила» страну, т. е. она прежде всего значительно возвысила *стоимость земли*. Тамъ и сямъ крестьянинъ, землю котораго фабрикантъ купилъ за неслыханную прежде цѣну, обращается благодаря этому въ празднующагося рентьера. Строители и всевозможные другіе счастливые спекулянты получаютъ свою долю отъ щедротъ промышленности. Лавочники, хлѣбники и кабатчики завлекаютъ рабочихъ посредствомъ кредита въ свои сѣти и затѣмъ преблагодушно высасываютъ изъ нихъ жизненные соки. Собственники, особенно же землевладѣльцы, стали богаче и перенимаютъ отъ фабрикантовъ, техниковъ и пришлыхъ спекулянтовъ роскошь и науку великосвѣтскаго прожиганія жизни. Сословія расходятся все рѣзче и рѣзче. Соціальная пропасть обращается въ пропасть нравственную, и рабочій, все болѣе и болѣе проникаясь чувствомъ отчужденности и одиночества, съ горечью и затаенной злобой сравниваетъ свою судьбу съ

судьбою привилегированныхъ классовъ. Все сильнѣе проявляютъ свое вліяніе психологическіе законы, развитые въ третьей главѣ, и изъ прогрессирующаго недовольства вырастаетъ красный призракъ. У страны теперь существуетъ свой собственный рабочий вопросъ. Капиталистъ менѣе всѣхъ беспокоится этимъ, хотя ему, пожалуй, угрожаетъ наибольшая опасность. Въ то время, какъ проникательные чиновники, писатели и депутаты всѣхъ политическихъ партій и оттѣнковъ прилежно изучаютъ великое зло, предприниматель предпочитаетъ попросту отрицать его. Прежде всего онъ утверждаетъ, что его рабочіе—счастливейшіе и наиболѣе довольные люди во всемъ мірѣ, а когда это не помогаетъ, онъ заявляетъ, что они должны бы быть таковыми по справедливости. По его словамъ, рабочихъ развратили сумасбродными идеями всевозможные заграничные агитаторы, печать и непрактическіе апостолы гуманныхъ идеаловъ, — и весь вопросъ сводится теперь къ тому, чтобы выставить оплотъ этому соблазну и распространить «здравыя воззрѣнія», т. е. такія воззрѣнія, при которыхъ фабрикантъ могъ бы благодушно богатѣть, а масса населенія становилась бы все покорнѣе, безропотнѣе и безотвѣтнѣе. Для этой-то цѣли и придумано ученіе о гармоніи интересовъ. Но мы незамѣтно уклонились нѣсколько въ сторону. Наша цѣль — ближе пояснить и нагляднѣе изложить Марксову теорію возникновенія перенаселенія изъ самой промышленности, а въ частности—изъ ея періодическихъ кризисовъ. Теперь необходимо изслѣдовать отношеніе этой теоріи къ ученію о борьбѣ за существованіе.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта теорія прерываетъ длинную нить, проходящую черезъ всю органическую природу вплоть до человѣка, что она объясняетъ основанія рабочаго вопроса такъ, какъ будто бы общія изысканія о существованіи, размноженіи и совершенствованіи человѣческаго рода для нашей цѣли, т. е. для пониманія рабочаго вопроса, вполне излишни. Если предположить, что возможно

вполнѣ устранить вопросъ о рождаемости и смертности, то надо бы полагать, что среди населенія, численно неизмѣннаго, но живущаго исключительно своимъ трудомъ, могъ бы совершаться тотъ же самый процессъ, тѣ же самыя измѣненія, въ силу того обстоятельства, что населеніе даннаго округа можетъ усиливаться на счетъ сосѣднихъ округовъ или же въ обратномъ движеніи — распространяться по нимъ.

Въ дѣйствительности же это не такъ. Прежде всего ясно, что фабричный трудъ уже въ первыхъ своихъ зачаткахъ предполагаетъ *нищету*. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ фабрикантъ предлагаетъ настолько высокую заработную плату, чтобы она одна могла соблазнить земледѣльца, имѣющаго хотя скудное обезпеченіе, и побудить его, бросивъ мотыгу и заступъ, запереться на цѣлый день въ душномъ зданіи для однообразнаго, смертельно-скучнаго труда. Только дѣйствительная нужда можетъ толкнуть его на этотъ шагъ, такъ какъ вообще нужда бѣдняка есть первая причина присвоенія и эксплуатаціи его рабочей силы богачемъ. Марксъ не только самъ на фактахъ прослѣдилъ этотъ принципъ, но доказалъ цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ цитатъ, что и прежніе, болѣе откровенные политикоэкономы сознательно возводили его въ теорію. Мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ для назиданія читателя:

«Еще въ 1696 говорилъ Джонъ Беллерсъ (Марксъ стр. 530): «Еслибы у кого-нибудь было 100,000 акровъ земли, столько же фунтовъ стерлинговъ, столько же головъ скота, чѣмъ былъ бы этотъ богачъ безъ работниковъ, какъ не работникомъ же? И такъ какъ рабочіе обогащаютъ людей, то чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше и богачей... Трудъ бѣдныхъ — это рудникъ богатыхъ»... Вертранъ де Мандевиль въ началѣ 18 ст. говоритъ слѣдующее: «Гдѣ собственность достаточно ограждена, тамъ легче жить безъ денегъ, чѣмъ безъ бѣдныхъ; ибо кто сталъ бы тогда трудиться?.. Если рабочихъ надо предохранять отъ голодной смерти, то съ другой сто-

роны они ничего не должны получать, что стоило бы сбереженія. Если кто-нибудь изъ низшихъ классовъ общества не обыкновеннымъ прилежаніемъ и воздержаніемъ возвышается изъ того состоянія, въ которое былъ поставленъ, то этому никто не долженъ препятствовать; несомнѣнно, что каждому частному лицу, каждому отдѣльному семейству въ обществѣ всего благоразумнѣе быть бережливымъ, но интересъ всѣхъ богатыхъ націй требуетъ, чтобы большая часть бѣдныхъ никогда не оставалась безъ дѣла, и чтобы они всегда прожигали то, что получаютъ... У тѣхъ, кто живетъ поденнымъ трудомъ, нѣтъ ничего, что-бы подстрекало ихъ быть услужливыми, кромѣ ихъ нуждъ, смягчать которыя благоразумно, но удовлетворять вполнѣ было бы глупо. Единственная вещь, которая можетъ сдѣлать прилежнымъ рабочаго человѣка, это умѣренная рабочая плата... Слишкомъ малая дѣлаетъ его, смотря по характеру, малодушнымъ или повергаетъ въ отчаяніе, слишкомъ же большая — лѣнивымъ и безпечнымъ... Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ свободной націи, гдѣ рабство запрещено, самое вѣрное богатство заключается во множествѣ трудолюбивыхъ бѣдняковъ. Кромѣ того, что они образуютъ неисчерпаемый источникъ для пополненія арміи и флота, безъ нихъ не было бы наслажденій, и произведенія страны не могли бы приобрѣтать цѣнности. Чтобы сдѣлать общество (которое, разумѣется, состоитъ изъ нерабочихъ) счастливымъ, а народъ — довольнымъ даже своимъ жалкимъ положеніемъ, необходимо, чтобы громадное большинство оставалось какъ въ бѣдности, такъ и въ невѣжествѣ. Знаніе расширяетъ и умножаетъ наши желанія, а чѣмъ меньше у человѣка желаній, тѣмъ легче могутъ быть удовлетворены его нужды»... — Допустимъ пока, вмѣстѣ съ Марксомъ, что фабричная промышленность сама производитъ для себя ту нищету массъ, въ которой она нуждается для своего процвѣтанія, — частью посредствомъ періодическихъ торговыхъ кризисовъ, частью же тѣмъ, что процессъ умноженія капитала идетъ несравненно быстрѣ увели-

ченія спроса на человѣческія рабочія силы. Все-таки при этомъ остается внѣ всякаго сомнѣнія, что фабричная промышленность не можетъ производить эту массовую нищету, не имѣя уже нищеты въ основаніи всѣхъ своихъ операций. При этомъ совершенно безразлично — обратимся ли мы къ культурно-историческимъ зародышамъ капиталистическаго способа производства, или же примемъ во вниманіе, какъ въ предыдущихъ разсужденіяхъ, современный процессъ распространенія фабричной промышленности въ земледѣльческихъ странахъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ отвращеніе рабочихъ къ фабричной жизни явилось бы непреодолимымъ препятствіемъ самымъ первымъ зачаткамъ этого способа производства, — еслибы только фабриканту не явилась на помощь нужда. Но даже съ такимъ могучимъ помощникомъ первому предпринимателю лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удастся переманить значительное количество рабочихъ силъ къ новому роду дѣятельности. Обыкновенно дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ мѣстности, гдѣ фабричная промышленность отвоевала уже себѣ права гражданства, предприниматель привозитъ съ собою контингентъ рабочихъ; къ нему онъ присоединяетъ нѣсколько бобылей, не имѣющихъ въ данный моментъ работы, а дальнѣйшее пополненіе наличнаго фабричнаго контингента производится уже среди *подростающаго юношества*. Попеченіе о подростомъ поколѣніи представляетъ всегда критическій моментъ въ борьбѣ за существованіе. Большинство родителей стремится, по мѣрѣ силъ и возможности, обезпечить своимъ дѣтямъ лучшую будущность, чѣмъ какая имъ предстоитъ въ *родительской* профессіи, и все-таки въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ крайне трудно обезпечить имъ хотя бы такую же судьбу! У отца напр. небольшое крестьянское хозяйство и 2—3 сына, изъ которыхъ одинъ только можетъ сдѣлаться наслѣдникомъ, или у него небольшое промышленное или торговое *предпріятіе*, въ которомъ можетъ принять участіе только одинъ, много два сына. У поденщика

напримѣръ въ лицѣ родного сына подростаетъ конкурентъ, который вскорѣ вступитъ въ борьбу за насущный хлѣбъ съ болѣе бодрыми силами, чѣмъ отецъ, а затѣмъ заживетъ своимъ домкомъ. Поэтому такъ часто осуждаемое стремленіе выбиться изъ того состоянія, въ которомъ родился, нельзя считать простымъ тщеславіемъ, какъ это любятъ повторять досужіе моралисты. Въ стремленіи этомъ въ значительной степени сказываются нужда и забота: если у отца не хватаетъ насущнаго хлѣба для сына, то послѣднему поневолѣ приходится искать пропитанія гдѣ нибудь на сторонѣ; а тогда почему бы и не стремиться пробиться вверхъ? Вѣдь для пониженія минимума потребностей на худшій конецъ всегда будетъ еще время.

Этому вполне естественному стремленію противодѣйствуетъ однако другое, не менѣе естественное — *пристраивать дѣтей какъ можно ранѣе къ собственному заработку*, чтобы уменьшить такимъ образомъ тяжесть лежащаго на семьѣ бремени. Поэтому отъ одной крайности къ другой — рукой подать, лишь только нужда начинаетъ слишкомъ сильно давить и подвергается благопріятный случай. Въ земледѣльской странѣ, почва которой принадлежитъ мелкимъ и крупнымъ владѣльцамъ, неизбежно возникаетъ, если только въ народныхъ нравахъ не укрѣпилась тенденція добровольнаго ограниченія рожденій, постоянный избытокъ рабочихъ рукъ и потребителей, желающихъ существовать на произведенія данной территории. Мы оставляемъ здѣсь безъ всякаго вниманія ограниченіе этого избытка нищетою и усиленіемъ смертности, и задаемъ себѣ вопросъ, что выйдетъ изъ подростомъ излишнихъ работниковъ? Ихъ очевидно употребятъ въ работу, и прежде всего къ лежащему ближе всего земледѣльческому труду; а такъ какъ земледѣльскій трудъ по существу своему только въ извѣстное время года можетъ занимать всѣ наличныя рабочія руки, то излишку народонаселенія придется постоянно обращаться къ подспорнымъ источникамъ заработка. Родители приучаютъ дѣтей, которыхъ имъ все равно надо

кормить, какъ можно ранѣе къ домашней и полевой работѣ. Такимъ образомъ они отчасти получаютъ облегченіе сами, отчасти же и дѣтей воспитываютъ въ трудолюбіи и прилежаніи; наконецъ всегда можетъ случиться, что продуктивность земельного участка, на воздѣлываніе котораго у отца одного едва хватаетъ силъ, нѣсколько увеличивается вслѣдствіе помощи подрастающихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ народонаселеніе такой страны, хотя бы оно абсолютно было и очень рѣдко, представляетъ обыкновенно признаки относительнаго перенаселенія. Часть не вполне занятыхъ рабочихъ рукъ постоянно притекаетъ въ города и является тамъ одной изъ причинъ, препятствующихъ повышенію заработной платы; другая часть остается на мѣстѣ и разыскиваетъ себѣ рядомъ съ земледѣліемъ всевозможныя другія подспорныя занятія, зачастую невѣроятно малодоходныя. Словомъ, на рынкѣ *постоянно преобладаетъ* предложеніе труда, между тѣмъ какъ спросъ остается незначительнымъ. — Источникомъ чрезмѣрнаго предложенія труда является прежде всего подрастающее поколѣніе, конкурирующее со взрослыми въ приобрѣтеніи средствъ существованія, и на немъ-то главнымъ образомъ основываетъ водворяющійся въ такой мѣстности фабрикантъ все свои расчеты. Сомнительно, можно ли безъ этого избытка силъ, коренящагося въ молодомъ поколѣніи, осчастливить вообще страну благами фабричной промышленности. Въ расчетахъ зарождающагося фабричнаго производства рядомъ съ видами на молодежь стоитъ надежда на привлеченіе *женщинъ*. Всѣмъ извѣстна пресловутая теорія, которую проповѣдуютъ челоѣколюбивые фабриканты обнищавшимъ отъ болѣзней и другихъ несчастій рабочимъ семействамъ: женщина должна *тоже содѣйствовать* пропитанію семьи, иначе послѣдняя сама будетъ виновата въ своей нищетѣ. На самомъ же дѣлѣ «содѣйствіе пропитанію», подъ которымъ эти радѣтели подразумѣваютъ заработокъ внѣ дома, хотя бы въ ущербъ непосредственнымъ заботамъ о семьѣ и хозяйствѣ, представляетъ собою вѣрнѣй-

шее средство къ обращенію рабочей семьи въ то состояніе полного одичанія, которое характеризуетъ пролетаріатъ и изъ котораго извлекаетъ такую громадную выгоду капиталъ.

Вездѣ, гдѣ въ настоящее время возникаетъ новая отрасль производства или гдѣ кустарное производство поглощается, частью или всецѣло, фабричной промышленностью, во всѣхъ мастерскихъ въ девяти случаяхъ изъ десяти мы найдемъ эксплуатацію женскаго и дѣтскаго труда при помощи машинъ. То, что мы видимъ теперь при посѣщеніи какой-нибудь фабрики для производства обуви, конвертовъ, графленыхъ конторскихъ книгъ и т. д., наблюдалось и при первыхъ шагахъ капиталистическаго способа производства; и даже ранѣе введенія машиннаго производства, въ первой стадіи развитія мануфактуръ, когда самый ручной трудъ получилъ характеръ машинальной дѣятельности, находимъ мы то-же явленіе. Марксъ, который на каждомъ шагѣ и съ неподражаемымъ знаніемъ дѣла представляетъ на видъ значеніе дѣтскаго и женскаго труда въ промышленномъ переворотѣ, породившемъ современный способъ производства, замѣчаетъ (на стр. 323) относительно предшествоващаго машинной промышленности мануфактурнаго періода, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, слѣдующее:

«Хотя она и приспособляетъ различныя детальныя операціи къ различнымъ степенямъ зрѣлости, силы и развитія своихъ живыхъ рабочихъ органовъ и *такимъ образомъ усиленно стремится къ производительной эксплуатаціи женщинъ и дѣтей*, тѣмъ не менѣе такая тенденція разбивается о народныя привычки и сопротивленіе работниковъ мужчинъ». Поэтому то въ Англіи напр. законы объ ученикахъ, установившіе семилѣтній періодъ обученія, продолжали держаться въ полной силѣ до конца мануфактурнаго періода и были уничтожены только со времени появленія и укрѣпленія крупной промышленности. — Какъ ни согласно это вообще съ истинной, борьба за этотъ законъ продолжалась, какъ показали *Брентано* ³⁷⁾, цѣлое столѣтіе, и окончательной побѣдѣ работо-

дателей предшествовали безчисленные попытки ниспровергнуть этот законъ. Ту же самую борьбу видимъ мы и теперь въ такихъ ремеслахъ, которыя, какъ напр. типографское, стоятъ на границѣ между свободнымъ искусствомъ отдѣльнаго работника и механическимъ, фабричнымъ производствомъ. Съ рѣдкимъ единодушіемъ и вполне сознательнымъ отношеніемъ къ своему положенію борются здѣсь рабочіе преимущественно противъ злоупотребленія правомъ принимать учениковъ, т. е. противъ принятія несоразмѣрно большого числа учениковъ. При этомъ суть дѣла не въ томъ, что излишекъ учениковъ можетъ переполнить отрасль промышленности и вызвать такимъ образомъ пониженіе платы, а въ томъ, что такъ называемые *ученики* носятъ свое названіе, какъ *lucis a non lucendo*: ихъ не обучаютъ искусству, а употребляютъ только, чтобы специальной дрессировкой къ быстрому простому набору готовить живыя рабочія машины, которыя тогда могутъ дѣлать свою специальную работу за плату гораздо болѣе дешевую, чѣмъ взрослые, всесторонне подготовленные, а потому и дорогіе наборщики.

Въ этомъ отношеніи теорія Маркса, которая приводитъ это явленіе въ связь исключительно со стремленіемъ мануфактуристовъ къ *раздѣленію труда*, открыла бы намъ только часть истины, ибо изъ этихъ учениковъ формируется современемъ контингентъ взрослыхъ работниковъ съ односторонней подготовкой къ труду, а потому и съ пониженными требованіями на вознагражденіе. Поэтому капиталистъ постепенно вырабатываетъ цѣлую систему фабричнаго производства опредѣленныхъ предметовъ потребленія, напр. учебниковъ, которую можно перенести изъ центровъ типографской промышленности въ деревенскую глушь и тамъ вести на широкую ногу при помощи всевозможныхъ машинъ, по той простой причинѣ, что тамъ, благодаря вышеупомянутому избытку рабочихъ силъ въ населеніи, *всегда имѣется наготовѣ потребное количество дѣтскаго труда для любого дѣла*. Изъ этого дѣт-

скаго населенія такія книжныя фабрики, которыя теперь уже кое-гдѣ встрѣчаются, образуютъ для себя постоянный контингентъ пригодныхъ рабочихъ рукъ. А безъ этого дѣтскаго труда не было бы ни соответствующаго контингента рабочихъ, ни возможности произвольнаго выбора мѣстности для фабрики. Въ этомъ же обстоятельствѣ почти всегда нужно искать истинную причину, по которой однѣ отрасли промышленности, а именно такія, техника которыхъ допускаетъ женскій и дѣтскій трудъ, такъ легко акклиматизируются въ любой мѣстности, въ то время какъ относительно другихъ подобныя попытки почти никогда не удаются. Да кромѣ того капиталистическій способъ производства могъ прежде всего развиваться до колоссальныхъ размѣровъ именно въ тѣхъ отрасляхъ фабричной промышленности, которыя легче всего допускаютъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда, какъ напримѣръ хлопчатобумажное производство. О той роли, которую женскій и дѣтскій трудъ игралъ въ развитіи фабричной промышленности, мы читаемъ у Маркса (стр. 349 и слѣд.): «По мѣрѣ того какъ машины дѣлаютъ мускульную силу излишнею, примѣняются работники *безъ мускульной силы* или не зрѣлаго тѣлеснаго развитія, но съ большей гибкостью членовъ. Поэтому *женскій и дѣтскій трудъ* былъ первымъ словомъ *капиталистическаго* примѣненія машинъ! Эти дѣйствительные суррогаты труда и рабочихъ обратились потомъ въ *средства увеличить число рабочихъ* подчиненіемъ всѣхъ членовъ семейства рабочаго, безъ различія пола и возраста, непосредственному господству капитала. Обязательный трудъ на капиталистовъ замѣняетъ не только дѣтскія игры, но также свободный трудъ въ домашнемъ кругу для самого семейства. Стоимость рабочей силы опредѣлялась не тѣмъ рабочимъ временемъ, которое необходимо для поддержанія единичнаго взрослого работника, но тѣмъ, какое требуется для поддержанія рабочаго семейства. Между тѣмъ какъ машины выбрасываютъ всѣхъ членовъ рабочаго семейства на рынокъ труда, стоимость рабочей силы

мужчины распределяется на все его семейство. Поэтому машина *уменьшает стоимость* его рабочей силы. Покупка напимѣръ 4-хъ рабочихъ силъ, принадлежащихъ одному семейству, теперь стоитъ можетъ быть больше, нежели прежде покупка рабочей силы главы семейства; но теперь вмѣсто одного рабочаго дня покупаются 4, и цѣна ихъ падаетъ соразмѣрно избытку прибавочнаго труда четырехъ человѣкъ надъ прибавочнымъ трудомъ одного. Четверо должны доставить капиталу не только простой, но и прибавочный трудъ, чтобы дать возможность жить *одному* семейству. Такимъ образомъ машины расширяютъ съ самаго начала вмѣстѣ съ *человѣческимъ матеріаломъ эксплуатаціи*, этимъ настоящимъ поприщемъ капитала, и самую *степень эксплуатаціи*.

«Машины также до основанія преобразуютъ формальное выраженіе капиталистическихъ отношеній, т. е. договоръ между работникомъ и капиталистомъ. По принципу обмѣна товаровъ предполагается, что рабочій и капиталистъ противопоставляются другъ другу, какъ *личности свободныя*, какъ независимые владельцы товаровъ, одинъ—располагающій деньгами и средствами производства, другой—рабочей силой. Теперь же капиталъ покупаетъ малолѣтнихъ или женщинъ. Прежде рабочій продавалъ свою собственную рабочую силу, которою онъ располагалъ какъ формально *) свободная личность. Теперь онъ продаетъ жену и дѣтей. Онъ дѣлается работорговцемъ»...

Такъ вотъ къ чему клонилась рѣчь! Но развѣ можно думать, что рабочій, который изъ нужды продаетъ свою собственную рабочую силу, такъ легко перешелъ бы еще и къ торговлѣ женою и дѣтьми, еслибы его и къ этому шагу не побуждали съ одной стороны нужда, а съ другой—соблазнъ?

*) Въ русскомъ переводѣ Маркса сказано: «какъ совершенно свободная личность» (стр. 350). Мы замѣнили слово «совершенно» словомъ «формально», такъ какъ въ подлинникѣ (S. 412, 2 Auflage) стоитъ слово «formell», что гораздо точнѣе.

Прим. перев.

Да и что иное въ сущности представляетъ собою эта, все дальше развивающаяся нужда, какъ не метаморфозу борьбы за существованіе? Если мы обратимся къ первымъ проявленіямъ капиталистическаго способа производства, то замѣтимъ, что та легкость, съ какою машины допускаютъ примѣненіе дѣтскаго труда, составляетъ главную причину возникновенія того *избытка населенія*, въ которомъ нуждается крупная промышленность и которая, какъ мы только что объяснили, ею же вызывается. Средневѣковое ремесленное производство оказывало самое упорное сопротивленіе процессу перехода къ фабричной промышленности, всѣми силами придерживаясь своей прежней организаціи, которая вся была приурочена къ тому, чтобы цехъ не переполнялся. Кто не находилъ для дѣтей занятія въ своемъ ремеслѣ, въ особенности бѣдный крестьянинъ, и безъ того привыкшій часть дѣтей пристраивать къ всевозможнымъ низшимъ занятіямъ, сравнительно легко соглашался поставлять дѣтей на фабрику и давать тѣмъ самымъ капиталисту средства побѣждать сопротивленіе взрослыхъ. Особенно легко было соглашаться на этотъ торгъ въ то время; когда утонченная алчность предпринимателя еще не научилась выжимать послѣдніе соки изъ несчастныхъ жертвъ промышленности. Нельзя однако отрицать, что въ первое время, пока дѣтскій трудъ не сдѣлался явленіемъ повсемѣстнымъ и не успѣлъ вызвать соотвѣтственнаго пониженія заработной платы, переходъ подростковъ къ фабричному труду повлекъ за собою ошутительное облегченіе родителей. Еслибы родители догадались капитализировать это облегченіе и сберечь его въ видѣ запаснаго фонда на случай промышленнаго кризиса, а также для освобожденія и будущаго выкупа дѣтей съ фабрики,—то избытокъ народонаселенія не могъ бы такъ быстро появиться, несмотря на вышеупомянутый процессъ; существуя въ рабочихъ классахъ подобная разумная предусмотрительность, этотъ избытокъ быть можетъ никогда не могъ бы вообще даже и возникнуть, несмотря на

всѣ торговые кризисы и на введеніе машиннаго труда. Но откуда взятъ подобной предусмотрительности? Основаніемъ ея можетъ послужить только опытъ, длинный рядъ жизненныхъ наблюденій; но не будетъ ли тогда слишкомъ поздно! Такимъ образомъ вся молодежь рабочаго класса формально воспитывается для рабства. Нужда отрываетъ его отъ родной почвы прежняго, хотя и скуднаго, но все-таки сравнительно обеспеченнаго существованія и бросаетъ въ объятія капитала, чтобы зарабатывать ему богатства и на собственной шкурѣ познакомиться во время голода при торговыхъ кризисахъ съ пресловутымъ предпринимательскимъ *рискомъ*! ³⁸).

А между тѣмъ его мѣсто въ родительскомъ домѣ недолго остается незанятымъ. Всякое временное облегченіе неизбежно влечетъ за собою увеличеніе числа рожденій, браковъ, ослабленіе прилива населенія въ крупные города, уменьшеніе смертности маленькихъ дѣтей (пока и матери не перешли къ фабричному труду!) и т. д. Слѣдовательно простой фактъ поглощенія части подроставшей молодежи фабричною промышленностью можетъ вызвать увеличеніе народонаселенія гораздо ранѣе, чѣмъ сама молодежь вступить въ браки. Первый промышленный кризисъ вноситъ, правда, въ это поступательное движеніе реакцію, но тутъ является ему на помощь «запасная промышленная армія», и оно входитъ снова въ прежнюю свою колею. Хотя населеніе за это время и порѣдѣло отъ голода и нужды, тѣмъ не менѣе общій его составъ все-таки остался какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи гораздо болѣе благоприятнымъ для капиталиста, чѣмъ былъ въ началѣ. Снова повторяется то же явленіе, только въ увеличенныхъ размѣрахъ, и мы гораздо лучше поймемъ вліяніе промышленнаго круговорота, состоящаго изъ періода оживленія и кризисовъ, когда уяснимъ себѣ, что пружиною этого механизма служить та же сила, которая производитъ всѣ видоизмѣненія организмовъ путемъ длиннаго ряда послѣдовательныхъ рожденій и смертей. Но не нахо-

димъ ли мы у Маркса, вмѣсто простого игнорированія этой скрытой пружины, положительнаго *опроверженія* ея существованія,—опроверженія, подкрѣпленнаго всевозможными числовыми данными касательно общеизвѣстнаго *обезможденія Ирландіи* со времени голода и массовой эмиграціи въ 1846 году? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ рѣшительнымъ «нѣтъ!», несмотря на всю силу и ловкость, съ которыми Марксъ пользуется своими дѣйствительно интересными и доказательными изысканіями въ области экономической исторіи Ирландіи для опроверженія теоріи народонаселенія Мальтуса.

Постараемся здѣсь вкратцѣ формулировать то, что въ *дѣйствительности* доказалъ Марксъ, а именно, что ирландская эмиграція *фактически имѣла не тѣ послѣдствія, какія можно предположить, односторонне придерживаясь теоріи Мальтуса и упуская изъ виду одновременное вліяніе другихъ факторовъ*. Мы не можемъ особенно ставить въ упрекъ Марксу, что онъ смѣшиваетъ *теоретическую* и *практическую* экономію, *дедуктивный* и *эмпирический* методъ, потому что онъ въ своей борьбѣ противъ мальтузіанства всегда имѣетъ въ виду противниковъ, которые (не исключая даже *Милля*) поступаютъ точно такъ-же и которые поэтому всегда готовы дѣлать изъ вѣрной по существу теоріи народонаселенія невѣрные и никуда негодные практическіе выводы. Наиболѣе важенъ изъ этихъ выводовъ тотъ, который все рѣшеніе соціального вопроса сводитъ въ концѣ концовъ къ простому рецепту искусственнаго сокращенія народонаселенія посредствомъ эмиграціи, затрудненія браковъ и т. д., помимо всякихъ другихъ средствъ. Намъ врядъ ли нужно еще упоминать, что мы отвергаемъ безъ исключенія всѣ эти опрометчивые, скороспѣлые выводы, и прежде всего тѣ, которые сдѣлалъ самъ Мальтусъ, хотя мы вовсе не думаемъ отрицать *участія* этой стороны «теоріи народонаселенія» въ окончательномъ рѣшеніи соціального вопроса,—участія, которое въ отдаленнѣйшемъ будущемъ сдѣлается можетъ быть самымъ важнымъ факторомъ.

Но здѣсь мы должны сдѣлать методологическое замѣчаніе, которое людямъ свѣдущимъ можетъ показаться пожалуй тривіальнымъ, но необходимо для предотвращения вѣчно повторяющихся ошибокъ и недоразумѣній. Что пришлось бы отвѣтить въ настоящее время тому физику, который вмѣстѣ съ епископомъ Берклеемъ, человѣкомъ для своего времени несомнѣнно проникательнымъ, вздумалъ бы опровергать теорію всеобщаго тяготѣнія тѣмъ обстоятельствомъ, что есть случаи, когда тѣла взаимно не только не притягиваются, но даже отталкиваются. Ему бы разъяснили, что этотъ неопровержимый фактъ по существу своему еще не представляетъ опроверженія вышеупомянутой теоріи, что онъ заключаетъ въ себѣ въ крайнемъ случаѣ только нерѣшенную въ настоящее время проблему. Если два одноименныхъ полюса двухъ кусковъ намагниченнаго желѣза взаимно-отталкиваются съ силою P , въ то время какъ по теоріи всеобщаго тяготѣнія всѣхъ тѣлъ они должны бы притягивать другъ друга силою Q , то ничто не мѣшаетъ намъ, не входя въ болѣе подробное изслѣдованіе, допустить существованіе отталкивающей силы $P+Q$, такъ что эмпирически-познаваемое нами взаимное отталкиваніе полюсовъ съ силою P —есть только *результатъ одновременнаго дѣйствія* (въ данномъ случаѣ—разность) обѣихъ первоначальныхъ силъ $P+Q$ и Q .

Положительно невозможно разобраться въ самыхъ простыхъ политико-экономическихъ вопросахъ, если не принимать постоянно въ расчетъ какъ бы *параллелограмма силъ*, который позволяетъ намъ уяснить себѣ вліяніе основныхъ законовъ даже въ самыхъ значительныхъ повидимому отступленіяхъ. Статистическія данныя всегда изображаютъ намъ дѣйствительность въ томъ окончательномъ видѣ, который она принимаетъ благодаря одновременному дѣйствію безконечнаго числа вліяній. Слѣдовательно, если мы захотимъ по даннымъ статистики строитъ обратныя умозаключенія относительно одного изъ этихъ вліяній, то должны задать себѣ предварительно вопросъ,

позволяетъ ли намъ дѣйствительность допустить такое преобладаніе единичнаго факта въ созданіи конечнаго результата, чтобы мы имѣли право игнорировать всѣ остальные, или же мы должны путемъ сравнительнаго метода устранить всѣ другія вліянія, дѣйствующія тоже на статистическій результатъ. Политическая экономія нуждается, подобно естественнымъ наукамъ, какъ въ дедуктивныхъ выводахъ изъ временно допущенныхъ гипотезъ, такъ и въ заключеніяхъ изъ эмпирически-установленныхъ фактовъ, и можетъ достигать своей цѣли только путемъ постоянного сочетанія обоихъ методовъ, но *сочетаніе* ихъ не должно порождать *смѣшенія*. Между тѣмъ такое смѣшеніе неизбѣжно, если выводить изъ правильности закона, связывающаго между собою причину и слѣдствіе, заключеніе, что, коль скоро обнаружено присутствіе причины, слѣдствіе должно *выразиться въ фактахъ* съ очевидностью, не требующею дальнѣйшаго анализа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ слѣдствіе можетъ быть лишь однимъ изъ факторовъ. Такъ напр., одинъ изъ неоспоримѣйшихъ законовъ статистики, выведенный при помощи сравнительнаго метода изъ безчисленнаго количества фактическихъ данныхъ, заключается въ томъ, что съ пониженіемъ цѣнъ на жизненные припасы уменьшается смертность. Этотъ законъ открытъ эмпирическимъ путемъ и, разъ признанный согласнымъ съ истиной, позволяетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пониженія цѣнъ сдѣлать выводъ о соответственномъ пониженіи цифры смертности. Совсѣмъ другой вопросъ—обнаруживается ли въ статистическихъ цифрахъ даннаго единичнаго случая вѣрность этого закона. Вѣдь можетъ напр. вдругъ вспыхнуть эпидемія, которая погубитъ громадное число жертвъ, такъ что цифра смертности въ дѣйствительности не понизится, а еще повысится. Но даже въ этомъ случаѣ въ сущности имѣется на лицо пониженіе, но только въ формѣ *относительной*, т. е. *болѣе слабой*, чѣмъ въ другое время, подъ исключительнымъ вліяніемъ эпидеміи. Что же касается экономическаго вліянія обезлюденія Ирландіи, то

Маркс показалъ (стр. 603—612), что рука объ руку съ массовой эмиграціей шелъ процессъ исчезновенія мелкихъ арендъ, концентрація землевладѣнія, обращеніе пашенъ въ пастбища и *возрастаніе прибыли крупныхъ земледѣльцевъ* въ то время, какъ симптомы чрезмѣрнаго населенія все еще продолжали существовать и *рабочая плата оставалась попрежнему чрезвычайно низкою*. Марксъ утверждаетъ, что относительный избытокъ населенія нынѣ *столь же великъ, какъ и до 1846 г.*, что рабочая плата *такъ же низка*, а тяжесть труда возрасла. Правда, все это не достаточно доказано, но мы готовы не придавать этому обстоятельству значенія. Само по себѣ очень понятно, что относительный избытокъ населенія возрастаетъ параллельно съ уменьшеніемъ площади, доставляющей ему пропитаніе. Если богатый землевладѣлецъ пользуется для другихъ цѣлей всякимъ освобождающимся аренднымъ участкомъ, служившимъ до сихъ поръ для прокормленія людей, то дѣйствіе этого явленія равносильно уменьшенію территории страны на такой же участокъ земли. Слѣдовательно, само собою разумѣется, что отъ подобнаго измѣненія условій относительный избытокъ населенія не уменьшится, какъ не уменьшится величина дроби при одновременномъ пропорціональномъ уменьшеніи ея числителя и знаменателя.

Въ слѣдующей главѣ своего сочиненія (гл. VI, 2. *Такъ называемое «первоначальное накопленіе»*) Марксъ показалъ, какимъ образомъ въ Англіи процессъ насильственного отторженія работника отъ земли, которую онъ обрабатывалъ, процессъ экспроприація общинной земли крупными землевладѣльцами и обращеніе, какъ въ современной Ирландіи, пашенъ въ пастбища, дающія меньше валового, но зато больше чистаго дохода, — создали тотъ избытокъ незанятыхъ, принужденныхъ продавать себя за любую цѣну, рабочихъ рукъ, который сдѣлалъ возможнымъ полный расцвѣтъ капиталистическаго способа производства. Теперь намъ не трудно будетъ понять, что тотъ же самый процессъ, который могъ въ Англіи, не

страдавшей тогда чрезмѣрною заселенностью, вызвать ее въ ужасающихъ размѣрахъ, точно также можетъ привести къ сохраненію прежнихъ размѣровъ избытка населенія, не смотря на эмиграцію цѣлыхъ милліоновъ. Но мы нигдѣ не находимъ доказательства, чтобы *выселеніе* было причиною концентраціи поземельной собственности въ Ирландіи, хотя мы охотно допускаемъ, что оно могло послужить поводомъ къ этому явленію, особенно въ Ирландіи, гдѣ сознаніе многовѣковой несправедливости осталось настолько живымъ въ народѣ, что онъ обыкновенно прибѣгаетъ въ борьбѣ противъ крупныхъ землевладѣльцевъ и кредиторовъ, изгоняющихъ изъ страны ея коренныхъ жителей, т. е. къ частному правосудію «аграрныхъ преступленій». Такихъ актовъ народной мести слѣдовало, разумѣется, менѣе опасаться, когда въ пастбища обращались одни пустующіе вслѣдствіе эмиграціи участки, чѣмъ когда съ этою цѣлью нарочно прогоняли фермера. Само же по себѣ вполне ясно, что подобное изгнаніе могло быть приведено въ исполненіе въ современной Ирландіи даже *до начала большой эмиграціи* такъ же легко, какъ нѣкогда въ Англіи, разъ только представлялась землевладѣльцу возможность извлечь болѣе доходъ изъ своего имѣнія. Вмѣсто одного милліона въ этомъ случаѣ погибло бы въ 1846 году отъ голода два милліона ирландцевъ и, сообразно этому, пришлось бы эмигрировать меньшему количеству людей, чтобы установить современное положеніе вещей. Въ окончательномъ результатѣ для Ирландіи получилось бы то же самое. Кромѣ того отсюда видно, какое сильное вліяніе оказываетъ *собственность* и въ особенности *право частнаго землевладѣнія* на весь строй взаимныхъ отношеній капитала и труда: этимъ-то вліяніемъ въ большинствѣ случаевъ и объясняется то общезвѣстное явленіе, что въ сравнительно слабо заселенныхъ мѣстностяхъ борьба за существованіе свирѣпствуетъ среди бѣднѣйшей части населенія часто гораздо опустошительнѣе, чѣмъ въ странахъ съ густымъ народонаселеніемъ. Въ слѣдую-

щей главѣ мы еще подробнѣе рассмотримъ вопросъ о собственности; настоящую же главу, въ которой мы главнымъ образомъ имѣли дѣло съ воззрѣніями Маркса на отношеніе между трудомъ и капиталомъ, мы не можемъ закончить, не указавъ на связь, которую Марксъ устанавливаетъ между своею теоріею капитала и собственностью. Съ этой цѣлью мы приведемъ одно мѣсто его труда и снабдимъ его надлежащими комментаріями, чтобы лучше выяснитъ нашъ личный взглядъ и отношеніе рассматриваемаго теперь вопроса къ основнымъ воззрѣніямъ, развитымъ въ нашемъ сочиненіи. Нижеслѣдующее мѣсто взято нами изъ главы о «*первоначальномъ накопленіи*», т. е. о томъ, какимъ образомъ произошелъ первый запасъ капитала, бывший первоначальнымъ источникомъ тѣхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ, законы развитія которыхъ мы до сихъ поръ рассматривали. Опровергнувъ фантастическую теорію о существованіи въ прежнія времена съ одной стороны—трудолюбивыхъ, избранныхъ людей (позднѣйшихъ капиталистовъ), а съ другой стороны—лѣнивой сволочи (позднѣйшихъ рабочихъ), Марксъ обстоятельно и съ ужасающей документальностью доказываетъ, что первымъ толчкомъ къ развитію капиталистическаго способа производства были, наоборотъ, частью непосредственное обращеніе крѣпостничества въ современныя рабочія отношенія, частью же насильственная и хищническая экспроприація и безчеловѣчное изгнаніе мелкихъ землевладѣльцевъ. Резюмируя свои доказательства, онъ продолжаетъ (стр. 648—651 и слѣд.): «Къ чему же сводится *первоначальное накопленіе капитала*, т. е. его историческій генезисъ? Насколько это не есть простое превращеніе рабовъ и крѣпостныхъ въ наемныхъ работниковъ, т. е. *простое измѣненіе формъ*, оно означаетъ только *экспроприацію непосредственныхъ производителей*, т. е. *уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ*. Право частной собственности работника на орудія его производства есть основаніе мелкаго производства; мелкое же про-

изводство есть необходимое условіе для развитія общественнаго производства и свободной индивидуальности самого рабочаго. Конечно этотъ способъ производства существуетъ также при рабствѣ, крѣпостничествѣ и при другихъ зависимыхъ отношеніяхъ. Но онъ процвѣтаетъ, проявляетъ всю свою энергію, приобретаетъ вполнѣ классическую форму только тамъ, гдѣ работникъ есть *свободный владѣлецъ имъ самимъ употребляемыхъ орудій труда*: земледѣлецъ—собственникъ обрабатываемой имъ земли, ремесленникъ—собственникъ инструмента, которымъ онъ владѣетъ, какъ виртуозъ. Этотъ способъ производства предполагаетъ *раздробленіе* земли и другихъ орудій производства. Вмѣстѣ съ *сосредоточеніемъ* послѣднихъ онъ исключаетъ и кооперацію, раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, общественное господство надъ природою и управленіе ею, однимъ словомъ, исключаетъ развитіе *общественной* производительной силы. Онъ возможенъ только при узкихъ первобытныхъ условіяхъ производства и общества. На извѣстной степени развитія онъ самъ доставляетъ матеріальныя средства для своего уничтоженія. Съ этого момента начинаютъ развиваться внутри общества страсти и силы, которыя чувствуютъ себя скованными имъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ уничтожается. Уничтоженіе его, *обращеніе индивидуальных и раздробленныхъ средствъ производства въ общественно-сосредоточенныя*, т. е. обращеніе мелкой собственности многихъ въ громадную собственность немногихъ, иначе—*экспроприація земли, средствъ существованія и орудій труда у большихъ народныхъ массъ*—эта ужасная и трудная *экспроприація народа* образуетъ первоначальную исторію капитала. Она охватываетъ собою рядъ насильственныхъ способовъ, изъ которыхъ мы останавливались лишь на немногихъ, составлявшихъ эпоху въ *первоначальномъ накопленіи капитала*. Экспроприація непосредственныхъ производителей совершалась съ беспощаднымъ вандализмомъ и подъ вліяніемъ самыхъ гнусныхъ, грязныхъ и мелкихъ страстей. *Частная собствен-*

ность, приобретённая собственнымъ трудомъ, основанная, такъ сказать, на сроданіи независимыхъ работниковъ съ ихъ условіями труда, была вытѣснена частною капиталистическою собственностью, основанною на эксплуатаціи чужого, но по формѣ свободного труда. Какъ скоро этотъ процессъ превращенія и въ глубину, и въ ширину достаточно разломить старое общество, какъ скоро рабочіе превратятся въ пролетаріевъ, а ихъ условія труда въ капиталъ, какъ скоро капиталистическій способъ производства станетъ на собственные ноги, то дальнѣйшее обобществленіе (Vergesellschaftung) труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ общественно-эксплуатируемыя, т. е. въ общинныя средства производства, другими словами, дальнѣйшая экспроприація частной собственности приобретаетъ новую форму. Теперь остается экспроприровать уже не работника, имѣющаго собственное хозяйство, а капиталиста, экспроприирующаго многихъ работниковъ. Эта экспроприація совершается дѣйствіемъ имманентныхъ законовъ самаго капиталистическаго производства, именно посредствомъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ или экспроприаціей многихъ капиталистовъ немногими развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное технологическое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такіе, которые могутъ приниматься только сообща, всѣхъ средствъ производства посредствомъ употребленія ихъ какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго, общественнаго труда. вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаютъ бѣдность, гнѣть, поработеніе, униженіе, эксплуатація, но также и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно все увеличивается и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ

капиталистическаго процесса производства. Монополія капитала дѣлается узамъ того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ далѣе сдерживаться своею капиталистическою оболочкой. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспроприирующихъ экспроприируютъ. Капиталистическій способъ производства и присвоенія, а слѣдовательно и капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ съ неизбежностью естественнаго процесса. Это—отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ индивидуальную собственность, но на основаніи приобретённой капиталистической эры, т. е. на основаніи кооперации свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками. «Превращеніе разрозненной частной собственности, основанной на личномъ трудѣ индивидовъ, въ капиталистическую есть, разумѣется, процессъ несравненно болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ обращеніе капиталистической частной собственности, фактически основывающейся уже на общественной эксплуатаціи средствъ производства,—въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспроприаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами; здѣсь рѣчь идетъ объ экспроприаціи многихъ узурпаторовъ—народомъ».

Въ этомъ мѣстѣ капитальнаго сочиненія, болѣе всѣхъ другихъ дающихъ намъ понятіе объ общей системѣ Маркса, нельзя не признать вліянія гегелевской философіи съ ея тенденціей изображать всемірную исторію цѣлымъ рядомъ прогрессирующихъ, всегда разрѣшающихся на высшей почвѣ, противоположностей. Роль первоначальнаго тезиса, переходящаго въ свою собственную антитезу и въ дальнѣйшемъ раз-

витіи соединяющаго въ синтезѣ предыдущія ступени, играетъ у Маркса *сочетаніе рабочей силы и орудій производства* (участіе въ землевладѣніи), *раздробленная частная собственность* со всею суммою мелкихъ единичныхъ хозяйствъ, словомъ—система, господствовавшая до начала капиталистическаго способа производства. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ *разгдненія рабочей силы и орудій производства*, періодъ экспропріаціи мелкаго собственника и созданія *общественной формы труда*, сосредоточивающей неимущихъ работниковъ на крупныхъ фабрикахъ съ раздѣленіемъ труда и т. д. За этимъ фазисомъ неизбѣжно послѣдуетъ третій, въ которомъ снова соединяется *рабочая сила и орудія производства*, и слѣдовательно общественный трудъ будетъ покоиться на базисѣ *общественной же собственности*. Замѣчательное дѣло: въ то время, когда философская система Гегеля³⁹), игравшая нѣкогда въ духовной жизни германскаго народа такую первостепенную роль, считалась въ общественномъ сознаніи уже пройденной ступенью и была даже почти всеміи забыта, за исключеніемъ сочиненій по исторіи философіи, появляются на свѣтъ два наиболѣе важные и зрѣлые плоды этой системы (намъ почти хотѣлось бы сказать—единственно важные, за исключеніемъ впрочемъ «Эстетики» Фишера). Это именно: «*Теорія пріобрѣтенныхъ правъ*» Лассалья и «*Критика политической экономіи*» Маркса. Въ обоихъ произведеніяхъ общей чертой является нигдѣмъ такъ полно не достигнутое сочетаніе спекулятивнаго элемента съ положительнымъ матеріаломъ. Но они рѣзко различаются тѣмъ, что Лассаль, натура по существу своему глубоко-философская, свободнѣе и независимѣе своего учителя обращается со спекулятивными принципами, а юридическій матеріалъ его труда, хотя обработанный съ замѣчательною силой мысли, играетъ лишь подчиненную роль. Наоборотъ, у Маркса экономическій элементъ какъ бы самъ собой вытекаетъ изъ эмпирическаго матеріала специальныхъ знаній, поражающаго какъ своимъ богатствомъ, такъ и самостоятельной обработкою, а спекуля-

тивная форма тѣсно примыкаетъ къ манерѣ философскаго образца и во многихъ мѣстахъ съ трудомъ проникаетъ въ матеріалъ, въ ущербъ силѣ всей аргументаціи. Оставляя въ сторонѣ стройность системы Маркса, слѣдуетъ признать его безусловно ученѣйшимъ и проникательнѣйшимъ политико-экономомъ нашего времени. Но съ другой стороны нельзя придавать прочнаго значенія многимъ спекулятивнымъ элементамъ его системы (какъ напр. его теоріи дѣйности), которые ему самому, какъ это обыкновенно бываетъ по отношенію къ дѣтямъ, рожденнымъ съ особеннымъ трудомъ, можетъ быть представляются самыми замѣчательными. Во всякомъ случаѣ его трудъ еще разъ доказываетъ, что сильная сторона гегелевскаго умозрѣнія лежитъ въ его историко-философскомъ методѣ, особенный принципъ котораго почти можно назвать антропологическимъ открытіемъ. Конечно, какъ въ исторіи, такъ и въ индивидуальной жизни процессъ развитія посредствомъ антитезы происходитъ не такъ то легко, радикально, точно и симметрично, какъ въ умозрительномъ построеніи. Это признаетъ и Марксъ относительно *историческаго прошлаго*, когда онъ изображаетъ процессъ перехода отъ раздробленной, но еще соединенной съ трудомъ собственности, къ капиталистическому способу производства въ видѣ многовѣковой борьбы, въ которой новый принципъ борется среди безчисленныхъ превратностей судьбы со старымъ, и признаетъ, что даже и теперь, когда второй періодъ достигъ своей кульминаціонной точки и находится наканунѣ перехода въ третій фазисъ, старыя формы владѣнія и производства не вполне еще устранены. Въ *будущемъ*—же Марксъ представляетъ себѣ дѣло иначе. Тогда, по его мнѣнію, предстоитъ не столь медленная борьба, ибо «экспропріація немногихъ узурпаторовъ народомъ» гораздо легче «экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами». Мы однако не можемъ раздѣлять этого воззрѣнія, такъ какъ прогрессъ окажется чисто формальнымъ и внѣшнимъ. Въ дѣйствительности же, чтобы довести принципъ об-

публичной собственности и, какъ мы себѣ по крайней мѣрѣ представляемъ дѣло, *республиканскую организацію фабрики* *) до господствующаго способа производства, потребуется не меньше борьбы, чѣмъ понадобилось для вытѣсненія средневѣковаго производства современнымъ. Человѣкъ—существо слишкомъ способное къ дрессировкѣ, и привычки односторонняго повиновенія и деспотизма вкореняются въ нравы слишкомъ глубоко и даже къ сожалѣнію слишкомъ способны до извѣстной степени къ наслѣдственной передачѣ, чтобы этотъ переходъ могъ совершиться безъ дальнѣйшихъ затрудненій посредствомъ одного какого-нибудь революціоннаго акта. Неизбѣжны всевозможныя уклоненія въ сторону и реакція. Но я вовсе не хочу сказать этимъ, чтобы переворотъ, предпринятый съ этой цѣлью, въ концѣ концовъ не приблизилъ, хотя и разными окольными путями, человѣчество къ его великой конечной цѣли. Однако умы должны закалиться и привыкнуть къ борьбѣ противъ угнетенія, прежде чѣмъ достаточно разовьется та самостоятельность, которая нужна для успѣшнаго осуществленія свободнаго кооперативнаго производства. Не менѣе нужна также практика, широкое пониманіе условій общественной жизни или цѣлесообразно-слагающіеся обычаи, чтобы выработать ту взаимную терпимость, которая лежитъ въ основѣ всякой республиканской жизни. Надежда обойти всѣ эти затрудненія при помощи какой бы то ни было формы правленія или конституціи была бы почти настолько же нелѣпа, какъ и мнѣніе, что государству вообще нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Наоборотъ, очевидно, что требуется коренное измѣненіе современныхъ государственныхъ и правовыхъ формъ, чтобы доставить рабочимъ ассоціаціямъ *простую возможность* появиться достаточно окрѣпшими на аренѣ производства и принять сколько-нибудь успѣшное участіе въ разрѣшеніи великой проблемы. Поэтому исполнѣе возможно допустить, что подобно тому, какъ

*) Подробнѣе см. объ этомъ въ гл. VII.

реформація, въ качествѣ соціальной революціи, содѣйствовала разрушенію старыхъ формъ собственности и способовъ пріобрѣтенія вмѣстѣ съ водвореніемъ на ихъ мѣсто условій капиталистическаго способа производства,—и новая соціальная революція приведетъ, безъ принципиальнаго и всеобщаго уничтоженія частной собственности, къ созданію такихъ правовыхъ принциповъ и государственныхъ учреждений, при которыхъ коллективная и частная собственность получатъ возможность вступить между собою въ свободную конкуренцію и начать ту вѣроятнѣе вѣковую борьбу, которая окончится торжествомъ коллективной собственности, соединенной съ коллективнымъ трудомъ.

Но конечно и тутъ нельзя еще надѣяться, чтобы соответствующая организація труда вдругъ выскочила въ готовомъ видѣ изъ головы какого-нибудь генія. И еслибы даже, вскорѣ или послѣ долгой борьбы и неудачныхъ попытокъ, въ счастливую минуту былъ отысканъ такой философскій камень, то и тогда это еще далеко не значило бы, что его немедленно ждать всеобщее признаніе и повсемѣстное примѣненіе. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что люди, какъ это часто случается, нетерпѣливо забракують лучшее и примутся пробовать и видоизмѣнять худшее, *пока наконецъ сравнительно-лучшее не сложится и не утвердится окончательно по тѣмъ же неизмѣннымъ законамъ, по которымъ всѣ организмы образуются и принимаютъ форму, наиболее сообразную съ условіями ихъ существованія.*

Слѣдовательно, какъ ни сильно должны быть направлены всѣ соціальныя стремленія къ своей конечной цѣли, къ уничтоженію или относительному устраненію *борьбы за существованіе* посредствомъ ея антипода—*разума* (и это можно бы тоже формулировать по гегелевскому методу), все-таки нельзя надѣяться на то, чтобы эта цѣль была достижима безъ содѣйствія самой борьбы за существованіе. Борьба за существованіе доставила капиталистическому способу производства послѣ

вѣковыхъ усилій побѣду надъ средневѣковымъ частнымъ хозяйствомъ; борьба за существованіе ниспровергнетъ и нынѣ существующія общественныя формы, постепенно преобразивъ ихъ до основанія. Рабочій вопросъ служить только симптомомъ того, что необходимость этихъ измѣненій носится въ воздухѣ и что они проложатъ себѣ дорогу среди судорожныхъ міровыхъ событій.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Частная собственность, право наслѣдства и поземельная рента.

Уже неоднократно приходилось намъ въ предыдущихъ главахъ указывать, что въ человѣческомъ обществѣ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія общественнаго положенія индивидовъ, борьба за существованіе принимаетъ своеобразную форму. Явленія, встрѣчающіяся въ царствѣ животныхъ лишь въ единичныхъ, рѣзко выраженныхъ формахъ, какъ напр. рабство у нѣкоторыхъ породъ муравьевъ, существованіе матки у пчелъ, раздѣленіе труда у тѣхъ и другихъ насѣкомыхъ, развиваются въ общественной жизни человѣчества до такого грандіознаго разнообразія учреждений и отношеній, что въ нихъ едва можно узнать простыя основныя черты борьбы за существованіе. И все-таки эти основныя черты повсюду повторяются! Борьба династій и аристократическихъ фамилій противъ гражданской свободы есть *борьба за собственное* существованіе; капиталистъ также отстаиваетъ историческую форму *своего существованія*, когда онъ борется съ социализмомъ; а рабочій въ свою очередь хватается за социализмъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить себѣ *борьбу за существованіе* въ самомъ непосредственномъ смыслѣ этого слова.

Безъ сомнѣнія въ древнія времена главнымъ основаніемъ всевозможныхъ социальныхъ различій была *сама борьба*, и притомъ *непосредственная физическая борьба* хищника съ его

жертвою, завоевателя съ защитникомъ своей свободы, своего жилища, своего имущества. Вслѣдствіе умственного превосходства человѣка, вслѣдствіе его сильно развитой хитрости и коварства, равно какъ и его способности къ облагораживающей общественной жизни,—борьба эта необходимо должна была вылиться въ гораздо болѣе разнообразныя формы, чѣмъ въ царствѣ животныхъ. И дѣйствительно, въ результатъ этой борьбы являлись съ одной стороны всевозможныя формы угнетенія и эксплоатаціи при помощи рабства, крѣпостничества, данничества и т. п., съ другой же—подготовка къ наступательной и оборонительной борьбѣ вела къ организаціи общества, аналогичной съ военной организаціей. Но какимъ бы важнымъ ни казалось вліяніе этого принципа на строй общества, именно въ виду чрезмѣрной приверженности современнаго государства къ военной организаціи, однако вліяніе *частной собственности* въ связи съ принципомъ *наслѣдственной передачи имущества* сдѣлалось еще гораздо болѣе могущественнымъ и распространеннымъ факторомъ.

Теперь мы считаемъ нужнымъ, не вдаваясь въ слишкомъ подробное разсмотрѣніе теорій философіи права, выяснить себѣ отношеніе принципа собственности къ организованному обществу. Понятіе собственности предполагаетъ уже предварительное существованіе правовой организаціи и общественности, санкціонирующихъ и защищающихъ господство личности надъ вещью. Предметы, которые собираетъ въ своей пещерѣ дикарь, еще не знающій законовъ (хотя подобный дикарь существуетъ скорѣе въ фантазіи теоретиковъ и въ воображаемыхъ условіяхъ первобытныхъ временъ, чѣмъ въ дѣйствительности), и которые онъ одинаково защищаетъ какъ въ томъ случаѣ, когда они похищены, такъ и тогда, когда они приобрѣтены,—находятся, правда, въ его владѣніи, но собственностью ихъ назвать еще нельзя. Лишь тамъ, гдѣ зародилась *соціальная жизнь*, можетъ существовать «собственность» въ полномъ значеніи этого слова. Нисколько не раздѣляя исто-

рически-ошибочнаго воззрѣнія, что государства возникли путемъ договора, мы должны однако допустить, что существеннымъ элементомъ образованія всякаго государства служить взаимное признаніе даннаго порядка (хотя бы его первоначальное происхожденіе и обуславливалось простымъ насиліемъ), можно сказать даже—безмолвный договоръ, на который личность даетъ свое согласіе тѣмъ, что фактически ему подчиняется и съ возрастающей сознательностью воспринимаетъ его сущность въ свое міросозерцаніе. А такъ какъ прогрессъ человѣка идетъ отъ безсознательнаго къ сознательному, отъ природы къ свободѣ, то договорная форма образованія государства во всей своей чистотѣ проявится только на высшемъ, далеко еще не достигнутомъ уровнѣ человѣческой культуры. Здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ, наблюдается слѣдующее явленіе: относительное совершенство, осуществить которое еще предстоитъ нашему разуму, переносится фантазіей, подобно «золотому вѣку» или «раю», въ глубь вѣковъ, въ первобытную эпоху исторіи нашего рода. Во всякомъ случаѣ вся святость и весь авторитетъ принципа собственности, какъ и всякаго другого правового института, основывается на его происхожденіи отъ духовной природы человѣка; а вѣдь человекъ имѣетъ полное право и даже обязанъ устранять по мѣрѣ силъ всякое внѣшнее ограниченіе свободы своей воли для достиженія полного развитія духовной стороны своего существа.

Съ одной стороны собственность обуславливается стремленіемъ обезпечить свое существованіе посредствомъ накопленія припасовъ и созданія орудій производства,—стремленіемъ сильнаго даже въ царствѣ животныхъ (какъ это доказываютъ напр. сѣти паука и т. д.); а съ другой—способностью человѣка *уживаться* съ себѣ подобными, борьбу всѣхъ противъ всѣхъ замѣнять всеобщимъ миромъ, предотвращать грабежъ посредствомъ взаимной помощи и солидарной дѣятельности всѣхъ угнетенныхъ и усиливать производительность труда посредствомъ его раздѣленія. Въ этомъ смыслѣ чело-

вѣкъ, по своей духовной природѣ, принадлежитъ къ *животнымъ социальнымъ*.

Само по себѣ даже нормированное состояніе рабства или даже уплата дани какому-нибудь разбойнику могутъ быть разсматриваемы какъ договоръ, и еслибы было согласно съ духовной природой человѣка довольствоваться подобными отношеніями, то вѣдь и самый несправедливый строй феодальнаго государства съ его крѣпостнымъ правомъ и всевозможными привилегіями могъ бы быть разсматриваемъ какъ конечная цѣль всего государственнаго развитія. Господинъ, который по праву сильнѣйшаго могъ бы умертвить раба, дарить ему жизнь взамѣнъ продуктовъ его труда; рабъ отказывается отъ своего естественнаго права возстанія и борьбы съ похитителемъ его свободы и пользуется за это безопасностью и даже защитой противъ поплзновеній съ третьей стороны. Такое неписанное соглашеніе, возникшее путемъ принужденія и подчиненія или же въ силу простой привычки, по самой природѣ вещей въ каждый данный моментъ расторгнимо, и ничто не мѣшаетъ рабу расторгнуть его посредствомъ умерщвленія господина.

Господинъ, основывающій свое право на выгодахъ, доставляемыхъ молчаливымъ договоромъ, на постоянной возможности умертвить раба, долженъ съ своей стороны всегда быть готовымъ къ подобному способу расторженія «договора». Конечно такой поступокъ раба будетъ преступленіемъ, если онъ вызывается необузданной страстью или гнѣвной вспышкой; но онъ обращается въ добродѣтель, когда вытекаетъ изъ идеи лучшаго правового строя, и хотя на практикѣ часто трудно установить границу между обоими мотивами, но до этого намъ здѣсь мало дѣла.

Правовое государство многіе считаютъ союзомъ мирнаго и слабѣйшаго большинства, направленнымъ противъ насилія и притѣсненій со стороны сильныхъ и хищныхъ личностей. Можетъ быть оно столь же часто возникало иначе, именно: наиболѣе наглый и безцеремонный разбойникъ, побѣдивъ всѣхъ

своихъ соперниковъ, постепенно превращался въ властелина и начиналъ сдерживать въ предѣлахъ подвластной территории хищническія наклонности всѣхъ другихъ индивидовъ, чтобы самому безраздѣльно стричь покорное стадо. — Съ того момента, какъ подобный властитель убѣждался, что гораздо выгоднѣе собирать яйца, чѣмъ рѣзать насѣдокъ, онъ необходимо создавалъ новый политическій и социальный строй, который помимо его вѣдома и даже противъ желанія давалъ сильный толчекъ развитію въ его подданныхъ чувства солидарности. Такимъ образомъ война замѣняется миромъ, и тиранія — свободой, безъ всякаго непосредственнаго участія разума, который могъ бы указать на болѣе короткий и вѣрный путь къ достиженію цѣли.

Нѣмецкіе философы воображаютъ обыкновенно, что добрались до начала всѣхъ началъ, когда имъ удастся вывести подобныя исторически-сложившіяся отношенія не столько изъ естественныхъ свойствъ человѣческой расы и общихъ законовъ природы, сколько изъ какихъ-нибудь метафизическихъ принциповъ. Объясненія этого стремленія слѣдуетъ искать въ такой области, которая насъ мало интересуетъ; впрочемъ не трудно показать, что при рѣшеніи практическихъ вопросовъ этотъ методъ не только не даетъ непосредственнаго анализа естественныхъ условій рѣшенія каждаго вопроса, но вообще въ практическомъ отношеніи приводитъ только къ *petitio principii*, за которымъ часто скрывается полное непониманіе дѣла, если не простой сервильизмъ по отношенію къ властямъ предержащимъ или лицемѣрная апологія несправедливости и эксплоатаци.

Примѣръ подобнаго *petitio principii* мы почерпнемъ въ философіи мыслителя, стоящаго выше упрека въ простой безсодержательности, равно какъ и въ всякаго подозрѣнія въ сервильизмъ. Тѣмъ лучше мы уяснимъ себѣ чисто-логическую сторону дѣла.

Эммануилъ Кантъ учитъ въ своей «Метафизикѣ нравовъ»,

вполнѣ согласно съ выводами его «Критики разума», что «категорическій императивъ», т. е. непрекословно-повелительный голосъ, коренящийся въ сознаниі нашей нравственной свободы, говоритъ намъ: «Поступай сообразно такому правилу (побужденію индивидуальной воли), которое въ то же время могло бы считаться общимъ закономъ». Затѣмъ онъ опредѣляетъ право, какъ совокупность всѣхъ условій, при которыхъ произволъ отдѣльной личности можетъ быть совмѣщенъ съ произволомъ другой личности по общему закону свободы.

Уже тутъ можно возразить: да существуетъ ли такой законъ? Не правильнѣе ли будетъ, если мы скажемъ, что право есть совокупность тѣхъ условій, при которыхъ на данномъ уровнѣ культуры достигается минимумъ ограниченія воли одной личности посредствомъ воли другой? Но допустимъ, что фактически-присущій человѣческому сознанию нравственный законъ требуетъ, какъ своего собственного логическаго слѣдствія—*возможности* подобной обоюднo-нестѣсняемой свободы. Очевидно, что въ виду неполнаго осуществленія подобной возможности и самое право оставалось бы крайне несовершеннымъ.

Кантъ учить далѣе: право соединено съ властью *принужденія*. Это принужденіе есть простое *устраненіе стѣсненія* свободы и слѣдовательно вполнѣ *справедливо*.

Поэтому право можно представить себѣ въ видѣ всеобщаго взаимнаго принужденія, которое по общимъ законамъ совпадаетъ съ индивидуальной свободой. Существуетъ только одно *прирожденное* право: право на свободу; всѣ остальные права приобрѣтены.

Право свободы заключаетъ въ себѣ *право равенства*, т. е. право каждой личности *имѣть относительно другихъ не большіе обязанности, чѣмъ сколько эти другія имѣютъ относительно ея самой* и т. д.

Кромѣ моей собственной личности, «моимъ» можетъ быть лишь та вещь, въ пользованіи которой меня никто, безъ ущерба моей свободѣ, стѣснить не можетъ. Имѣть «своимъ» какой-

нибудь внѣшній предметъ человѣкъ можетъ только при правомъ строѣ, только при существованіи законодательной власти, т. е. въ гражданскомъ состояніи. Въ природномъ же состояніи можетъ имѣть мѣсто только *временное обладаніе* (*provisorisches Mein und Dein*). Первобытное приобрѣтеніе какой-нибудь вещи происходило въ формѣ *захвата*. Захватъ принимаетъ характеръ *правового* приобрѣтенія лишь съ того момента, какъ получаетъ санкцію посредствомъ акта общей воли. Предметъ, который я подобнымъ способомъ присвоилъ себѣ, становится отнынѣ моею *собственностью*.

Установивъ эти основныя положенія, Кантъ очень остроумно доказываетъ, что первымъ объектомъ юридическаго приобрѣтенія должна была явиться *земля*. «Прежде всего юридически приобрѣтена могла быть земля, и основаніемъ возможности подобнаго приобрѣтенія является *первобытная общность земли*». Всѣ люди въ первобытномъ состояніи, т. е. до существованія какого бы то ни было юридическаго акта воли, *правомѣрно владѣютъ землей*, т. е. имѣютъ право *жить тамъ, гдѣ ихъ поселили*, помимо ихъ личной воли, *природа или случай*. Эту «первобытную общность владѣнія» Кантъ рѣзко отличаетъ отъ «первоначальной общности владѣнія», т. е. отъ предполагаемой въ доисторическое время коммунистической формы землевладѣнія.

Первое изъ этихъ двухъ понятій есть практическій постулатъ разума, на основаніи котораго люди могутъ правомѣрно приобрѣтать землю; «первоначальная же общность» предполагала бы по Канту *договоръ*, а слѣдовательно и предварительное *существованіе частнаго владѣнія*.

Въ этой дедукціи уже ясно проглядываетъ *petitio principii*. Почему абстрактное право *индивида на соучастіе въ землевладѣніи* не могло бы непосредственно, путемъ договора, перейти въ право *коллективнаго владѣнія*, такъ что оставалось бы только установить право пользованія? Затѣмъ сначала фактически приступить къ раздѣлу земли для того, чтобы послѣ объ-

явить ее общей на основаніи присущаго каждой отдѣльной личности права на опредѣленный ея участокъ?

На этотъ вопросъ теорія не даетъ *никакого* удовлетворительнаго отвѣта. Просто на-просто *предполагается a priori*, что естественное право индивида на ту землю, на которой онъ родился, не могло выразиться иначе, какъ въ формѣ исключительной частной собственности на отдѣльные земельные участки.

Но это *petitio principii* выступить еще гораздо рѣзче, если мы прослѣдимъ разсужденіе Канта—до обоснованія имъ индивидуальнаго права собственности,

Кантъ просто-на-просто увѣряетъ, *) будто *предварительное* (*provisorisch*) приобрѣтеніе, т. е. вызванное *захватомъ*, есть все-таки *истинное* приобрѣтеніе. Почему же такъ? Потому что, по его мнѣнію, «возможность этого приобрѣтенія» составляетъ «принципъ частнаго права», а «частное право уполномочиваетъ каждую личность къ той мѣрѣ принужденія, которая одна допускаетъ переходъ отъ первобытнаго состоянія къ гражданственности, а только гражданственность можетъ сдѣлать всякое приобрѣтеніе окончательнымъ». Слѣдовательно такъ какъ возможность приобрѣтенія земли простымъ захватомъ есть принципъ частнаго права, то она и *должна* быть его принципомъ.

Какъ рѣзко логическая сила ума Канта заставляла его ставить понятіе «захвата», видно изъ другого его разсужденія, согласно которому фактъ *обработки* земли далеко не даетъ права называть ее своею.

Рѣшающимъ моментомъ является не трудъ, а *возможность* и *желаніе силою* удерживать за собою извѣстный земельный участокъ; и *ultima ratio* логики того самаго философа, любимой идеей котораго былъ вѣчный миръ, являются такимъ образомъ—*пушки*.

*) См. Kant's Werke, Ausg. v. Hartenstein. 7 Bd. S. 64.

Другими словами: частное право на базисѣ индивидуальной собственности есть по существу своему *кулачное право*; лишь для избѣжанія войны слабѣйшій покоряется сильнѣйшему. вмѣсто грубой войны является на сцену тактика, въ силу которой слабѣйшій, будь онъ какъ угодно храбръ и рѣшителенъ, принужденъ уступить сильнѣйшему.

Главная же прелесть заключается конечно въ томъ, что слабѣйшіе, отгѣненные при первомъ захватѣ земли, будутъ и впредь всегда слышать изъ заоблачныхъ высотъ метафизики неумолимый приговоръ вѣчнаго подчиненія за то, что они въ моментъ перваго захвата случайно оказались слабѣе другихъ!

А что если имъ удастся соединиться или иначе какъ ни-будь сдѣлаться первыми по силѣ? Отчего бы имъ тогда въ свою очередь не захватить *для себя* по возможности больше земли? У философіи готовъ отвѣтъ: оттого, что они нарушили бы тогда свободу другихъ пользоваться по усмотрѣнію *своей* землей. Но развѣ «первоначальный захватъ» не стѣснилъ свободу другихъ?

Представимъ себѣ, что два человѣка приблизительно одинаковыхъ силъ очутились вдругъ на небольшомъ островѣ. Какъ имъ разграничить свое право на землю, если не посредствомъ взаимнаго соглашенія или же борьбы? Но соглашеніе можетъ (хотя такой исходъ менѣе вѣроятенъ) съ самаго начала такъ же легко повести къ общему владѣнію землей съ разграниченіемъ труда, какъ и къ раздѣльному владѣнію. Если избрано послѣднее, то можно сказать, что они учреждаютъ гражданское общество и вступаютъ въ него на условіи взаимнаго признанія частной собственности каждаго. Но относится ли это признаніе непременно къ первоначальной оккупации? Нисколько! При захватѣ могло случиться, что извѣстныя территоріи остались спорными, захватъ могъ произойти неполный, такъ что осталась надежда на возобновленіе спора въ будущемъ. Онъ могъ наконецъ, какъ чистѣйшая случайность, не

соотвѣтствовать наклонностямъ обѣихъ сторонъ. И потому онъ будетъ оставленъ совершенно безъ вниманія,—если только не было уже приступлено къ *обработкѣ* земли,—и при дальнѣйшемъ соглашеніи относительно раздѣла основаніемъ скорѣе послужить мысль о первоначальной общности владѣнія.

Если же дѣло дойдетъ до борьбы, то менѣе всего можно рассчитывать на то, чтобы въ результатѣ получилось раздѣленіе, пропорціональное силамъ обѣихъ сторонъ. Напротивъ, побѣдитель все возьметъ себѣ, хотя бы его противникъ мало уступалъ ему въ силѣ, а побѣжденнаго онъ либо убьетъ, либо поработитъ и заставитъ служить себѣ.

Но можетъ случиться, что день спустя послѣ полюбовнаго дѣлежа на островъ явится еще третій человекъ. Положимъ, что островъ достаточно великъ, чтобы прокормить и его. Если бы существовало общинное владѣніе, то первые два общинника вѣроятно охотно предоставили бы ему участіе въ своей коллективной собственности и трудѣ. Теперь же послѣ того, какъ первые два пришельца успѣли сдѣлать всю территорію острова объектомъ своего частнаго права, обстоятельства складываются для третьяго крайне неблагоприятно. Земля уже имѣетъ хозяевъ. Волна, прибившая его къ берегу, выбрасываетъ его на *чужую собственность*. «Гражданское общество», ранѣе водворившееся тамъ и объявившее землю своей частной собственностью, не признаетъ правъ новаго пришельца. Конечно тотъ, не подозревая даже о существованіи на островѣ «гражданскаго общества», сочтетъ свои права несомнѣнными и станетъ беззаботно эксплуатировать почву до тѣхъ поръ, пока сила первыхъ собственниковъ не заставитъ его одуматься.

Мы видимъ здѣсь, какъ мало теорія происхожденія частной собственности отъ естественнаго права и оккупациі удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя самъ Кантъ считаетъ нужнымъ предъявлять правовому строю: именно, чтобы свобода одной личности не являлась стѣсненіемъ для свободы

другой. На бумагѣ эта теорія прекрасно уживается съ принципомъ свободы и даже равенства,—конечно если не обращать вниманія на обратную ея сторону. При конкретномъ же осуществленіи оказывается, что свобода одной личности безпрепятственно пользоваться своей собственностью неизбежно влечетъ за собою для другой личности полнѣйшую свободу—умирать съ голоду или превратиться въ раба, если человекъ не предпочтетъ искать спасенія въ силѣ.

Кому вышеприведенный примѣръ «гражданскаго общества» двухъ индивидовъ, взаимно признающихъ обоюдное владѣніе собственностью и ранѣе лишаящихъ всякую третью личность земли, а слѣдовательно и самыхъ необходимыхъ естественныхъ средствъ къ существованію,—покажется слишкомъ натянутымъ, тому мы рекомендуемъ еще разъ приглядѣться повнимательнѣе къ исторіи и къ современной жизни. Тогда онъ не замедлитъ открыть еще болѣе рѣзкія послѣдствія абсолютнаго права частной собственности на землю. Въ предыдущей главѣ это отчасти уже подтверждено. Въ этомъ вопросѣ повторяется основная ошибка всякаго метафизическаго взгляда на реальную жизнь: то, что слѣдуетъ считать лишь психологически и относительно необходимымъ, выставляется логически и абсолютно необходимымъ. Философъ, воображающій, что дѣлаетъ выводъ изъ основного начала, пускаетъ на каждомъ шагу въ ходъ вспомогательные принципы, которые онъ просто-на-просто почерпаетъ изъ предразсудковъ, привычекъ и правилъ вседневной жизни. Такимъ образомъ историческій фазисъ развитія смѣшивается съ конечной цѣлью всего процесса развитія, и традиціонныя отношенія неразумной дѣйствительности провозглашаются, на основаніи подобнаго смѣшенія, плодами чистѣйшаго разума.

Но все это упрощается, если мы право собственности будемъ считать тѣмъ, что оно есть въ дѣйствительности, т. е. простымъ компромиссомъ между разумомъ человека и хищническими наклонностями его животной натуры. Замѣняя неиз-

мѣримо-большее зло меньшимъ, человѣкъ принялъ надолго за основаніе общаго законодательства *относительно* хорошій общественный строй, такъ какъ не въ состояніи въ данную минуту даже приблизительно осуществить идеальное требованіе, чтобы свобода каждой личности уживалась съ общою свободою.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что каждый правомѣрный строй, даже самый несовершенный, не только санкціонируется привычкою и давностью, но и оправдывается стремленіемъ приблизиться къ состоянію полной общей свободы. Однако вытекающая изъ этого стремленія, изъ этой внутренней потребности усовершенствованія авторитетность даннаго строя, разумѣется, продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока въ немъ дѣйствительно живо это стремленіе.

Данный строй лишь до тѣхъ поръ святъ, пока онъ является врагомъ предшествовавшаго состоянія безпорядочной войны всѣхъ противъ всѣхъ, врагомъ кулачнаго права; онъ святъ лишь въ тѣхъ своихъ проявленіяхъ, въ которыхъ протестуетъ противъ стараго порядка во имя высшаго принципа. Но разъ данный строй самъ снова обращается въ *юридическое кулачное право* и начинаетъ противоdѣйствовать стремленію къ улучшенію гражданскихъ учрежденій со всею силою организованной глупости,—тогда онъ обращается къ намъ своей изнанкой; и эта изнанка не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія, ибо уваженія вообще заслуживаетъ лишь живой духъ формулы, а не мертвая ея оболочка.

Коренное право всѣхъ существъ есть право самосохраненія въ борьбѣ за существованіе и за достигнутые уже успѣхи. И человѣкъ, въ качествѣ живого члена природы, приноситъ съ собою на землю то же самое право, и никто не можетъ отнять у него это право, не давъ ему взамѣнъ другого, болѣе *высокаго и совершеннаго*. Когда же оно перестанетъ dѣйствовать или уже не достигаетъ первоначальной своей цѣли, тогда врожденное право безпощаднаго самосохраненія вступаетъ снова въ силу ⁴⁷⁾.

Провозглашая частную собственность первымъ шагомъ отъ варварства къ культурѣ и основаніемъ всего человѣческаго прогресса, мы не должны забывать, что своимъ обаяніемъ она обязана единственно тому *духу мира*, который прекратилъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, воздавъ *каждой личности должное*,—не факту *первозавхвата*, а желанію удовлетворить всѣхъ и доставить возможность жить трудомъ своихъ рукъ. Первоначальное установленіе частной собственности не имѣетъ никакого смысла, если не задается цѣлью предоставить каждой вообще личности *достаточную долю собственности*. Всѣ послѣдствія частнаго права, нарушающія такой порядокъ вещей, могутъ доказывать развѣ только то, что и это человѣческое установленіе, подобно всѣмъ другимъ, можетъ, вслѣдствіе постепеннаго развитія присущихъ ему ошибокъ и недостатковъ, перейти въ концѣ концовъ въ свою же собственную антитезу и вызвать именно то явленіе, для предотвращенія котораго оно первоначально возникло.

Требовать, чтобы человѣкъ санкціонировалъ своимъ признаніемъ возникшій помимо его личнаго содѣйствія правомѣрный строй, даже въ томъ случаѣ, когда этотъ строй лишаетъ его всякаго участія въ пользованіи выгодами и благами, доставляемыми общественною жизнію, и даже отнимаетъ у него возможность добывать ихъ собственнымъ трудомъ на какомъ нибудь участкѣ земли,—значило бы то же самое, что требовать отъ человѣка невозможнаго. Если угнетенный по внутреннимъ побужденіямъ, будь они религіознаго, философскаго или какого нибудь иного свойства, соглашается лучше самъ терпѣть, чѣмъ заставлять другихъ страдать; если съ него довольно одного вида той гармоніи, въ которой ему самому нѣтъ мѣста, и если онъ можетъ относиться къ ней почтительно въ то время, когда самъ гибнетъ отъ голода и чахнетъ,—то это его добрая воля. Все это съ его стороны, пожалуй, довольно мило и благородно, но требовать этого общество отъ него не можетъ. Если общество скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ угнетенныхъ и обой-

денных членовъ, оно само какъ бы добровольно подвергается риску прочность установленнаго въ немъ порядка.

Общество имѣетъ право на охраненіе и поддержаніе неизблемости основъ своего строя лишь въ томъ случаѣ, когда оно постоянно старается приравнивать его къ потребностямъ всѣхъ своихъ членовъ, устранять принципиальныя ошибки, вслѣдствіе которыхъ право не достигаетъ своей цѣли, или ихъ вредныя послѣдствія, и готово даже въ крайнемъ случаѣ на радикальное измѣненіе всѣхъ основъ существующаго права. Идеалистъ, требующій подобнаго измѣненія только потому, что новый, на примѣръ коммунизмъ, по его субъективнымъ соображеніямъ или на основаніи тѣхъ доказательствъ, которыя ему кажутся убѣдительными, заслуживаетъ предпочтенія, — конечно никогда не можетъ разсчитывать, что общество его удовлетворитъ, и будетъ имъ раздавленъ въ силу естественнаго права, лишь только онъ сдѣлаетъ попытку насильно навязать ему свои идеи.

Зато какъ только будетъ разсѣянъ миражъ абсолютной справедливости существующихъ правовыхъ нормъ, и мѣсто пресловутаго правила: «*fiat justitia et pereat mundus*» займетъ ясное пониманіе дѣйствительнаго значенія права въ обществѣ ходѣ культурной жизни, — то немедленно придется позаботиться о томъ, чтобы въ интересахъ человѣчности не ограничивались чинкой и штопаньемъ существующаго строя, а занялись серьезной проверкой всѣхъ основъ современныхъ установлений, не исключая даже самыхъ повидимому разумныхъ.

Прежде чѣмъ продолжать наше изслѣдованіе, мы должны однако предостеречь читателя отъ двухъ общераспространенныхъ заблужденій: во-первыхъ, будто принципъ частной собственности необходимо связанъ съ защитой всевозможнаго *неравенства* имущества, между тѣмъ какъ коммунизмъ столь же необходимо устанавливаетъ *равенство* всѣхъ членовъ общества; и во-вторыхъ, будто основой нашихъ *современныхъ*

правовыхъ отношеній является исключительно частная собственность, безъ всякой примѣси коммунистическаго принципа.

Въ опроверженіе перваго заблужденія можно сказать на примѣръ, что уничтоженіе или ограниченіе *права наслѣдства* нисколько не противорѣчитъ принципу частной собственности. Если общество считаетъ всѣ источники пріобрѣтенія имущества, кромѣ труда, безнравственными и опасными, то оно конечно можетъ такъ же легко воспретить пріобрѣтеніе по наслѣдству, какъ и пріобрѣтеніе посредствомъ лоттерей или посредствомъ грабежа. Тотъ фактъ, что сознаніе вреда лоттерей является въ обществѣ позже сознанія опасности грабежа, а сознаніе недостатковъ неограниченнаго права наслѣдства еще позже, — не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ принципу частной собственности.

Въ обществѣ, въ которомъ не существуетъ права наслѣдства, принципъ самаго строгаго индивидуализма можетъ быть проведенъ даже послѣдовательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; можно даже утверждать, что по крайней мѣрѣ *германское* наслѣдственное право по своимъ принципамъ — *коммунистическаго* характера, такъ какъ оно дѣйствительнымъ собственникомъ признаетъ не личность, а родъ, семейство. — Наоборотъ, съ коммунизмомъ вполне соединимо всевозможное разнообразіе общественнаго положенія индивидовъ. Фактъ общности всякаго владѣнія еще не заключаетъ въ себѣ необходимости вполне равномернаго распредѣленія продуктовъ общаго труда; можно даже заранѣе сказать съ достаточной увѣренностью, что въ коммунистической общинѣ болѣе крупныхъ размѣровъ, особенно же съ іерархической окраской, какъ то проектируютъ многіе коммунисты, такая равномерность рѣшительно никогда не имѣла бы мѣста. Легко понять, что и здѣсь разъ допущенная ошибка втеченіе столѣтій можетъ достигнуть грандіозныхъ размѣровъ, особенно если общество облакаетъ авторитетомъ воспитателей и учителей именно тѣхъ личностей, которыя сами заинтересованы въ неравенствѣ.

Корни второго заблужденія въ дѣйствительности не такъ глубоки, какъ это кажется. Какъ въ былыя времена, такъ и нынѣ, массы слишкомъ рѣдко имѣютъ возможность высказывать свое мнѣніе. Люди высшихъ сословій являются въ то же время безконтрольными судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ и, разумѣется, провозглашаютъ свою историческую роль въполнѣ законной и справедливой. Очень понятно поэтому, что «общественное мнѣніе» этихъ сословій сваливаетъ, безъ всякаго разбора истинныхъ принциповъ, въ одну кучу все, что пытается потрясти основы такого порядка вещей. Самымъ страшнымъ пугаломъ, при видѣ котораго раздаются отчаянные вопли, является коммунизмъ; поэтому его именемъ «общественное мнѣніе» окрепчиваетъ всю категорію угрожающихъ явленій, безразлично — коммунистическаго ли они характера, или нѣтъ. Съ другой стороны зато тѣмъ легче провозглашаютъ неприкосновенность принципа частной собственности, что привыкли считать ее исключительно-спасительной и единственно-осуществимой въ современныхъ европейскихъ правовыхъ отношеніяхъ. Но стоитъ только припомнить точное значеніе словъ и обратиться къ безпристрастному анализу отношеній, чтобы немедленно убѣдиться, что въ современномъ государствѣ, въ общинѣ, семьѣ, ассоціаціяхъ, учрежденіяхъ и всякаго рода союзахъ заключается такое значительное количество элементовъ коммунизма, что общественный строй, составляющій мечту односторонняго индивидуалиста, съ такимъ же правомъ можетъ быть названъ утопіей, какъ и міръ, выдуманный коммунистами.

Обыкновенно думаютъ, будто принципъ частной собственности безусловно обезпечиваетъ привилегированнымъ классамъ все ихъ имущество и всѣ блага жизни, между тѣмъ какъ коммунизмъ угрожаетъ всему этому неизбежной гибелью. Мысль эта есть не что иное, какъ новое заблужденіе, почти еще болѣе грубое, чѣмъ оба вышеуказанные. Человѣкъ, единственная собственность котораго состоитъ въ его рабочей силѣ, благодаря ей имѣетъ неограниченную власть надъ извѣстной долей

наслажденій, доступныхъ богачамъ только благодаря эксплуатациі чужой рабочей силы. Онъ можетъ отказать въ нихъ богачу, и тогда возможность доставить ихъ себѣ инымъ путемъ будетъ всецѣло зависѣть для послѣдняго отъ благоприятнаго стеченія обстоятельствъ. Сговорившись, всѣ рабочія страны могутъ, не сходя съ почвы строгаго права частной собственности, спокойно дать ему умереть съ голоду или даже приобрести отъ него законнымъ порядкомъ все его имущество за кусокъ насущнаго хлѣба. Какъ ни мало правдоподобно полное осуществленіе подобной мысли, тѣмъ не менѣе въ эпоху грандіозныхъ стачекъ и международныхъ ассоціацій не трудно понять, что даже несовершенное примѣненіе ея можетъ имѣть важныя послѣдствія. Наоборотъ, въ случаѣ побѣды коммунистическаго принципа многія стороны современнаго общественнаго строя могли бы на нѣкоторое время остаться, по разнымъ утилитарнымъ соображеніямъ, въполнѣ неприкосновенными.

Стремленіе разума къ улучшенію отношеній, установленныхъ безсердечной борьбой за существованіе, требуетъ прежде всего ослабленія существующаго между людьми неравенства, болѣе нормальнаго отношенія между трудомъ и наслажденіемъ, и уничтоженія послѣднихъ остатковъ рабства, сознательно жертвующаго одной частью человѣчества, чтобы доставить другой части дѣйствительно человѣческое существованіе. При этомъ главными камнями преткновенія на почвѣ частной собственности, при современной формѣ ея организаціи, являются — *право наслѣдства и земельная рента.*

Что касается принципа *наслѣдственной передачи*, то онъ быть-можетъ слишкомъ глубоко коренится въ человѣческой природѣ, чтобы когда нибудь потерять всякое значеніе; ясно однако, что форма его проявленія находится въ полной зависимости отъ праваго сознанія данной эпохи, отъ ея представлений о собственности и всѣхъ вообще *приобрѣтенныхъ правъ*. Вопросъ о законной силѣ *приобрѣтенныхъ правъ* для будущаго времени издавна былъ однимъ изъ наиболѣе спор-

ныхъ въ теоріи права. Софистическіе умы старались распространить ученіе, по которому разъ прибрѣтенное право сохраняется законную силу на вѣчныя времена. Подобныя положенія, нелѣпость которыхъ бросается въ глаза всякому мыслящему человѣку, лишь только онъ ясно представитъ себѣ ихъ,—выставляются, разумѣется, единственно для того, чтобы подъ видомъ высшаго убѣжденія хотъ на время спасти тѣ или другія привилегіи, уже осужденныя современными правовыми понятіями. Въ рукахъ краснорѣчиваго и ловкаго софиста подобныя фразы во время практическихъ дебатовъ часто имѣютъ преимущество блестящей и на мгновение ослѣпляющей аргументаціи, которая однако при болѣе спокойномъ разсмотрѣніи разлетается въ прахъ. Однимъ изъ героевъ такой борьбы въ Германіи былъ, какъ извѣстно, *Сталь*,—человѣкъ богато одаренный блестящими софистическими способностями и опиравшійся въ своей пагубной политической дѣятельности повидимому на научное основаніе. Впослѣдствіи впрочемъ была доказана полная бессодержательность этой фиктивной научности, причемъ всѣ ложныя представленія о ненарушимости прибрѣтенныхъ правъ были окончательно разсѣяны.

Правда, можно не соглашаться съ Лассалемъ, когда онъ утверждаетъ, будто къ каждому договору съ самаго начала нужно мысленно прибавлять безмолвную оговорку, что признанное въ немъ для той или другой личности право будетъ имѣть законную силу лишь до тѣхъ поръ, пока законодательство будетъ допускать подобное право. Въ сущности же мы не имѣемъ никакого основанія прибѣгать мысленно къ такимъ оговоркамъ, которыя договоромъ не имѣются въ виду; а такъ какъ идея прогрессивнаго развитія правового сознанія обыкновенно людямъ чужда, то большинство договоровъ и заключается въ томъ убѣжденіи, что не только данное прибрѣтенное право останется вѣчно безъ измѣненія, но также и вообще всѣ правовыя отношенія, на почвѣ которыхъ было прибрѣтено это право. Но такъ какъ правовое сознаніе все-

таки измѣняется и во многихъ отношеніяхъ должно вмѣстѣ съ прогрессомъ человѣчества измѣняться, то въ результатѣ получается тотъ простой фактъ, что единичное право не можетъ и не должно сохранять свою силу вопреки общему правосознанію, какова бы ни была невысказанная мысль того, кто прибрѣлъ право.

«Столь же невозможно загнать подобный клинъ въ правовую почву, какъ невозможно вообще вбить колъ въ землю и требовать при этомъ полной неподвижности его въ то время, какъ почва вокругъ приходитъ въ движеніе»... «Вотъ каковъ истинный смыслъ часто повторяемаго афоризма: «противъ права нѣтъ права»... «Отсюда становится очевидно вся неосновательность и глубокая несправедливость оглушительнаго корыстнаго крика, который всегда поднимаютъ личности, обладающія даннымъ правомъ, лишь только общественная мысль въ процессѣ своего развитія доходитъ до сознанія необходимости отмены какого нибудь существующаго права, наприкладъ крѣпостного, оброчнаго, барщиннаго, леннаго, маіоратнаго, заповѣдныхъ лѣсовъ, податныхъ льготъ, и т. д.»

По этому несомнѣнно-вѣрному теоретическому воззрѣнію *право наслѣдства* можетъ и должно быть немедленно вычеркнуто, подобно средневѣковымъ феодальнымъ правамъ, изъ списка нашихъ общественныхъ установленій, лишь только общественное правовое сознаніе выскажется противъ него столь же опредѣленно, какъ оно высказалось противъ феодальныхъ правъ.—Разумѣется, на это еще долго нельзя надѣяться, ибо право наслѣдства есть не только любимое право всякаго рода аристократіи, но успѣло даже сдѣлаться дорогимъ сердцу землевладѣльцевъ въ странахъ съ мелкимъ землевладѣніемъ. Вообще можно сказать, что оно почти во всѣхъ классахъ общества, кромѣ рабочаго пролетаріата и социалистическихъ теоретиковъ, все еще продолжаетъ считаться наиболѣе неприкосновенною основой общества и до извѣстной степени даже несомнѣннымъ установленіемъ самой природы. Съ другой сто-

роны, влияние его на усиление социального неравенства людей так велико, контраст между его проявлениями и идеей социальной справедливости, желающей предоставлять каждому плоды его труда, столь разителен, что право наследства постоянно подвергалось все больше и больше сильным нападкам и будет впредь им подвергаться до тех пор, пока наконец и общественное мнение не займет иного положения относительно этого вопроса.

Мы еще раз напоминаем, что отмена или по меньшей мере ограничение права наследства не предполагает непременно коммунистического строя общества, но столь же легко возможно и при строгом проведении противоположного принципа. Можно даже сказать, что совершенно последовательный индивидуализм должен прямо требовать устранения наследственной передачи имущества, если он серьезно стремится основывать право собственности, согласно принципам индивидуалистической политической экономии, на личном труде.

Вдумавшись несколько глубже в дело, не трудно будет отрешиться от предвзвеса, будто из понятия о собственности необходимо вытекает право личности делать относительно принадлежащего ему имущества произвольные по смертным распоряжения, обязательные для потомства на вечные времена.

Такое воззрение лежит в основе римского права наследства, которое, как это признавал уже Лейбниц, предполагает не только идею индивидуального бессмертия *), но, точнее формулированное, даже и языческое представление о бессмертии, признающее рядом с продолжающейся волей

*) Сравнить слова, приводимые Лассалем в заключение его «Теории приобретенных прав»: «Testamenta vero ipso jure nullius essent momenti, nisi anima esset immortalis», т. е. «завещания же в силу самого права не имели бы никакой силы, если бы душа не была бессмертна».

индивида также и не прекращающийся интерес его к земному миру, безплотное, демонически-деспотическое продолжение индивидуального земного существования ⁴²⁾.

А так как ни германское, ни римское понятия о праве наследства не соответствуют уже духу нового времени, то можно с уверенностью предположить, что рано или поздно и эта перемена правового сознания найдет себе выражение в законодательстве. Попробуем же теперь допустить на одну минуту, что законодательство европейской социальной революции, уничтожив все, что было лишь результатом традиции и очевидного предвзвеса, дало бы возможно точное выражение правосознанию ⁴³⁾ современного общества; допустим далее, что оно, как это всегда бывает в эпохи революционных переворотов, далеко перешагнуло за черту идеальных представлений об удовлетворительном правовом строе предшествовавшей мирной эпохи,—и мы должны будем признать, что даже и тут вряд ли имело бы место принципиальное устранение наследственной передачи имущества.

Во всяком случае, в сфере существенно римского наследования по завещанию должна исчезнуть передача наследства на произвольных условиях, на-вски определяемых завещателем; а в сфере наследования по закону,—по существу своему германского происхождения,—должно быть уничтожено право участия в наследовании *всего рода* до последних боковых линий включительно. Первое ограничение уничтожило бы в то же время и всякое завещание в пользу учреждений—по всей вероятности вместе с представлением о фиктивной «юридической личности», способной владеть имуществом отдельно от совокупности представляющих ее живых личностей. Наше время не мирится с подобными правоспособными призраками, и если допустить, что может понадобиться затрата имущества или дохода на служение известной идее, известной цели, то нужно требовать, чтобы распоряжение этими средствами было предоставлено вполне свободному благоусмо-

грѣнію тѣхъ личностей, которыя въ данное время являются представителями этой идеи.—Если опредѣленная идея угасла или видоизмѣнилась въ потомствѣ, она не можетъ уже послѣ своей смерти быть правоспособной. Распоряжаться могутъ только живые; идея, переставшая жить въ умѣ живыхъ личностей, не должна лицемерно сохранять фикцію жизни, посредствомъ юридически обезпеченнаго вліянія на распределение имущества и доходовъ и преграждать такимъ образомъ путь дѣйствительной жизни.—Что же касается права наслѣдованія по закону, то стоитъ только бросить взглядъ на наши современныя соціальныя условія, чтобы понять, что бывшее значеніе рода или патріархальной семьи отчасти окончательно исчезло, отчасти быстро исчезаетъ, если оно не поддерживается искусственно противорѣчащими духу времени узаконеніями наслѣдственнаго права. *Неприкосновеннымъ останется*, по всей вѣроятности даже при самомъ коренномъ переворотѣ, съ одной стороны *право чисто-дарственной передачи* въ случаѣ смерти, а съ другой—переходъ владѣнія *отъ родителей къ дѣтямъ*, причемъ однако нѣтъ ничего невѣроятнаго, что будетъ ограничено право передавать наслѣдственнымъ или дарственнымъ путемъ слишкомъ крупнаго состоянія. *Стюартъ Милль*, который могъ, безъ ущерба для своей популярности среди имущихъ классовъ, предлагать полную отмену права побочныхъ родственниковъ на наслѣдство, а въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ предоставлять наслѣдство *государству*, очень вѣрно замѣчаетъ, что съ одной стороны нужно предоставить завѣщателю полную свободу располагать своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, а съ другой—установить границу, «до которой личность имѣетъ право пріобрѣтать собственность исключительно въ силу чужой милости, безъ всякаго напряженія личныхъ способностей» ⁴⁴).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что даже владѣніе частной собственностью могло бы быть воспрещено, но только при условіи, что всеобщее правосознаніе успѣло дѣй-

ствительно сдѣлаться коммунистическимъ. Далѣе совершенно ясно, что это всеобщее правосознаніе далеко не тождественно съ такъ называемымъ «общественнымъ мнѣніемъ». Это послѣднее, собственно говоря, указываетъ лишь господствующее въ данную минуту направленіе колеблющихся воззрѣній средняго слоя населенія; правовое же сознаніе общества (смотри прим. 43) живетъ во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія; очень часто случается даже, что оно пробуждается къ жизни именно среди угнетенныхъ и презираемыхъ сословій, какъ это имѣло мѣсто въ дѣлѣ распространенія христіанскаго ученія. «Общественное мнѣніе» въ Римѣ не возставало противъ рабства въ то время, какъ христіанство, въ борьбѣ съ тогдашними соціальными условіями, учило уже считать рабовъ братьями. Изъ этого слѣдуетъ во всякомъ случаѣ, что *коммунизмъ*, если ему уже суждено когда нибудь сдѣлаться истинной формой всеобщаго правосознанія, пріобрѣтетъ право на существованіе, и притомъ гораздо болѣе высокое, чѣмъ какое отведено индивидуальной собственности. Многіе, пожалуй, подумаютъ, что такое ученіе даетъ полный просторъ коммунизму, такъ какъ предполагается, что неимущія массы естественно стоятъ всегда за «*дѣлежъ*». Намъ возразятъ, пожалуй, что подобнаго правосознанія нѣтъ, да и быть вообще не можетъ, потому что существованіе его было бы прямо равносильно всеобщему стремленію къ несправедливости. Людямъ науки, юристамъ и политико-экономамъ слѣдуетъ опредѣлять, что должно считать разумнымъ, доказывать всю нелѣпость и бессмысленность коммунизма,—а задача правительства сводится въ данномъ случаѣ къ защитѣ существующаго строя согласно ихъ ученіямъ; уголовныя законы существуютъ между прочимъ для того, чтобы охранять народъ отъ развращающаго вліянія тлетворныхъ теорій; противозаконныя попятныя должны быть сдерживаемы остріемъ меча, которымъ вѣдь не даромъ вооружена власть... Но тутъ консерваторы заходятъ слишкомъ далеко. Разумѣется, они правы лишь до тѣхъ поръ, пока призываютъ государствен-

ную власть дѣйствительно на борьбу съ необузданнымъ своеволіемъ. Сущность же вопроса заключается въ томъ, существуетъ ли такое всеобщее правосознаніе, которое, хотя медленно и втеченіе большихъ періодовъ, но несомнѣнно продолжаетъ развиваться, и которое на современной ступени развитія есть *истинное основаніе существующихъ установлений и дѣйствительный источникъ всеобщаго повиновенія законамъ*. Это можетъ отвергать лишь тотъ, кто воображаетъ, будто единоуздкою народа служить страхъ передъ уголовной карой и военной силой. Этотъ оскорбительный для челоѣчества взглядъ легко опровергается простымъ культурно-историческимъ наблюденіемъ, что *увеличеніе общественнаго порядка шло всегда рука объ руку со смягченіемъ уголовного законодательства*.

Дѣйствительно, слѣды всеобщаго правосознанія и его прогресса въ исторіи до того очевидны, что никому не пришло бы въ голову отрицать этотъ грандіозный процессъ, еслибы нашелся какой нибудь другой, болѣе состоятельный способъ отдѣлаться отъ мысли, что современные учрежденія, при которыхъ намъ живется такъ удобно, могутъ когда нибудь уступить мѣсто неизвѣстному новому порядку. Что же касается въ частности коммунизма, то мысль о немъ для большинства людей такъ страшна, что они предпочитаютъ отрицать не только его возможность, но даже и самую мыслимость; а съ другой стороны этотъ страхъ рождаетъ мысль, что ужасный призракъ, разъ будучи признанъ возможнымъ, скоро ворвется съ своимъ кровавымъ факеломъ въ дѣйствительность и обратитъ въ пепелъ зданіе существующаго порядка.

Мы лично не можемъ согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Признавая, съ одной стороны, коммунизмъ вполне мыслимымъ и утверждая, что онъ необходимо одержитъ верхъ надъ частной собственностью, разъ дѣйствительно проникнетъ во всеобщее правосознаніе,—мы, съ другой стороны, не можемъ однако не отрицать наличности въ настоящее время коммунистическаго правосознанія. Проявленіе аппе-

тита къ «дѣлежу» имущества, въ своей грубой формѣ, не можетъ продержаться въ виду соціального просвѣщенія, все глубже проникающаго въ массы. Теперь они довольно ясно сознаютъ, что раздѣленіе всѣхъ наличныхъ богатствъ (исключая земли, особенную роль которой мы намѣрены еще разсматрѣть впоследствии) между бѣдствующими милліонами не доставило бы еще никому счастья. Поэтому, если придаютъ еще значеніе анекдоту о находчивости *Ротшильда*, который выплатилъ своимъ рабочимъ, пожелавшимъ приступить къ равномѣрному дѣлежу его состоянія, каждому по десяти талеровъ, то только въ качествѣ удачной иллюстраціи мысли, успѣвшей уже приобрести право гражданства. Кромѣ того слѣдуетъ еще отрицать «коммунистическій» характеръ этой идеи «дѣлежа» въ ея грубѣйшей формѣ. Она, напротивъ, насквозь пропитана принципомъ *частной собственности*. Тотъ пролетарій, который усвоилъ одну лишь идею «дѣлежа», мечтаетъ *сохранить* свою долю *для себя*. Онъ желалъ бы или непосредственно потребить ее, или даже пустить ее въ оборотъ для наживы. Его идеалъ—временное уравниеніе имущества съ сохраненіемъ старыхъ общественныхъ формъ,—нѣчто вродѣ *сисактин* (уничтоженія долговыхъ обязательствъ) у древнихъ афинянъ, при которой прежніе гражданскіе законы продолжали существовать во всей неприкосновенности, и лишь ихъ послѣдствія временно уничтожались путемъ внезапной отмены долговъ. Если оставить въ сторонѣ преступный хищническій аппетитъ отдѣльныхъ личностей, то мысль о «дѣлежѣ» есть лишь проявленіе неопредѣленной и смутной идеи первоначальнаго и прирожденнаго равенства всѣхъ людей. Идея эта тогда именно должна быть всего живѣе, когда разниа въ благосостояніи отдѣльныхъ классовъ народа становится всего рѣзче. И если въ такое время установленный порядокъ испытываетъ потрясенія, то опасность всего сильнѣе тамъ, гдѣ не существуетъ никакихъ соціальныхъ теорій. Рабочій, придерживающійся какой нибудь коммунистической системы, въ моментъ подобнаго

общественного переворота прежде всего подумаетъ объ организаціи временнаго правительства; а консервативный пролетарій съ легкимъ сердцемъ примется разрушать и грабить ⁴⁵). Одинъ будетъ стараться осуществить въ жизни свои идеалы; другой поспѣшитъ воспользоваться удобнымъ моментомъ. Разумѣется, и простое уравненіе имущественныхъ отношеній можно возвести въ теорію: такая попытка была сдѣлана Моисеемъ, установившимъ *годы отпущенія*. Но этого нѣтъ ни въ одной изъ новѣйшихъ теорій; онѣ, наоборотъ, всѣ стремятся установить посредствомъ новыхъ формъ законодательства такой строй, который сдѣлалъ бы излишнимъ кризисы періодическаго уравненія, такъ какъ устраняетъ возможность значительнаго неравенства. Въ новѣйшее время чисто-коммунистическія теоріи играли во всякомъ случаѣ довольно значительную роль, особенно во Франціи; но если вдуматься поглубже въ эти теоріи и попытки, то не трудно будетъ убѣдиться, что всѣ онѣ либо даютъ намъ лишь крайне неопредѣленные и утопическія картины будущности, не находяція въ массахъ ни малѣйшаго сочувствія, либо переходятъ прямо на почву *добровольнаго, самоотверженнаго опыта*. Почти всѣ такія попытки носили въ большей или меньшей степени *религіозный* характеръ и клонились болѣе къ тому, чтобы посредствомъ созданія экзальтированной секты явить міру картину новаго счастья, чѣмъ къ тому, чтобы принудить государство къ коммунистическимъ мѣропріятіямъ. Стоитъ только поближе приглядѣться хотя къ одной изъ нихъ.

29-го января 1848 года по улицамъ и бульварамъ Парижа двигался торжественный кортежъ мужчинъ, однообразно одѣтыхъ въ короткія черныя бархатныя куртки и круглыя бѣлыя шляпы и распѣвавшихъ гимны въ честь новоявленнаго земного рая. Вдали отъ притѣсненій и алчности Старога Свѣта, въ Америкѣ, собирались они основать новое государство—*Икарію*, на коммунистическихъ началахъ. Въ Техасѣ была закуплена громадная территорія; значительныя денежныя сред-

ства были пожертвованы на это дѣло экзальтированными филантропами; кортежъ, составлявшій лишь авангардъ цѣлой арміи мужчинъ, женщинъ и дѣтей, намѣревавшихся вкусить коммунистическаго счастья въ Икаріи, былъ въ избыткѣ снабженъ всевозможными машинами и инструментами, книгами, провіантомъ, оружіемъ и палатками; не были забыты даже аптека и два врача; всѣ ремесла имѣли среди эмигрантовъ своихъ представителей.

Кабэ—изобрѣтатель, владѣлецъ, законодатель и патріархъ Икаріи,—сопровождалъ поѣздъ только до Гавра, намѣреваясь отправиться въ путь впослѣдствіи, вмѣстѣ съ главной арміей. Такъ началось предпріятіе, конецъ котораго отмѣченъ многотрудными скитаніями, страшными болѣзнями, безконечными распрями и всеобщимъ разочарованіемъ. Дорогою и ужасною цѣной суждено было самому Кабэ искупить эту попытку осуществленія утопіи. Изгнанный своими икарійцами, покинутый друзьями, вдали отъ семьи, онъ умеръ въ нищетѣ и одиночествѣ.

Въ самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ фантазіяхъ и опытахъ, начиная отъ почти безразсудныхъ теорій *Фурье* и кончая достойными уваженія предпріятіями благороднаго *Оуэна*, постоянно повторяется эта черта. Коммунисты, даже уничтожая частную собственность, продолжаютъ еще питать къ ней уваженіе. За исключеніемъ *Бабѣфа*, который понималъ возмущеніе бѣдныхъ противъ имущихъ въ его самой грубой и насильственной формѣ, всѣ они болѣе или менѣе рассчитывали на добровольную уступку, и вовсе не потому только, что у нихъ не хватало *силы* провести свои воззрѣнія инымъ путемъ въ жизнь, но также и потому, что ихъ *принципъ* требуетъ безусловнаго добровольнаго согласія. Они не уничтожаютъ въ государствѣ частной собственности, они только создаютъ высшую форму собственности, коллективное имущество общины, объединенной нравственными узами. То обстоятельство, что они въ лицѣ этой общины хотятъ выставить примѣръ,

которому могло бы слѣдовать по возможности все человѣческое общество; что для нихъ самое государство становится болѣе или менѣе безразличнымъ и лишнимъ; что они по возможности стараются переселиться на свободный клочекъ земли, гдѣ ихъ община могла бы въ то же время быть и государствомъ,—все это такія стороны ихъ ученія, съ которыми современныя правительства могли бы примириться. Конечно, еслибы подобнымъ коммунистическимъ союзамъ была бы предоставлена полнѣйшая свобода дѣйствій,—какъ того требуютъ принципы справедливости,—то дѣйствительно все государство могло бы постепенно раздробиться на множество подобныхъ общинъ и въ концѣ концовъ торжество этого новаго всеобщаго правосознанія могло бы повести къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ частной собственности. Но это случится не такъ скоро. Предварительно должно произойти созданіе общинъ,—процессъ, каждый фазисъ котораго требуетъ громадной затраты фанатическаго одушевленія и самоотверженной настойчивости. Всякій согласится поэтому, что пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ затѣи коммунистовъ поведутъ къ полному уничтоженію частной собственности. Впрочемъ до сихъ поръ почти всѣ опыты коммунистическихъ организацій не только были неуспѣшны, но и обходились чрезвычайно *дорого*. Послѣднее обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ связи съ вопросомъ о борьбѣ за привилегированное положеніе; ибо, уничтожая въ своей средѣ всякое неравенство, коммунисты не попытались серьезно рѣшить эту проблему для всего человечества. Здѣсь конечно не принимаются въ расчетъ фантастическіе планы *Фурье*, какъ напр. его проектъ погашенія англійскаго государственнаго долга при помощи производства куриныхъ яицъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. На бумагѣ всѣ социальныя проблемы рѣшаются легко. Но, какъ извѣстно, попытки осуществленія коммунистическихъ теорій въ обширныхъ размѣрахъ потребовали значительныхъ затратъ *капитала*, и это обстоятельство гораздо знаменательнѣе простого

факта неудачи; ибо вѣдь удавалось же *Оуэну* въ его колоніи «Новая Гармонія» не разъ добиваться при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ весьма значительныхъ результатовъ. Но все въ концѣ концовъ разбивалось о недостатокъ капитала, вслѣдствіе чего и самое удачное изъ подобныхъ предприятий носило бы характеръ тепличнаго растенія. Результаты этого добровольнаго «дѣлежа» тѣ же, какъ и недобровольнаго. Еслибы вдругъ произошло чудо, и у всѣхъ милліонеровъ забилося сердце Оуэна, еслибы всѣ они основали удачныя коммунистическія колоніи, и еслибы всѣ ихъ колоніи пустили прочные корни,—то большинство людей все-таки оставалось бы исключено изъ нихъ и стало бы по всей вѣроятности, вслѣдствіе конкуренціи съ новымъ міровымъ принципомъ, жертвою сугубаго бѣдствія. Коммунисты могли бы даже вырождаться просто въ новое аристократическое племя. Человѣчество вступило бы тогда въ новый и быть-можетъ весьма интересный фазисъ, но этотъ фазисъ былъ бы весьма далекъ отъ надеждъ, возлагаемыхъ массами на социальное движеніе.

Мы выяснили, что коммунизмъ не только въ ближайшемъ, но и въ отдаленномъ будущемъ не представитъ дѣйствительной опасности для частной собственности. Мы пишемъ это вовсе *не для того, чтобы успокоить имущихъ*: вѣдь наша цѣль, наоборотъ,—*пробудить ихъ отъ пріятнаго сна, отъ увѣренности въ безопасности* и показать имъ, что имъ слѣдуетъ заботиться о судьбѣ ближнихъ, если они хотятъ надолго обезпечить свою собственную безопасность. Мы отрицаемъ ту опасность просто потому, что ея дѣйствительно не существуетъ. Еслибы намъ пришлось допустить ея существованіе, то это съ нашей точки зрѣнія въ сущности уже заключало бы въ себѣ признаніе самаго коммунизма; ибо онъ тогда лишь дѣйствительно упразднитъ частную собственность, когда сдѣлается общей формулой правосознанія. Конечно коммунистическія стремленія легко могутъ вызвать частныя социальныя потрясенія, не сопровождаемыя собственно настоящимъ переворо-

томъ, тѣмъ болѣе, что наши законодательства, а въ особенности обычные административные приемы препятствуютъ даже самымъ невиннымъ социальнымъ экспериментамъ. Очевидно, въ этомъ отношеніи должна быть предоставлена полная свобода, насколько это не наноситъ прямого вреда неоспоримымъ интересамъ всего общества. Но къ такимъ интересамъ нельзя причислить уваженіе къ господствующему предразсудку, ибо предубѣжденіе отъ начала вѣковъ становилось поперекъ дороги всякому значительному прогрессу человечества. — Напротивъ, однимъ изъ первыхъ шаговъ человечества, сознававшего свои задачи, должно быть окончательное и полное устраненіе доктрины, принципъ которой сводится къ упроченію обычныхъ предразсудковъ и къ увѣковѣченію нравственнаго и интеллектуальнаго міросозерцанія извѣстной эпохи посредствомъ притѣсненія несогласныхъ съ нимъ. Наше требованіе неограниченной свободы для коммунистическихъ опытовъ, поскольку они *не причиняютъ ущерба лицамъ непричастнымъ*, — относится съ тѣмъ большимъ основаніемъ ко всѣмъ тѣмъ социальнымъ опытамъ, которые ближе подходятъ по своимъ принципамъ къ современному строю, въ особенности ко всевозможнымъ товариществамъ и ассоціаціямъ, безразлично, входятъ ли или не входятъ коммунистическіе элементы въ ихъ организацію. Чтобы доставить необходимый просторъ ихъ свободному развитію, разумѣется, еще недостаточно косвенно гарантировать права «юридическихъ личностей» посредствомъ неопредѣленнаго и приэтомъ все еще слишкомъ стѣснительнаго *спеціального законодательства*; для этого потребуется *радикальная реформа права*, которая бы *разъ навсегда* устранила эти *фактивныя личности* и замѣнила ихъ общими и примѣнимыми къ любому частному случаю нормальными уставами, *опредѣляющими имущественныя и другія права подобныхъ ассоціацій*.

Но, признавая такимъ образомъ, что государство *въ сферѣ частного права* должно давать просторъ свободнымъ предпріятіямъ, основаннымъ на коллективномъ трудѣ и коллективной

собственности, мы нисколько не думаемъ отрицать, что и *въ публичномъ правѣ* слѣдуетъ отдавать предпочтеніе коммунистическому принципу предъ идеей индивидуализма, поскольку это можетъ противодѣйствовать коренному злу — *концентраціи имущества*, и сломить перевѣсъ капитала надъ трудомъ. Точнѣе сказать, все дѣло сведется можетъ-быть къ тому, чтобы *изъять* извѣстныя области социальной жизни *изъ вѣдѣній частного права и подчинить ихъ публичному*. Цѣлесообразность и историческое развитіе привели уже въ отдѣльных случаяхъ къ замѣнѣ частнаго хозяйства государственнымъ, какъ напр. по отношенію къ почтамъ, отчасти желѣзнымъ дорогамъ, телеграфамъ и банкамъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ принципиальномъ опредѣленіи той области, которая по самой природѣ своей должна находиться въ собственности всего общества, зависѣть отъ его законодательства и управленія и согласно нормѣ публичнаго права передаваться отдѣльнымъ лицамъ лишь въ частное пользованіе, но не въ безусловное распоряженіе.

Важнѣйшій изъ очередныхъ теперь вопросовъ — вопросъ о *собственности на землю*.

Гдѣ частная земельная собственность возникла согласно приведенному выше воззрѣнію Канта, тамъ она раньше всего подвергается нападкамъ и по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ въ Англіи, не въ далекомъ будущемъ получить практическое значеніе требованіе, чтобы земля вообще была изъята изъ числа объектовъ частной собственности и признана общественной собственностью, отдаваемою въ пользованіе за извѣстное вознагражденіе тому члену, который можетъ обрабатывать ее наиболѣе продуктивно и съ наибольшей выгодой для всего общества. Уже въ предыдущей главѣ мы видѣли, какое громадное значеніе отводитъ *Марксъ* вопросу о частной поземельной собственности въ исторіи и критикѣ нашихъ социальныхъ отношеній. Здѣсь же намъ надо заняться теоретическимъ анализомъ другого и болѣе общаго вопроса, кото-

рый можно формулировать приблизительно так: *вліяетъ ли право частной поземельной собственности концентрирующимъ образомъ на процессъ накопленія имуществъ*? Вопросъ этотъ въ сущности есть не что иное, какъ вопросъ о *поземельной рентѣ*, такъ много разъ уже подвергавшійся обсужденію въ политической экономіи; но онъ здѣсь выраженъ въ такой формѣ, которая съ самаго начала устраняетъ множество недоразумѣній, предотвращаетъ пустыя словопренія и выдвигаетъ самую сущность вопроса.

Понятіе о «поземельной рентѣ» сдѣлалось излюбленной темой политико-экономическихъ споровъ. Поэтому нужно позаботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы не было никакихъ недоразумѣній и разногласій въ употребленіи этого термина.

Первоначально земельная рента была оброкомъ сюзерену за пользованіе землею, собственникомъ которой онъ себя провозгласилъ въ силу права завоевателя. Впослѣдствіи подъ этимъ терминомъ въ обыденной жизни понимали иногда вообще все, что арендаторъ долженъ былъ платить собственнику за пользованіе его земельнымъ участкомъ, иногда же лишь тѣ, лежащія на самой землѣ и неуничтоженные до новѣйшаго времени, платежи, которые и самъ собственникъ долженъ былъ платить третьему лицу, — безразлично, установлены ли они были непосредственно въ феодальную эпоху, или же возникли по договору въ позднѣйшія времена аналогично феодальнымъ платежамъ. Если принять понятіе земельной ренты въ послѣднемъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, то сдѣлается очевиднымъ, что покупатель земельного участка, обремененнаго подобными земельными рентами, долженъ былъ кромѣ процентовъ на капиталъ, затраченный на покупку и всевозможныя улучшенія, выручить еще и земельную ренту, прежде чѣмъ могъ думать о вознагражденіи за трудъ. А такъ какъ подобное положеніе дѣлъ встрѣчалось очень часто, то нѣтъ ничего удивительнаго, что земельную ренту стали считать особымъ факторомъ земельного дохода. Когда подобный собственникъ отдавалъ свой

участокъ въ аренду, то вся рента, которую онъ долженъ былъ требовать, чтобы не потерпѣть убытка («земельная рента» въ вышеупомянутомъ *широкомъ* значеніи слова), составлялась опять-таки изъ процента на основной капиталъ (состоящій въ свою очередь изъ капитала, затраченнаго на покупку, и капитала, затраченнаго на улучшенія) и изъ земельной ренты въ *болѣе тѣсномъ* значеніи слова, которую онъ обязанъ былъ платить третьему лицу, если только онъ ее не навязывалъ арендатору. Земельный участокъ, *не* обремененный земельной рентой (въ тѣсномъ значеніи слова), естественно *цѣнился выше*. Еслибы исходили изъ этого болѣе простаго случая, то скоро пришли бы къ заключенію, что земельная рента — каковы бы ни было ея происхожденіе — можетъ быть разсматриваема, какъ рента *на капиталъ*, отданный въ безвозвратную ссуду подъ обезпеченіе земли, и что этотъ капиталъ составляетъ долю общей стоимости даннаго земельного участка. Въмѣсто того за исходную точку принимали противоположный случай и предполагали, что земельная рента (въ тѣсномъ значеніи) имѣетъ сама по себѣ не только *историческое*, но и *экономическое* значеніе, и что слѣдовательно каждый участокъ всегда приноситъ земельную ренту, даже въ томъ случаѣ, если она достается самому собственнику, а не какому нибудь постороннему лицу, т. е., другими словами, даже тогда, когда участокъ не обремененъ никакими платежами въ пользу постороннихъ и стоимость его поэтому нормальна. Полагали слѣдовательно, что и въ этомъ случаѣ общую ренту съ затраченнаго на землю капитала слѣдуетъ разлагать на земельную ренту и на ренту собственно съ капитала.

Какъ всегда, наука, прежде чѣмъ провозгласить исторически-сложившіяся категоріи непригодными и отвергнуть ихъ, пытается осмыслить ихъ и объяснить; такъ и въ данномъ случаѣ утверждали, что земельная рента составляетъ вознагражденіе за *первоначальныя производительныя силы почвы*, а рента съ затраченнаго на землю капитала превратилась, со-

образно съ понятіемъ капитала вообще, въ вознагражденіе за *прежній трудъ*, такъ что оборотный капиталъ представляетъ собою трудъ даннаго собственника, продажная-же стоимость имѣнія—трудъ прежнихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ получилось третье понятіе земельной ренты, отличающееся отъ предыдущихъ двухъ эмпирическихъ болѣе раціональнымъ характеромъ. Выведено это третье понятіе ренты *дедуктивно* изъ болѣе тѣснаго эмпирическаго опредѣленія ренты, основаннаго на феодальныхъ условіяхъ.

Вскорѣ это понятіе освободилось отъ своей эмпирической подкладки, и было признано, что «земельная рента» есть вознагражденіе за первоначальныя производительныя силы почвы, но это не значитъ, что размѣръ ея всегда или въ среднемъ выводѣ точно соотвѣтствуетъ размѣру ренты, какъ ее прежде понимали.

Дальнѣйшимъ развитіемъ теорія земельной ренты обязана англійской экономической школѣ, преимущественно *Рикардо*, который внесъ въ нее совершенно новый элементъ, единственный не лишенный значенія при современномъ состояніи науки и послужившій исходной точкой для чрезвычайно важныхъ экономическихъ выводовъ. Но раньше чѣмъ перейти къ этому второму раціональному опредѣленію земельной ренты, мы должны вернуться къ первому, согласно которому она составляетъ вознагражденіе за естественныя производительныя силы почвы, и доказать его несостоятельность.

Разъ установивъ, что подъ *цѣнностью* слѣдуетъ понимать только «*мѣновую цѣнность*», а не *цѣнность въ употребленіи* ⁴⁶⁾, не трудно доказать, что всякая цѣнность основывается на *трудѣ*,—но только не всегда на *трудѣ того, кто владѣетъ данной вещью*. Здѣсь-то и лежитъ центръ тяжести всего соціального вопроса.

Вопросъ о томъ, насколько это опредѣленіе состоятельно, мы оставляемъ пока въ сторонѣ ⁴⁷⁾.

Сотни разъ уже повторяли, что *воздухъ* не имѣетъ мѣно-

вой цѣнности, потому что обладаетъ только *цѣнностью въ употребленіи* (для дыханія): никто не станетъ вымѣнивать у другого то, что можетъ добыть самъ безъ всякихъ затрудненій. Точно также и вода имѣетъ цѣнность въ политико-экономическомъ смыслѣ (мѣновую цѣнность) только тогда, когда должна быть доставляема изъ-далека, т. е. съ затратою *труда*. Гдѣ много свободныхъ земель, тамъ земля сама по себѣ не представляетъ цѣнности; только воздѣлываніе ея создаетъ цѣнность. Подобныя соображенія, для ближайшаго ознакомленія съ которыми мы отсылаемъ къ самымъ распространеннымъ учебникамъ и популярнымъ изложеніямъ политической экономіи, доказываютъ съ достаточнымъ успѣхомъ, что повсюду цѣнность предмета основана на трудѣ, и что цѣна вещи соотвѣтствуетъ цѣнности того труда, который пришлось бы затратить на ея производство, еслибы она не предлагалась уже готовою.

Приложеніе этой теоріи цѣнности къ ученію о земельной рентѣ состояло въ стремленіи доказать, что обычная цѣна земельныхъ участковъ не только не выше, но скорѣе ниже стоимости того труда, посредствомъ котораго они доведены или могли быть доведены до своего даннаго состоянія. Въ цѣнѣ этой слѣдовательно *не* заключается никакого вознагражденія за *самую землю*; другими словами, *земельной ренты не существуетъ*, цѣна земельного участка тождественна съ цѣною труда, затраченнаго на нее прежними владѣльцами, а такъ называемая земельная рента есть не что иное, какъ часть дохода съ капитала, принципиально ничѣмъ не отличающаяся отъ всякаго другого дохода съ капитала.

Намъ незначѣмъ выяснять здѣсь погрѣшности этой аргументации; въ главныхъ чертахъ своихъ она вполне обнаруживаетъ несостоятельность того понятія, которое мы выше называли «первымъ раціональнымъ опредѣленіемъ ренты».

Всѣ логическія основанія, приводимыя въ пользу исторически-сложившейся въ феодальное время земельной ренты, не выдерживаютъ критики, и надо будетъ привыкнуть смотрѣть

и на нее, какъ *на вознагражденіе за трудъ*, конечно только не за «тяжелый и опасный трудъ завоеванія», какъ *полагаетъ Макс Виртъ* *), но за трудъ другихъ лицъ, *присвоенный* завоевателемъ во всякомъ случаѣ не хозяйственнымъ способомъ. На смѣну прежнему понятію о земельной рентѣ явилось въ англійской литературѣ совершенно новое понятіе, не имѣющее ничего общаго съ феодальной земельной рентой. Экономическіе оптимисты, съ Кэри и Бастіа во главѣ, не только не опровергли этого новаго понятія, но даже не поняли его.

Переходную ступень представляетъ теорія *Рикардо*. Онъ, съ одной стороны, утверждалъ еще, будто земельная рента есть плата, получаемая собственникомъ за естественныя и неразрушимыя (а слѣдовательно и независимыя отъ всякой культуры) свойства своей почвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ уже, что истинная причина земельной ренты лежитъ исключительно *въ качественныхъ особенностяхъ данной почвы*. Слѣдовательно, еслибы качества эти были вездѣ одинаковы, то ренты не существовало бы. Она есть *разность* продуктовъ двухъ участковъ, равныхъ по величинѣ и условіямъ культуры, насколько эта разность обуславливается первоначальнымъ качественнымъ различіемъ земли, предшествующимъ всякой культурѣ. Что это понятіе совсѣмъ ново и вполне свободно отъ историческихъ традицій, видно изъ того простого соображенія, что и худшая почва не лишена естественныхъ производительныхъ силъ и въ свою очередь (хотя это и не одно и то-же) могла бы въ феодальное время приносить сюзерену или другому собственнику какой-нибудь, хотя бы менѣе значительный доходъ. Разъ источникомъ ренты служить не сама производительная сила почвы, а только различіе между

*) Ту же мысль мы находимъ подъ одной лубочной картинкой, гдѣ подъ фигурю «*труженика*», *работающаго* съ отмычкою въ рукахъ, находится слѣдующій глубокомысленный стихъ, свидѣтельствующій объ основательномъ знакомствѣ автора съ политической экономіей: «О, какъ долженъ воръ страдать: вѣдь такъ трудно воровать!».

хорошей и дурной почвой, то является совсѣмъ другая постановка всего вопроса. Эта новая постановка не только основательна, но и является исходной точкой для многихъ весьма важныхъ экономическихъ положеній; въ концѣ концовъ вопросъ этотъ является лишь частнымъ случаемъ въ цѣломъ рядѣ другихъ, не менѣе замѣчательныхъ экономическихъ явленій, не имѣющихъ ничего общаго съ первоначальными силами природы, но представляющихъ ту общую черту, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ собственникъ, *въ силу своего права на землю, получаетъ часть продуктовъ труда другихъ лицъ*. Такимъ образомъ ученіе о земельной рентѣ, обязанное своимъ происхожденіемъ заблужденію, становится краеугольнымъ камнемъ новой пристройки къ зданію политической экономіи.

Для наглядности Рикардо представляетъ себѣ территорію данной страны раздѣленною на районы, по степени плодородности, и предполагаетъ, что сначала подверглась обработкѣ лучшая почва. Цѣна хлѣба опредѣляется спросомъ и предложениемъ и будетъ находиться въ естественномъ соотвѣтствіи съ цѣнами всѣхъ остальныхъ товаровъ. Положимъ теперь, что населеніе страны такъ возросло, что необходимо подвергнуть обработкѣ почву худшаго качества, чтобы увеличить сумму жизненныхъ припасовъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ условія труда, затраченнаго на участкѣ худшаго качества, должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ условіями всего остального труда *) данной мѣстности, потому что въ противномъ случаѣ, несмотря на приростъ населенія, къ данному участку рабочія силы приливать не будутъ. Дѣйствительно, въ жизни часто наблюдается, что одновременно съ общимъ увеличеніемъ на-

*) Т. е. какъ это обыкновенно изображается въ подобныхъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ: стремленіе въ этому уравниенію лежитъ въ самихъ условіяхъ и проявляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, хотя въ явленіяхъ дѣйствительной жизни, обусловленныхъ различными одновременно дѣйствующими вліяніями (напр. привязанностью къ землѣ, привычкой и т. д.), это не всегда выясняется безъ помощи анализа.

родонаселенія въ странѣ отдаленныя горныя долины и малоплодородныя плоскогорія пустѣютъ, благодаря расцвѣту промышленности, такъ какъ трудъ въ промышленныхъ округахъ лучше оплачивается. Но изъ этихъ густо заселенныхъ округовъ культура тогда скоро распространяется и на худшую почву, такъ какъ здѣсь эта культура частью легче, вслѣдствіе избытка удобрения, частью прибыльнѣе, вслѣдствіе высокихъ рыночныхъ цѣнъ, частью же даетъ, благодаря преимуществамъ сочетанія земледѣльческой и промышленной дѣятельности, больше вознагражденія, чѣмъ трудъ въ отдаленной мѣстности, хотя бы и на лучшей почвѣ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать закономъ, что даже наименѣе доходный участокъ, т. е. участокъ, приносящій при одинаковомъ количествѣ труда наименьшее количество продуктовъ, *даетъ еще обычный процентъ на затраченный капиталъ и возвращаетъ заработную плату*, потому что иначе его совсѣмъ не стали бы обрабатывать. А если это такъ, то лучшая почва (т. е. въ данномъ случаѣ не *абсолютно самая плодородная*, а лишь лучше оплачивающая основной и оборотный капиталъ) необходимо должна *давать еще нѣкоторый излишекъ* сравнительно съ доходомъ, который получался на капиталъ и трудъ прежде, когда обрабатывалась почва только этого качества. Вотъ этотъ то излишекъ и составляетъ «земельную ренту» въ смыслѣ Рикардо; только съ нею теперь и имѣетъ дѣло наука, хотя это понятіе въ настоящее время совершенно видоизмѣнилось, значительно сѣзилось въ одномъ отношеніи, а съ другой стороны, какъ мы увидимъ, приобрѣло способность значительно расшириться въ примѣненіи къ фактамъ дѣйствительной жизни.

Устанавливая это новое и важное понятіе, Рикардо отчасти оставался понятенъ на почвѣ непригодной традиціи, такъ какъ продолжалъ думать, будто земельная рента есть плата, получаемая собственникомъ за первоначальныя и неразрушимыя, а слѣдовательно и несоздаваемые затраченнымъ ка-

питаломъ силы природы. Конечно, на основаніи теоріи самого же Рикардо, можно это выраженіе поправить, опредѣливъ по-земельную ренту какъ плату, получаемую собственникомъ за *разницу* между естественными неразрушимыми силами его земли и соотвѣствующими силами худшей почвы. Но въ такомъ случаѣ мы касаемся сущности вопроса, а именно разницы въ доходности, а то, что остается отъ традиціи, т. е. понятіе о «первоначальныхъ и неразрушимыхъ силахъ», — именно и ошибочно. Напротивъ, совершенно безразлично, состоитъ ли преимущество экономически-лучшаго участка въ естественной плодородности дѣйственной почвы, или въ стародавнихъ и уже окупившихся ⁴⁸⁾ затратахъ капитала — какъ то: дорогъ, канализаціи, осушеніи болотъ и т. д., — или же наконецъ въ капиталѣ, затраченномъ настоящимъ владѣльцемъ, если только онъ вѣрно разсчиталъ эту затрату примѣнительно къ тогдашнимъ условіямъ: рѣдкому населенію, низкой заработной платѣ и т. д. Въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣетъ преимущество, благодаря тому, что вознагражденіе за его трудъ повысилось вмѣстѣ съ цѣною продуктовъ *помимо участія и предварительнаго учета этого обстоятельства*, и теперь ту же затрату нельзя уже сдѣлать за столь же низкую цѣну. Это преимущество безусловно слѣдуетъ отнести къ земельной рентѣ, если только мы вообще желаемъ быть послѣдовательными въ опредѣленіи ея значенія.

Пока мы будемъ выводять земельную ренту тѣмъ или другимъ путемъ непосредственно изъ производительныхъ силъ почвы, противники земельной ренты будутъ *постоянно правы* съ своимъ возраженіемъ, что *производительныя силы почвы съ экономической точки зрѣнія вполне уравновѣшиваются* основнымъ капиталомъ, каково бы ни было происхожденіе этихъ производительныхъ силъ.

Противники земельной ренты, напротивъ, безусловно *неправы*, когда они, опираясь на вышеприведенное замѣчаніе, пытаются отрицать тѣ выгоды, которыя проистекаютъ для

землевладельца изъ чужого труда, и сводятъ возникающую отсюда прибыль просто къ доходу капитала, вознагражденію за трудъ и преміи за предпринимательскій рискъ.

Когда на это возражаютъ, что то, что мы называемъ земельной рентой, есть лишь особый видъ дохода съ капитала (?), то надо остерегаться пустыхъ словопреній. Все дѣло въ томъ, какое значеніе вы придаете слову «особый».

Если допустить, что этотъ «особый видъ» дохода съ капитала возникаетъ способомъ, совершенно отличнымъ отъ законовъ, обыкновенно устанавливаемыхъ въ политической экономіи относительно доходности капитала, и что онъ имѣетъ для болѣе глубокаго пониманія экономическихъ отношеній фундаментальное значеніе, то по существу дѣла мы не можемъ ничего возразить и попросимъ только позволенія присвоить ради удобства особому понятію особый-же и терминъ. Если при этомъ пожелаютъ, опять-таки во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, выраженіе «земельная рента» замѣнить другимъ, болѣе подходящимъ, мы противъ этого опять ничего не возразимъ и предложимъ выраженіе: «преимущественная рента» (*Prioritätsrente*) *). Если затѣмъ пожелаютъ включить ее въ общее понятіе прибыли на капиталъ, потому именно, что она можетъ доставаться капиталисту вслѣдствіе затраты капитала, то ее слѣдуетъ по крайней мѣрѣ строго отличать отъ обыкновеннаго дохода съ капитала, т. е. процентовъ и предпринимательскаго риска. Но гораздо цѣлесообразнѣе оставить этому понятію совершенно самостоятельное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ извѣстномъ смыслѣ можетъ и относительно вознагражденія за трудъ существовать подобная

*) Можно было бы предложить съ одной стороны выраженіе: «монопольная рента» (*Monopolrente*), а съ другой — «дифференціальная рента» (*Differenzialrente*); но намъ кажется, что принятое нами выраженіе соединяетъ въ себѣ все хорошее, что заключается въ этихъ двухъ терминахъ, и кромѣ того предотвращаетъ нѣкоторые недоразумѣнія, которые могутъ быть вызваны каждымъ изъ нихъ.

рента, но подробное разсмотрѣніе этого вопроса мы здѣсь однако для краткости опускаемъ.

Постараемся теперь выяснитъ нѣсколькими примѣрами общее значеніе «преимущественной ренты», на которое мы уже указывали нѣсколько разъ.

Положимъ, что въ странѣ, гдѣ нѣтъ промышленности и свободное заселеніе которой стѣснено патриархальнымъ законодательствомъ, кто-нибудь владѣетъ значительной водяной силой, которую онъ эксплуатируетъ лишь отчасти, при помощи несовершенной мельницы, работающей только для мѣстныхъ потребностей. Положимъ далѣе, что условія его участка и его права таковы, что данной водяной силы можетъ хватить для устройства цѣлой фабрики, но что фабрику въ этой мѣстности нѣтъ. Собственникъ мельницы не извлекаетъ изъ принадлежащей ему водяной силы даже преимущественной ренты, потому что тѣ немногія мельницы, которыя существуютъ въ странѣ, обладаютъ также достаточными, хотя и менѣе значительными водными силами, а если кто-нибудь еще пожелаетъ устроить новую мельницу, то легко найдетъ и новую водяную силу.

Пусть далѣе, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ или по крайней мѣрѣ мѣстными жителями не принятыхъ въ соображеніе событій, установится свобода иммиграціи, и какой-нибудь заѣзжій фабрикантъ находитъ данную водяную силу весьма пригодною для устройства фабрики. Мельникъ замѣтилъ неожиданно подвернувшуюся выгоду и продаетъ свою мельницу вдвое дороже ея прежней стоимости. Тогда двѣ трети продажной суммы составляютъ преимущественную прибыль или капитализированную преимущественную ренту *), которая досталась ему не вслѣдствіе первоначальной затраты капитала (насколько она носитъ характеръ экономического предпріятія, а не безраз-

*) Въ подлинникѣ употреблено выраженіе: *Prioritätsgewinn* (*kapitalisirte Prioritätsrente*).

личного въ этомъ отношеніи факта), но въ силу того обстоятельства, что предметъ, случайно находившійся въ его владѣніи, вдругъ повысился въ цѣнѣ. Эта цѣна не установилась бы, еслибы существовало еще неограниченное количество равныхъ по качеству водяныхъ силъ.

Нашъ случай можетъ послужить основой для второго примѣра. Положимъ, что фабрикантъ уплатилъ за водяную силу соотвѣтствующую цѣну, причемъ его дальнорзкость и предпримчивость вознаграждаются почтеннымъ барышемъ. Два три другихъ фабриканта послѣдовали его примѣру, и такимъ образомъ исчерпаны всѣ водяныя силы, пригодныя въ данную минуту для подобныхъ предпріятій. Положимъ, всѣхъ выгоднѣе сдѣлалъ покупку первый. До сихъ поръ изъ всѣхъ этихъ фабрикантовъ *никто не получаетъ преимущественной ренты*, а всѣ получаютъ только прибыль на капиталъ, причемъ преимущество первого состоитъ лишь въ большей изворотливости, ловкости, технической опытности или же счастливой случайности. — Положимъ, что далѣе, помимо всякаго участія и ожиданія нашихъ фабрикантовъ, произошло нѣкоторое измѣненіе въ условіяхъ ихъ отрасли производства (техническія изобрѣтенія, повышеніе цѣнъ на всемірномъ рынкѣ вслѣдствіе увеличенія потребленія и т. д.), которое сдѣлало возможнымъ утилизировать и менѣе хорошія водяныя силы, хотя и при менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Тогда всѣ владѣльцы водяныхъ силъ перваго разряда тотчасъ начнутъ получать преимущественную ренту.

Перейдемъ къ третьему примѣру. Предположимъ, что въ прекрасную мѣстность, до сихъ поръ избавленную отъ прибыльнаго нашествія туристовъ, вдругъ хлынулъ потокъ знатныхъ иностранцевъ и проникъ въ самыя отдаленныя долины, разыскивая наиболѣе красивыя убѣжища и величественныя горныя виды. Тогда не только содержатели гостиницъ, но и собственники всѣхъ участковъ съ первоклассными пейзажами начнутъ получать преимущественную ренту; впоследствии,

когда притокъ чужестранцевъ усилится до такой степени, что для нихъ потребуются и второклассныя мѣстности, рента эта будетъ доставаться и спекулянтамъ, настроившимъ въ такихъ мѣстностяхъ гостиницы, между тѣмъ какъ первоклассныя пункты могутъ ожидать для себя сравнительно высшихъ цѣнъ.

Въ земледѣльческой мѣстности открывается фабрика, рассчитанная на свекловичную культуру; тогда тотчасъ ближайшіе къ фабрикѣ и наиболѣе пригодные для свекловицы участки начинаютъ давать преимущественную ренту.

Участки, превращающіеся, вслѣдствіе неожиданнаго открытія желѣзно-дорожной станціи, новой улицы или гавани и т. д., въ мѣста удобныя для построекъ, начинаютъ тотчасъ приносить, въ сравненіи съ болѣе отдаленными пунктами, преимущественную ренту. Какойнибудь пунктъ города, до тѣхъ поръ мало посѣщавшійся, становится, благодаря разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, вдругъ центромъ оживленнаго движенія; тотчасъ наиболѣе удобно расположенныя гостиницы, магазины и т. д. начинаютъ приносить преимущественную ренту.

Относительно быстро развивающагося города, правда, не всегда можно на практикѣ провести границу между удачнымъ расчетомъ и преимущественной рентой; но принципиально это различіе вполне ясно, и обыкновенно всевозможнымъ собственникамъ старыхъ центровъ городского движенія всегда будетъ доставаться съ возникновеніемъ новыхъ предмѣстій и преимущественная рента.

Достаточно немного вдуматься, чтобы доказать, что такого рода примѣры въ жизни встрѣчаются массами, и что мы имѣемъ дѣло не съ частными случайностями, а, напротивъ, съ явленіями столь частыми и общими, что врядъ ли существуютъ какіянибудь недвижимыя имущества, которыя не обусловливались бы ими въ большей или меньшей степени. Но именно поэтому можетъ быть сдѣлано возраженіе, что всѣ эти повышенія цѣнности, которымъ можно бы противопоставить

и соответствующія *пониженія* ея, могут быть подведены подъ категорию обыкновеннаго *риска*. Говорятъ, что тотъ, кто помѣщаетъ капиталъ въ землю, долженъ быть готовъ на пониженіе ея цѣнности вслѣдствіе вышеупомянутаго рода переменъ; слѣдовательно, соответствующее повышеніе цѣнности принадлежитъ ему безспорно.

Мы отвѣтимъ на это, что вопросъ здѣсь не въ томъ, *имѣетъ ли кто право* на данный видъ прибыли, или нѣтъ, а въ томъ, *имѣется ли вообще* этотъ видъ прибыли и оказываетъ ли онъ *централизующее вліяніе на процессъ образованія имуществъ*. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что соответствіе между вліяніемъ благоприятныхъ и неблагоприятныхъ случайностей здѣсь далеко не полно. Напротивъ, при современномъ непрерывномъ матеріальномъ прогрессѣ, который въ данное время политическая экономія должна считать нормальнымъ ходомъ вещей, случаи пониженія цѣнности составляютъ ничтожное меньшинство. Дѣйствительно, никто, приобретаая недвижимое имущество, не думаетъ о рискѣ пониженія его цѣнности, за исключеніемъ случаевъ покупки городскихъ строеній; меньше всего для этого основанія при покупкѣ чисто-земледѣльческихъ участковъ, гдѣ на сцену выступаетъ *всего меньше замѣтный*, но по своей *распространенности* самый важный видъ преимущественной ренты, именно—«поземельная рента» въ тѣсномъ смыслѣ слова. Скорѣе можно бы утверждать, что во всеобщемъ пристрастіи къ землевладѣнію, рядомъ съ субъективными причинами и рядомъ съ увѣренностью (обыкновенно преувеличенной) въ обезпеченности дохода съ земли, оплачивается независимо отъ всякаго разсчета еще и неопредѣленная надежда на то, что рано или поздно получится преимущественная рента; какъ будто съ землей продается лотерейный билетъ на возможный будущій выигрышъ. Но и эти надежды слишкомъ преувеличены, если не соединяются съ сознательнымъ разсчетомъ на усиленіе обмѣна. Вопросъ о томъ, соответствуетъ ли вышеуказанная преимущественная рента са-

мымъ широкимъ понятіямъ обыкновенныхъ шансовъ на успѣхъ или неуспѣхъ предпріятій,—можетъ служить для изощренія остроумія только теоретиковъ.

Практически важно,—находится ли эта рента въ согласіи съ другими экономическими понятіями, или нѣтъ,—изучить ее и разяснить ея происхожденіе и въ особенности *соціальное значеніе*. Вотъ въ чемъ заключается сущность вопроса.

Здѣсь не мѣсто предпринимать обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса. Мы намѣрены только намѣтить тѣ соціальные элементы, изъ которыхъ слагается рабочій вопросъ и которые нужно принимать во вниманіе при каждой попыткѣ помочь его рѣшенію.

Намъ однако остается еще выяснитъ, что прибавочная цѣнность, получаемая собственникомъ въ формѣ преимущественной ренты, въ дѣйствительности происходитъ отъ *чужого труда*, что она есть дань, уплачиваемая собственнику имуществъ, имѣющагося въ ограниченномъ количествѣ, тѣми, кто въ немъ нуждается. При этомъ мы имѣемъ въ виду частный случай—«земельную ренту». Если намъ удастся въ этомъ отношеніи привести убѣдительное доказательство, то его легко будетъ потомъ перенести и на всѣ остальные случаи преимущественной ренты, въ которыхъ дѣло по большей части еще гораздо очевиднѣе.

Мы должны начать съ общеизвѣстной противоположности *открытаго* и *замкнутаго хозяйства*⁵⁰⁾. Въ странѣ съ *открытымъ* хозяйствомъ всегда слѣдуетъ предполагать, что къ услугамъ каждаго пришельца имѣется безконечный запасъ одинаково-хорошей земли *).

Въ этомъ случаѣ цѣна продуктовъ земли не можетъ стоять

*) Абсолютно говоря, это совсѣмъ невозможно, такъ какъ даже при отсутствіи всѣхъ остальныхъ различій громадное вліяніе имѣетъ степень отдаленности отъ рынка. Собственно ни въ одной странѣ не существуетъ ни абсолютно открытаго, ни абсолютно замкнутаго хозяйства. Въ дѣйствительности эти различія относительны; но теорія должна разсматривать факторы отдѣльно.

ни замѣтно выше, ни замѣтно ниже, чѣмъ общая цѣнность труда, необходимаго на ихъ производство. Если она повысится, немедленно часть подвижныхъ рабочихъ силъ обратится на земледѣліе; количество обрабатываемой земли увеличивается, предложеніе продуктовъ ея возрастаетъ и цѣна должна понизиться. Если же цѣнность эта падаетъ, то часть земледѣльцевъ разыщетъ болѣе прибыльный трудъ въ остальныхъ отрасляхъ производства, и равновѣсіе будетъ опять восстановлено. Словомъ, мы будемъ имѣть колебанія, а не устойчивую разницу. Если предположить абсолютно замкнутое хозяйство, то мы получаемъ діаметрально-противоположную картину. Плодородная земля вся въ рукахъ опредѣленныхъ владѣльцевъ; незанятой, годной для обработки, почвы нѣтъ, а населеніе растеть или по крайней мѣрѣ стремится возрастать до тѣхъ поръ, пока вообще это допускаетъ наличность жизненныхъ припасовъ. Въ этомъ случаѣ землевладѣльцы пользуются монополіей. Съ того момента, какъ захваченъ послѣдній клочекъ земли,—цѣна ея продуктовъ должна повышаться съ неотразимой необходимостью, вступятъ ли землевладѣльцы между собою въ искусственную стачку, или нѣтъ.

Даже тогда, когда между землевладѣльцами конкуренція достигнетъ своего апогея, конкуренція лицъ, нуждающихся въ хлѣбѣ, всегда будетъ еще сильнѣе. У послѣднихъ нѣтъ средствъ, если они не землевладѣльцы, добыть себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ; они должны пріобрѣтать его путемъ *мѣны*, которая однако вполне измѣнила свой характеръ.

Стоимость продуктовъ земли должна возрасти, между тѣмъ какъ трудъ, потребный на ихъ производство, остается безъ переменъ. Выгоду изъ всего этого извлекаетъ исключительно одинъ *землевладѣлецъ*; такъ какъ заработная плата должна понизиться съ той же неотразимой необходимостью, то паденіе на хлѣбъ цѣны не можетъ принести никакой выгоды земледѣльческому работнику, котораго всегда легко замѣнить другимъ. Поэтому стоимость земли въ такой странѣ возвышается, но

не *вслѣдствіе* затраченного на ея обработку труда, а *вслѣдствіе* того труда, который *долженъ* *затрачиваться* *неимущимъ классомъ населенія* *сверхъ эквивалента*, для того только, чтобы вообще получить свою долю въ существующихъ жизненныхъ припасахъ.

Если земля принадлежит сравнительно немногимъ собственникамъ, которымъ легко вступить въ стачку между собой, и если имъ удастся прекратить свободный ввозъ хлѣба въ страну (это составляетъ принадлежность строго-замкнутого хозяйства), то неизбѣжнымъ результатомъ будетъ либо социальная революція, которая измѣнитъ экономическія отношенія, либо быстрое паденіе неимущаго рабочаго класса до состоянія полного рабства.

Положеніе *Англіи* до отмѣны пошлинъ на хлѣбъ представляетъ, какъ это ясно всякому, нѣкоторое сходство съ этой картиной; но вполне она никогда не можетъ осуществиться, такъ какъ не существуетъ, какъ мы выше замѣтили, ни абсолютно открытыхъ, ни абсолютно замкнутыхъ хозяйствъ.

Въ культурныхъ странахъ, условія которыхъ мы имѣемъ въ виду, нигдѣ уже не существуетъ свободной, никому не принадлежащей земли, но можно ввозить хлѣбъ и взаимно вывозить продукты промышленнаго труда; эмиграція свободна, и въ наличности имѣется еще значительный запасъ частью плохой земли, частью такой, которая можетъ быть дешево пріобрѣтена (пустыри, болота и т. д.), но по своей неводѣльности требуетъ большихъ затратъ. По теоріи американца *Кэри*, нелѣпость которой мы доказали въ другомъ мѣстѣ ⁵¹⁾ подробнѣе, чѣмъ она того заслуживаетъ, свободной всегда оставалась *лучшая* почва, а когда и та подвергнется культурѣ, то еще лучшая, и т. д. до безконечности, такъ что, строго говоря, даже въ самой маленькой странѣ никогда невозможенъ относительный недостатокъ пищи, а слѣдовательно невозможенъ и рабочій вопросъ. Еслибы эта жалкая попытка поставить всю политическую экономію вверхъ ногами не на

шла въ Германіи такого восторженнаго распространенія, то не стоило бы вообще о ней упоминать. Здѣсь достаточно замѣтить, что Кэри въ основаніе своей теоріи кладетъ тотъ фактъ, что пионеры начинаютъ обыкновенно сперва обрабатывать *легкую* почву плоскогорій и затѣмъ уже переходятъ къ *тяжелой*, плодородной, но зато труднѣе поддающейся обработкѣ, почвѣ рѣчныхъ долинъ. Односторонне анализируя этотъ фактъ, онъ самымъ грубымъ образомъ смѣшалъ доброкачественность земли съ доходностью культуры и не менѣе грубо сваливаетъ въ одну кучу европейскія и американскія условія. Но самая крупная ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ допускаетъ, будто нажившійся землевладѣлецъ покойно остается на своей легкой почвѣ, а эксплуатацію тяжелой почвы, которая, по увѣренію самого Кэри, требуетъ затраты гораздо большихъ средствъ, прежде чѣмъ начнетъ давать доходъ, предоставляетъ неимущему рабочему. Ничего подобнаго въ Европѣ не встрѣчается. Да и въ Америкѣ вѣроятно обыкновенно имѣетъ мѣсто противоположное явленіе. Неимущій принужденъ начинать на почвѣ менѣе доходной, но зато требующей меньшихъ затратъ капитала, въ то время какъ обработка плодородныхъ, но покрытыхъ густыми дѣвственными лѣсами и отчасти болотами, рѣчныхъ долинъ, насколько она вообще способна давать доходъ, во всякомъ случаѣ предпринимается тѣми пришельцами, которые уже успѣли пріобрѣсть что нибудь. У насъ же вообще можно сказать, что вся почва, которая въ данное время можетъ доставлять доходъ, дѣйствительно и воздѣлывается, а пустующія пространства потому именно и пустуютъ, что въ данное время еще не могутъ вознаграждать за обработку. Съ экономической точки зрѣнія при этомъ безразлично, неплодородна ли почва, или же она доброкачественна, но до такой степени болотиста, что капиталъ, необходимый на осушеніе, поглотилъ бы весь доходъ.

Конечно и у насъ встрѣчаются еще случаи, когда имѣются всѣ условія, чтобы земледѣльческая затрата давала значи-

тельный доходъ, но къ обработкѣ не приступаютъ за недостаткомъ капитала. Но здѣсь всего несомнѣннѣе, что когда обработка наконецъ начнется, — весь доходъ достанется капиталистамъ и землевладѣльцамъ.

Далѣе можетъ случиться, что вслѣдствіе какого нибудь технического изобрѣтенія (напр. дренажа) земледѣльческое хозяйство, до сихъ поръ не приносившее ренты, начнетъ приносить ее; тогда прежде всего отъ изобрѣтенія извлекутъ пользу сами землевладѣльцы, имѣя возможность, благодаря умственному труду изобрѣтателя, повысить доходность земельного участка, пріобрѣтеннаго ими за незначительную цѣну.

Слѣдовательно всѣ эти явленія не измѣняютъ социальнаго значенія поземельной ренты. Они идутъ параллельно съ крупнымъ и непрерывнымъ процессомъ перехода отъ наиболѣе прибыльнаго къ менѣе прибыльному производству; кромѣ того они вызываютъ внезапныя перемѣны, которыя при данныхъ условіяхъ оказываютъ не менѣе централизующее вліяніе, чѣмъ спокойный и равномерный ростъ поземельной ренты въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Чтобы понять происхожденіе послѣдней, лучше всего поступить такъ, какъ поступаетъ математикъ, когда онъ вычисляетъ площадь, ограниченную кривой линіей, по безконечному числу небольшихъ прямоугольниковъ, или опредѣляетъ объемъ шара суммою объемовъ безконечнаго числа пирамидъ съ безконечно-малыми основаніями и постоянной высотой. Словомъ, лучше всего разсматривать непрерывный процессъ, какъ рядъ послѣдовательныхъ ступеней. Съ этой цѣлью мы на минуту предположимъ, что хозяйство нашихъ культурныхъ странъ есть хозяйство замкнутое; земля лучшаго качества вся разобрана, и нѣтъ болѣе земли, обработка которой при существующихъ цѣнахъ на хлѣбъ могла бы оплачиваться. Это предположеніе въ отдѣльномъ моментѣ процесса могло бы совпасть съ дѣйствительностью, еслибы качество земли понижалось не постепенно и незамѣтно, а, такъ сказать, районами или

замѣтными переходами отъ плодородной къ неплодородной землѣ. Пока территория обработанной земли остается замкнутой, необходимо должно наступить вышеописанное повышение цѣнъ на продукты и соответствующее паденіе заработной платы. Землевладельцы въ качествѣ монополистовъ берутъ свою дань съ труда, который они вымѣниваютъ не на естественный эквивалентъ собственного или воплощеннаго въ ихъ имуществѣ труда, а на искусственный рыночный эквивалентъ, созданный видоизмѣненными условіями предложенія и спроса. Рабочій, чтобы существовать, принужденъ будетъ больше работать, такъ какъ добавочный его трудъ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда земли было еще много, послужитъ неизбѣжно данью монополисту-землевладельцу. Но вотъ имѣется еще второй *поясъ* земли, прежде не стоившій обработки, такъ какъ тотъ, кто взялся бы обрабатывать его собственнымъ трудомъ, не получилъ бы достаточнаго вознагражденія за свой трудъ. Но когда вышеуказанная дань землевладельцу перваго класса настолько повысится, что уравниетъ эту разность, и работникъ будетъ въ состояніи, при существующихъ цѣнахъ на жизненные припасы и при той затратѣ силъ, которая нынѣ необходима для обезпеченія жизни, *выручить стоимость этой дани, при одинаковомъ напряженіи силъ, съ почвы второго сорта*,—тогда дальнѣйшее повышение поземельной ренты должно *прекратиться*, пока не будутъ захвачены подъ культуру всѣ участки второго качества. Разъ это произойдетъ, то въ силу дальнѣйшей тенденціи народонаселенія возрастать и потреблять большее количество жизненныхъ продуктовъ, чѣмъ имѣется въ наличности, и владельцы второклассныхъ участковъ будутъ получать поземельную ренту, которая тоже будетъ имѣть характеръ дани неимущихъ. Дань, получаемая первоклассными землевладельцами, превыситъ вторую дань на всю разность дохода, причитающагося на одинаковое количество труда. Дань землевладельцевъ второго класса опять-таки будетъ возрастать по общимъ законамъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ разности въ доходахъ (на оди-

наковое количество труда) земельныхъ участковъ второго и третьяго пояса. Разъ она достигла этого предѣла, населеніе переходитъ къ обработкѣ *третьяго пояса* (причемъ количество труда, необходимаго для пропитанія неимущаго рабочаго, снова возрастаетъ); и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ вспахана земля и этого пояса. Такъ продолжалось бы до того момента, когда рабочій не пожелаетъ болѣе или не будетъ уже въ состояніи, — что для чисто теоретическаго анализа совершенно безразлично, — увеличивать свой трудъ въ обмѣнъ на minimum средствъ существованія. Если вмѣсто такого *прерывистаго процесса* образованія поземельной ренты на счетъ заработной платы неимущихъ представить себѣ этотъ процессъ *непрерывнымъ*, то мы получимъ картину дѣйствительности: рабочая плата постоянно урѣзывается въ пользу поземельной ренты, что однако умѣряется и тормазится постояннымъ привлеченіемъ къ культурѣ новыхъ, менѣ доходныхъ участковъ земли. Но что же будетъ, когда заработная плата достигнетъ минимума? Не должно ли будетъ тогда прекратиться и возрастаніе поземельной ренты? А если въ промышленной странѣ этотъ предѣлъ достигнутъ уже нѣсколько поколѣній тому назадъ и теперешніе землевладельцы давно уже учли поземельную ренту, причитавшуюся прежде на купленную ими землю,—то не теряетъ ли тогда рента своего практическаго значенія?

Это можетъ такъ казаться; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что минимумъ заработной платы не есть величина постоянная, что въ сущности онъ долженъ бы значительно увеличиваться вмѣстѣ съ каждымъ крупнымъ шагомъ техническаго и экономическаго прогресса, вмѣстѣ съ каждымъ изобрѣтеніемъ и открытіемъ въ сферѣ производства и обмѣна, наконецъ съ каждымъ увеличеніемъ затраты рабочихъ силъ со стороны рабочихъ. Неподвижность, такъ же, какъ и тихій, медленный ростъ его, наряду съ колоссальнымъ увеличеніемъ средствъ наслажденія и предметовъ роскоши богатыхъ классовъ

слѣдуетъ разсматривать какъ результатъ двойного движенія его: съ одной стороны—*быстраго повышенія*, неизбежнаго при одинаковыхъ условіяхъ и открытомъ хозяйствѣ (т. е. при избыткѣ свободной земли), а съ другой стороны — *регресса*, обусловленнаго вліяніемъ поземельной ренты въ связи съ монополіей промышленнаго капитала.

Сильнѣ всего затормазить возрастаніе поземельной ренты и даже вызвать временное ея пониженіе можетъ *полная свобода ввоза* земледѣльческихъ продуктовъ. Свобода эта можетъ достигнуть значительныхъ размѣровъ конечно только тамъ, гдѣ уровень поземельной ренты уже высокъ, такъ что мѣстныя цѣны на предметы первой необходимости окупаютъ дорогой перевозъ изъ странъ съ низкими цѣнами на эти предметы. Но лишь только страна при данныхъ условіяхъ насытится привознымъ хлѣбомъ, то привозъ вступитъ въ равновѣсіе съ доходностью худшихъ участковъ. Тогда вопросъ принимаетъ такой видъ, какъ будто удобная для воздѣлыванія почва страны увеличилась ровно на такое количество худшаго экономическаго качества, какое потребно, чтобы произвести ввезенное количество хлѣба. Если теперь внутреннее потребленіе повысится, то повысится и ввозъ; но это можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, когда при одинаковыхъ условіяхъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей или изъ мѣстъ болѣе дорогаго производства опять прильютъ продукты, и когда внутри данной страны приходится привлечь къ обработкѣ участки, дающіе меньшій доходъ.—Слѣдовательно поземельная рента все-таки возрастаетъ; ея повышеніе только замедляется. Врядъ ли послѣ вышеприведенныхъ объясненій нужно еще подробно доказывать, что и *эмиграція* посредствомъ уменьшенія предложенія труда и уменьшенія потребленія предметовъ первой необходимости тоже задерживаетъ ростъ поземельной ренты, хотя рѣдко въ значительныхъ размѣрахъ.

Въ заключеніе — одно слово по поводу того явленія, что такъ часто высокая поземельная рента идетъ рука объ руку

съ высокой заработной платой, а низкая поземельная рента — съ низкой заработной платой. Явленіемъ этимъ могутъ воспользоваться для дешевыхъ возраженій, несмотря на то, что оно легко объясняется. Вспомнимъ только на одну минуту первое происхожденіе поземельной ренты, какъ мы его здѣсь охарактеризовали, и мы найдемъ, что импульсъ всегда дается возрастаніемъ народонаселенія. А ростъ этотъ вообще можетъ быть только результатомъ повышенія заработной платы, вызываемаго обыкновенно расцвѣтомъ промышленности. Интересы землевладѣнія, вслѣдствіе присущей ему монополіи, солидарны съ интересами промышленности. Оно отнимаетъ у рабочаго половину едва добытаго куска хлѣба, но не въ состояніи получать этихъ выгодъ, если естественныя условія заработной платы не обладаютъ тенденціей возрастанія. Только при простомъ переходѣ отъ открытаго хозяйства къ хозяйству относительно замкнутому могло бы выступить въ чистомъ своемъ видѣ понижающее вліяніе поземельной ренты на заработную плату; изъ сравненія же различныхъ странъ съ замкнутымъ хозяйствомъ совершенно ясно, что поземельная рента можетъ подняться до значительной высоты лишь при условіи промышленнаго развитія данной страны. Во всякомъ случаѣ она вліяетъ *дифференцирующимъ образомъ*, и тамъ, гдѣ она находится въ полномъ своемъ расцвѣтѣ, мы рядомъ съ такъ называемой «*высокой*», но въ сущности далеко еще недостаточной заработной платой, видимъ обыкновенно такое накопленіе богатствъ, которое по истинѣ слѣдуетъ считать социальнымъ недугомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О рѣшеніи рабочаго вопроса

Не всякая задача поддается рѣшенію и не на всякій вопросъ можно отвѣтить. Дѣйствительно, умъ человѣческій искони тревожили задачи, не допускающія никакого рѣшенія, и многія изъ нихъ снова и снова выступаютъ на сцену, хотя ихъ неразрѣшимость была уже неоднократно доказана.

Выраженіе: «рабочій вопросъ» заключаетъ въ себѣ предположеніе, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ. — Общественное зло тогда становится проблемой, когда возникаетъ намѣреніе устранить его или по крайней мѣрѣ низвести до *minimum'a*; мысль же объ устраненіи крупнаго общественнаго зла или о доставленіи государству или обществу какой нибудь значительной пользы становится «вопросомъ», какъ скоро является сознаніе о своевременности ея обсужденія. Выдвинуть социальное-политическій вопросъ—значить: обратиться къ государственнымъ дѣятелямъ, къ людямъ науки и наконецъ ко всякому, чувствующему въ себѣ призваніе, съ предложеніемъ отыскать путь къ рѣшенію даннаго вопроса или по крайней мѣрѣ оказать этимъ поискамъ посильную помощь. Поэтому иногда уже въ самой постановкѣ вопроса можетъ корениться ошибка или фундаментальное заблужденіе: ошибка — когда намѣчается вопросъ, хотя по существу своему и разрѣшимый, но въ данный моментъ еще «не назрѣвшій» или «несвоевременный»; коренное заблужденіе — когда подобный

вопросъ вообще неразрѣшимъ, и слѣдовательно въ практическомъ отношеніи о немъ и рѣчи быть не можетъ.

Но гораздо труднѣе возложить на кого нибудь отвѣтственность за подобную ошибку, когда мы съ нею встречаемся.

Такъ напримѣръ «рабочій вопросъ» намѣченъ не какимъ нибудь монархомъ, министромъ, революціонеромъ или вождемъ партіи, а выдвинутъ съ одной стороны роковою силою социальныхъ условій, съ другой—всеобщимъ сознаніемъ эпохи; постепенно онъ до того овладѣлъ всѣми умами, что по необходимости долженъ быть признанъ первостепеннымъ вопросомъ нашего времени, даже въ томъ случаѣ, еслибы мы думали, что истинное его рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы убѣдиться въ его неразрѣшимости и провести это убѣжденіе въ общественное сознаніе.

Вѣдь «рабочій вопросъ»—ядро *соціального*, а социальный вопросъ, хотя и касается не однихъ только промышленныхъ рабочихъ, находится въ самой тѣсной зависимости отъ рабочаго, насколько онъ вообще имѣетъ въ настоящее время практическое значеніе. Доказательства тому не трудно найти въ предыдущихъ главахъ.

Важнѣйшими источниками современнаго социальнаго вопроса являются прежде всего слѣдующія три явленія: быстрое развитіе *индустриализма*, возникновеніе *соціальной науки* и идея гуманности ⁵²⁾.

Индустриализмъ далъ первый и самый сильный толчекъ; онъ вызвалъ тѣ бѣдствія, о борьбѣ съ которыми здѣсь идетъ рѣчь, въ ихъ наиболѣе рѣзкихъ и въ то же время наиболѣе современныхъ проявленіяхъ.

Соціальная наука познакомила насъ съ причинной зависимостью этихъ явленій, общественное зло подверглось анализу съ естественно-научной точки зрѣнія. Хотя въ началѣ съ этимъ методомъ изслѣдованія связывалось представленіе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неизмѣннымъ *естественнымъ* закономъ, но вскорѣ проложило себѣ дорогу противоположное

возрѣніе, которое, признавая *вліяніе* на социальную жизнь *естественныхъ условий*, ставило ихъ однако въ зависимость отъ измѣнчивыхъ и по крайней мѣрѣ отчасти подчиненныхъ человѣческой волѣ факторовъ. Въ то же время стараніями социальной науки все болѣе и болѣе распространялось во всѣхъ сферахъ общества *знакомство* съ общественнымъ зломъ; въ однихъ это знакомство будило страхъ, въ другихъ—сожалѣніе, и такимъ образомъ расчищало дорогу гуманнымъ идеямъ. Наконецъ идея гуманности, созрѣвшая въ XVIII столѣтіи, выработала убѣжденіе, что каждое человѣческое существо призвано къ *свободѣ, развитію и пользованію* плодами своихъ трудовъ, и что счастье меньшинства, пока оно опирается на нищету и рабство большинства, не имѣетъ нравственного оправданія.

Эта идея породила новое представленіе о сущности права и государства; философская мысль противопоставила исторически сложившемуся государству («*Nothstaat*», какъ выражается Шиллеръ) рациональное государство; возникла мысль, что прочное возведеніе зданія истинной политической свободы возможно только на почвѣ *равноправности* всѣхъ гражданъ и участія всѣхъ въ управленіи общественными дѣлами.

Контрастъ между этими идеями и тѣми условіями, которыя порождены индустриализмомъ и впослѣдствіи разоблачены анализомъ социальной науки, естественно могъ вызвать въ мыслящихъ и впечатлительныхъ умахъ стремленіе устранить его; но это могло въ лучшемъ случаѣ создать рабочій вопросъ для теоретиковъ и идеалистовъ. Существенно-практическій характеръ придадо рабочему вопросу то обстоятельство, что *сами рабочіе*, начиная сознавать невыносимость своего положенія, въ одномъ мѣстѣ (въ Англіи) объединялись для разныхъ практическихъ цѣлей, въ другомъ (именно во Франціи) проникались чувствомъ солидарности и выставляли широкіе, но туманные лозунги, которые въ бурные дни общественного волненія заставляли ихъ идти въ огонь.

Психологическія и экономическія причины этого явленія достаточно уже разобраны нами въ предыдущихъ главахъ, а слѣдить за историческимъ ходомъ его развитія—не входитъ въ наши намѣренія; къ тому же нѣкоторые важнѣйшія черты этого движенія будутъ указаны нами ниже. Здѣсь же, гдѣ мы задались цѣлью анализировать общее значеніе рабочаго вопроса, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что сами рабочіе не задаются никакимъ «рабочимъ вопросомъ» и даже неохотно слышатъ это выраженіе. Для нихъ существуютъ всевозможные «вопросы»: вопросъ «заработной платы», вопросъ «о ремесленномъ образованіи», о «фабричномъ законодательствѣ» и наконецъ вопросъ о «парламентскомъ представительствѣ» или въ континентальныхъ государствахъ—вопросъ о завоеваніи ими политической власти для достиженія своихъ цѣлей. Выраженіе же «рабочій вопросъ» а priori разсматриваетъ рабочихъ какъ объектъ научнаго изслѣдованія; но еслибы можно было тайкомъ подслушать истинный символъ вѣры разныхъ государственныхъ дѣятелей и политическихъ практиковъ, всѣхъ фабрикантовъ и предпринимателей, вкупѣ съ ихъ покорными слугами въ рядахъ прессы,—то отъ большинства мы услышали бы слѣдующее откровенное признаніе: «рабочій вопросъ есть, по нашему убѣжденію, не что иное, какъ вопросъ объ изысканіи путей и средствъ для приведенія рабочихъ къ прежнему довольству своимъ положеніемъ—конечно съ наименьшими жертвами съ нашей стороны и такъ, чтобы они не ставили неумѣренныхъ требованій!»

Но и для многихъ болѣе гуманныхъ и дальновидныхъ социальныхъ политиковъ рабочій вопросъ прежде всего представляется вопросомъ *консервативнымъ*. Они также чувствуютъ въ настроеніи рабочихъ массъ опасность для существующаго государственнаго и общественнаго строя; они также исходятъ изъ того принципа, что важнѣе всего сохраненіе современной организациі общества и государства, и не только готовы въ случаѣ надобности принести ради этой цѣли зна-

чительныя жертвы, но и находятъ вполне естественнымъ недовольство рабочихъ современнымъ своимъ положеніемъ. По ихъ убѣжденію однако перемѣна нѣсколькихъ колесъ въ государственномъ механизмѣ или какое нибудь открытіе на почвѣ «самопомощи» могутъ устранить истинныя причины существующаго недовольства; остальное придетъ вмѣстѣ съ развитіемъ народнаго образованія и просвѣщеніемъ рабочихъ классовъ. Въ этихъ-то по большей части благожелательныхъ кружкахъ и зарождается большинство серьезныхъ проектовъ рѣшенія рабочаго вопроса; на родственной же почвѣ выростають и попытки улучшить взаимное отношеніе капитала и труда (мы не касаемся здѣсь вопроса о степени практичности той или другой попытки).

Прежде чѣмъ выяснитъ отчетливѣе наше собственное пониманіе рабочаго вопроса, мы должны отвѣтить на вопросъ: есть ли вообще основаніе для возбужденія рабочаго вопроса?

Съ двухъ точекъ зрѣнія на это можно отвѣчать отрицательно. Можно съ одной стороны считать неотвратимыми тѣ социальныя бѣдствія, которыя должны быть устранены рѣшеніемъ рабочаго вопроса, объявлять ихъ необходимою принадлежностью прогресса вообще; а съ другой—можно еще предполагать, что проблема будетъ рѣшена великимъ неизбежнымъ процессомъ естественнаго развитія, и что искусственное вмѣшательство политиковъ не приведетъ ни къ чему иному, кромѣ нѣкотораго ускоренія или нѣкотораго замедленія, и во всякомъ случаѣ внесетъ ненужный элементъ замѣшательства. Первая точка зрѣнія исключаетъ рѣшеніе рабочаго вопроса; она стараются по возможности сохранить не только принципы современнаго общественнаго строя, но и присущіе ему недостатки; вторая же ожидаетъ желаннаго рѣшенія отъ великой социальной революціи и поэтому заключаетъ въ себѣ полное пренебреженіе ко всемъ субъективнымъ программамъ и опытамъ надъ рабочимъ вопросомъ. Такимъ образомъ отрицается самый вопросъ въ вышеопредѣленномъ его значеніи. Все, что мо-

жетъ сдѣлать теоретикъ, это—подготовить умы къ событію; практикъ же не можетъ ровно ничего сдѣлать; какъ бы онъ ни былъ увѣренъ въ своемъ руководящемъ вліяніи,—въ сущности событія играютъ имъ, и кризисъ всегда перешагнетъ его ухищренія, словно бы ихъ никогда не бывало. Первая точка зрѣнія была, какъ мы выше видѣли, особенно распространена въ эпоху расцвѣта британской политической экономіи. Нѣтъ богатства безъ бѣдняковъ, находящихся на службѣ у богатыхъ! Богатство—это цѣль всего экономическаго движенія, бѣдность же, даже крайняя нищета—лишь простое средство его! Прежде, пока еще не научились краснѣть за подобныя теоріи, эта точка зрѣнія находила себѣ поддержку и подкрѣпленіе въ мальтузіанствѣ. Бѣднякъ,—выводили изъ этого ученія,—обязанъ своимъ существованіемъ платѣ, за которую имущій позволяетъ ему трудиться; не существуй промышленнаго предпринимательства, не существовало бы и рабочаго, ибо для него не было бы средствъ пропитанія. Стало быть, ему не на что жаловаться. За богатой трапезой природы для неимущаго, для «сверхкомплектнаго» нѣтъ мѣста. Его естественное право—умереть съ голоду и такимъ образомъ возстановить своимъ исчезновеніемъ нарушенное равновѣсіе между числомъ людей и суммою средствъ существованія. Можетъ онъ при помощи чрезмѣрнаго и недостаточно вознаграждаемаго труда балансировать между бытіемъ и небытіемъ—пускай дѣлаетъ это на здоровье. Еслибы предприниматель не имѣлъ и безъ него достаточно «рукъ», онъ бы его лучше оплачивалъ; если же рабочій ему не нуженъ, то онъ можетъ допустить его гибель. Естественный процессъ голоднаго вымирания уладитъ дѣло въ каждомъ единичномъ случаѣ; капиталиста же это нисколько не касается. Онъ хладнокровно вычеркиваетъ только одно лишнее имя изъ своего списка; все остальное зависитъ отъ неотвратимыхъ законовъ природы.

Нѣкоторыхъ читателей удивитъ можетъ быть, что эта точка зрѣнія и понынѣ еще не только находитъ себѣ тайныхъ

последователей, но даже громогласныхъ и напыщенныхъ пропагандистовъ. Одинъ изъ главныхъ вожаконъ германскаго «фритредерства» Принсъ Смитъ оканчиваетъ свою статью о «соціалъ-демократіи въ германскомъ рейхстагѣ» слѣдующими достопамятными словами:

«Признаемся же въ заключеніе чистосердечно: въ противоположность первобытному состоянію, когда раздѣленія труда еще не было и за недостаткомъ капитала дѣйствовала одна человѣческая сила,—нынѣ наше народное хозяйство есть предпріятіе искусственное, развитое при помощи большихъ сбереженій и запасовъ вспомогательныхъ средствъ, при помощи раздѣленія труда и широко развитой торговли; это предпріятіе задумано и организовано имущими; они ведутъ его на свой рискъ и страхъ, за что и получаютъ барыши на правахъ собственниковъ. За то, что они основали и развили нашу экономическую культуру, они теперь въ изобиліи и пользуются плодами своего великаго дѣла. Постольку, поскольку воздержанность и распорядительность имущихъ заготовили средства для экономическаго примѣненія человѣческихъ силъ,—неимущіе могли размножиться. Не рабочіе создали капиталъ, а, наоборотъ, капиталъ сдѣлалъ возможнымъ существованіе наличнаго контингента рабочихъ. Уничтоженіе частной собственности, благодаря которой возникъ капиталъ и единственно можетъ продолжать свое существованіе, было бы равносильно уничтоженію капитала, слѣдовательно равносильно уничтоженію самихъ рабочихъ массъ. Если соціалъ-демократамъ эта истина не ясна, то первая же попытка уничтожить собственность разъяснить имъ ее».

Логическая погрѣшность этой чувствительной тирады лежитъ конечно въ бездоказательности мнѣнія, будто-бы «капиталъ», т. е. воздѣланная почва, желѣзныя дороги, каналы, фабрики, машины и т. д. не могутъ продолжать своего существованія безъ «частной собственности», т. е. безъ права наслѣдственнаго распоряженія со стороны учредителей «пред-

пріятія», до уровня котораго здѣсь низведена экономическая жизнь общества. Но еслибы даже приведенный тезисъ былъ экономической аксіомой,—онъ все же заслуживалъ бы съ политической точки зрѣнія безусловнаго порицанія, такъ какъ въ основѣ государства должны непремѣнно лежать этическихъ принциповъ. Пускай бы онъ въ экономическомъ отношеніи былъ неоспоримой истиной, онъ все-таки былъ бы безнравственнымъ и вреднымъ принципомъ, ибо существуютъ другіе не менѣе неоспоримые экономическіе тезисы, которые «предпринимательскому» раю, взлелѣянному этимъ принципомъ, угрожаютъ позорной гибелью. Если допустить гипотезу—а не допустить нельзя,—что дисциплинированныя «основателями общества» «народныя массы» состоятъ не изъ простыхъ, механически работающихъ и саморазмножающихся машинъ, а изъ людей—съ человѣческими потребностями, желаніями, страстями, и способныхъ вступить въ соглашеніе,—то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что эти созданія капитала додумаются съ теченіемъ времени до горькихъ проклятій по адресу капиталистовъ и что они затѣмъ соединятся, чтобы стереть съ лица земли своихъ благодѣтелей со всѣмъ «изобиліемъ плодовъ ихъ великаго дѣла».

Нравственной узды, которая удержала бы ихъ отъ этого, не существуетъ,—вѣдь они были созданы ради чужого интереса и служили всегда простымъ орудіемъ для чужихъ цѣлей, а слѣдовательно никому ничѣмъ не обязаны, даже еслибы самый фактъ существованія былъ счастьемъ,—чѣмъ онъ мыслящимъ и сознательнымъ людямъ въ ихъ положеніи казаться очевидно не можетъ. «Основатели предпріятія» рассчитываютъ, и до извѣстной степени основательно, на вліяніе слѣпое чувство самосохраненія; но этотъ расчетъ могъ обмануть ихъ, да и обманулъ бы вѣроятно гораздо скорѣе, чѣмъ это имъ кажется, еслибы не существовало государства, церкви, школы и другихъ, высокомѣрно игнорируемыхъ ими, вліяній.

Простое опасеніе, вмѣстѣ съ ликвидаціей капитала и ка-

питалистовъ, ликвидировать и собственное существованіе не можетъ удержать рабочія массы въ желательныхъ границахъ: прежде всего онѣ никогда не *повырятъ* въ подобную взаимную связь, менѣе всего тогда, когда это проповѣдуютъ имъ тѣ, «кто въ изобиліи наслаждается плодами своего великаго дѣла». Но даже подѣ страхомъ самоуничтоженія они могли бы попытаться положить «предпріятію» въ его современной формѣ быстрый конецъ, тѣмъ болѣе, что всякій могъ бы питать надежду остаться между уцѣлѣвшими; ибо тому, чтобы все человечество безъ остатка вымерло отъ отсутствія капиталистовъ, не повѣритъ даже малое дитя. Если же принять во вниманіе, что въ государствѣ, въ церкви, въ школѣ, въ литературѣ, а частью и въ періодической прессѣ господствуютъ воззрѣнія, нѣсколько отличающіяся отъ теоріи г. Принса Смита и его единомышленниковъ, то не трудно будетъ сообразить, что «предпріятіе, плодами котораго въ изобиліи наслаждаются имущіе», не можетъ существовать безъ поддержки такихъ, далеко не коммерческихъ принциповъ. Существуетъ иное воззрѣніе, считающее всѣхъ людей, безъ различія ихъ имущественнаго положенія, членами одной большой семьи, связанными между собою узами любви, священныхъ обязанностей и взаимной заботы о благѣ. Основатели «общества», считающіе міръ простымъ «предпріятіемъ», лишь для вида игнорируютъ этотъ фактъ. Въ дѣйствительности же они спекулируютъ на него. Освобождая самихъ себя отъ всякихъ обязательствъ, могущихъ вытекать изъ указанныхъ воззрѣній, они въ то же время рассчитываютъ, что для «рабочихъ массъ» эти обязательства будутъ всегда служить нравственною уздою. Но и этотъ расчетъ можетъ оправдаться только до извѣстной степени, потому что съ теченіемъ времени подѣ одностороннимъ вліяніемъ индустріализма непремѣнно погибнуть всѣ традиціи нравственной связи между имущими и неимущими. Послѣдніе образовали, послѣ того какъ другая сторона вызвала разрывъ съ ними, самостоятельный и обособленный міръ. вмѣсто ува-

женія и послушанія хозяину-предпринимателю, вмѣсто благоговѣйнаго вниманія къ проповѣди духовенства, съ ними принадлежащаго къ привилегированнымъ сословіямъ, вмѣсто почтенія къ властямъ, они постепенно будутъ проникаться враждой и ненавистью ко всему, стоящему внѣ ихъ собственнаго круга; и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока они будутъ видѣть, что имъ проповѣдуютъ безконечную покорность и что никто ни однимъ серьезнымъ словомъ порицанія не нарушаетъ блаженства и рая имущихъ. Положеніе вещей сдѣлается еще опаснѣе, когда рабочія массы начнутъ затѣмъ *въ собственной средѣ* возстановлять тѣ отношенія, которыя въ былое время служили имъ нравственной связью съ имущими сословіями. Безконечное недовѣріе и «война всѣхъ противъ всѣхъ», господствующая обыкновенно въ случайно собранныхъ массахъ рабочаго люда, постепенно замѣнится признаніемъ авторитетовъ, къ которымъ каждый будетъ относиться не только съ почтеніемъ, но съ любовью и глубокой привязанностью; разовьется чувство общей *солидарности*—но только не всѣхъ людей, — а *всѣхъ рабочихъ*, и въ этомъ обособившемся мірѣ раскинется сѣть той невидимой, но тѣмъ болѣе могущественной *естественной организаціи*, которую нельзя ни расторгнуть, какъ какую нибудь ассоціацію рабочихъ, ни поставить подѣ полицейскій надзоръ. Тогда то пробьетъ рѣшительный часъ и тысячи людей, не принадлежащихъ къ рабочимъ, но и не стоящихъ въ рядахъ «организаторовъ предпріятія», возопіютъ о спасеніи привычныхъ, освященныхъ традиціей, общественныхъ формъ. Тогда-то явится «рабочій вопросъ» въ самомъ мрачномъ значеніи этого слова, созданный усиліями тѣхъ, кто такъ упорно отрицалъ его существованіе.

Но не будетъ ли тогда уже слишкомъ поздно для теоретическаго рѣшенія «рабочаго вопроса»? Тутъ мы наталкиваемся на вторую изъ теорій, отрицающихъ «рабочій вопросъ», именно на ту, которая исповѣдуетъ *неизбѣжность социальнаго революціи*, какъ неотвратимаго явленія природы, какъ необхо-

димаго результата всего хода всемірной исторіи. Выше мы подробно изучили воззрѣнія *Карла Маркса*, гениальнаго представителя этой точки зрѣнія. По Марксу—капиталь вызвалъ разложеніе стараго общества и настолько изолировалъ рабочихъ, что организація ихъ для осуществленія соціальной революціи становится неизбежною. Капиталь уничтожилъ индивидуальный трудъ и поставилъ на его мѣсто трудъ кооперативный. Онъ создалъ такой порядокъ вещей, при которомъ—въ противоположность мнѣнію П. Смита—личность хозяина-предпринимателя станетъ совершенно излишнею. Этотъ строй осуществится. Трудность его осуществленія нисколько не больше, но скорѣе меньше трудности перехода отъ средневѣковой формы производства къ современной.

Слѣдуетъ однако отличать эти воззрѣнія, составляющія научное ядро теоріи Маркса, отъ его плановъ практическаго осуществленія новыхъ принциповъ. Допустимъ даже, что соціальная революція совершится легче и окончится быстрѣе, чѣмъ это произошло при переходѣ къ капиталистическому строю, но связанные съ нею политическіе потрясенія и перевороты могутъ быть болѣе грандіозны и чреваты событіями. Со всякимъ представленіемъ о совершенно новомъ для насъ порядкѣ вещей естественно связывается мысль о неизбежности подобныхъ потрясеній, и притомъ потрясеній насильственнаго характера, между тѣмъ какъ исторія часто избираетъ совсѣмъ иной путь.

Слѣдовательно соціальная революція вовсе не неизбежно тождественна съ всеобщей политической революціей, какъ ни напрашивается эта мысль именно въ настоящемъ случаѣ; вѣдь тѣ общественныя группы и сословія, интересы которыхъ тѣснѣе всего связаны съ существующимъ нынѣ политическимъ строемъ и вліяніе которыхъ находится въ зависимости отъ сохраненія старыхъ формъ, болѣе или менѣе заинтересованы также и въ сохраненіи политическаго могущества капитала, и еще долго ихъ будетъ сбивать съ толку мысль, что государ-

ство поддерживается авторитетомъ фабрикантовъ и всевозможныхъ предпринимателей, и что необходима нѣкоторая солидарность между всѣми политическими и соціальными авторитетами.

Но и эта мысль не отличается неоспоримой вѣрностью: могутъ сложиться совсѣмъ инныя комбинаціи, хотя чисто экономическій переворотъ и будетъ продолжаться.

Поэтому роль Маркса, какъ практическаго агитатора и вожака партіи, не слѣдуетъ смѣшивать съ его значеніемъ научнаго теоретика, хотя они другъ другу нисколько не противорѣчатъ. Вѣдь и необходимыя великія явленія въ исторіи и естественные процессы въ жизни народовъ совершаются путемъ произвольной дѣятельности отдѣльных личностей. Можно сказать, правда, что такія явленія возникаютъ въ извѣстномъ смыслѣ «сами собою»; но вѣдь это значитъ только, что ихъ нельзя искусственно выдумать и создать, что они не находятся въ неразрывной зависимости отъ инициативы опредѣленной личности. Когда условія созрѣли, то инициативу возьметъ на себя не та, такъ другая личность, но вообще безъ всякой индивидуальной инициативы дѣло никогда не обойдется. Если какой-нибудь выдающійся теоретикъ трудился надъ практическимъ осуществленіемъ того, что онъ считаетъ неизбежнымъ, то мы не должны смѣшивать теоретической стороны его дѣятельности съ ея практической стороной: промахи практической агитаціи не должны въ нашихъ глазахъ лишать теорію ея истиннаго значенія и—наоборотъ—не слѣдуетъ уваженія, внушаемаго намъ его теоретическою аргументаціей, переносить и на его тактику въ жизни. Какъ психологическая личность, онъ можетъ быть вполне цѣльной натурой, но это не значитъ, что все, имъ сказанное, имѣетъ одинаковое объективное значеніе. Можно сказать даже, что глубокомысленные философы, поразительно правильно понимающіе общій характеръ своей эпохи, обыкновенно не умѣютъ ориентироваться въ вопросахъ минуты и въ злѣбъ дня; да это и вполне естественно: вообще

мы всегда склонны то, что намъ ясно рисуется въ перспективѣ уже наступившимъ, представлять себѣ въ дѣйствительности, и приписывать практическимъ проявленіямъ того, что намъ кажется принципиально правильнымъ, слишкомъ простой характеръ.

Изъ этого мы заключаемъ, что великій социальный переворотъ, предусматриваемый Марксомъ, можетъ на самомъ дѣлѣ осуществиться, лишь какъ слѣдствіе очень многихъ маленькихъ переворотовъ и какъ результатъ борьбы втеченіе длиннаго періода времени,—борьбы въ формахъ то мирныхъ, то бурныхъ. Многія мѣры, которыя принимаются для рѣшенія рабочаго вопроса, могутъ, разсматриваемыя порознь, казаться далеко не достаточными для достиженія великой цѣли, но взятые вмѣстѣ сыграть очень существенную роль.

Изъ этого вытекаетъ совершенно новое воззрѣніе на сущность и рѣшеніе рабочаго вопроса. Рабочій вопросъ, взятый во всей своей совокупности, конечно далеко выходитъ за предѣлы того, что можетъ предвидѣть и чѣмъ можетъ руководить отдѣльная личность, хотя бы это были глубокомысленнѣйшій философъ и умнѣйшій политикъ,—и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно не существуетъ иного рѣшенія рабочаго вопроса, кромѣ того, которое постановитъ исторія. Поэтому всѣ наши попытки и проекты прежде всего—лишь *симптомы* великаго болѣзненнаго процесса, указывающіе, насколько мы лично захвачены общимъ потокомъ происходящаго движенія умовъ; но если взглянуть шире, то практическія послѣдствія всѣхъ экспериментовъ, какъ удачныхъ, такъ и неудачныхъ, суть въ то же время факторы великаго переворота, совершающагося частью въ учрежденіяхъ и общественномъ строѣ, частью въ настроеніи умовъ. Заклятые враги въ обывденной жизни нерѣдко безсознательно работаютъ въ одномъ направленіи. Иная революціонная попытка легко можетъ привести къ усиленію государственной власти, между тѣмъ какъ предпринятый сверху опытъ подчасъ подливаетъ масла въ огонь; но оба они способствуютъ

развитію новаго экономического строя; частныя предпріятія могутъ сдѣлаться прототипами государственныхъ учреждений, хотя бы они первоначально имѣли цѣлью доказать, что послѣднія излишни,—политическія же учрежденія могутъ сдѣлаться рычагами социальной революціи. Это еще вовсе не значитъ, что въ этомъ отношеніи можно дѣйствовать, какъ кому Богъ на душу положитъ, предоставляя остальное случаю. Напротивъ, критика всевозможныхъ учреждений и проектовъ должна задаваться гораздо болѣе важной цѣлью, чѣмъ рѣшеніемъ того или другого вопроса: всѣ они въ своей совокупности часто запутываютъ дѣло и тѣмъ необходимѣе являются освѣщеніе и оцѣнка ихъ при помощи *твердыхъ принциповъ*.

Такими принципами въ Германіи долгое время повсюду считали «самопомощь» и «государственную помощь», и тѣмъ не мало усложнили вопросъ; ни одно изъ этихъ понятій не намѣчаетъ ясной цѣли при рѣшеніи рабочаго вопроса, а вѣдь правильное пониманіе и оцѣнка средствъ и путей къ достиженію цѣли безъ уясненія себѣ самой цѣли не имѣетъ никакого смысла. Поэтому истинное значеніе словъ: «самопомощь» и «государственная помощь» выясняется только въ томъ случаѣ, если мы вникнемъ въ то, что подъ ними подразумеваютъ; только знакомство съ политическими условіями, подъ вліяніемъ которыхъ ихъ нѣкогда провозгласили лозунгами, и можетъ отчасти объяснить намъ ихъ бывшее важное значеніе. Мы и теперь еще можемъ почти безъ всякаго измѣненія воспользоваться тою ихъ характеристикою, которую мы дали въ первомъ изданіи этого сочиненія, хотя въ то время увлеченіе «самопомощью» достигло своего апогея, между тѣмъ какъ воззрѣнія, за которыя въ 1865 г. мы почти одни высказывались въ печати, въ настоящее время приобрѣли широкое распространеніе. Послѣ неудачнаго движенія 1848 г. умы въ Германіи обратились къ примѣру Англіи, учрежденіями которой начали такъ же односторонне увлекаться, какъ раньше увлекались французскими. Этотъ поворотъ не только былъ въполнѣ

естествененъ при неожиданномъ исходѣ французской катастрофы, но онъ безъ сомнѣнія имѣлъ для насъ много хорошихъ послѣдствій, хотя и повелъ ко многимъ новымъ, нынѣ уже разсѣянными иллюзіямъ.

Особенно достопамятно это время тѣмъ, что именно тогда въ Германіи повсюду пустили прочные корни принципы *свободной торговли*. Рука объ руку съ этимъ шло распространение популярной, скроенной по принципамъ школы *Ад. Смита* политической экономіи, ученія которой приняты были, по своей истинной нѣмцамъ мечтательности, за несомнѣнную истину и защищались съ фанатизмомъ. «Національное богатство» — вотъ единственный принципъ этой школы; социальный вопросъ существуетъ для нея, лишь насколько еще сохранились какія-нибудь ограниченія свободнаго обмѣна; а затѣмъ — пускай каждый самъ о себѣ заботится. Рабочее сословіе въ общемъ своемъ составѣ всегда будетъ оставаться на нижней ступени человеческого благополучія, но оно все-таки можетъ понемногу улучшать свое положеніе, и всякій можетъ смѣлостью и умомъ добиться положенія предпринимателя-хозяина. Когда выяснилось, что охранительныя пошлины не будутъ отмѣнены, это ученіе естественно должно было найти у нашихъ предпринимателей всеобщее одобреніе; еще радушнѣе оно было встрѣчено значительною частью печати, которая и безъ того уже должна была удѣлять все больше и больше вниманія матеріальному прогрессу и по этому одному стараться привлечь литературныя силы, знакомыя съ политико-экономическими вопросами. Профанамъ легко импонировалъ тотъ апломбъ, съ которымъ при каждомъ удобномъ случаѣ затыгивалась на одинъ и тотъ же ладъ пѣсенка о спросѣ и предложеніи и провозглашались формулы, которымъ любили присваивать кличку «естественныхъ законовъ». Въ то же время въ этой теоріи видѣли глубочайшее обоснованіе требованій «свободы промысловъ и свободы передвиженія», неоспоримая необходимость которыхъ признавалась всею либеральной партіей. Такимъ образомъ стремленія нашихъ

экономистовъ легко слились со стремленіями прогрессистской партіи, буржуазно-аристократическая часть которой никогда не имѣла социальнаго принципа, а демократическая — предпочитала совсѣмъ отказаться отъ идей 1848 г. — правда, далеко незрѣлыхъ, — чѣмъ приложить старанія къ тому, чтобы дать имъ дальнѣйшее развитіе.

Какъ разъ въ это время одинъ изъ наиболѣе популярныхъ въ народѣ людей, *Шульце-Деличъ*⁵³⁾, неожиданно достигъ введеніемъ въ Германію товариществъ, основанныхъ на принципѣ самопомощи, блестящаго успѣха. Шульце еще до 1848 г. посвятилъ свою дѣятельность оказанію помощи обездоленнымъ народнымъ классамъ, а въ послѣдствіи, во время парламентскихъ битвъ 1848—1849 гг., былъ рѣшительнымъ, но не крайнимъ вожакомъ демократіи; въ эпоху реакціи онъ въ тиши своего родного города, Делича, основалъ товарищество сырьевщиковъ и ссудное общество, и отъ этого маленькаго зародыша скоро раскинулась цѣлая сѣть подобныхъ товариществъ по всей Германіи, возбудивъ интересъ въ сосѣднихъ странахъ. Собственно говоря, живое участіе было вызвано смѣлымъ заявленіемъ, будто въ этихъ нѣмецкихъ ассоціаціяхъ найдено истинное средство для рѣшенія социального вопроса; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ социальный принципъ англійскихъ товариществъ почти совсѣмъ отсутствовалъ въ ихъ нѣмецкихъ копіяхъ, а по мѣрѣ ихъ развитія на практикѣ былъ и окончательно устраненъ.

Англійскія товарищества дѣйствительно могутъ быть признаны рабочими ассоціаціями. Они сознательно стремятся къ эмансипаціи рабочихъ классовъ отъ господства крупнаго капитала. О «социальномъ мирѣ» они не разглагольствуютъ. Англичане слишкомъ практичны, чтобы не знать, что прежде всего ассоціаціямъ придется выдержать социальную *борьбу*. Ихъ органы откровенно обсуждаютъ дѣла союзовъ не по политико-экономическому шаблону, а съ точки зрѣнія борьбы противоположныхъ интересовъ, въ которой рабочіе являются одной

изъ двухъ враждующихъ партій. Нерѣдко въ Англіи встрѣчаются такія статьи о взаимныхъ отношеніяхъ трудящихся классовъ и предпринимателей, которыя у насъ были бы немислимы. Объединеніе составляетъ для представителей идеи ассоціацій не простое средство пріобрѣтенія капитала, а первый шагъ къ реорганизаціи буржуазнаго общества. Идея ассоціаціи составляетъ для нихъ догматъ вѣры, основной принципъ физическаго и духовнаго обновленія человѣка. Важнѣе всего, по ихъ мнѣнію, въ ассоціаціяхъ то, что онѣ представляютъ собою начало *организации* рабочаго сословія и что онѣ способствуютъ искорененію взаимнаго недовѣрія между тѣми членами общества, которымъ необходима солидарность для успѣшной борьбы съ эксплоатаціей и угнетеніемъ. Посредствомъ устройства фабрикъ на началахъ ассоціаціи они надѣются противодѣйствовать унижительному низкопоклонству, завистливости, собачьей покорности, — вообще поднять нравственный уровень рабочихъ. *Потребительное общество* служитъ только *подготовительной школой къ производительной ассоціаціи*. Конечно часто эти производительныя общества вступаютъ на ложный путь и, заставляя другихъ работать на себя, вырождаются въ чисто акціонерныя компаніи. Поэтому не слѣдуетъ особенно превозносить *Рочдальскихъ піонеровъ*, которые съ большимъ впрочемъ успѣхомъ придерживались именно этого направленія и уклонились такимъ образомъ отъ духа истинной ассоціаціи. Въ этомъ фактѣ не трудно открыть вредное вліяніе ложныхъ политико-экономическихъ ученій, хотя первоначальный толчокъ къ образованію союзовъ исходилъ изъ глубины народной жизни.

Какая однако громадная разница между этими обществами и нашими ассоціаціями, поскольку онѣ имѣютъ вліянія на рабочій вопросъ. *Ссудо-сберегательныя товарищества*, составляющія у насъ понынѣ главный контингентъ всѣхъ товариществъ, уже по своей идее предназначены для тѣхъ, у кого имѣется въ распоряженіи еще другой капиталъ, кромѣ лич-

ныхъ качествъ. Весь секретъ ихъ поразительнаго успѣха объясняется потребностью въ общедоступныхъ кредитныхъ банкахъ, съ незначительнымъ оборотнымъ капиталомъ; эта потребность существовала уже издавна, и только законодательство тормазило ея удовлетвореніе (ср. прим. 53).

Правда, эти общества съ поразительнымъ успѣхомъ доставляютъ ремесленникамъ средства для самостоятельнаго производства.—Прекрасно. Но какая отъ этого польза поденщику или наемному фабричному рабочему? Разумѣется, современемъ и ремесленныя товарищества должны будутъ перейти отъ формы кредитныхъ обществъ къ производительнымъ съ примѣненіемъ машинъ, и тогда они, благодаря своей предшествовавшей стадіи, скорѣе дойдутъ до того, что достигается рабочими союзами лишь съ большимъ трудомъ. Но пока ассоціаціи находятся на своей современной стадіи, въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ слѣдуетъ видѣть скорѣе прямую экономическую противоположность потребительному обществу, потому что сплошь и рядомъ ссудо-сберегательныя товарищества доставляютъ средства для процвѣтанія того самаго предпринимательскаго барыша, противъ котораго борется потребительная ассоціація *). О плодотворномъ принципѣ братства въ большей части нашихъ ассоціацій нѣтъ даже и рѣчи; да эта идея по самой сущности своей можетъ пустить ростки только между членами наиболѣе угнетеннаго сословія. Но какъ мало именно этого духа въ нѣмецкихъ ассоціаціяхъ, доказываютъ наши потребительныя общества еще нагляднѣе, чѣмъ всѣ прочія. Иначе развѣ возможенъ былъ бы серьезный споръ о томъ, что заслуживаетъ предпочтенія—лавочка, устраиваемая фабрикантомъ, или собственная лавочка рабочихъ? Даже болѣе того—друзья дѣла у насъ часто не видятъ никакой разницы

*) Автору извѣстны случаи, когда ремесленникъ, широко пользуясь кредитомъ Шульцевскаго народнаго банка, получалъ возможность довести свое производство до фабричныхъ размѣровъ.

въ томъ, учреждается ли потребительная ассоціація *фабричными хозяевами*, или же *самими рабочими*; а между тѣмъ это различіе настолько существенно, что социальное значеніе этихъ двухъ товариществъ можетъ быть названо прямо противоположнымъ. То и другое предпріятіе преспокойно причисляются къ учрежденіямъ *самопомощи*, какъ будто все заслуживаетъ этого названія, что только организуется безъ полицейскаго вмѣшательства. Если обращать главное вниманіе на отсутствіе вмѣшательства *государства*, то о самопомощи можно пожалуй и здѣсь говорить; но тогда обнаруживается немедленно, что вопросъ стоитъ не на социальной почвѣ, такъ какъ эта послѣдняя не знаетъ иной самопомощи, чѣмъ та, которая прежде всего пробуждаетъ въ угнетенной личности *чувство собственного достоинства и облегчаетъ бремя зависимости*. Независимость и характеръ самопомощи теряются тамъ, гдѣ въ товариществѣ рядомъ съ рабочими участвуютъ другіе классы, хотя бы послѣдніе и представляли не подавляющее большинство, а меньшинство, но вслѣдствіе своего «образованія» и руководящее тѣмъ дѣломъ. Въ подобныхъ товариществахъ даже доброжелательные люди обходятся съ рабочими, какъ съ дѣтьми. Между собою рабочимъ не возбраняется говорить, сколько душѣ угодно, безъ соблюденія всякихъ формальностей, на своемъ простонародномъ языкѣ, избѣгая иностранныхъ словъ или же коверкая ихъ сообразно собственному вкусу и пониманію товарищей; но на засѣданіяхъ краснорѣчивый председатель предоставитъ имъ развѣ слово послѣ нѣсколькихъ блестящихъ рѣчей другихъ членовъ. Какъ бы они ни старались выяснитъ можетъ быть весьма дѣльную свою мысль—ихъ слова либо будутъ невѣрно истолкованы, либо вовсе не поняты, и братское сліяніе сословій сведется къ тому, что председательствующій выслушаетъ рабочаго съ самой любезной улыбкой и плохо скрываемымъ нетерпѣніемъ. Избраніе какого нибудь рабочаго въ число членовъ «правленія общества» признаютъ проявленіемъ «равноправности сословій» и

даже не замѣчаютъ, насколько унижаютъ и отталкиваютъ все сословіе, снисходя къ немногимъ избраннымъ. Такъ какъ мы совсѣмъ не знаемъ рабочаго класса и такъ какъ рабочіе, прошедшіе нашу прославленную народную школу, обыкновенно не умѣютъ правильно выражаться на родномъ языкѣ,—то мы отсюда приходимъ къ наивному предположенію, будто рабочій и *думаетъ не умѣетъ*, будто онъ не имѣетъ правильнаго представленія о своемъ положеніи и о тѣхъ средствахъ, которыя могли бы ему помочь. Если же его воззрѣнія въ чемъ нибудь не сходятся съ нашими, то мы, разумѣется, не допускаемъ и мысли, что *истина можетъ быть и на его сторонѣ*, но, чтобы не оскорбить и не обезкуражить меньшую братію, стараемся всегда представить дѣло такъ, какъ будто онъ дѣйствительно отчасти и правъ. Если посредствомъ такого снисходительнаго обхожденія удастся привлечь нѣсколько рабочихъ, то мы воображаемъ, будто оказали ни въѣсть какую услугу рабочему сословію, между тѣмъ какъ оно въ дѣйствительности съ горечью покидаетъ мѣсто своего униженія и лишаетъ всякаго вліянія тѣхъ товарищей, которые примыкаютъ къ подобнымъ товариществамъ. Мы не отрицаемъ, что въ другихъ отношеніяхъ такіа товарищества могутъ приносить большую пользу, именно—въ дѣлѣ болѣе нормальной организаціи *мелочной торговли* или, вѣрнѣе сказать, въ устраненіи соединеннаго съ нею барышничества и непроизводительной траты рабочихъ силъ въ дѣлѣ удовлетворенія первыхъ потребностей. Одно пониженіе цѣнъ, хотя бы и всеобщее, однако окажетъ лишь временную помощь, такъ какъ, по закону Рикардо, оно поведетъ къ пониженію заработной платы, если вообще весь этотъ вопросъ не подвергается коренному пересмотру.

Къ проявленіямъ «самопомощи» причисляли также и «общества распространенія просвѣщенія между рабочими», задавшія похвальной цѣлью посредствомъ обученія и сближенія уничтожить пропасть, образовавшуюся между рабочимъ со-

словіемъ и остальными классами общества. Здѣсь рабочій могъ бы терпѣливо переносить превосходство остальныхъ классовъ, потому что они предлагаютъ ему именно то, чего ему дѣйствительно недостаетъ, — общее образованіе. Между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ унижительная сторона дѣла состоитъ въ томъ, что остальные сословія, въ сознаніи превосходства своей образованности, презираютъ въ рабочемъ *всю его человѣческую личность*, всѣ его мысли, ощущенія и желанія, которые, не смотря на полное отсутствіе виѣшняго лоска, часто бываютъ особенно жизненны и могучи; въ данномъ случаѣ дѣло измѣняется: вѣдь здѣсь привилегированные классы предлагаютъ рабочимъ только то, въ чемъ они чувствуютъ дѣйствительную нужду, — образованіе, а слѣдовательно нѣтъ на лицо такихъ вопросовъ, при обсужденіи и рѣшеніи которыхъ наивное чванство людей образованныхъ могло бы обнаружиться во всей своей силѣ. Однако и здѣсь существуетъ вопросъ первостепенной важности, въ которомъ повторяется ошибка большинства потребительныхъ обществъ. Это именно — вопросъ объ отношеніи рабочихъ союзовъ къ политикѣ. Рабочихъ увѣряютъ, что они по своей необразованности еще не дозрѣли до участія въ политической дѣятельности; имъ надо сперва доразвиться до пониманія великихъ вопросовъ, а для этого имъ необходимо покорно приняться за азбуку и терпѣливо дожидаться вожделѣнной минуты, когда они все поймутъ. Въ этомъ опять-таки сказывается то же отвратительное смѣшеніе образованности съ умственной зрѣлостью. Просвѣщеніе — какъ прекрасно это слово! Оно обозначаетъ одно изъ величайшихъ достижимыхъ для человѣка благъ, если только не заключаетъ въ себѣ одномъ всѣхъ высшихъ благъ. И все-таки оно не должно представлять собою даже временной китайской стѣны между правоспособными и неправоспособными членами общества. Даже если ты обладаешь образованностью въ высшемъ значеніи этого слова, ты не имѣешь права считать своего ближняго ребенкомъ. Или

откровенно низведи его на степень раба — пока цѣпь не порвется, — или же смѣло признай его свободнымъ и равноправнымъ человѣкомъ. Помочи не годятся для взрослыхъ людей, даже еслибы ты въ сравненіи съ ними былъ гигантомъ по познаніямъ, а подавно, когда вся эта «образованность», приписывающая себѣ такую важную роль, представляетъ собою только простой лоскъ, умѣніе держать себя безупречно и красно говорить, соединенное въ наше время зачастую съ полной пустотой. Что, если тщеславіе и доктринерское самоослѣпленіе дѣлаютъ образованные классы неспособными къ пониманію такихъ простыхъ истинъ, которыя народу до осязательности очевидны изъ самой жизни? Мы не думаемъ утверждать, что рабочіе достаточно способны слѣдить за всѣми тонкостями въ толкованіи конституціи или читать между строкъ дипломатической ноты; но вѣдь совсѣмъ и не требуется, чтобы государство, составляющее общественное достояніе, управлялось при помощи подобныхъ уловокъ. Зато вполне необходимо, *чтобы законодательство приняло во вниманіе потребности рабочаго сословія, чтобы право подверглось пересмотру въ интересахъ неимущихъ*, чтобы вся общественная жизнь была направлена *ко благу массъ*.

Не менѣе этого необходимо, чтобы рабочій посредствомъ участія въ государственномъ управленіи — а въ особенности въ дѣлахъ общины — снова пріобрѣлъ чувство собственнаго достоинства, въ которомъ онъ нуждается для болѣе свободного и всесторонняго развитія.

Мы не имѣемъ ничего противъ того, чтобы «общества распространенія просвѣщенія между рабочими» доставляли молодымъ людямъ общее образованіе; но взрослымъ рабочимъ, въ особенности отцамъ семействъ, гораздо существеннѣе добиться, чтобы государство организовало удовлетворительную школьную систему по крайней мѣрѣ для грядущаго поколѣнія. Только тогда рабочій *вступитъ на путь истинной самопомощи*, когда серьезно постарается употребить внушительную

силу своего сословія на то, чтобы доставить себѣ и своему потомству подобныя блага; тогда ему нечего уже будетъ готовиться посредствомъ изученія азбуки къ участію въ политикѣ, ибо *съ этой самой минуты онъ фактически превратится въ политика*; съ того момента, когда умъ его приметъ это направление, онъ сдѣлается въ союзѣ съ своими товарищами *силою въ государствѣ*, и чѣмъ рѣшительнѣе выступитъ эта сила, тѣмъ скорѣе онъ встрѣтитъ предупредительность взаимнѣе прежней холодной уклончивости и насмѣшливаго пренебреженія. Результатъ этотъ въ значительной степени получится даже независимо отъ того, насколько вѣрны будутъ непосредственныя цѣли, преслѣдуемыя рабочимъ. Одинъ уже фактъ его участія въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ поведетъ къ такимъ уступкамъ со стороны прочихъ классовъ, на которыя прежде никто бы не согласился ⁵⁴⁾.

Истинная сила германской партіи «самопомощи» кроется, какъ выше было замѣчено, не въ томъ, что явно выражаетъ это слово, но въ томъ, что подъ нимъ подразумѣвается. Дѣйствительной самопомощи рабочихъ по собственной инициативѣ большинство этой партіи никогда не желало и даже не считало желательной. Имущіе и просвѣщенные люди среди либераловъ хотѣли кое-что сдѣлать для рабочаго сословія, чтобы такимъ образомъ умиротворить его и привязать къ себѣ. Поэтому во всей соціальной дѣятельности партіи Шульце-Делича, какъ бы дружелюбно она ни относилась къ рабочимъ, сквозить затаенная симпатія къ современному господству капитала. Вполнѣ сознательно открещивалась эта партія отъ всякой государственной помощи; сверху дарованной—она не хотѣла, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія консервативной партіи; завоеванной снизу самимъ народомъ—не желала изъ ненависти къ неизбѣжному при этомъ проявленію демократическаго самосознанія рабочихъ; однимъ словомъ, всякой вообще государственной помощи она боялась потому, что боялась возможности коренного потрясенія современнаго господства капи-

тализма. Но такъ-же мало она желала и дѣйствительной самопомощи, въ англійскомъ смыслѣ этого слова. Дальше формы никто не шелъ; требовался громкій боевой лозунгъ, и вотъ его брали, гдѣ только находили, не заботясь, соответствуетъ ли онъ тому, чего добивались. Различіе между программой и внутреннимъ духомъ партіи не менѣе велико и у послѣдователей *Фердинанда Лассалля* ⁵⁵⁾, выставившихъ «государственную помощь» лозунгомъ на своихъ знаменахъ. Партія эта выступила съ пылкой инициативой, съ священнымъ рвеніемъ, напоминающимъ беззавѣтность религіозныхъ новаторовъ, — но съ поразительно мизерной и двусмысленной программой. Конечно при этомъ не слѣдуетъ предполагать, что Лассаль весь высказался въ своей программѣ или что онъ думалъ, предлагая посредствомъ общаго и прямого избирательнаго права добиться отъ государства оказанія кредита рабочимъ ассоціациямъ, дѣйствительно достигнуть окончательнаго и полнаго рѣшенія рабочаго вопроса. Вѣдь онъ во всякомъ случаѣ былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя почерпаютъ вдохновеніе къ активному вмѣшательству въ окружающую жизнь не въ слѣпой вѣрѣ въ маленькую, сравнительно близкую цѣль, а въ идеальномъ радикализмѣ; а это возможно конечно лишь въ томъ случаѣ, когда такая голова вѣрится съ наивной страстностью истиннаго пророка во всемірно-историческое значеніе даннаго *момента* и въ призваніе своей собственной *личности*.

Почти всѣ достоинства и недостатки *Лассалля* *) происходятъ отъ одной и той же причины: онъ философъ, да къ тому же *гегельянецъ*. Онъ самъ охотно называетъ себя *идеологомъ*, и лишній разъ доказалъ своимъ примѣромъ, что такого рода люди играютъ въ исторіи болѣе значительную роль,

*) Само собою разумѣется, что рѣчь идетъ здѣсь о Лассалѣ не какъ о человѣкѣ, а какъ о представителѣ опредѣленнаго соціально-политическаго направленія.

чѣмъ практики, которымъ въ большинствѣ случаевъ присваиваютъ эту кличку потому, что они не дѣйствуютъ, а склонны замѣять и оттянуть всякое дѣло. Своей философской подготовкѣ Лассаль обязанъ глубоко продуманнымъ, хотя и не вполне чуждымъ произвольныхъ обобщеній *историческимъ міросозерцаніемъ*. Онъ обязанъ ей своей склонностью и умѣньемъ разыскивать во всѣхъ историческихъ эпохахъ опредѣленные господствующія идеи и по нимъ уже судить обо всемъ остальномъ. Ей онъ обязанъ вѣрою въ абсолютную правильность такихъ умозаключеній, въ которыхъ болѣе строгая логика опытного мыслителя можетъ допустить только вѣроятность или сравнительную правильность. Въ качествѣ гегеліанца онъ имѣлъ полное право произнести гордую фразу: «всякую строчку, которую я пишу, — я пишу во всеоружіи современной науки»; болѣе глубокое естественно-научное образованіе ⁵⁶⁾, котораго ему не доставало, есть именно то направленіе, которому и самъ Гегель, разумѣется, не къ выгодѣ своей системы, придавалъ слишкомъ мало значенія сравнительно съ историко-философскимъ образованіемъ. Впрочемъ Лассаль былъ совершенно свободенъ отъ безсодержательнаго пустозвонства многихъ гегеліанцевъ; всякое понятіе онъ старался наполнить реальнымъ содержаніемъ, но при этомъ слишкомъ односторонне увлекался слишкомъ широкими обобщеніями. Уже исходная точка его социальныхъ теорій носитъ историко-философскій характеръ; Лассаль утверждаетъ, что мы съ 1848 года вступили въ новую эпоху, въ которой *четвертое сословіе* (рабочій классъ) должно приобрести такое же руководящее вліяніе, какого буржуазія добилась посредствомъ великой революціи 1789 года. Уже тутъ мы имѣемъ доказательство, какъ практична идеологія, формулирующая свои идеи въ видѣ лозунговъ, приводящихъ массы въ движеніе. «Четвертое сословіе!» Сколько копій поломано въ спорахъ объ этомъ понятіи! Его старались отрицать, изгнать, опровергнуть — все напрасно! Четвертое сословіе фактически существуетъ, и нѣтъ той силы, которая

могла бы снова стереть его съ лица земли и помѣшать ему добиться своихъ правъ. Но это признаніе нисколько не препятствуетъ намъ указать на то, какъ произвольно опредѣляетъ Лассаль значеніе этого сословія. Во всякомъ случаѣ онъ привелъ нѣсколько очень интересныхъ аргументовъ въ пользу своего мнѣнія, что тенденція революціи 1789 г. заключалась въ передачѣ господства въ руки буржуазіи («Рабочая программа», § 20—23); но онъ самъ же (ib. § 43 и 35) приводитъ факты противоположнаго рода, и тѣ преимущества, которыя буржуазія присвоила себѣ еще среди волненій великой революціи, гораздо проще объясняются, какъ остатки средневѣковаго сословнаго принципа. Впрочемъ не станемъ уклоняться въ сторону. Мы оставляемъ пока открытымъ вопросъ о томъ, знаменуетъ ли современная борьба четвертаго сословія совершенно новую историческую эпоху, или же борьба 1789 г. съ самаго начала носила въ себѣ широкую противосословную тенденцію и только нуждалась въ своемъ логическомъ дополненіи. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что нѣтъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу того мнѣнія, будто-бы эмансипація четвертаго сословія навсегда положить конецъ этому процессу. Отождествленіе этого сословія со всѣмъ человечествомъ можетъ быть простымъ повтореніемъ того заблужденія, которое заставило нѣкогда аббата Сійеса воскликнуть, будто «третье сословіе должно сдѣлаться всѣмъ». Можно даже предположить, что послѣ повсемѣстнаго учрежденія производительныхъ ассоціацій, пользующихся государственнымъ кредитомъ, тѣ рабочіе, которые по самой природѣ своей профессіи не будутъ въ состояніи имъ воспользоваться (какъ напримѣръ батраки, носильщики, разные поденщики, черно-рабочіе и пр.), образуютъ болѣе низкую общественную ступень или пятое сословіе. Не трудно понять, что сама по себѣ идея рабочаго сословія такъ же мало поможетъ дѣлу, какъ въ свое время провозглашеніе человѣческихъ правъ. Вопросъ заключается въ фактическомъ ея осуществленіи, и мы не мо-

жемъ себѣ представить, какъ здѣсь избѣжать новаго преобладанія эгоизма, если только не восторжествуетъ рѣшительно принципъ безусловнаго братства. Голая идея всеобщей равноправности въ государствѣ не настолько нова и не настолько всемогуща, чтобы въ ней одной видѣть панацею. Да вѣдь и самъ Лассаль выставляетъ всеобщее, равное и прямое избирательное право, лишь какъ первое средство къ цѣли. Второй шагъ заключается въ организаціи вышеупомянутыхъ производительныхъ ассоціацій. А такъ какъ, по убѣжденію самого Лассалья, эта мѣра будетъ осуществлена хотя и въ широкихъ размѣрахъ, но лишь постепенно, то что же помѣшаетъ членамъ этихъ ассоціацій, когда онѣ до извѣстной степени окрѣпнутъ, обратить при помощи своего вліянія всѣ преимущества новыхъ учрежденій въ свою исключительную пользу и сдѣлать повторить исторію 1789 года? Избѣжать этого можно только при помощи новаго идейнаго принципа, и при томъ такого принципа, который завладѣлъ бы всѣмъ челоувѣкомъ, который былъ бы революціонеръ какъ въ государственномъ и социальномъ, такъ и въ этическомъ отношеніи — однимъ словомъ, — такого принципа, который заключалъ бы въ себѣ одновременно и логическое продолженіе, и исполненіе завѣтовъ христіанства. Односторонность и неполнота историческаго міросозерцанія, которымъ Лассаль, несмотря на свою изумительную эрудицію и рѣдкую силу синтеза, увлекся, благодаря привычкѣ къ гегеліанскому схематизму, особенно рельефно обнаруживаются въ его анализѣ взаимныхъ отношеній капитала и труда. Его основное воззрѣніе сводится къ тому, что въ средніе вѣка первенствовалъ трудъ, а капиталъ въ силу экономическихъ условій игралъ подчиненную роль; что это соотношеніе перешло въ эпоху французской революціи въ свой антитезъ, т. е. что капиталъ отнынѣ сталъ первенствовать, а трудъ спустился на служебную ступень; что наконецъ въ новую историческую эпоху трудъ опять пріобрѣтетъ рѣшающее значеніе, но при этомъ онъ не просто возвратится

къ своему первоначальному состоянію исходнаго періода, а подчинить своимъ интересамъ ту самую систему раздѣленія труда, при помощи которой онъ былъ поработченъ во время второго періода.

Какъ видно изъ очерка въ главѣ V, этотъ взглядъ на дѣло по существу совпадаетъ съ теоріею *Маркса*; только, по мнѣнію Маркса, второй періодъ начинается еще съ эпохи реформаціонной.

Нельзя отрицать важное значеніе энергической оппозиціи, въ которую вступилъ Лассаль противъ безплодныхъ абстракцій школы «свободной торговли» при обоснованіи своихъ воззрѣній; но это только ферментъ для преобразованія политической экономіи, которая въ своемъ современномъ видѣ дѣйствительно едва заслуживаетъ названія науки. Старая политико-экономическая школа дѣйствительно слишкомъ односторонне развиваетъ свои положенія изъ общихъ понятій и игнорируетъ разнообразіе дѣйствительныхъ отношеній и нравственные мотивы челоувѣческихъ поступковъ; но и Лассаль подчеркиваетъ отличительныя черты принятыхъ имъ экономическихъ періодовъ настолько односторонне, что почти теряетъ изъ виду общіе и неизмѣнные элементы. Это приводитъ его къ натянутому и неосновательному предположенію, будто капиталъ въ древности и въ средніе вѣка — слѣдовательно въ продолженіе весьма длиннаго періода времени — находился лишь въ подготовительномъ состояніи, и только во время французской революціи вдругъ выступилъ на сцену во всеоружіи. Особенно должно при этомъ броситься въ глаза то обстоятельство, что послѣ такого продолжительнаго періода съ 1789 по 1848 годъ вдругъ наступилъ и миновалъ новый историческій періодъ своеобразнаго и совершенно особаго характера. Но еще съ большимъ изумленіемъ приходится спросить, гдѣ же въ этомъ второмъ періодѣ кроется подготовка къ грядущему третьему: вѣдь, по воззрѣнію самого же Лассалья, революція не столько создаетъ новый строй,

сколько разбиваетъ послѣднія оковы стараго, послѣ того какъ новый принципъ созрѣлъ и окрѣлъ. Капиталу потребовались тысячелѣтія, чтобы окончательно сложиться и шестьдесятъ лѣтъ властвовать съ яростью какого-то безпримѣрнаго чудовища, — неужели же промышленный трудъ, едва возникшій съ началомъ этого періода въ своей новой формѣ, страшно подавленный и угнетенный, могъ за это время достаточно созрѣть, чтобы взять въ свои руки бразды правленія! Кромѣ того во всемъ этомъ воззрѣніи лежатъ опасныя сѣмена сочувствія реакціи. Какъ мы ни мало склонны дѣлать такому до мозга костей революціонному мыслителю, какъ Лассаль, упрекъ въ тайной или явной услужливости реакціоннымъ интересамъ, мы все таки не можемъ отрицать, что его неблагоприятный отзывъ о французской революціи носитъ въ себѣ нѣчто чрезвычайно опасное. Еслибы Лассаль, наоборотъ, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что освобожденіе рабочаго сословія изъ-подъ власти капитала есть только послѣдній шагъ въ процессѣ уничтоженія феодализма, то онъ составилъ бы себѣ болѣе простое и основательное историческое міровоззрѣніе и вѣрнѣе оцѣнилъ бы прогрессивныя силы вѣка, — что его однако нисколько не обязало бы относиться терпимѣе къ буржуазному либерализму.

Никто не доказалъ такъ наглядно, какъ самъ Лассаль, что капиталистическій режимъ, несмотря на свой видимый контрастъ съ феодальнымъ строемъ, въ сущности является его порожденіемъ. Сколько сарказма въ его нападкахъ на идею возникновенія капитала путемъ сбереженій, какъ ядовито старается онъ заклеить идею о «*вознагражденіи за воздержаніе*»! Еслибы Лассаль въ этой полемикѣ не возвелъ теоретическихъ заблужденій благомыслящихъ и выдающихся дѣятелей въ преступленія, то мы не поколебались бы именно этой сторонѣ его дѣятельности приписать важное значеніе. Правда, при благоприятныхъ условіяхъ и въ видѣ исключенія капиталъ можетъ сложиться изъ сбереженій; но все-таки

можно сказать, что главная масса нашихъ крупныхъ капиталовъ обязана своимъ возникновеніемъ частью прямо, частью косвенно владѣльческимъ привилегіямъ феодальнаго времени: привилегіи эти приобрѣли, благодаря особенностямъ современнаго экономического строя, болѣе подвижной характеръ и безгранично умножились въ новѣйшей промышленности. Поэтому и освобожденіе рабочихъ отъ господства капитала является, правда, необходимымъ продолженіемъ, но все-таки только продолженіемъ и довершеніемъ того самаго дѣла, которое было начато еще французской революціей.

Практическіе совѣты Лассаля относительно рѣшенія социального вопроса сводятся, какъ извѣстно, къ *организации производительныхъ ассоціацій, пользующихся государственными кредитомъ*, а какъ средство для достиженія этой цѣли онъ рекомендуетъ неотступную агитацію для установленія *всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права*. Но если задать себѣ вопросъ, какая связь существуетъ между этимъ рѣшеніемъ и указаннымъ Рикардо главнымъ препятствіемъ, которое подмѣтилъ и подчеркнул самъ же Лассаль, то обнаружится поразительный результатъ. Вѣдь не подлежитъ никакому сомнѣнію, что лежащій въ основаніи теоріи Рикардо законъ еще не измѣнится вслѣдствіе того, что рабочіе обратятся въ предпринимателей. Вѣдь теорія Рикардо выражаетъ *только ту форму*, которую борьба за существованіе приняла *въ эпоху господства капитала*. Но законъ, которымъ вообще обуславливается гибель большинства для пользы эксплуатирующаго его меньшинства, совсѣмъ не находится въ неразрывной связи съ господствомъ закона спроса и предложенія.

При средневѣковомъ строѣ, противоположность котораго современной эпохѣ Лассаль охарактеризовалъ такими яркими чертами, бѣдность была не менѣе распространена, чѣмъ нынѣ, хотя она поражала не «рабочихъ» въ современномъ смыслѣ слова, а угнетала и подавляла, лишала наслѣдства и закрѣпощала индивидовъ всевозможнаго рода профессій. Такимъ

образомъ можно опасаться, что рабочіе-предприниматели, конечно при удачѣ эксперимента съ ассоціаціями, скоро настолько бы размножились, что ихъ существованіе было бы, не смотря на предпринимательскій барышъ, снова низведено на самую низкую ступень. Можно даже, пожалуй, опасаться, что слишкомъ сильное возрастаніе числа фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ быстро низвело бы предпринимательскій барышъ до нуля и, благодаря появленію перепроизводства, вызвало бы, такъ сказать, непрерывный торговый кризисъ. Если добиться правильной политической организаціи, то можно предотвратить все это посредствомъ законодательныхъ мѣропріятій, но врядъ ли удастся это сдѣлать, не вызвавъ другихъ неудобствъ и весьма чувствительнаго гнета, а слѣдовательно и всеобщаго унынія и недовольства.

Единственный способъ избѣжать этихъ дурныхъ послѣдствій слѣдуетъ искать въ повышеніи *нормы благосостоянія*, и притомъ въ такомъ повышеніи, которое бы одновременно облагородивало жизнь и посредствомъ умственного труда и умственныхъ наслажденій возвышало бы ее надъ зависимою отъ самыхъ непосредственныхъ матеріальныхъ условий существованія. Но для этого необходимы *возбужденіе и время*. Самое существенное и необходимое духовное возбужденіе заключается въ чувствѣ собственнаго достоинства, связанномъ съ участіемъ свободнаго гражданина въ общественныхъ дѣлахъ. На этой естественной почвѣ истиннаго просвѣщенія могутъ зацѣмъ, даже при самыхъ скудныхъ внѣшнихъ средствахъ, развиться важнѣйшіе элементы интеллектуальной и эстетической культуры; напротивъ, безъ этого фундамента всѣ стремленія къ просвѣщенію будутъ всегда вырождаться въ пустое баловство и хилую тепличную культуру. Поэтому далеко не безразлично, будутъ ли производительныя ассоціаціи организованы неограниченною государственною властью или же онѣ разовьются на почвѣ возможно полной политической свободы, а у Лассалля этотъ вопросъ

остается невыясненнымъ. Кромѣ того врядъ ли можно считать на успѣхъ этихъ предпріятій, если имъ не будетъ предшествовать значительная общественная подготовка въ видѣ самообразованія и привычки къ работѣ и борьбѣ за общіе интересы.

Помимо другихъ затрудненій, которыя слишкомъ часто преувеличиваются, эти соображенія неизбѣжно вызываютъ вопросъ, насколько рационально и возможно начинать прямо съ искусственной организаціи производительныхъ ассоціацій въ широкихъ размѣрахъ? Если онѣ будутъ организованы свыше, военно-бюрократическимъ способомъ,—безразлично, носить ли глава государства корону или фригійскую шапку, — то рабочій съ самаго начала рискуетъ угодить изъ огня въ полымя; если же они будутъ организованы въ видѣ *республиканскихъ фабрикъ*, что опять-таки одинаково мыслимо при монархическомъ, какъ и при республиканскомъ режимѣ, то спрашивается, удастся ли набрать гражданъ для этихъ промышленныхъ республикъ? Положимъ, и здѣсь можно примѣнить извѣстное правило, что только въ водѣ научишься плавать, но при серьезномъ анализѣ вещей не трудно понять, что *конституціонная* форма организаціи фабрикъ, какъ болѣе осуществимая, заслуживаетъ предпочтенія предъ *республиканской*. Къ этой-то конституціонной формѣ фабричнаго устройства и стремятся въ сущности *ремесленные союзы*, которые, благодаря природному такту рабочихъ, въ настоящее время въ громадномъ большинствѣ случаевъ предпочитаютъ производительнымъ ассоціаціямъ. Мы скоро увидимъ, что эти предпріятія имѣютъ еще то особое преимущество, что допускаютъ *постепенное развитіе* экономической свободы рабочихъ; что по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сознательное отношеніе рабочихъ къ ходу предпріятія, ихъ солидарность и привычка къ организаціи, ихъ твердость и самообладаніе, они могутъ повысить свои требованія и пріобрѣтать все большее вліяніе на управленіе предпріятіемъ.

Теперь намъ остается еще въ другомъ отношеніи показать, что для всеобщаго примѣненія производительныхъ ассоціацій требуется *время*. Еслибы посредствомъ государственной помощи, которая при этомъ должна бы быть гораздо значительнѣе, да и могла бы быть значительнѣе, чѣмъ Лассаль себѣ это представляетъ, возможно было немедленно организовать производительныя ассоціаціи въ обширныхъ размѣрахъ и такимъ образомъ значительно улучшить судьбу ихъ членовъ,—то разразился бы тяжелый кризисъ надъ тѣми рабочими, которые еще не могли быть приняты въ эти ассоціаціи. Пока для подавляющаго большинства людей голодъ или по крайней мѣрѣ недостатокъ въ хорошей и питательной пищѣ составляетъ обычное явленіе, пока мы видимъ, что потребление даже самыхъ насущныхъ жизненныхъ припасовъ повышается и понижается вмѣстѣ съ колебаніемъ цѣнъ,—до тѣхъ поръ нельзя сомнѣваться, что ближайшимъ и самымъ существеннымъ результатомъ улучшенія соціальнаго положенія столькихъ людей было бы повышение спроса на предметы первой необходимости.

Но предложеніе не можетъ возрастать въ одинаковой степени, и отсюда неизбежно возникла бы дороговизна и серьезная нужда для всѣхъ тѣхъ, чья судьба еще не была бы обеспечена. А еслибы тотъ же самый процессъ происходилъ медленно и постепенно, то параллельно съ умѣреннымъ, но непрерывнымъ возрастаніемъ цѣнъ на предметы первой необходимости расширялось бы и *земледѣльческое производство*. Здѣсь опять-таки возможны два пути: либо земледѣльческое производство расширится, какъ въ Англіи, въ видѣ какъ бы промышленной эксплоатаціи крупныхъ земельныхъ участковъ, и тогда положеніе земледѣльческихъ рабочихъ грозитъ сдѣлаться еще хуже, чѣмъ въ настоящее время положеніе фабричныхъ; либо и въ аграрныхъ порядкахъ по крайней мѣрѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ крупное землевладѣніе, будетъ одновременно избранъ путь соціальной реформы.

Но и въ послѣднемъ случаѣ также возможны два направленія, оба уже принятыя въ Англіи въ соображеніе социальными реформаторами: раздробленіе земли и раздача ея мелкимъ собственникамъ, или *кооперативная* организація хозяйства на крупныхъ земельныхъ участкахъ, что было бы послѣдовательнѣе. Вѣроятно и та, и другая системы могутъ значительно повысить доходность почвы. Изъ нихъ, разумѣется, послѣдняя система гораздо рациональнѣе, хотя въ то же время и гораздо труднѣе. При этомъ можно было бы пустить въ ходъ либо систему принудительной отдачи въ аренду при посредничествѣ государства, либо законъ объ экспроприаціи земли въ пользу аграрныхъ ассоціацій; либо уже наконецъ систему уничтоженія частнаго землевладѣнія, о которомъ будетъ еще рѣчь ниже. Но для всѣхъ этихъ операций потребуется тѣмъ болѣе подготовительныхъ работъ, опыта и времени, что къ нимъ совсѣмъ еще не подготовлены умы аграрныхъ рабочихъ, руками которыхъ должны будутъ поддерживаться эти ассоціаціи. Итакъ, при болѣе тщательномъ анализѣ оказывается, что не только въ теоретическомъ отношеніи выставленные лозунгомъ понятія: «государственная помощь» и «самопомощь» почти совсѣмъ не разъясняютъ сущности дѣла, но что и партіи, сгруппировавшіяся вокругъ обоихъ знаменъ, не обладаютъ ясными программами для рѣшенія соціального вопроса. Положимъ, послѣдователи Лассаля, лассальянцы, опираясь на исключительно-революціонный характеръ своихъ тенденцій, могутъ объявить этотъ недостатокъ неважнымъ, но этой стороны ихъ дѣятельности мы здѣсь не станемъ касаться. Здѣсь рѣчь идетъ о принципахъ государственнаго рѣшенія рабочаго вопроса. Объ упованіяхъ на естественную силу революціи и историческую логику мы уже раньше говорили.

Несравненно яснѣе принципъ тѣхъ, кто думаетъ приступить къ рѣшенію рабочаго вопроса прежде всего посредствомъ систематической организаціи и поддержки *рабочихъ союзовъ*. Союзы эти выросли въ Англіи вполне естественно

изъ давней, никогда неугасавшей борьбы рабочихъ противъ капиталистическаго гнета. «Самопомощь» носить здѣсь характеръ вынужденнаго средства самозащиты, къ которому прибѣгли послѣ того, какъ государство и законодательство покинули рабочихъ на произволъ судьбы. Большинство этихъ союзовъ либо прекратили бы давнымъ давно свое существованіе, либо никогда не доразвились бы до своего современнаго могущества, еслибы государство приняло необходимѣйшія законодательныя мѣры для защиты рабочихъ и настояло на ихъ исполненіи. И все-таки здѣсь — то именно самопомощь, понятая серьезно, оказала наиболѣе сильное этическое вліяніе и высоко подняла какъ интеллектуальный, такъ и нравственный уровень рабочихъ⁵⁷⁾. Благодаря этому, рабочіе все болѣе и болѣе начинаютъ давать чувствовать силу своего вліянія тамъ, гдѣ прежде безцеремонно распоряжались ими. Уже теперь рабочіе союзы простираютъ свои притязанія не только на участіе въ обсужденіи такихъ вопросовъ, какъ фабричныя порядки, ремесленное обученіе, рабочее время и прежде всего высота заработной платы, но позволяютъ себѣ при случаѣ дѣлать фабрикантамъ замѣчанія о предотвращеніи перепроизводства, о продажныхъ цѣнахъ на продукты и тому подобныхъ условіяхъ успѣшнаго веденія дѣла, которыя всегда такъ тѣсно связаны съ интересами и благомъ рабочихъ. Правда, эти домогательства еще сплошь и рядомъ встрѣчаютъ отпоръ и признаются заносчивою притязательностью, однако они уже существуютъ, и такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ свидетельствуютъ о тщательномъ изученіи дѣла, то безъ сомнѣнія приобрѣтутъ современемъ солидный вѣсъ и значеніе. Но это вывело бы ремесленные союзы далеко за предѣлы ихъ первоначальной цѣли и доставило бы имъ ту позицію, которую мы выше назвали *конституціонной формой фабричнаго дѣла*. Утвердись такая форма въ промышленной странѣ повсемѣстно, тогда сдѣланъ былъ бы самый важный подготовительный шагъ къ *республиканской формѣ* организаціи фабрикъ, т. е. къ все-

общему введенію производительныхъ товариществъ за счетъ самихъ рабочихъ, и шагъ этотъ былъ бы тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе широкое распространеніе имѣла бы система участія рабочихъ въ барышахъ и убыткахъ. Съ другой стороны можно также замѣтить, что послѣ достиженія этой ступени значительно ослабнетъ самая потребность перехода къ производительнымъ товариществамъ; поэтому вполне мыслимъ такой періодъ промышленнаго производства, когда рядомъ съ фабриками республиканскаго типа продолжали бы еще существовать и конкурировать конституціонныя, а пожалуй даже управляемыя по старому единолично. Но даже въ послѣдняго рода фабрикахъ матеріальное положеніе рабочихъ, по неизмѣннымъ законамъ конкуренціи, было бы лучше, чѣмъ теперь. Впрочемъ этотъ путь по самому своему существу крайне затруднителенъ и сопряженъ съ постоянными неудачами и препятствіями, да и работодатели постараются воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы вернуть свое бывшее единовластіе, безразлично какимъ путемъ — «государственной ли помощью», или «самопомощью». Поэтому невольно напрашивается мысль объ эмансипаціи рабочихъ посредствомъ государственныхъ мѣропріятій съ цѣлью ускорить процессъ появленія новаго и лучшаго строя, смягчить борьбу и, придавъ ей форму рационально организованныхъ преній, облегчить и обставить большей авторитетностью рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Но при этомъ особенно слѣдуетъ принять во вниманіе, что организація, которая попыталась бы замѣнить дѣятельность союзовъ дѣятельностью государственныхъ чиновниковъ, оказала бы чрезвычайно пагубное вліяніе, потому что отъ этого пострадалъ бы этический моментъ свободной борьбы за права, интеллектуально-воспитательная самостоятельность рабочихъ и ихъ способность къ самоорганизаціи. Вообще рабочіе, даже въ привычной къ борьбѣ Англіи, слишкомъ склонны въ дѣлѣ защиты своихъ правъ прибѣгать къ чиновникамъ, правительственнымъ и третейскимъ судамъ и угло-

няться отъ забастовокъ, которыя они выдерживали уже столько разъ съ героизмомъ и невѣроятнымъ самоотверженіемъ. Они не знаютъ, какъ много они обязаны своею нравственной силой, общественнымъ положеніемъ именно этой борьбѣ; потому что они ведутъ борьбу не для того, чтобъ развивать свои нравственныя силы, но чтобъ добиться своей цѣли. Но самая борьба доставляетъ имъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ ближайшая цѣль ихъ стремленій; и если они въ Англіи уже теперь добились того, что работодатели обращаются съ ними не какъ съ какой-нибудь ниже-стоящей кастой, но какъ съ равноправными людьми, то этимъ они обязаны прежде всего своей замѣчательной выдержкѣ въ борьбѣ за повышеніе заработной платы. Тѣмъ же самымъ способомъ они развиваютъ и свои политическія способности; и если англійскимъ рабочимъ когда нибудь удастся добиться въ парламентѣ не только представительства, но и вліянія, то и этого результата они добьются на той же почвѣ. Поэтому тамъ, гдѣ развитіе приняло такое направленіе, необходимо, чтобы государственное вмѣшательство предоставляло рабочимъ развивать свои силы самостоятельнымъ изученіемъ всѣхъ возникающихъ вопросовъ и самимъ заботиться о своемъ благѣ, хотя бы и болѣе мирнымъ путемъ.

Вполнѣ естественно и понятно, что тамъ, гдѣ привычка въ самопомощи такъ сильна, а государственная машина такъ неповоротлива, какъ въ Англіи, мирное рѣшеніе столкновений между рабочими и хозяевами происходитъ частнымъ путемъ, напр. при посредствѣ «рабочихъ синдикатовъ» по системѣ *Кеттле* и *Мунделлы*; но и въ Англіи идея государственнаго вмѣшательства въ эти отношенія нашла себѣ уже отголосокъ. Англійскіе рабочіе синдикаты всецѣло основаны на организации ремесленныхъ союзовъ, которая такимъ образомъ не только не забрасывается, а получаетъ, напротивъ, дальнѣйшее развитіе.

Если законодательство можетъ создать нѣчто подобное,

да еще въ болѣе современной формѣ, то нѣтъ основанія не воспользоваться такого рода государственной помощью. Она не представляетъ ничего вреднаго и, будучи правильно примѣнена, является скорѣе весьма выгодною.

Какъ въ былое время мечтали перенести въ Германію англійскій конституціонализмъ, такъ нынѣ готовы цѣликомъ пересадить на нашу почву и этотъ видъ представительства рабочихъ; но при этомъ слишкомъ легко упускаютъ изъ вида, какъ неразрывно связана самая сущность подобныхъ англійскихъ учреждений съ тою борьбой, которая ихъ породила. У насъ все это должно явиться какъ по щучьему велѣнію. Д-ръ Максъ Гиршъ организуетъ ремесленные союзы, и прежде чѣмъ они успѣли выдержать хоть сколько-нибудь заслуживающую вниманія борьбу, является уже Брентано съ своими «третейскими учрежденіями» («*Einigungsämter*»). Конечно невѣроятно, да нисколько не нужно и не желательно, чтобы мы выдержали ту-же суровую социальную борьбу, какую пришлось выдержать Англіи: націи могутъ пользоваться опытомъ сосѣдей и, вступая позже другихъ на какой-нибудь путь, избѣжать многихъ опасностей, выпавшихъ на долю первыхъ пионеровъ. Но желаніе поудобнѣе добраться до цѣли не должно заставлять насъ игнорировать принципиальную сторону дѣла, а она учитъ насъ, что всѣ подобныя учрежденія только тогда имѣютъ цѣну, когда они возникли изъ самой жизни и насквозь пропитаны тѣмъ духомъ, который ихъ вызвалъ къ жизни.

Глубокомысленное изреченіе *Гете*, что «наслѣдіемъ отцовъ прочно владѣетъ только тотъ, кто его вновь заработалъ», можно вполнѣ примѣнить и къ заимствованнымъ извнѣ формамъ политической и социальной жизни. Въ результатъ такого слишкомъ удобнаго рѣшенія рабочаго вопроса получится то, что и цѣль не будетъ достигнута, и государство, если оно вмѣшется, окажется скомпрометтированнымъ. Мы считаемъ возможнымъ создать на этой почвѣ такія учрежде-

нія, которыя оказали-бы настолько-же рѣшительное, насколько и полезное вліяніе, вродѣ напр. англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ; но и въ случаѣ удачи это повело-бы только къ нѣкоторому смягченію грубой формы борьбы за заработную плату и только отвлекло-бы стремленіе рабочихъ повысить свое социальное положеніе на новый, временно повидимому не столь грозный путь.

Было-бы безразсудно думать, что все рабочее движеніе можно успокоить посредничествомъ государственныхъ чиновниковъ въ спорахъ о заработной платѣ. Чтобы на этой почвѣ хоть нѣсколько содѣйствовать счастливому исходу великаго кризиса, эти учрежденія должны были-бы принять за руководящій принципъ діаметрально-противоположный излюбленной властной опеки. Необходимо было-бы воспитывать и поощрять рабочихъ къ свободной, законной, но тѣмъ не менѣе энергичной борьбѣ за свое право и интересы. А гдѣ взять чиновниковъ для подобнаго веденія дѣла? Пришлось-бы и ихъ сперва подготовить, а для этого опять-таки нужно время, нужно постепенно привыкнуть къ тому, что мысль, которую нынѣ всѣ повторяютъ, какъ безсодержательную фразу: «рабочіе вѣдь тоже люди», имѣетъ вполне реальное содержаніе. Дальнѣйшую разработку этого вопроса мы предоставляемъ тѣмъ, кто интересуется главнымъ образомъ спеціальными вопросами, и обращаемся къ выясненію тѣхъ *общихъ принциповъ*, которые могли-бы служить намъ руководящей нитью въ лабиринтѣ всевозможныхъ реформъ.

Первымъ изъ этихъ принциповъ служитъ *признаніе рабочего вопроса* въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ мы его выше изложили. Кто слишкомъ поверхностно смотритъ на дѣло, тотъ и средства изберетъ слишкомъ недостаточныя или — что еще нежелательнѣе — будетъ *примѣнять предложенныя средства несогласно съ ихъ духомъ и истиннымъ смысломъ*. Кто все еще продолжаетъ думать, будто центръ тяжести рѣшенія рабочаго вопроса заключается въ томъ, чтобы «заста-

вить рабочихъ вновь увѣрять въ нормальность ихъ положенія», отъ того нечего ждать какой-нибудь сознательной пользы. Людей, доказывающихъ въ парламентскихъ рѣчахъ, газетныхъ статьяхъ или даже въ отдѣльных брошюрахъ цитатами изъ *Франклина*, что рабочіе могутъ улучшить свою участь единственно трудолюбіемъ и бережливостью, нечего даже принимать во вниманіе. Попытки гуманныхъ фабрикантовъ, помѣщиковъ и другихъ предпринимателей возстановить социальный миръ посредствомъ «хорошаго обращенія» съ рабочими и тому подобныхъ средствъ имѣютъ значеніе лишь какъ симптомы происходящаго въ обществѣ движенія. Если же они изъ какихъ бы то ни было побужденій прибѣгаютъ къ средствамъ, которыя дѣйствительно до нѣкоторой степени улучшаютъ положеніе рабочихъ, какъ напр. къ устройству хорошихъ жилищъ, то имъ раньше или позже неизбежно приходится жаловаться на «неблагодарность», «внѣшнее подстрекательство» и т. п.

Второй принципъ состоитъ въ томъ, чтобы каждое отдѣльное мѣропріятіе было направлено *къ дѣйствительной и полной эмансипаціи рабочихъ* отъ ихъ недостойной зависимости и подчиненности предпринимателямъ. А это можетъ имѣть мѣсто только при томъ условіи, чтобы *республиканская или конституціонная форма фабричной организаціи* сдѣлалась преобладающей или получила широкое распространеніе. Мы уже выше показали, что для этого необходимо предварительное воспитаніе и самовоспитаніе рабочихъ. Но поэтому то именно и существуетъ вопросъ, какой характеръ придается потребителнымъ товариществамъ, обществамъ распространенія просвѣщенія между рабочими, рабочимъ союзамъ и т. п. Сами по себѣ они не имѣютъ значенія, и самыя неудачныя и безполезныя изъ нихъ способствуютъ отчасти поддержанію всеобщаго движенія въ пользу социальныхъ реформъ. Слѣдуетъ также отвергать всякое политическое мѣропріятіе, направленное къ тому, чтобы посредствомъ мелкихъ улучшеній

въ матеріальномъ положеніи рабочихъ поддерживать и закрѣплять ихъ вѣковую зависимость и нравственное подчиненіе работодателямъ и вообще высшимъ классамъ. Особенно комичную роль играетъ по отношенію къ этому принципу предложеніе внушать рабочимъ посредствомъ политико-экономическихъ чтеній и краткихъ социологическихъ брошюръ идею о неизбѣжномъ естественномъ законѣ, въ силу котораго существуютъ капиталисты («наслаждающіеся земными благами») и неимущіе наемные рабочіе. Сколько бы ни личкали рабочихъ политической экономіей, результатъ останется тотъ же: они будутъ слушать со смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и недовѣрія, будутъ примѣчать все, что имъ можетъ пригодиться, и затѣмъ, въ случаѣ надобности, неожиданно подведутъ какъ разъ противоположный итогъ. Повторится исторія курицы, высидѣвшей утенка.

Третій принципъ сводится къ тому, чтобы *поднятіе матеріальнаго уровня рабочихъ шло рука объ руку съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ*. Впрочемъ и этотъ принципъ не слѣдуетъ истолковывать въ томъ смыслѣ, будто всякое мѣропріятіе, стремящееся къ простому улучшенію матеріальнаго положенія рабочихъ, никуда не годно. Безусловно вредно подобное мѣропріятіе только тогда, когда оно задается цѣлью примирить рабочихъ посредствомъ предоставленія имъ матеріальныхъ выгодъ съ ихъ теперешнимъ печальнымъ положеніемъ. Интеллектуальный и моральный подъемъ рабочихъ и есть именно та сфера, въ которой отъ вмѣшательства государства можно ожидать особенно плодотворныхъ результатовъ. Но нельзя довольствоваться теперешнею постановкою этого вопроса. Всѣ усилія государства, церкви и школы, направленные къ тому, чтобы путемъ улучшенія школьнаго образованія и возвышенія личной нравственности возратить рабочихъ къ первобытному «довольству», — въ силу вещей не достигнутъ своей цѣли. Необходимо, напротивъ, значительное повышение уровня общенароднаго образованія, чтобы уни-

чтожить пропасть, существующую между высшими и низшими классами. Программа и методъ преподаванія, въ особенности же въ школахъ, предназначенныхъ для болѣе зрѣлаго юношества, должны быть приноровлены къ тому, чтобы приучать личность ориентироваться въ природѣ, обществѣ и государствѣ, приучать ее къ самостоятельной защитѣ своихъ интересовъ какъ въ одиночку, такъ и въ союзѣ съ другими.

Повышеніе нравственнаго уровня, поскольку оно зависитъ отъ государства, должно быть направлено прежде всего къ восстановленію этической связи между рабочими и всѣми сферами общества, въ которомъ они живутъ. А это можетъ осуществиться единственно при томъ условіи, что рабочіе будутъ въ качествѣ равноправныхъ членовъ принимать участіе въ управленіи общественными дѣлами, да и управленіе это должно, чего до сихъ поръ нигдѣ почти не бывало, быть проникнуто такимъ духомъ, который давалъ бы рабочимъ реальное основаніе вѣрить въ пользу узъ, соединяющихъ ихъ съ общиной, съ школьнымъ округомъ, съ государствомъ и со всѣмъ обществомъ. Словомъ, равноправность, бывшая доселѣ пустой фразой, должна быть фактически осуществлена и должна наложить свой отпечатокъ на всѣ проявленія общественной жизни.

Четвертый принципъ состоитъ въ идеѣ неразрывной связи между рабочимъ и социальнымъ вопросомъ; онъ составляетъ только одно изъ частныхъ проявленій социальнаго вопроса, хотя въ настоящее время и играетъ господствующую роль. Здѣсь-то и открываются задачи, повидимому наиболѣе трудныя и въ данную минуту наименѣе насущныя, но въ дѣйствительности имѣющія громадное значеніе для будущаго. Вопросъ сводится къ тому, какимъ образомъ посредствомъ мирнаго, но непрерывнаго воздѣйствія законовъ превратить цѣлый періодъ прогрессирующей дифференціаціи имущественнаго положенія индивидовъ въ періодъ возрастающаго уравненія. Мы имѣемъ здѣсь въ виду вышерассмотрѣнныя мѣро-

пріятія, направленныя къ пересмотру наслѣдственного права, къ раздробленію крупнаго землевладѣнія и пожалуй къ уничтоженію частной собственности на землю ⁵⁸⁾, въ особенности въ городахъ, гдѣ процвѣтаетъ «преимущественная рента». Сюда же принадлежитъ рядъ до сихъ поръ совсѣмъ не упомянутыхъ нами мѣропріятій, связь которыхъ съ рабочимъ вопросомъ не такъ непосредственно очевидна, но все-таки легко можетъ быть выведена изъ принципа децентрализаціи; таковы: организація мѣстнаго сообщенія посредствомъ проведенія проселочныхъ дорогъ и боковыхъ желѣзно-дорожныхъ вѣтвей; удешевленіе мѣстныхъ тарифовъ взамѣнъ нынѣ исключительно господствующей тенденціи удешевленія транзита и расходовъ при перевозкѣ на большія разстоянія; пониженіе пассажирскихъ тарифовъ взамѣнъ современнаго односторонняго пониженія товарныхъ тарифовъ. Упомянемъ кстати и о болѣе равномерномъ распредѣленіи податныхъ тягостей между богатыми центрами и бѣдными захолустными общинами, на примѣръ посредствомъ предоставленія государствомъ значительныхъ суммъ на школы, на призрѣніе бѣдныхъ и т. д., что въ Германіи еще весьма мало развито. Теорія, вполне изолирующая общину и требующая отъ нея, чтобы она всѣ расходы на культурныя потребности покрывала изъ собственныхъ суммъ, основана на глубокомъ непониманіи или полномъ игнорированіи тѣхъ законовъ, которые управляютъ современнымъ государственнымъ организмомъ; теорія эта не сознаетъ, какой тяжелый налогъ падаетъ вслѣдствіе политической и соціальной централизаціи на провинцію для покрытія расходовъ по содержанію путей сообщенія и присутственныхъ мѣстъ общегосударственнаго значенія. Наконецъ мы не можемъ умалчать, что требованіе политической децентрализаціи съ демократической по возможности организаціей мѣстнаго и областного управленія пріобрѣтаетъ при этомъ еще болѣе вѣсъ; къ тому же это требованіе логически вытекаетъ изъ самой сущности четвертаго принципа.

Осуществленіе этого принципа очевидно встрѣчаетъ на практикѣ самыя большія затрудненія, и не только потому, что нѣкоторые его послѣдствія, какъ на примѣръ пересмотръ наслѣдственного права и частнаго землевладѣнія, отличаются довольно радикальнымъ характеромъ, но еще болѣе потому, что принципъ соціальной децентрализаціи явился бы помѣхой тому широкому теченію въ народной жизни, которое привыкли легкомысленно считать прогрессомъ, такъ какъ рассматриваютъ обыкновенно однѣ его казовыя стороны.

До сихъ поръ еще всѣ продолжаютъ радоваться увеличенію народонаселенія большихъ городовъ и одновременному обезлюденію и безъ того бѣдныхъ, мало населенныхъ провинціальныя захолустій. Радуются, если промышленныя мѣстности, разъ достигнувъ извѣстнаго преобладанія, все болѣе и болѣе расширяютъ, при помощи дифференціальныя тарифовъ, районъ своего сбыта и вмѣстѣ съ тѣмъ концентрируютъ на небольшомъ клочкѣ земли тысячи бездомныхъ и голодныхъ рабочихъ. Накопленіе крупныхъ имуществъ и прогрессирующая вмѣстѣ съ тѣмъ роскошь считаются вѣрными признаками процвѣтанія страны, а если когда и возникаютъ сомнѣнія въ пользѣ подобнаго порядка вещей, то необходимость конкуренціи съ другими странами немедленно устраняетъ ихъ. Еслибы въ основѣ этой тенденціи не лежала нѣкоторая доля правды, то безчисленные предостерегающіе голоса уже давно были бы приняты во вниманіе; но къ сожалѣнію слишкомъ вѣрно, что инертность человѣческой природы ничѣмъ не побѣждается такъ легко, какъ централизационнымъ принципомъ со всѣми его послѣдствіями. Преобладаніе столицъ дѣлаетъ ихъ центрами умственной конкуренціи; здѣсь прежде всего пробивается наружу свободная мысль; здѣсь дѣлаются открытія, совершенствуются искусства, культивируются науки. Собранныя здѣсь богатства поощряютъ порокъ, но они же поощряютъ и талантъ; роскошь развиваетъ вкусъ къ изяществу и пышности и часто доставляетъ такимъ образомъ возможность

развиться и болѣе чистому эстетическому вкусу. До извѣстной степени совершенно вѣрно, что нѣкоторые крупныя промышленныя предприятия могутъ на всемирномъ рынкѣ легче вернуться, чѣмъ масса болѣе мелкихъ.

Мы даже не станемъ отрицать, что алчность и честолюбіе часто побуждаютъ крупнаго промышленнаго дѣятеля, располагающаго тысячами рабочихъ рукъ, къ болѣе грандіознымъ предприятиямъ, чѣмъ можно когда либо ожидать отъ фабрикъ, организованныхъ на республиканскихъ началахъ.

Для доказательства преимущества отдѣльнаго предпринимателя выдвигаютъ главнымъ образомъ слѣдующее соображеніе: отдѣльный предприниматель гораздо болѣе чѣмъ группа коллективныхъ собственниковъ склоненъ затрачивать приобретенныя имъ деньги на расширеніе и улучшеніе предприятия. Мы вполне согласны признать справедливость этого соображенія, по крайней мѣрѣ насколько оно касается расширенія; но это доказываетъ только то, что централизація предпринимательской дѣятельности и капитала отлично идутъ рука объ руку съ общей централизаціей. Вмѣстѣ съ нею развиваются и тѣ невыгодныя условія, съ которыми мы уже достаточно познакомились.

Въ суровой школѣ господства капитала воспитываются силы, которыя стремятся къ свободѣ. Наконецъ наступаетъ время, когда вредъ централизаціи перевѣшиваетъ ся выгоды, а стремленіе рабочихъ къ свободѣ становится всесильнымъ. Такому именно моменту идетъ навстрѣчу Европа; ущербъ, который можетъ быть нанесенъ отдѣльной странѣ переходомъ къ децентрализаціи, уравнивается большей равномерностью общихъ успѣховъ. Истинный культурный прогрессъ не только не будетъ этимъ парализованъ или убитъ, а еще получитъ болѣе широкое основаніе и сдѣлается интенсивнѣе. Истинно прекрасное и благородное должно занять то мѣсто, которое нынѣ занимаютъ съ одной стороны пышность и безграничное мотовство, а съ другой—нищета и мерзость запу-

стѣнія. Одно только распространеніе на все мѣстности и на все классы населенія хотя бы умѣреннаго, но достаточнаго количества культурныхъ благъ и можетъ вѣдь повести къ физическому и духовному усовершенствованію націи.

Какъ на пятый и послѣдній основной принципъ мы можемъ наконецъ указать на необходимость самой широкой *свободы* въ примѣненіи рабочими всехъ способовъ, посредствомъ которыхъ они стараются выбиться изъ своего современнаго безсилія и униженія. Сюда мы относимъ не только попытки соціальной самопомощи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, но главнымъ образомъ и все національныя и международныя союзы рабочихъ для борьбы съ могуществомъ капитала, всевозможныя ихъ ассоціаціи, ихъ прессу и т. д. Страхъ, внушаемый этими проявленіями новой силы, конечно не совсѣмъ безоснователенъ; но еще гораздо болѣе слѣдуетъ страшиться опасныхъ послѣдствій скрытаго, подпольнаго распространенія соціальнаго недуга и вызываемаго имъ болѣзненнаго настроенія.

Въ послѣднее время органы рабочихъ обратили на себя вниманіе публицистовъ, которые ихъ словно впервые открыли, — такъ мало они были извѣстны остальной печати.

Давно пора и въ этомъ вопросѣ принять другой тонъ, отрѣшиться отъ безмѣрнаго презрѣнія или худо скрытаго ужаса, съ которыми до сихъ поръ обыкновенно относились къ симптомамъ этого глубокаго и знаменательнаго движенія, и съ иными чувствами взглянуть на столь естественное при данныхъ условіяхъ явленіе.

Суждено ли вышеуказаннымъ принципамъ осуществиться въ жизни, или же рабочій вопросъ разрѣшится раньше или позже, какъ разражается буря и какъ слѣпая сила природы пробиваетъ себѣ дорогу среди развалинъ и ужасовъ? На этотъ вопросъ мы нынѣ менѣе, чѣмъ когда либо, рѣшаемся отвѣтить. Мы даже отказываемся представить характеристику

тѣхъ условій, которыя въ настоящую минуту мѣшаютъ намъ ориентироваться и заволакиваютъ горизонтъ мглой, ибо даже простое ихъ изложеніе завело бы насъ на очень скользкую почву. Каковъ бы ни былъ въ дѣйствительности ходъ событій, во всякомъ случаѣ знакомство съ естественными причинами великой соціальной борьбы и всѣми условіями счастливаго разрѣшенія кризиса не можетъ не принести пользы.

Всего желательнѣе было бы, чтобы во всѣхъ слояхъ общества люди образованные, вліятельные занялись изученіемъ этихъ вопросовъ такъ же усердно, какъ ихъ давно уже изучаютъ вожди рабочихъ. Затронуты вѣдь интересы не однихъ рабочихъ: рѣчь идетъ о существованіи всего современнаго общества или, — правильнѣе сказать, — объ успѣшномъ перенесеніи плодовъ нашей культуры на почву слагающагося новаго общества.

Намѣченные нами принципы не составляютъ программы; это просто только критическія точки опоры для оцѣнки всевозможныхъ программъ и проектовъ. Пусть онѣ въ свою очередь подвергнутся критикѣ, но только въ духѣ тѣхъ взглядовъ, которые легли въ основаніе этой книги. Мы сами прекрасно знаемъ, что дѣйствительность никогда не можетъ вполне совпадать съ подобными взглядами, но мы въ то же время знаемъ, что наличность ясныхъ и опредѣленныхъ идей никогда не остается безъ вліянія на ходъ событій, какъ бы странно ни комбинировались и ни сталкивались обстоятельства. Практическая политика оправдывается въ данный моментъ, идеи же — въ отдаленномъ будущемъ.

Всемирная исторія избираетъ разные пути. Не только внѣшняя побѣда, но и рядъ пораженій доставляютъ новой идеѣ торжество; гибель цѣлыхъ культурныхъ эпохъ не разъ уже служила средствомъ для созданія новыхъ и высшихъ формъ общественной жизни на развалинахъ несостоятельнаго прошлаго. Гибель отжившаго происходитъ какъ путемъ побѣды надъ зародышами новой жизни, такъ и путемъ пораженія и

распаденія старой; потому что господство отжившихъ формъ неудержимо направляетъ духовную жизнь на новые пути и ведетъ ее къ пышному расцвѣту на новой почвѣ; внукамъ же побѣдителей остается только задыхаться подъ тяжестью собственного варварства, постепенно вырождаться и умереть. Вопросъ о соціальной реформѣ сдѣлается такимъ же жизненнымъ вопросомъ для современной европейской культуры, какимъ онъ нѣкогда былъ для античной культуры; тамъ онъ вызвалъ конечную гибель, разрушеніе стараго зданія и возникновеніе новаго на новой почвѣ; для нашего времени мы питаемъ лучшую надежду. Но мы не думаемъ, чтобы соціальный вопросъ могъ быть рѣшенъ на другой же день послѣ переворота, потому что по существу своему это — вопросъ духовнаго возрожденія человѣчества, измѣненія всѣхъ его взглядовъ и принциповъ. Поэтому все дѣло сводится къ тому, чтобы создать цѣлую новую историческую эпоху, въ которой зародыши новой соціальной жизни могли бы безпрепятственно развиваться, а стремленіе рабочихъ классовъ къ самоусовершенствованію и завоеванію достойнаго существованія пріобрѣло необходимую свободу, не имѣя возможности злоупотребить государственною властью для упроченія незрѣлыхъ порядковъ, чрезмѣрнаго обобщенія субъективныхъ взглядовъ и пріостановки процесса броженія раньше, чѣмъ онъ естественнымъ образомъ завершится. Итакъ, центръ тяжести современнаго рабочаго движенія и сущность его заключается въ великой духовной борьбѣ, цѣль и исходъ которой состоитъ въ *побѣдѣ надъ тѣми ложными стремленіями*, которыя постоянно противодействовали всякому рѣшительному улучшенію судьбы народа въ собственномъ смыслѣ. Но эту борьбу слѣдуетъ понимать не чисто внѣшнимъ образомъ, но какъ процессъ, совершающійся *въ духовной жизни всякой отдельной личности*. Въ эпохи возбужденія страстей трусость легко переходитъ въ заносчивое упрямство, раболѣпство — въ жестокость: тамъ, гдѣ отсутствуетъ высшее право сознанія, именно легче всего по-

токъ, прорвавъ плотину старыхъ традицій, производить опустошительное наводненіе. Не безъ основанія люди страшатся раба, разбившаго свои оковы; но свободнаго человѣка страшится нечего. Поэтому-то мы и должны желать, чтобы свобода не досталась рабочему внезапно путемъ революціоннаго движенія. Ничто не устраняетъ такъ вѣрно ненависти и жажды мести, какъ умственная дѣятельность, направленная къ уясненію себѣ жизненныхъ отношеній и къ достиженію определенной цѣли. Кому еще импонируетъ блескъ могущества, кто со страхомъ и самоуничиженіемъ еще сегодня преклонялся передъ его кумиромъ, — тотъ именно будетъ завтра, когда порывъ бури ниспровергнетъ эти алтари, сильнѣе всѣхъ издѣваться надъ павшимъ величіемъ и въ нечеловѣческой злобѣ постарается потопить чувство стыда за бывшее униженіе. Такимъ-то образомъ ужасы французской революціи были совершены подавленными массами, которыя убѣдились въ крушеніи старыхъ авторитетовъ, но никогда не принимали дѣйствительнаго участія въ возвышенной идейной жизни руководящихъ умовъ эпохи. Пора предостеречь человѣчество отъ повторенія такого великаго несчастія и осторожно и сознательно подготовить неизбежный новый порядокъ вещей. Откровенность и правдивость — вотъ то великое средство, которое одно способно привести къ цѣли, которое поможетъ торжеству желательныхъ цѣлей и предотвратитъ опасности. Поэтому не слѣдуетъ препятствовать рабочимъ серьезно изучать свое положеніе и вмѣсто того, чтобы предаваться мрачной злобѣ и тупому отчаянію, обращать свой взоръ къ восходящей зарѣ новой эпохи и стараться строго обдуманнми средствами ускорить ея приближеніе; надо радоваться, что они, сознавъ свои человѣческія права и высшее назначеніе, борются за ту свободу, которая только тому и идетъ впрокъ, кто ее самъ завоевалъ. Въ этомъ движеніи слѣдовало бы видѣть не опасность, но скорѣе *первые симптомы избавленія* отъ громадной опасности. Но если рабочему необходимо пере-

жить эту внутреннюю борьбу и возвыситься до духовной самостоятельности и свободы, прежде чѣмъ добиться побѣды и воспользоваться ею, то и остальнымъ классамъ населенія нельзя ея избѣжать. Кого не поражало то историческое явленіе, что въ моментъ великихъ переворотовъ новая идея охватываетъ лучшихъ представителей минувшей эпохи? Не страхъ обезсиливаетъ ихъ руку; не неожиданность заставляетъ ихъ опустить мечъ; не простое тупоуміе разстраиваетъ ихъ тонко задуманные планы; тутъ дѣйствуетъ скрытая сила, вырывающаяся изъ глубины общественной жизни, — всепобѣждающее сознаніе великой перемѣны въ порядкѣ вещей, проникающее въ умы и сердца всѣхъ заинтересованныхъ, къ какому бы лагерю они ни принадлежали. Но къ чему вызывать хаосъ и отчаяніе? Правдивость и откровенность могутъ предотвратить ихъ. Того, кто побѣдитъ въ самомъ себѣ упрямый эгоизмъ, колесо исторіи не раздавить. Онъ даже выйдетъ побѣдителемъ, хотя ему для этого придется принести въ жертву свое вѣковое право. Мы станемъ хвалить не того, кто высказывается за улучшеніе участи рабочаго сословія и тутъ же, не переводя духа, прибавляетъ, что оно полезно предпринимателямъ; но того, кто, признавая неизбежность личныхъ потерь, воздастъ должное гуманности и сознательно предлагаетъ свою помощь для болѣе справедливаго распредѣленія труда и наслажденій. Еслибы подобное настроеніе сдѣлалось всеобщимъ, то жертвы были бы незначительны, а выгоды неизмѣримы.

Мы не рассчитываемъ на это, но рѣшимость немногихъ благородно-мыслящихъ людей можетъ значительно способствовать облегченію переходнаго времени и облегченію новой эпохи. Неужели человѣчеству вѣчно начинать съ варварства, когда на могилѣ какого-нибудь отживающаго культурнаго періода зарождается новый? Нѣтъ. Нынѣшній просвѣщенный вѣкъ не можетъ согласиться съ подобной мыслью. Та рука, которая нынѣ протягивается къ рабочему съ искреннимъ желаніемъ оказать ему помощь, создастъ необходимыя условія

для человѣческаго его существованія. Искусство и наука, гуманность и нравственность вновь пышно расцвѣтутъ на развалинахъ стараго строя жизни. *Просвѣщеніе и братство* будутъ тогда тѣми добрыми геніями, которые постепенно выведутъ массы изъ теперешняго ихъ положенія. Столѣтія могутъ пройти прежде, чѣмъ борьба за существованіе перейдетъ въ мирную солидарность народовъ, но поворотный пунктъ, побѣда доброй воли, направленной къ улучшенію современныхъ намъ порядковъ, уже не могутъ быть слишкомъ отдаленными. Конечно эта побѣда никогда не будетъ полною, но великъ уже будетъ успѣхъ, если идея энергичнаго и искренняго труда на пользу массъ проникнетъ во всеобщее сознание и вытѣснитъ мысль о необходимости сохранить во что бы то ни стало освященные традиціею, но во многихъ отношеніяхъ несостоятельные порядки.

—*—

Примѣчанія.

1. Уже въ древности нѣкоторые мыслители, особенно *Эмпедоклъ*, указывали на то, что цѣлесообразное въ природѣ и человѣческой дѣятельности не всегда вызывается болѣе или менѣе сознательнымъ процессомъ, а бываетъ дѣломъ случая, частнымъ явленіемъ въ массѣ другихъ однородныхъ, которыхъ мы не замѣчаемъ просто потому, что они исчезли, лишенные способности сохраниться и воспроизводиться. Такимъ образомъ, если даже предположить, что природа созидаетъ *случайно*, все-таки послѣ неизмѣримо-огромнаго періода времени преобладающимъ должно будетъ явиться цѣлесообразное, несмотря на свою относительную рѣдкость,—словно оно создавалось-бы по опредѣленному плану. У Эмпедокла эта идея выступала еще въ очень грубой формѣ. Но достаточно человѣку усвоить себѣ ее, чтобы разъ навсегда покончить съ обычными выводами изъ идеи цѣлесообразности мірозданія: для него становится яснымъ, что, не будь мірозданіе цѣлесообразно, оно не могло-бы вообще существовать. Мы ежедневно еще видимъ рядомъ съ цѣлесообразнымъ нецѣлесообразное, рядомъ съ здоровымъ—болѣе и неспособное къ жизни, но мы не знаемъ, сколько подобныхъ образований въ общей сложности уже погибло, не будучи въ состояніи обезпечить свое существованіе. Въ томъ-то и состоитъ заслуга новѣйшаго времени, что оно замѣнило грубую и общую идею точнымъ, научно-обоснованнымъ взглядомъ о чрезвычайной распространенности случайныхъ явленій въ органическомъ мірѣ. Существуютъ животныя виды, какъ напр. ленточныя глисты, своимъ размноженіемъ и развитіемъ обязанны почти исключительно такимъ процессамъ, которые слѣдуетъ считать относительно рѣдкою случайностью и которые тѣмъ не менѣе, благодаря большой распространенности жизненныхъ зародышей, происходятъ постоянно въ той или другой формѣ. Исходя изъ этого взгляда, *Дарвинъ* (ср. слѣд. прим.) доказалъ, что въ силу процесса перепроизводства жизненныхъ зародышей и живыхъ организмовъ всякій организмъ принужденъ все полнѣе приспособляться къ условіямъ своего существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ они должны постоянно совершенствоваться. Поэтому поставленный Эмпедокломъ вопросъ: произвела-ли природа хоть разъ что-либо абсолютно нецѣлесообразное,—предоставляютъ въ настоящее время праздному умозрѣнію и придерживаются того факта, что природа непрерывно производитъ относительно-нецѣлесообразныя организмы, а массовый характеръ процесса зарожденія и уничтоженія создаетъ уже цѣлесообразное, такъ какъ изъ безчисленныхъ подлежащихъ уничтоженію существъ легче

всего въ общемъ сохраняются тѣ, которыя наилучше приспособлены. Въ этомъ грандіозномъ и простомъ строѣ органическаго міра можно видѣть въ извѣстномъ смыслѣ всеобщую цѣлесообразность, но, разумѣется, цѣлесообразность иную, чѣмъ какую представляетъ *человѣчскій умъ*. См. объ этомъ мое сочиненіе: «*Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время*» (Русск. изд. пер. Н. Страхова. 1881—83 гг.).

2. Англійскому естествоиспытателю *Чарльзу Дарвину*, знаменитая книга котораго «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора» (natural selection) явилась на англійскомъ языкѣ въ 1859 г. *), ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ приписывать чести перваго открытія великаго факта борьбы за существованіе, который всѣ такъ привлекли связывать съ его именемъ. Основныя черты этого закона можно найти уже у *Мальтуса* (см. ниже, прим. 4), который отлично понималъ внутреннюю связь, существующую между его теоріей перенаселенія и общими законами органической жизни. Впрочемъ *Мальтусу* еще менѣе можно приписывать честь этого открытія. По крайней мѣрѣ *Карлъ Марксъ*, въ настоящее время несомнѣнно наиболѣе основательный знатокъ исторіи и литературы политической экономіи, утверждаетъ (стр. 557, прим. 90), что *Мальтусъ* заимствовалъ большую часть своей доктрины у *Джамса Сгэарта*. *Венъяминъ Франклинъ* и другіе просвѣщенные люди прошлаго столѣтія уже вполне уяснили себѣ этотъ вопросъ. Тѣмъ не менѣе ученіе о «борьбѣ за существованіе», только благодаря книгѣ *Дарвина*, сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Причина этого отчасти заключается въ томъ, что вообще въ подобныхъ вопросахъ особенно сильное и рѣшительное впечатлѣніе производятъ не первоначальное формулированіе идеи, а наиболѣе удачное и всестороннее ея развитіе, отчасти же въ попыткѣ привести ученіе о борьбѣ за существованіе въ связь съ вопросомъ о происхожденіи видовъ и о происхожденіи челоѣческаго рода. Всѣ эти вопросы въ отдѣльности разсматривались уже и въ прошломъ столѣтіи. Но *Дарвинъ* привелъ ихъ въ своемъ сочиненіи въ связь и подкрѣпилъ ихъ самыми тщательными естественно-научными изслѣдованіями. Для ознакомленія съ *Дарвиномъ* и его системой полезны популярныя лекціи *Л. Бюхнера*. — О *Дарвиновской теоріи превращенія видовъ* (Dr. L. Büchner: «*Sechs Vorlesungen über die Darwin'sche-Theorie von der Verwandlung der Arten u. s. w.*» Leipzig 1868). Въ нашемъ настоящемъ трудѣ по рабочему вопросу *Дарвинъ* уже потому долженъ играть значительную роль, что мы пытаемся объяснить происхожденіе современнаго строя, создавшаго рабочей вопросъ, основными положеніями развитаго *Дарвиномъ* ученія, хотя и не признаемъ ихъ неизбѣжно вытекающими изъ челоѣческаго существованія. Дѣло въ томъ, что растеніе и животное пассивно подчиняются

*) Эта книга переведена на большинство иностранныхъ языковъ. На русскомъ языкѣ существуютъ два изданія:

1) «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора или о сохраненія и усовершенствованія породъ въ борьбѣ за существованіе». Пер. Рачинскаго. М. 1865 г.

2) *Происхожденіе видовъ*. Пер. Сѣченова. 2 т. Спб. 1871 г.

Прим. пер.

этимъ законамъ природы, первое—вполнѣ безсознательно, второе обыкновенно подъ неудержимымъ вліяніемъ инстинкта. Но въ челоѣкѣ, на высшей ступени процесса естественнаго совершенствованія, уже рѣзко проявляется способность стать выше ужаснаго и бездушнаго механизма этого процесса, замѣнять его слѣпо-дѣйствующую цѣлесообразность цѣлесообразностью сознательною и ослаблять страданія и предсмертныя мученія, достигая такимъ образомъ прогресса болѣе быстрого, прочнаго и полнаго, чѣмъ какого могутъ достигнуть слѣпые законы природы посредствомъ одной борьбы за существованіе. При этомъ нельзя однако не признать, что, несмотря на весь свой разумъ и на всѣ свои усилія, челоѣку никогда не удастся вполне освободиться отъ вліянія этихъ законовъ природы. Въ нашемъ трудѣ (II и III гл.) сдѣлана первая, конечно весьма неполная, попытка объяснить весь ходъ культуры, т. е. развитіе высшихъ духовныхъ способностей какъ въ индивидѣ, такъ и въ цѣлыхъ классахъ, образованіе крупныхъ имуществъ и т. д., тѣми-же основными законами, какими обусловливается происхожденіе видовъ и борьба за существованіе въ ихъ взаимной связи. Впрочемъ здѣсь не мѣшаетъ мимоходомъ замѣтить, что авторъ не считаетъ себя безусловнымъ приверженцемъ *Дарвиновской системы* въ ея примѣненіи ко всѣмъ частнымъ случаямъ, какъ она создана ея творцомъ и послѣдовательно развита *Геккелемъ* («*Generelle Morphologie der Organismen*». Berlin. 1866. 2 т.). См. объ этомъ подробнѣе: «*Ист. Материализма*».

3. Несомнѣнно, что *Рикардо*, главный политико-экономическій трудъ котораго: «О началахъ политической экономіи и о налогахъ» появился въ Лондонѣ въ 1817 г., предложилъ новое и оригинальное ученіе о заработной платѣ; но именно та теорія объ естественномъ уровнѣ заработной платы, которую теперь все чаще и чаще связываютъ съ его именемъ, ему не принадлежитъ, а встрѣчается, какъ непосредственный выводъ изъ идеи о борьбѣ за существованіе, уже у *Мальтуса* и др. Обыкновенно подъ «закономъ *Рикардо*» понимаютъ тезисъ, что заработная плата не можетъ надолго подняться выше minimum'a необходимѣйшихъ потребностей рабочаго, потому что каждое временное повышеніе ея немедленно парализуется болѣе быстрымъ увеличеніемъ народонаселенія, снова ее понижающимъ. Дѣйствительно принадлежащее *Рикардо* ученіе о заработной платѣ заключается въ слѣдующемъ *).

Каждая вещь имѣетъ естественную и дѣйствительную цѣну; такъ точно и трудъ. «Естественная цѣна есть то количество труда, которое потребно для того, чтобы произвести извѣстную цѣнность. Изъ этого слѣдуетъ, что если этою цѣнностью является самъ трудъ, то естественная цѣна труда состоитъ въ расходахъ, необходимыхъ для существованія рабочаго и его семьи. «Дѣйствительная» цѣна вещи или «рыночная» ея цѣна зависитъ отъ предложенія и спроса, но можетъ обыкновенно уклоняться отъ «естественной» цѣны лишь незначительно и не надолго. Что же касается труда, то хотя усиленный спросъ на трудъ и повышаетъ временно уровень заработной платы, но выѣстъ съ тѣмъ вызываетъ и усиленное предложеніе рабочихъ рукъ; при пониженіи-же спроса нѣцета рабочихъ и происходящее отсюда уменьшеніе ихъ числа снова вызываетъ возвышеніе спроса на трудъ.

*) См. русское изданіе «Сочиненій Д. Рикардо» въ пер. Н. Зибера. Спб. 1882 г.

До сих пор мы находим у Рикардо лишь болѣе точную и общую формулировку непосредственнаго закона о борьбѣ за существованіе; но далѣе онъ учитъ, что заработная плата находится въ обратномъ отношеніи къ прибыли капиталиста: чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ ниже барышъ, и наоборотъ.

Это ученіе, всецѣло принадлежащее Рикардо, безусловно отвергается нѣкоторыми изъ позднѣйшихъ политико-экономовъ, именно школой Бастіа. Эта школа старается вполне исключить прибыль на капиталъ, считая ее простымъ соединеніемъ преміи за рискъ, процентомъ и вознагражденіемъ за трудъ веденія дѣла, и ставитъ заработную плату въ непосредственную зависимость отъ стоимости готовыхъ товаровъ. Но болѣе тщательное изслѣдованіе показываетъ, что Рикардо и въ этомъ отношеніи ближе подошелъ къ истинѣ, чѣмъ экономисты, пытавшіеся его исправить, хотя нельзя не признать, что онъ принялъ во вниманіе лишь одну сторону этого сложнаго вопроса.

4. Молъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ теорію Мальтуса (см. Mohl: «Geschichte und Litteratur für Staatswissenschaft», т. III, стр. 461—513):

«Людьми всѣхъ странъ и всѣхъ временъ присуща физическая способность и чувственное, равно какъ и нравственное стремленіе къ размноженію, и притомъ въ такой степени, что каждая чета въ состояніи произвести болѣе двухъ дѣтей. А такъ какъ потомство обладаетъ тѣмъ же свойствомъ, то каждый народъ имѣетъ естественное стремленіе возрастать изъ поколѣнія въ поколѣніе въ геометрической прогрессіи; а наблюденіе надъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами показываетъ, что каждыя 25 лѣтъ народонаселеніе можетъ удваиваться. Средства же пропитанія не могутъ увеличиваться въ той же прогрессіи, такъ какъ ихъ количество обуславливается ограниченностью поверхности и плодovitости земного шара. Самое болѣе, что можно допустить, это что сумма средствъ существованія увеличивается въ продолженіе тѣхъ же 25 лѣтъ лишь на ихъ первоначальное количество, т. е. въ арифметической прогрессіи.

«Для наглядности Мальтусъ сопоставляетъ два ряда чиселъ, дѣлая предположеніе, что народонаселеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться каждыя 25 лѣтъ въ прогрессіи:

1, 2, 4, 8, 16, 32...

а средства существованія лишь въ прогрессіи:

1, 2, 3, 4, 5, 6...

«Изъ такого соотношенія обоихъ законовъ природы слѣдуетъ, что народонаселеніе страны въ короткое время можетъ достигнуть предѣла, превышающаго имѣющіяся у него средства существованія, и что тогда наступитъ явное несоответствіе между числомъ жителей и количествомъ жизненныхъ припасовъ, если только не произойдетъ задержки въ стремленіи къ размноженію. И дѣйствительно, такіа препятствія не заставляютъ себя долго ждать; они-то и составляютъ причину того явленія, что народонаселеніе земного шара обыкновенно меньше того предѣла, какого оно должно бы достигнуть подъ вліяніемъ одного только закона размноженія. Препятствія бываютъ двухъ родовъ: одни предупреждаютъ излишекъ населенія, другія уничтожаютъ его. Къ числу первыхъ принадлежатъ всѣ тѣ условія, которыя совсѣмъ устраняютъ

рожденіе дѣтей; они состоятъ частію въ добровольномъ воздержаніи, частію—въ половыхъ эксцессахъ и ихъ послѣдствіяхъ. Къ числу вторыхъ принадлежатъ частію громадныя народныя бѣдствія, какъ напр. эпидеміи, неурожаи и войны, частію же всякаго рода нищета, которая постоянно вырываетъ жертвы изъ рядовъ нуждающагося класса и преждевременно губитъ его потомство. Практическіе выводы, сдѣланные изъ этихъ законовъ, по существу своему были тоже двойнаго рода. Съ одной стороны утверждали, что никогда не можетъ явиться потребности въ искусственномъ поощреніи къ сохраненію и умноженію народонаселенія, и что подобное поощреніе въ большинствѣ случаевъ (а именно, — когда оно стремится увеличить народонаселеніе свыше количества наличныхъ средствъ существованія) ведетъ лишь къ усиленію нищеты и увеличенію преждевременныхъ смертныхъ случаевъ. Съ другой стороны говорили, что нравственный долгъ и благоразуміе требуютъ, чтобы человѣкъ воздерживался отъ брака, а въ бракѣ—отъ рожденія дѣтей, если не можетъ твердо рассчитывать на достаточное обезпеченіе своего потомства. Въ моемъ сочиненіи: «Взгляды Милля на социальный вопросъ и мнимый переворотъ Кэри въ социальной наукѣ» («*Mill's Ansichten über die sociale Frage und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaft durch Carey*», Duisburg. 1866) я старался рассмотреть спорные вопросы, связанные съ теоріей Мальтуса. Особенно внимательному анализу подвергнуты въ немъ теоріи Кэри. Это было необходимо въ то время, когда въ Германіи начали обоготворять американскаго апостола протекціонизма противъ побѣдоноснаго социализма. Здѣсь прибавимъ еще, что мы изъ всего мальтузіанства признаемъ лишь ту простую истину, что и человѣкъ—хотя въ меньшей степени, чѣмъ почти всѣ остальные организмы,—имѣетъ тенденцію размножаться быстро, чѣмъ допускаютъ производительныя силы данной мѣстности, и что онъ вслѣдствіе этого понинѣ еще остается подъ вліяніемъ борьбы за существованіе. Но мы отвергаемъ большинство практическихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ этого ученія Мальтусомъ и его приверженцами, особенно же всякую попытку государства приостановить размноженіе народонаселенія путемъ затрудненія браковъ и посредствомъ другихъ мѣръ. Далѣе, вполне невѣрно мнѣніе, будто возрастаніе жизненныхъ припасовъ происходитъ въ арифметической прогрессіи. Отношеніе этого возрастанія къ увеличенію народонаселенія вообще не можетъ быть выражено никакой *простой формулой*, такъ какъ вполне мыслимы такіа условія, при которыхъ земля не можетъ дать ни одного лишняго зерна, хотя бы народонаселеніе удвоилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ удвоилось и число рабочихъ рукъ; между тѣмъ какъ при другихъ обстоятельствахъ страна, страдающая всѣми симптомами перенаселенія, можетъ временно излечиться отъ этого недуга, если число людей *уменьшится*. Въ этомъ случаѣ населеніе можетъ достигнуть такой густоты и стимулъ къ прогрессу сдѣлается настолько значительнымъ, что болѣе интенсивная земледѣльческая культура, невозможная до тѣхъ поръ, станетъ огниной доходной, а потому и войдетъ во всеобщее употребленіе. Съ другой стороны нельзя конечно одобрить оптимизма, предполагающаго, будто новыя изобрѣтенія и культурныя улучшенія и т. п. всегда готовы къ услугамъ человѣка въ такомъ изобиліи, что непрерывной дѣятельностью на этомъ поприщѣ можетъ быть обезпеченъ любой приростъ народонаселенія. Въ дѣйствительности во всѣхъ старыхъ культурныхъ государствахъ жизнь и здоровье отдѣльных лич-

ностей всегда находятся въ опасности вслѣдствіе борьбы за существованіе. Нигдѣ громадная масса населенія не пользуется пищей удовлетворительнаго качества и въ достаточномъ количествѣ, нигдѣ она не обладаетъ такимъ досугомъ послѣ труда или разнообразіемъ труда, такою защитой отъ непогоды, такимъ свѣтомъ и воздухомъ въ жилищахъ и мастерскихъ, какіе потребны для здороваго физическаго существованія. На этомъ основаніи слѣдуетъ и «законъ Рикардо» (см. предыд. прим.) видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что вліяетъ не столько число рожденій, сколько число *смертныхъ случаевъ*, причемъ слѣдуетъ принимать во вниманіе не смертность вообще, но смертность *взрослыхъ рабочихъ*. Число рожденій не даетъ вѣрнаго мѣрила ни для возрастанія народонаселенія, ни для его благосостоянія, такъ какъ обыкновенно высокія цифры рожденій, смертности и плодovitыя семьи идутъ рука объ руку съ нищетою, излишнимъ напряженіемъ и быстрымъ истощеніемъ рабочей силы (см. К. Марксъ: «Капиталъ», I, стр. 554). Странное явленіе, что иногда въ рабочихъ округахъ въ эпохи промышленныхъ кризисовъ, оставляющихъ рабочаго безъ куска хлѣба, наблюдается вмѣсто ожидаемаго увеличенія—даже *уменьшеніе* смертности,—обусловливается по всей вѣроятности тѣмъ, что въ безработицу матери сидятъ дома и могутъ ухаживать за своими дѣтьми, вмѣсто того, чтобы бѣжать на работу по первому звуку фабричнаго колокола. Иногда впрочемъ и взрослые могутъ при скудномъ продовольствіи и одновременно спокойствіи чувствовать себя лучше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ нѣсколько лучшаго питанія, сопровождаемаго чрезмѣрнымъ трудомъ. Но здѣсь въ лицѣ общественной благотворительности вымѣшивается въ дѣло новый факторъ. Если исключить его, то врядъ ли можетъ подлежать серьезному сомнѣнію, что за пониженіемъ заработной платы слѣдуетъ повышеніе смертности, и наоборотъ.

5. *Симпатія* положена знаменитымъ отцомъ современной политической экономіи, шотландцемъ Ад. Смитомъ, въ основаніе его «*Теоріи нравственныхъ чувствъ*», появившейся въ свѣтъ въ 1759 г. Я уже указалъ въ моей «*Исторіи матеріализма*» (II т. IV отд. «Этическій матеріализмъ и догматика эгоизма» стр. 395 и 406 и слѣд.), а также въ другомъ моемъ сочиненіи: «*Mill's Ansichten über die sociale Frage*» u. s. w. (S. 21 u. f.), что Ад. Смитъ слишкомъ односторонне ищетъ нравственный принципъ въ страданіяхъ и наслажденіяхъ, между тѣмъ какъ все наше общеніе съ ближними, даже помимо этихъ субъективныхъ возбужденій симпатическихъ чувствъ, имѣетъ тенденцію пробуждать въ насъ чувство общечеловѣчности и вытѣснять эгоизмъ. Тамъ же («Ист. матеріализма» II т., стр. 396) находится попытка опровергнуть мнѣніе Боэля, будто правильный ходъ челоѣческаго прогресса есть результатъ исключительно одного интеллектуальнаго, а не нравственнаго развитія, и доказать наоборотъ, что прогрессъ развивается самостоятельно и что онъ настолько же помогаетъ интеллектуальному прогрессу, насколько послѣдній въ свою очередь благотворно вліяетъ на образъ дѣйствія, соответствующій нравственному закону.

6. Не трудно убѣдиться въ томъ, что политическая экономія подверглась и пониманію еще подвергается систематической *фальсификаціи* въ интересахъ капитализма и ради предотвращенія соціальной реформы. Для этого стоитъ только сравнить quasi-научныя разглаголанія нѣкоторыхъ публицистовъ, парламентскихъ дѣятелей и со-

ставителей популярныхъ книгъ съ принципами, ясно изложенными въ англійской политической экономіи отъ Рикардо до Милля включительно.

7. Описаніе баснословной страны съ своеобразными правами и обычаями жителей было издавна наиболѣе любимымъ и употребительнымъ приемомъ изложенія въ безобидной и интересной формѣ—новыхъ взглядовъ на государство, религію, нравы и обычаи. Отъ Томаса Мора до настоящаго времени появился цѣлый рядъ подобныхъ утопій, въ которыхъ рядомъ съ пошлыми фантазмагоріями попадаются не мало цѣнныхъ идей. Не говоря конечно о попыткахъ осуществленія, которыя указываютъ на неясное пониманіе того значенія, которое можетъ и должна имѣть утопія,—планы эти оказывали немаловажное вліяніе на все міросозерцаніе современниковъ и потомства. Гуманизация государственныхъ учреждений, сознаніе важности общественнаго воспитанія, уваженіе къ труду и трудящимся и масса другихъ благотѣльныхъ идей (какъ напр. современная идея ассоціаціи) значительно двинуты этого рода произведеніями. Безстрастной и обстоятельной критикѣ подвергли ихъ, на сколько они касаются государства, *Люисъ, Р. Ф. Моль* («*Geschichte u. Lit. d. Staatswissenschaft.*», см. стр. 167 u. ff.) и *Дж. Ст. Милль* въ его изслѣдованіи *коммунизма, сенъ-симонизма и фурьеризма* (См. «Оси. полигич. эк.», I т., II кн., I гл.). — Р. Ф. Моль заканчиваетъ свое изслѣдованіе о «политическихъ романахъ» («*Die Staatsromane*» I. cit.) слѣдующими мѣткими словами: «Вся ошибка заключается только въ тѣхъ невѣрныхъ идеяхъ, которые отнюдь не имѣютъ существеннаго отношенія къ задачѣ. Пусть за ту же задачу попробуетъ взяться талантливый писатель съ надлежащей стороны. Пусть онъ рѣзкими чертами противопоставитъ недостаткамъ нашихъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ разумный лучший строй. Такъ напр., нашему эгоизму пусть онъ противопоставитъ мощное чувство солидарности; нашей брѣзгливой придирчивости—серьезную положительную дѣятельность; нашимъ во многихъ отношеніяхъ еще нераціональнымъ государственнымъ учреждениямъ—разумныя и честныя мѣропріятія. Но прежде всего пусть онъ приметъ къ сердцу судьбу бѣднѣйшихъ и несчастныхъ классовъ и постарается представить намъ осуществимый проектъ лучшей организаціи труда. Пусть онъ покажетъ, что народъ можетъ обеспечить матеріальное благосостояніе массъ, нисколько не поступаясь своей культурой и самостоятельностью индивида, что между вершиною общества и его фундаментомъ возможна связь и примиреніе. Пусть онъ поставитъ на мѣсто невозможнаго коммунистическаго варварства такой строй, въ которомъ челоѣчество нуждается и съ которымъ оно можетъ сжиться. Мы смѣло утверждаемъ, что тогда его утопія встрѣтитъ сочувствіе и будетъ имѣть вліяніе и большое научное значеніе.

8. Благодаря успѣхамъ физики и химіи, атомистическая теорія классической древности совершенно видоизмѣнилась. Тѣмъ не менѣе она остается главною теоретическою основою матеріалистическаго міросозерцанія.

Рѣзкій контрастъ съ нимъ представляетъ другое міросозерцаніе—формалистическое или идеалистическое (ибо слово «идея» означаетъ въ сущности то же самое, что «форма» или «образъ», которое ищетъ сущность вещей въ ихъ формахъ и полагаетъ, что матерія распространена въ пространствѣ повсемѣстно и сама по себѣ безформенна и безцѣльна. Нельзя отрицать, что господство идеалистическаго ученія ари-

стотелевской и схоластической философии исторически привело к тому, что единству в церкви и в государствах стали отводить слишком значительную роль.

Задачи государства и церкви, как целых организмов, начали преобладать над благополучием отдельных личностей. Между тем в новейшее время рука об руку с упрочением атомистического воззрения в естественных науках шло увеличение значения индивида в государствах и в обществах. Можно сказать, что «индивид» есть «атом» общества (ибо оба слова означают «неделимое»). Тем не менее сравнение это не выдерживает критики в двух существенных пунктах. Во-первых, атом, как естественно-научное понятие, есть во всяком случае лишь теория, тогда как индивид в качестве основы общества есть реальное явление. Во-вторых, индивидуализм или социальный атомизм непременно предполагает стремление индивида по возможности ослабить свою зависимость от общества; между тем как в природе этого стремления со стороны атома нет. Атомистическая теория есть только способ уяснить себе окружающие нас явления и может быть применена как к самым сложным организмам, так и к океану или песчаной пустыне.

Впрочем мы этим замечанием вовсе не хотим отвергать вышеупомянутую аналогию, а намечены только намечены ее истинные границы. Ибо человеческому духу несомненно свойственно придавать особенное значение именно тем элементам реального мира, которые мы принимаем за исходную точку при их изучении.

9. Никто, — в особенности со времени Дарвина, — теперь уже не сомневается в возможности возникновения новых более совершенных видов животных и растений. Отсюда можно вывести заключение, что и человек подлежит такому постепенному усовершенствованию. Вопрос о том, действительно ли этот закон природы навсегда останется единственным путем к усовершенствованию человека, или же с развитием его умственных способностей явится новый фактор и наступит поворот в борьбе за существование, — вот сущность социального вопроса во всех его формах, начиная с крушения античной культуры и средневекового феодализма вплоть до современного рабочего вопроса.

10. Трудно сомневаться, что не только отдельный индивид, но и целые народы могут постепенно изменяться, благодаря наследственной передаче приобретенных свойств и влиянию наиболее сильных и приспособленных к данной жизненной обстановке индивидов. Но при этом общечеловеческие культурные условия, революции и переселения народов или же мирные торговые сношения возмещают равновесия и предотвращают значительные различия. Происхождение рас объясняется либо как результат естественного подбора, либо как следствие однородного процесса, происходившего первоначально в различных изолированных странах. Во всяком случае в настоящее время расы борются между собою за существование, и в этой борьбе были уже побуждены целые племена кавказской расы или будут побуждены. В то же время закон естественного подбора оказывает наиболее сильное влияние на судьбу различных смешанных рас. Факт их вымирания часто приводился как доказательство того, что расы не что иное, как разные виды, причем

способность воспроизводиться считалась верным признаком принадлежности к первоначальным видам. Это воззрение устарело и относительно царств животных опровергнуто убедительными фактами. Обыкновенно упускают из вида, что всякая попытка возвращает нас к началу процесса усовершенствования вида. Естественный принцип восстановления целесообразного путем простого воспроизведения и уничтожения само приводит к тому результату, что подавляющее большинство смешанных видов — как неудачная попытка отвлечь соответствующую помощь — обречено на гибель, между тем как иное сочетание может при данных жизненных условиях неожиданно образовать не только новую, но и лучшую расу. — Отсюда видно, что по отношению ко всей земной поверхности и ко всем человеческим расам еще долго не может быть речи о прекращении борьбы за существование, и что занимающая нас проблема касается только данных культурных народов и определенных условий производства; но всегда следует иметь в виду, что относительное решение великого вопроса может легко сдвигаться окончательным для всего человечества, так как рядом с той народностью, которой удалось бы соединить счастливое решение социального вопроса с сохранением современной культуры, все другие элементы должны были, даже при самой мирной форме борьбы за существование, либо ассимилироваться, либо постепенно исчезнуть.

Для наших культурных условий единственная существенная опасность в смысле продолжительного регресса состоит в том, что едва пережитое средневековое разделение общества на дворян и крепостных замещается разделением на хозяев и рабочих, хотя с другой стороны то обстоятельство, что зло было создано и встретило противодействие до известной степени еще в зародыше, позволяет питать самые лучшие надежды. Да и самые попытки к аристократическо-кастовому разделению человечества потерпели крушение, хотя в деле последовательного «сохранения чистоты крови» к естественному подбору присоединялся еще и искусственный. Тем более следует надеяться, что естественному подбору, посредством которого все более объединяются богатые и привыкшие к господству семейства, не удастся упрочиться в борьбе с сознательными стремлениями нашей эпохи к равенству. Подвижной характер капитала сам по себе еще не ограждает против этих стремлений, так как в продолжительный период денежная аристократия превращается в родовую.

11. Верное средство против вырождения рабочего люда было применено в Англии, главным образом на бумагопрядильных, и заключалось в *сокращении рабочего дня*. Ср. превосходное сочинение гг. *I. M. Ludlow* и *Lloyd Jones* (нем. пер. *J. v. Holtzendorf's* a. Berlin. 1868 г.), где на стр. 10 и след. приводится свидетельство фабричного инспектора *Роберта Бекера*, занимавшегося в 1828—32 гг. в Лидсе врачебной практикой и в то же время посещавшего днем и ночью различные фабрики: «Между рабочими встречались — говорит он — люди с ненормальным строением ног и искривлениями позвоночного столба. Первая из этих уродливостей была в простонародьи известна под названием «*фабричной ноги*» (искривление колен). Эта аномальность была распространена во всех деревнях фабричного округа».

Цитируемый Basker'омъ Mr. S. Smith, главный хирургъ при больницѣ въ Лидсѣ, говоритъ:

«Въ 1832 г. мнѣ зачастую приходилось проѣзжать по округу въ обѣденную пору, когда рабочіе возвращались домой. Большинство изъ нихъ были блѣдные, исхудалые, истощенные, апатичные на видъ субъекты, не проявлявшіе никакой склонности къ радости и веселю. У взрослыхъ бедра были широки, но заостренные и угловатые, узкія плечи и опущенная голова». По прошествіи 25 лѣтъ, течение которыхъ оказало свое дѣйствіе новое фабричное законодательство, картина, по свидѣтельству того-же г. Бекера, совершенно измѣнилась. Въ рефератѣ, читанномъ въ 1859 году, о «физическихъ послѣдствіяхъ уменьшенія труда» (цит. у Ludlow и Jones'a, стр. 79 и сл.) г. Бекеръ говоритъ:

«Въ 1856 г., какъ и нынѣ, на фабрикахъ Соединеннаго Королевства работало 682,517 человекъ, между тѣмъ какъ въ 1835 г. насчитывалось лишь 354,684 рабочихъ. Въ томъ числѣ нынѣ женщинъ 387,517, а въ 1835 г.—167,696; дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ теперь работаетъ—46,071, а въ 1835 г.—56,455. Итакъ, общее увеличеніе числа рабочихъ простирается до 92%, увеличеніе же числа женщинъ равняется 131%; дѣтей почти столько-же, сколько было и прежде; тѣмъ не менѣе болѣзни, составлявшія прежде общераспространенное явленіе на фабрикахъ, почти совсѣмъ исчезли. Рѣдко или никогда не увидишь искривленныхъ коленъ или ненормальной стопы, лишь изрѣдка встрѣчается легкое искривленіе позвоночнаго столба, которое обуславливается скорѣе недостаткомъ питанія при усиленномъ трудѣ, чѣмъ самимъ трудомъ. «Фабричной ноги» у насъ болѣе не существуетъ; иногда только проковываетъ старикъ или старуха, служащіе живымъ воспоминаніемъ ужаснаго прошлаго. Свѣжія, здоровыя лица, округленныя формы тѣла, общій видъ рабочихъ производятъ оградное впечатлѣніе».

12. Подъ чисто-матеріалистической политической экономіей мы понимаемъ такую, которая не признаетъ никакихъ идеальныхъ факторовъ экономической жизни, либо считаетъ ихъ мечтательнымъ самообманомъ, либо отводитъ имъ сферу дѣятельности, совершенно изолированную отъ собственно-экономической жизни. Такое народное хозяйство всегда будетъ чисто индивидуалистично, такъ какъ признаніе общественныхъ чувствъ однимъ изъ мотивовъ экономическихъ явленій предполагаетъ уже факторъ, покоящійся на идеяхъ. Чисто матеріалистическая политическая экономія знаетъ лишь индивидовъ, заботящихся о своихъ личныхъ интересахъ, и думаетъ, что дѣйствіемъ этихъ интересовъ можно объяснить всю экономическую жизнь. Эта точка зрѣнія весьма существенна, такъ какъ политическая экономія можетъ разсматривать изолированно частные интересы лишь ради возможной точности метода, что въ сущности и составляло тенденцію Ривардо. Отвлеченныя положенія и вѣрные выводы, сдѣланные изъ определенныхъ посылокъ, примѣнимы въ дѣйствительности, а слѣд. и къ дѣйствительнымъ явленіямъ экономической жизни, лишь въ томъ предположеніи, что они соответствуютъ ей въ той мѣрѣ, въ какой изучаемые факторы дѣйствительно существуютъ и влияют на экономическую жизнь. Подобную политическую экономію, даже если она и оставитъ совсѣмъ въ сторонѣ идеальные факторы, еще нельзя назвать «матеріалистической», такъ какъ это предполагало-бы подчиненіе всей экономической жизни

вѣрно понятому основному ея принципу. См. объ отношеніи политической экономіи къ этическому матеріализму въ моей «Исторіи материализма». (г. II, отд. IV, I, стр. 385—413). Попытка абсолютно отдѣлать этику отъ политической экономіи разсматривается въ «*Mill's Ansichten*» etc. (S. 14 u. ff.).

13. Ср. главнымъ образомъ классическую главу Маркса о *рабочемъ днѣ* («*Kapital*», I, гл. III, стр. 174—254). Мы не можемъ не привести здѣсь нѣсколькихъ фактовъ и заслуживающихъ вниманія мнѣній изъ этого труда. Такъ, въ специальныхъ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ за 1860 г. говорится: «Когда мы застаемъ рабочихъ за дѣломъ въ часы, назначенные для ѣды, или въ другое неурочное время, особенно въ субботу вечеромъ, хозяева часто оправдываются тѣмъ, что *рабочіе сами не хотятъ оставлять фабрики*, и что приходится прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, чтобы заставить ихъ прекратить работу (чистку машинъ и т. п.). На самомъ-же дѣлѣ, если рабочіе остаются на фабрикѣ по прекращеніи работы, то только потому, что отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, въ назначенное для работъ время, имъ не дается ни одной свободной минуты для такого рода занятій». Марксъ, стр. 187). Тамъ-же въ примѣчаніи (58-е) сообщается слѣдующій курьезъ. «Въ началѣ июня 1836 г. дьюсберійскія власти (Yorkshire) получили доносъ о нарушеніи фабричнаго акта хозяевами восьми большихъ фабрикъ по сосѣдству съ Batley. Нѣкоторые изъ нихъ обвинялись въ томъ, что они заставляли пять мальчиковъ, отъ 12 до 15 лѣтъ, работать съ 6 часовъ утра до 4 часовъ пополудни слѣдующаго дня, не давая имъ никакого отдыха, за исключеніемъ времени для ѣды и *одного часа для сна около полуночи*. Дѣти должны были исполнять свою непрерывную, тридцатичасовую работу въ «*shoddyhole*», — помѣщеніи, гдѣ разрываются шерстяныя лохмотья. Воздухъ здѣсь, представляющій дѣлое море пыли, отбросовъ и т. п., заставляетъ даже взрослыхъ рабочихъ завязывать постоянно ротъ носовымъ платкомъ, чтобы предохранить легкія! Обвиняемые утѣряли, — въ качествѣ *каке-ровъ*, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ они отказались дать присягу, — что, будучи сострадательными, они разрѣшили несчастнымъ дѣтямъ отдыхать 4 часа, но упрямые мальчики положительно *не хотѣли лечь спать!*» Гг. квакеры были приговорены къ штрафу въ 20 ф. стерлинговъ».

Въ «Daily Telegraph» отъ 14-го января 1860 г. помѣщена слѣдующая замѣтка: «Г. Броутонъ, провинціальный судья, председательствуя на митингѣ въ Ноттингемской городской залѣ 14-го января 1860 г., заявилъ, что рабочіе въ кружевныхъ мастерскихъ терпятъ такіа лишенія и страданія, какія немислимы ни въ одной цивилизованной странѣ. 9-ти и 10-ти-лѣтнія дѣти встаютъ въ 2, 3, 4 часа утра и работаютъ за самое жалкое вознагражденіе до 10, 11 и 12 часовъ ночи. Вслѣдствіе такого непосильнаго труда, члены ихъ мало-по-малу утрачиваютъ свой естественный объемъ, все тѣло какъ будто съеживается, лица принимаютъ тупое выраженіе, и вся ихъ безжизненная, какъ-бы окаменѣлая наружность внушаетъ ужасъ. Мы нисколько не удивляемся, что г. Mallet и другіе фабриканты выступили съ *протестомъ противъ гласнаго обсужденія* этого вопроса. *Это работство* въ полномъ смыслѣ, работство въ социальномъ, физическомъ и нравственнымъ отношеніяхъ... Что думать о городѣ, который созываетъ публичный митингъ,

чтобы *ходатайствовать* обь установлении рабочего дня для мужчин *въ 18 часовъ!*... Мы возмущаемся противъ американскихъ плантаторовъ. Однако невольничій рынокъ, со всѣми ужасами кнута и торговли человѣческими мясомъ, едва-ли отвратительнѣе этого медленнаго человѣкоубійства, которое совершается ради изготовленія вуалей и воротничковъ для богатыхъ людей!» (Марксъ, стр. 189). См. даѣе выдержки изъ отчета парламентской коммиссiи по вопросу о дѣтскомъ трудѣ. «*William Wood*, мальчикъ 9 лѣтъ, поступилъ на фабрику, когда ему было 7 лѣтъ 10 мѣсяцевъ. Сначала онъ «*gan moulds*», т. е. относилъ въ сушильню только что выѣпленную посуду и затѣмъ приносилъ назадъ пустую форму». «Онъ приходитъ ежедневно на фабрику въ 6 часовъ утра, а кончаетъ работу приблизительно около 9 часовъ вечера». «Работаю я ежедневно до 9 часовъ вечера; такъ было напр. въ продолженіе послѣднихъ 7—8 недѣль». Итакъ, пятнадцатичасовой трудъ для семилѣтняго ребенка! *I. Murray*, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, показалъ: «*J gan moulds and turn jigget*» (и верчу колесо). Прихожу въ 6 часовъ, а иногда въ 4 часа утра. Я работалъ въ продолженіе всей прошлой ночи, вплоть до 8 часовъ утра. Кромѣ меня работали всю прошлую ночь еще 8 или 9 мальчиковъ. За исключеніемъ одного, всѣ они снова пришли на работу сегодня утромъ. Я получаю въ недѣлю 3 ш. 6 пенсовъ. *Я не получаю ни гроша болѣе за то, что мнѣ приходится работать иногда всю ночь.* На прошлой недѣлѣ я работалъ двѣ ночи». *Fernyhough*, мальчикъ десяти лѣтъ: «Мнѣ не всегда дается для обѣда цѣлый часъ; по четвергамъ, пятницамъ и субботамъ дается только полчаса». (Марксъ, стр. 190).

А вотъ изъ того же официального доклада выдержка относительно дѣтскаго труда на обойныхъ фабрикахъ, испещренная извѣстными, но вполнѣ вѣрными замѣчаніями Карла Маркса: «*I. Leach* показываетъ: «Въ прошлую зиму (1862 г.) изъ 19 дѣвушекъ 6 должны были оставить фабрику вслѣдствіе болѣзней, вызванныхъ чрезмѣрнымъ трудомъ. Чтобы не дать имъ заснуть, я долженъ *кричать на нихъ*». *W. Duffey*: «Дѣти, отъ усталости, не могли открыть глазъ, и даже мы сами иногда почти не въ силахъ держать открытыми отяжелѣвшія вѣки». *I. Lightbourne*: «Мнѣ 13 лѣтъ. Мы работали зимою ежедневно до 9 часовъ вечера, а годъ тому назадъ до 10 часовъ. Почти каждый вечеръ я кричалъ отъ невыносимой боли въ ногахъ, покрытыхъ рапами». *G. Apsden*: «Когда этому мальчугану, сыну моему, было еще только 7 лѣтъ, я таскалъ его на фабрику, по снѣгу, на спинѣ, и онъ работалъ въ это время по 16 часовъ!.. Я часто долженъ былъ становиться на колѣни и накормить его, потому что *онъ все это время продолжалъ стоять у машины и не смѣлъ ни оставить, ни остановить ея*». *Smith*, компаньонъ, завѣдывающій дѣлами одной изъ манчестерскихъ фабрикъ: «Мы (онъ хочетъ сказать вонечно, рабочіе) работаемъ безъ всякаго перерыва для ѣды, такъ что 10¹/₂ часовой дневной трудъ оканчивается въ 4¹/₂ часа по полудни; остальная работа считается *прибавочною* *). (Любопытно знать, дѣй-

*) Марксъ дѣлаетъ здѣсь слѣдующее примѣчаніе: «Не слѣдуетъ принимать это выраженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ слово «*прибавочный трудъ*». Эти господа смотрятъ на 10¹/₂ часовой трудъ, какъ на *нормальный рабочий день*, заключающій въ себѣ слѣдовательно также и нормальный

ствительно ли г. *Smith* втеченіе 10¹/₂ часовъ не даетъ себѣ ни малѣйшаго отдыха, даже для того, чтобы поспѣть поспѣть?» Мы (тотъ же самый *Smith*) рѣдко оставляемъ занятія (т. е. не даемъ бездѣйствовать «нашимъ» живымъ машинамъ) ранѣе 6 часовъ вечера; такъ что въ дѣйствительности мы (*iterum Crispinus*) исполняемъ прибавочную работу въ продолженіе круглаго года... Дѣти и взрослые (152 малолѣтнихъ и подростковъ, не достигшихъ 18 лѣтъ, и 140 взрослыхъ) въ продолженіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ работали *одинаково*, среднимъ числомъ, *по меньшей мѣрѣ 7 дней и 5 часовъ*, или по 78¹/₂ часовъ еженедѣльно. Втеченіе 6 недѣль, кончающихся 2-го мая нынѣшняго (1863) года, средняя продолжительность рабочего времени была нѣсколько выше, а именно—8 дней или 84 часа въ недѣлю!» (Морисъ, стр. 193—3).

Факты истощенія модистокъ отъ чрезмѣрнаго труда общезвѣстны, но у Маркса они подкрѣплены точными данными. Для того чтобы своевременно приготовить дамамъ модныя платья, несчастныя швеи работаютъ по 30 чех. въ комнатѣ, едва ли вмѣщающей въ себѣ ¹/₃ того количества воздуха, которое необходимо для поддержанія ихъ здоровья, — часто втеченіе 30 часовъ безъ перерыва. (См. Марксъ, стр. 200—201.). Относительно ночного труда мальчиковъ на желѣзо-дѣлательныхъ заводахъ г. *E. F. Sanderson*, «представитель фирмы Sanderson, Bros. and Co., владѣющей мастерскими для выдѣлки стали и для проковки и прокатки желѣза, въ *Attercliffe*», высказывается слѣдующимъ образомъ:

«*Запрещеніе* употреблять на ночныя работы лишь моложе 18 лѣтъ повело бы къ большимъ затрудненіямъ и увеличенію издержекъ, обусловливаемыхъ замѣною дѣтскаго труда трудомъ взрослыхъ. Я не могу въ точности сказать, насколько увеличились бы издержки производства; во всякомъ случаѣ вѣроятно не на столько, чтобы фабрикантъ могъ возвысить цѣну на сталь; вслѣдствіе чего *потеря* пала бы на него, такъ какъ рабочіе (что за упрямый народъ!) конечно воспротивились бы возложенію на нихъ этой потери». Господинъ *Sanderson* не знаетъ, сколько онъ платитъ дѣтямъ, но по всей вѣроятности плата дѣтямъ составляетъ отъ 4 до 5 шиллинговъ на cadaго въ недѣлю... Дѣти исполняютъ такую работу, которая не превышаетъ ихъ силъ, и поэтому мы не можемъ пригласить вмѣсто нихъ взрослыхъ рабочихъ, что повело бы только къ дальнѣйшимъ убыткамъ, за исключеніемъ лишь весьма рѣдкихъ случаевъ». (Марксъ, стр. 209.)

Въ той же главѣ Марксъ исторически доказываетъ, какъ подъ вліяніемъ современной формы производства рабочий день все болѣе и болѣе увеличивался, пока дѣло не дошло наконецъ до необходимости регулировать этотъ вопросъ законодательнымъ порядкомъ. На стремленіе капиталистовъ добиться болѣе продолжительнаго рабочего дня указываетъ

прибавочный трудъ. Послѣ 10¹/₂ часовъ труда начинается «*прибавочное время*», за которое платится нѣсколько лучше. Вслѣдствіе мы убѣдимся, что употребленіе рабочей силы въ продолженіе такъ называемаго *нормального рабочего дня* оплачивается *ниже ея стоимости*; такъ что «прибавочное время» есть не что иное, какъ хитрая уловка со стороны фабриканта, безпощадно эксплуатирующаго рабочихъ; впрочемъ дѣло нѣсколько даже и въ томъ случаѣ, еслибы трудъ рабочихъ втеченіе «нормального рабочего дня» дѣйствительно оплачивался бы удовлетворительно», стр. 192—3, прим. 75.

авторъ появившагося въ 1870 г. труда. «*Essay on trade and commerce*»: «Рабочіе должны помнить о своей зависимости отъ своихъ хозяевъ... «Лечение не будетъ вполне успешно до тѣхъ поръ, пока наши рабочіе не согласятся работать 6 дней въ недѣлю за ту же самую плату, какую они получаютъ теперь за 4 дня». — «Для уменьшенія налога въ пользу бѣдныхъ, для способствованія промышленности и для уменьшенія стоимости труда на фабрикахъ» авторъ этого трактата предлагаетъ учредить «идеальный рабочий день», настоящий «адъ кромѣшный», гдѣ они работали бы втеченіе 12 часовъ. — «Когда шестьдесятъ три года спустя—въ 1833 г.,—прибавляетъ Марксъ (см. стр. 225—6),—англійскій парламентъ сократилъ въ четырехъ отрасляхъ фабричнаго труда рабочий день для дѣтей отъ 13 до 18 лѣтъ до двенадцати часовъ, англійская промышленность подняла такой вопль, какъ будто для нея наступилъ день послѣдняго суда!» — «Только послѣ этого капиталъ началъ мечтать о свободѣ труда», подъ которою понимаютъ свободу эксплуатаціи и беззастѣнчивость рабочаго. Съ исторіей этой борьбы капиталистовъ противъ фабричнаго законодательства можно познакомиться у Маркса въ указанномъ мѣстѣ. Выводъ изъ всего сказаннаго не трудно сдѣлать. Пока капитализмъ самъ по себѣ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы сломить противодѣйствіе рабочихъ, а капиталисты, какъ отдѣльные лица, были уже достаточно сильны, чтобы вліять на законодательство, они стояли за опеку; съ тѣхъ поръ какъ могущество капитализма настолько развилось, что могло поработить рабочаго и безъ содѣйствія законодательства, а государство одновременно начало противодѣйствовать этому злу,—вошла въ моду «свобода труда». Тѣ же самыя тенденціи, тотъ же сортъ людей, тѣ же интересы мечтаютъ нынѣ о «свободѣ», которые нѣкогда высказывались за опеку. Цѣль осталась та же, лишь средство сообразуется съ обстоятельствами.

14. Приведенные въ этой главѣ примѣры мы заимствовали изъ книги: *Franz's Otto «Buch berühmter Kaufleute»*, причемъ мы остановились только на двухъ лицахъ, представляющихъ то общее, что оба начали, какъ говорится, «ни съ чѣмъ», насколько это вообще возможно; во всемъ же остальномъ они представляютъ поразительный контрастъ: жизнь одного полна приключеній; жизнь другого представляетъ спокойную, непрерывную дѣятельность. Мы просмотрѣли при этомъ довольно большой отдѣлъ названнаго сочиненія и, знакомясь съ біографіями 26 купцовъ и фабрикантовъ прошлаго и настоящаго столѣтія, старались уяснить себѣ происхожденіе ихъ богатства. Такимъ образомъ мы получили цѣлый рядъ примѣровъ, собранныхъ другимъ лицомъ, съ самостоятельнымъ взглядомъ на дѣло. При этомъ выяснилось, что изъ 26 «знаменитыхъ купцовъ» 9 чел. уже въ самомъ началѣ своего поприща обладали богатствомъ и образованіемъ, 12—13 чел. либо сразу приступили къ своимъ предпріятіямъ съ состояніемъ средней руки, либо, вступивъ въ компанію съ тѣмъ либо паче благодаря счастливой случайности, приобрѣли капиталъ для расширенія своей дѣятельности,—и только 4—5, начавъ «ни съ чѣмъ», добились богатства удачными оборотами или упорнымъ трудомъ. — *Стефанъ Жираръ (Girard)*, сынъ капитана, много постранствовавшаго на своемъ вѣку, родился 22-го мая 1755 г. въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій. Не выдержавъ въ родительскомъ домѣ безчеловѣчнаго обращенія мачихи и отца, онъ на 14-омъ году убѣжалъ безъ всякихъ средствъ, поступилъ черезъ 2 дня въ корабель-

ные юнги, вскорѣ отличился своей смѣлостью, выдержалъ черезъ 6 лѣтъ свой штурманскій экзаменъ, а 2 года спустя, будучи 23-хъ лѣтъ отъ роду, послѣ второго блестящаго испытанія, получилъ мѣсто капитана. Съ этого момента мы объ его жизни ничего не знаемъ; весьма вѣроятно, что онъ, испытавъ много превратностей судьбы, сколотилъ себѣ контрабандою небольшой капиталецъ, на который и открылъ въ 1779 г. въ Филадельфіи табачную лавку, а затѣмъ — винный погребъ. Онъ разбогатѣлъ главнымъ образомъ тѣмъ, что во время войны приобрѣталъ за грошовую цѣну корабли и корабельный матеріалъ. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ значительно увеличилъ свое состояніе въ качествѣ поставщика провіанта для американскихъ войскъ, постоянно рискуя, что англичане повѣсятъ его, какъ шпіона. Впослѣдствіи онъ приобрѣлъ значительныя суммы торговлею корабельнымъ лѣсомъ; говорятъ также, что во время возстанія негровъ въ С. Доминго онъ присвоилъ себѣ отданныя ему на храненіе имущества лицъ, погибшихъ затѣмъ со всемъ своимъ семействомъ. Во время кризиса 1812 г. онъ спасъ штатъ Луизиану отъ банкротства, сдѣлавъ ему ссуду въ 3 милл. долларовъ, но получилъ за это въ вознагражденіе весьма выгодную банковую привилегію. Къ концу жизни онъ прослылъ скрытою, но эти толки прекратились, когда послѣ его смерти (26-го дек. 1831 г.) стало извѣстно, что онъ завѣщалъ громадныя суммы на благотворительныя цѣли.

15. *Теорія вѣроятностей* основывается, какъ извѣстно, на томъ, что вѣроятность даннаго явленія изображается дробью, числителемъ котораго служитъ число случаевъ, благоприятныхъ явленію, а знаменателемъ—число всѣхъ вообще возможныхъ случаевъ.

16. *Нефъ (Matthias Näf)* род. 14-го мая 1792 г. въ Шварценбахѣ, въ кантонѣ С. Галленъ; онъ былъ старшій изъ 4-хъ сыновей бѣдняка-ткача, предававшагося пьянству, и на 8-омъ году жизни потерялъ мать. Уже съ 10 лѣтъ принялся онъ за ремесло отца, а на 11-омъ году зарабатывалъ ежедневно по 4 гульдена. Въ 1805 году отецъ былъ вынужденъ разстаться съ семьей и поступить въ батраки. Матіасъ попалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ къ родственнику, крестьянину Лангенау. Тамъ онъ лѣтомъ и осенью работалъ въ полѣ, а зимой ткалъ. Уже со второго года онъ началъ платить за свое содержаніе и за собственный счетъ ткать, причемъ зарабатывалъ столько, что могъ уже завести себѣ приличную одежду для конфирмаціи и отложить 18 гульденовъ. Въ 1811 г. онъ поступилъ рабочимъ на сосѣднюю фабрику. Уже въ то время онъ достигъ такого совершенства, что работалъ вдвое скорѣе другихъ. Впослѣдствіи онъ изъ года въ годъ копилъ по 200 гульденовъ. Въ 1813 г. онъ, въ качествѣ рядового одного изъ С. Галленскихъ баталіоновъ, долженъ былъ отправиться въ Тессенъ, а въ 1815 г. при вступленіи во Францію былъ уже фельдфебелемъ. Въ это время онъ до того пристрастился къ военной службѣ, что серьезно подумывалъ поступить въ Парижъ въ швейцарскій конвой, но его ростъ оказался на полъ-дюйма ниже установленнаго.

Въ 1816 г. онъ обладалъ собственнымъ капиталомъ въ 1100 гульденовъ, женился, купилъ домикъ, приобрѣлъ козу, затѣмъ корову, дугъ и т. д.—Не смотря на это, онъ съ трудомъ перенесъ голодный 1817 г.; затѣмъ его дѣла опять поправились, и въ 1820 г. Нефъ могъ нанять двухъ помощниковъ за обыкновенную рабочую плату, причемъ самъ уже имѣлъ прекрасный сбытъ для изготовляемыхъ имъ произведеній.

Въ это время онъ еженедѣльно получалъ 44 гульдена, — вотъ зародышъ его будущаго богатства. Въ 1821 году онъ началъ закупать изъ первыхъ рукъ болѣе значительныя количества пряжи, для чего долженъ былъ заложить свой небольшой участокъ земли. Вслѣдствіи онъ, благодаря своему трудолюбію, получилъ кредитъ у торговца пряжею. Въ это время произошло стеченіе обстоятельствъ, необыкновенно-благоприятное для расцвѣта Толенбургскаго ткачества. Съ тѣхъ поръ Нефъ все расширялъ свои фабричныя обороты, такъ что у него зачастую не хватало денегъ для расчета съ рабочими и на домашніе расходы. Не смотря на это, онъ теперь благополучно выдержалъ нѣсколько кризисовъ. Въ 1835 г. одновременно съ устройствомъ ткацкой фабрики *Жакардовскаго* типа (*Jacquard*) онъ предпринялъ постройку прядильни, по видимому при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Но дѣны на пряжу сложились такъ неблагоприятно, что Нефъ потерялъ бы вѣроятно все свое состояніе, еслибы его не выручила ткацкая. Когда кризисъ прекратился, Нефъ снова принялся за расширение своихъ предпріятій и сдѣлался однимъ изъ видныхъ представителей швейцарской промышленности. Онъ умеръ на 55-мъ году жизни, преждевременно истощивъ свои силы неусыной дѣятельностью.

17. Въ настоящее время нѣтъ еще *статистики образованія капиталовъ*. Упомянутыя въ текстѣ «статистическія изслѣдованія процесса образованія капиталовъ» сводятся по большей части къ тому, что въ какомъ нибудь изъ крупныхъ торговыхъ городовъ, напр. въ Манчестерѣ, подсчитывается число собственниковъ крупныхъ предпріятій и затѣмъ опредѣляется въ процентахъ, сколько изъ нихъ вышло изъ рабочаго класса и сколько, наоборотъ, происходитъ въ первомъ, второмъ или третьемъ поколѣніи отъ состоятельныхъ предковъ. При этомъ воображаютъ, что удалось доказать, что наслѣдственныхъ крупныхъ капиталовъ очень мало, и что сравнительно большее число богатыхъ людей этого класса вышло изъ рабочаго сословія. Какъ неудовлетворителенъ этотъ приемъ, видно уже изъ приведенныхъ соображеній. Для дѣйствительнаго ознакомленія съ законами образованія капиталовъ необходимо прежде всего историческое изученіе самаго капитала, независимо отъ имени и происхожденія его случайнаго владѣльца. Несомнѣнно, что накопленіе въ однихъ рукахъ выдающихся по величинѣ своей капиталовъ подчинено очень сильному вліянію случайностей.

18. Максъ Виртъ утверждаетъ, что ученіе Мальтуса опровергается уже тѣмъ фактомъ, что капиталъ удваивается путемъ сбереженія процентовъ. Ср. по этому поводу *Рошера: «Grundlagen der Nationalökonomie»* (15-е нѣм. изд. 1880 г., стр. 458), I, § 188: «У народовъ, пришедшихъ въ упадокъ, процентъ обыкновенно снова повышается вслѣдствіе общаго обдѣленія, сокращенія численности населенія и одновременнаго уменьшенія безопасности, равно какъ и утраты народными массами свободы».

19. *Милль* въ своей замѣчательной главѣ о «*Неподвижномъ состояніи*» («*Основаніе политической экономіи*»). 1-е изд. Пыпина, 1865 г., т. II, IV кн., VI гл.) рассматриваетъ, *къ какому окончательному результату приведетъ промышленный прогрессъ?* Онъ исходитъ при этомъ изъ того положенія, что промышленный прогрессъ по самой природѣ вещей не можетъ быть безграниченъ и достигаетъ естественно своего предѣла, когда вслѣдствіе прилива капитала и рабочихъ силъ послѣдній кло-

чокъ земли окажется воздѣланнымъ; населеніе достигнетъ той высоты, при которой заработная плата, а вмѣстѣ съ нею и потребительная сила массъ, равно какъ и прибыль на капиталъ вслѣдствіе конкуренціи накопившихся сбереженій не будутъ уже увеличиваться. «Въ сущности даже богатѣйшія страны очень скоро достигли бы неподвижнаго состоянія, еслибы не изобрѣтались усовершенствованные приемы производить и еслибы капиталъ пересталъ отливаться въ страны съ низшею культурою». (*Милль II. 274.*) Перспектива неизбежности такого результата казалась крайне неутѣшительною политико-экономамъ прежней школы, не знавшей иного національнаго прогресса, кромѣ непрерывнаго возрастанія «національнаго имущества» и игнорировавшей его распределеніе. И если со временъ Мальтуса приходится признавать, что даже въ періодъ продолжительнаго промышленнаго прогресса только путемъ благоразумнаго ограниченія размноженія можно достигнуть удовлетворительныхъ условій, то, по мнѣнію *Милля*, нѣтъ никакого основанія не вступить уже теперь рѣшительнѣе на этотъ путь, чтобы не только по возможности предотвращать усиливающіяся бѣдствія, но и увеличить всеобщее благосостояніе. Отсюда *Милль* дѣлаетъ слѣдующій выводъ (см. ib. § 2, стр. 276): «Потому я не могу смотрѣть на неподвижное состояніе капитала и богатства съ тѣмъ отвращеніемъ, которое обнаруживаютъ къ нему политико-экономы старой школы. Я расположенъ думать, что въ сущности оно было бы значительно лучше нашего нынѣшняго положенія. Признаюсь, меня не очаровываетъ идеалъ жизни, представляемый писателями, думающими, что нормальное состояніе человѣка — борьба для своего повышенія; что толкаться, карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступать другъ другу на ноги, что этотъ нынѣшній типъ общественной жизни — прекраснѣйшая для людей участь, а не непріятный симптомъ одного изъ фазисовъ общественнаго прогресса. Сѣверные и средніе штаты Американскаго Союза представляютъ образецъ этого періода цивилизаціи при очень благоприятныхъ обстоятельствахъ: они повидимому избавились отъ всѣхъ неравенствъ по отношенію къ мужчинамъ кавказскаго племени; а пропорціи населенія къ землѣ и капиталу въ нихъ такова, что обезпечиваетъ изобиліе каждому здоровому члену общества, не портящему своей судьбы собственными дурными качествами. Они уже имѣютъ всѣ шесть пунктовъ чартизма и не имѣютъ нищеты; но изъ всѣхъ этихъ преимуществъ они извлекаютъ (несмотря на появляющіеся признаки лучшей тенденціи) только ту пользу, что жизни всѣхъ мужчинъ посвящена у нихъ ловленію долларовъ, а всѣхъ женщинъ — вывариванію дѣтей, которыя будутъ ловить доллары. Филантропъ не почувствуетъ особенно пылкаго желанія трудиться для осуществленія общественнаго идеала такого рода. Конечно слѣдуетъ, чтобы дорога къ богатству была безъ всякихъ привилегій и пристрастій открыта для всѣхъ, пока богатство есть могущество и богатѣе какъ можно больше — служить предметомъ всеобщаго честолюбія. Но самое лучшее для человѣческой природы состояніе то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттѣсненъ назадъ усиліями другихъ, желающихъ пробиться впередъ». Въ отвѣтъ на серьезное возраженіе, что прекращеніе общей борьбы за богатство можетъ ослабить въ человѣчествѣ энергію, *Милль* указываетъ на *воспитаніе*, которое постепенно должно замѣнить грубые стимулы къ куль-

турному прогрессу болѣе тонкими и духовными мотивами (потому что Милль, само собою разумѣется, желаетъ сохраненія *культурнаго прогресса* при своемъ «неподвижномъ состояніи»). Мы съ своей стороны не склонны думать, чтобы воспитаніе, по крайней мѣрѣ на томъ пути исключительно-умственной культуры, которымъ оно шло донинѣ, могло здѣсь много помочь, если только не удастся указанный въ текстѣ *болѣе рациональный взглядъ на сущность счастья* сдѣлать общимъ достояніемъ какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ людей. Но это врядъ-ли возможно даже путемъ чисто теоретическимъ, такъ какъ человѣку свойственно до такой степени подчиняться господствующимъ въ массахъ идеямъ, что противъ нихъ безсильны даже самые логическіе выводы. Слѣдовательно, пока въ мірѣ всецѣльна *идея пользы*, — нечего надѣяться, чтобы одно воспитаніе въ духѣ времени могло создать радикальный переворотъ. Одно сознаніе темныхъ сторонъ современнаго историческаго періода не можетъ еще вызвать освобожденія; для него необходимо вознѣшеніе въ глубинѣ человѣческаго духа новыхъ идей, которыя бы сдѣлались могущественной силой. Чтобы «неподвижная эпоха» не сдѣлалась неподвижною во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. полнымъ застоємъ, она прежде всего должна быть одушевлена *идеєю прекраснаго*, какъ было въ блестящій періодъ греческой исторіи, но только на болѣе прочномъ социальномъ базисѣ. Идеи порождаются идеями, хотя несомнѣнно, что онѣ возникаютъ и исчезаютъ по неизмѣннымъ законамъ. Тѣмъ не менѣе онѣ не могутъ быть вызваны въ обществѣ къ дѣятельной роли никакими расчетами разума. Но можно готовить имъ почву и по многимъ симптомамъ дѣлать выводы относительно вѣроятности ихъ появленія. Въ послѣднемъ отношеніи признаки благоприятны, и торжество идеи красоты, какъ якорь спасенія человечества, о которомъ мечтаютъ поэты, находится въ болѣе тѣсной связи съ мирнымъ рѣшеніемъ социального вопроса, чѣмъ можно бы подумать на первый взглядъ. Но если удастся въ одномъ новомъ живительномъ принципѣ совмѣстить ограниченіе ненасытной алчности богатыхъ съ чистымъ источникомъ интеллектуальнаго прогресса массъ, тогда и самый вопросъ о «неподвижномъ состояніи» сдѣлается менѣе существеннымъ, чѣмъ онъ выставленъ у Милля.

20. *Даніэль Бернулли*, потомокъ знаменитыхъ базельскихъ математиковъ этого имени, былъ старшимъ сыномъ Іоганна Бернулли, профессора математики (съ 1695 г.) въ Гренингенѣ. Родился онъ въ Гренингенѣ 9-го февр. 1700 г.; въ 1725 г. сдѣлался профессоромъ въ Петербургѣ, а въ 1738 г. напечаталъ въ «Трудахъ Императорской Академіи Наукъ», подъ заглавіемъ: «*Specimen theoriae novae de mensura sortis*», трактатъ, въ которомъ впервые былъ высказанъ приведенный въ текстѣ принципъ. Даніэль Бернулли, изучившій, кромѣ физики и математики, еще и медицину, получилъ въ 1743 г. въ Базелѣ кафедру анатоміи, а въ 1750 г. — кафедру физики. Онъ умеръ 17-го марта 1782 г. и былъ признанъ однимъ изъ выдающихся математиковъ своего времени.

21. Въ «*Психофизику*» Фехнера («*Psychophysik*», Leipzig. 1860), въ началѣ II-го тома, можно найти краткое резюме *ученія о логарифмахъ*. Читателю, желающему вообще ближе познакомиться съ этимъ предметомъ, мы рекомендуемъ указанное сочиненіе. Краткое и удобное изложеніе принципа, примѣняемаго здѣсь, можно найти у Вундта

въ «*Лекціяхъ о душѣ человека и животныхъ*» (Wundt. «*Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele*». Leipzig. 1863. I. Bd. S. 108 u. ff.).

22. По установленному Кантомъ различію между *физиологической* и *прагматической* антропологіей, изъ которыхъ первая разсматриваетъ человѣка, какъ члена природы, а вторая — какъ гражданина міра, со всѣми его дѣйствіями и ихъ значеніемъ для всего человѣческаго общества, — было-бы на видъ правильнѣе отнести законъ Фехнера («законъ Вебера»), частію доказанный, частію гипотетическій, къ физиологической антропологіи. Но тогда онъ послужилъ бы базисомъ той ея части, которая изучаетъ духовныя свойства человѣка, т. е. «психологіи», хотя и не вполне въ прежнемъ значеніи этого слова. Въ сущности прагматическая антропологія составляетъ лишь болѣе подробно разработанную часть психологіи, такъ какъ дѣятельность человѣка въ обществѣ обуславливается его естественными свойствами.

23. Закономъ *спроса и предложенія*, какъ извѣстно, весьма часто злоупотребляютъ, изображая дѣло такъ, какъ будто онъ управляетъ рынками помимо человѣческой воли. Это воззрѣніе приводитъ въ абсурду даже тогда, когда отдѣльная личность, предлагающая на примѣръ свою рабочую силу, совершенно исчезаетъ въ массѣ другихъ личностей той-же категоріи; потому что значительное число людей, предлагающихъ свой трудъ, только устраняетъ случайный, чисто индивидуальный произволъ, но не разумную волю, которая всегда можетъ встрѣтить сочувствіе среди лицъ, поставленныхъ въ одинаковыя условія. Энергическія натуры даже на самомъ обширномъ рынкѣ всегда могутъ разсчитывать на руководящую роль, такъ какъ масса примкнетъ къ нимъ безъ всякаго предварительнаго договора. Само собою разумѣется, что рабочимъ выгоднѣе вступать въ формальное соглашеніе.

24. Въ послѣднее время эта мысль примѣнялась часто къ *Англіи*. Прежде, какъ извѣстно, при каждой стачкѣ поднималась буря; рабочимъ доказывали, что они стремятся къ собственной гибели безъ всякой надежды на благопріятный исходъ. Съ тѣхъ поръ какъ невозможно уже отрицать, что заработная плата значительно повысилась подъ вліяніемъ рабочихъ союзовъ, забота объ участи меньшей братіи приняла нѣсколько иную форму. Нынѣ жалуются на то, что они не находятъ своимъ заработкамъ лучшаго употребленія, какъ снести ихъ по возможности скорѣе въ кабакъ. Доказательства усиленія пьянства среди рабочихъ черпаютъ обыкновенно изъ статистики возрастанія питьевыхъ доходовъ. Но въ то же время изъ другихъ статистическихъ свѣдѣній видно, что параллельно съ возрастаніемъ заработной платы идетъ *уменьшеніе* расходовъ на призрѣніе бѣдныхъ, числа преступленій и нарушеній пьяными общественной тишины.

25. Доказательствомъ невѣжества, продолжающаго еще господствовать въ обществѣ по отношенію къ рабочему вопросу, можетъ служить та развѣзанность, съ какою нѣкоторыя газеты и часть общественнаго мнѣнія въ Германіи обвиняютъ рабочіе союзы и «соціалистическую агитацию» за уличныя безчинства, напр. за тѣ драки, которыя имѣли мѣсто въ 1873 г. во многихъ городахъ по поводу возвышенія цѣны на пиво. Какъ будто глухое, скрытое недовольство низшихъ народныхъ классовъ существовало не во всѣ времена! Подобные взрывы, напротивъ, случаются тѣмъ чаще и принимаютъ тѣмъ болѣе прискорбную форму,

чѣмъ менѣе организовано рабочее движеніе и чѣмъ менѣе вожди трудящихся классов продумали цѣли, которыхъ они добиваются. Но это вовсе не служить доказательствомъ безобиднаго характера рабочаго движенія. «Сомнѣнный строй рабочихъ батальоновъ», предусмотрѣнный Лассалемъ, не есть пустая фантазія. Когда духъ организаціи и солидарности усиливается среди рабочихъ, преслѣдованіе не только не достигаютъ цѣли, а скорѣе вызываютъ обратное дѣйствіе. Стоитъ только сравнить франкфуртскіе безпорядки 1873 г. съ демонстраціею въ Гайдъ-паркѣ 1867 г., чтобы убѣдиться, какъ различно дѣйствуютъ безпорядочная толпа и организованные рабочіе. Въ Гайдъ-паркѣ даже въ моментъ полнаго разгара страстей (разрушеніе рѣшетки вокругъ парка) сохранялась извѣстная умѣренность, субординація и ясное сознаніе ближайшей политической цѣли, а во Франкфуртѣ произошелъ самый обыкновенный грабежъ. Поэтому нечего удивляться, что манифестація английскихъ рабочихъ въ результатъ произвела на парламентъ сильное впечатлѣніе, какъ бы это ни отрицали газеты.

26. Таблица, помѣщенная въ «Журналѣ Королевско-прусскаго статистическаго бюро» («Zeitschr. des k. preuss. statistischen Bür.» 1861. S. 80), свидѣтельствуетъ, что эмигрировало изъ Германіи съ 1844—59 гг. въ среднемъ выводѣ по 15,000 ч. въ годъ. Изъ нихъ около 13,000 дали показанія относительно своего имущественнаго положенія. Ихъ состояніе простиралось до 3 милл. талеровъ, т. е. на душу приходилось около 230 талеровъ. Слѣдовательно эмигранты сравнительно состоятельный народъ. Г. Энгель замѣчаетъ по этому поводу:

«Къ числу необходимыхъ условій всякой эмиграціи, особенно же въ отдаленныя части свѣта, принадлежитъ извѣстное мужество и большій или меньшій достатокъ, безъ котораго невозможно начать жизнь въ новомъ отечествѣ. Между сосѣдними странами, а тѣмъ болѣе между пунктами одного промышленнаго округа, движеніе рабочихъ конечно смѣльно; но здѣсь это обуславливается скорѣе мѣстными различіями въ высотѣ заработной платы, нежели стремленіемъ къ сохраненію или повышенію нормы благосостоянія.

27. Различіе между народнымъ хозяйствомъ *открытыхъ и замкнутыхъ* культурныхъ странъ, — изъ которыхъ первыя располагаютъ еще избыткомъ годной къ обработкѣ земли, доступной каждому рабочему, между тѣмъ какъ вся почва послѣднихъ уже воздѣлана и перешла въ частное владѣніе, — такъ велико, что, въ сущности, слѣдовало-бы создать для нихъ особыя политико-экономическія теоріи. Но при этомъ нельзя не сообразоваться съ конкретными условіями въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ указанное различіе имѣетъ лишь относительный характеръ, и нѣтъ страны вполне открытой или замкнутой. Такимъ образомъ напр. въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки создались условія, во многомъ напоминающія европейскія.

«Хотя заработная плата и зависимость рабочихъ въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки, — говоритъ Марксъ, — далеки еще отъ уровня нормальнаго для Европы, тѣмъ не менѣе капиталистическое производство развивается такъ успѣшно, частью потому, что громадный и непрерывный потокъ людей, ежегодно стремящихся въ Америку, оставляетъ осадокъ въ восточныхъ штатахъ, а частью потому, что приливъ изъ Европы на рабочій рынокъ сильнѣе отлива на далекій Западъ (far

West)». — Подробнѣе объ этомъ вопросѣ мы говоримъ ниже, въ VI гл. См. также: «*Mill's Ansichten*» (особенно гл. 2 п 3).

28. Хотя *голодная смерть* въ собственномъ смыслѣ слова встрѣчается далеко не такъ рѣдко, какъ воображаетъ себя мягкосердечная и довѣрчивая филантропія нѣкоторыхъ почитателей нашего гуманнаго столѣтія, но въ статистическомъ отношеніи значеніе этой специальной формы, какъ причины смертности, не играетъ значительной роли. Гораздо опустошительнѣе дѣйствуютъ различнаго рода болѣзни, вызываемыя голодомъ («starvation diseases»), какъ ихъ называютъ англичане), потому что онѣ заразительны и распространяются на людей зажиточныхъ. Но наиболѣе значительная часть вызванныхъ нуждою смертныхъ случаевъ и для этого класса не можетъ быть съ точностью опредѣлена. Зависимость этихъ смертныхъ случаевъ отъ повышенія и пониженія *заработной платы* однако доказана до сихъ поръ *пока только косвенно*, посредствомъ сравненія цифры смертности съ *цѣнами на хлѣбъ*. Впрочемъ послѣднія представляютъ собою коренную причину колебанія заработной платы, такъ что это косвенное доказательство не лишено полной убѣдительности. Изъ данныхъ, собранныхъ Вапенсомъ («*Bevölkerungstatistik*», Leipzig. 1859. I, S. 196) видно, что въ Пруссіи въ 1844—47 г. возрастаніе цѣны на хлѣбъ сопровождалось увеличеніемъ смертности съ 1 смертнаго случая на 38, 85 живыхъ до 1 смертнаго случая на 31, 59 живыхъ. Правда, въ слѣдующемъ году смертность возрасла еще сильнѣе, до 1: 30, 12, между тѣмъ какъ цѣны на хлѣбъ внезапно сильно понизились, по вѣдъ это былъ 1848 годъ, съ его повсемѣстнымъ застоємъ въ дѣлахъ, безпорядками и общимъ возбужденіемъ. Не слѣдуетъ также забывать, что неблагоприятныя условія предъидущихъ лѣтъ, при внезапномъ переходѣ къ болѣе низкимъ цѣнамъ, сохраняютъ свою силу еще нѣкоторое время. Въ 1849 г., не смотря на то, что смутное время еще не прекращалось, переѣхъ уже на сторонѣ возрастающей дешевизны жизненныхъ припасовъ, и цифра смертности становится опять болѣе благоприятною; въ слѣдующіе годы, когда цѣны на жизненные припасы хотя и возрасли, но отличались сравнительной дешевизной, она была еще благоприятнѣе, благодаря вліянію предъидущихъ благоприятныхъ лѣтъ и возстановившагося спокойствія. Приблизительно то-же наблюдается въ Англіи и во Франціи, причемъ норма, соотвѣтствие между цѣнами на хлѣбъ и смертностью, особенно рѣзко бросается въ глаза, если имѣть въ виду одновременное вліяніе другихъ факторовъ, каковы: война, эпидемія, торговые кризисы и т. д. Но одинъ существенный факторъ, именно — вліяніе рожденій и смертности дѣтей, тѣсно связанной съ числомъ рожденій, очень трудно опредѣлить болѣе или менѣе точно. Даже при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ смертность дѣтей, особенно въ первый годъ жизни, относительно велика, а увеличеніе числа браковъ и рожденій проявляется при пониженіи цѣны на хлѣбъ еще съ болѣею правильностью, чѣмъ одновременное уменьшеніе смертности. Поэтому здѣсь — то слѣдуетъ искать тотъ противовѣсъ, который въ статистическомъ отношеніи затмѣняетъ зависимость смертности отъ цѣны на жизненные припасы. Совершенно вѣрно указалъ это *Gisi* («*Die Bevölkerungstatistik der schweizerischen Eidgenossenschaft*», Aarau. 1868. S. 135, гдѣ собраны весьма интересные матеріалы по этому вопросу). Не менѣе ясно, что при продолжительномъ высокихъ цѣнахъ на жизненные припасы повы-

шение заработной платы, неизбежное в этом случае по «закону Рикардо», должно приостановить усиление смертности. По этому поводу Эмиль совершенно верно замечает: «Постепенное повышение цены на хлеб должно сопровождаться постепенным повышением заработной платы. По самой природе вещей колебания заработной платы не могут вполне соответствовать годовым колебаниям цены на хлеб, но в среднем вывод они должны соответствовать друг другу. Если же такого соответствия нет, сама заработная плата занимает сравнительно низкий уровень, то это указывает на ухудшение положения рабочих». Что же касается до эпидемий, то особенно сильно свирепствует холера. Если принять во внимание все эти факторы, то зависимость смертности от цены на хлеб, а след. и от действительного вознаграждения за труд, бросается в глаза с поразительной ясностью. К тому же выводу мы придем, сравнивая средние цифры смертности во время продолжительной дороговизны (когда случайные влияния нейтрализованы) со средней цифрой смертности в течение такого же периода дешевизны. Этим методом французский статистик Мессанж еще в прошлом столетии убедительно доказал влияние хлебных цен на смертность. Этим методом французский статистик Мессанж еще в прошлом столетии убедительно доказал влияние хлебных цен на смертность. (Цитируется у: Legoyt. «La France et l'étranger», Paris 1864, p. 15—171. Трактат Легои касается того же вопроса и рассматривает влияние дороговизны на движение народонаселения во Франции.) На заблуждаемость дороговизны оказывает еще более поразительное влияние, чем на смертность; это также имеет значение для закона Рикардо, потому что болезни и даже ослабление рабочей силы оказывают большое влияние на предложение труда.—Из труда Marc d'Espine: «Statistique portuaire», Paris, 1848, p. 46, видно, что из сто умерших в глубокой старости приходится поразительно много людей состоятельных, а в полном цветущем возрасте и в пикном возрасте состоятельных умирает сравнительно очень мало.

29. Особенно убедительно доказано влияние хлебных цен на число рождений и браков в статистическом труде Шеля, пом. у Гильдебранда («Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», VI, S. 161 и сл.). Но между хлебными ценами и смертностью он не находит никакой определенной связи. Эд. Пфайффер пытался воспользоваться этим выводом (см. журнал «Die Arbeit», апрельская книжка 1866 г. S. 92 и сл.) для того, чтобы поколебать «железный закон заработной платы». Надо заметить, что наблюдения Шеля ограничиваются небольшою земледельческой страной, и что большая осторожность при заключении браков и размножении, редко проявляющаяся в других странах, должна оказывать чрезвычайно сильное влияние на цифру смертности, так как при высокой смертности детей каждое сильное уменьшение рождений влечет за собою и уменьшение числа смертных случаев. Это доказывается и цифрами Шеля. Впрочем Шель несколько не сомневается относительно влияния цены на смертность, хотя это влияние и не может быть непосредственно статистически доказано в его маленьком районе, где действуют множество различных причин.

30. В этом отношении замечательным примечением может служить полная неудача недавней попытки переселить, вследствие голода в Восточной Пруссии, тамошних рабочих в фабричные округа Верхней Силезии (где впрочем, как известно, голод также бывает

нередко). В «Zeitschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte IV Jahrg. 4 Band, Dr. Janke в своей статье о «всемирном потреблении мяса» сообщает, как голодающие пруссаки явились в Силезию;—каждый из них привез с собою по большому куску ветчины, вызвав этим великое удивление местных рабочих, у которых ветчина считается редким лакомством. Пруссакам пришлось возвратиться на родину, потому что в Силезии действительное вознаграждение за труд не соответствовало их потребностям.

31. Так как речь здесь идет о Марксе, но не о Гладстоне, то мы приводим это место без всяких изменений, хотя достоверность его и оспаривается. Газета «Konkordia», основанная фабрикантами, обвинила (1872 г. № 12) Маркса в передержках и утверждала, что он сам сочинил последнюю фразу: «это изумительное возрастание богатства и могущества ограничивается исключительно имущими классами». Маркс в № 44 «Volksstaat'a» указал на источник, которым он пользовался. В ответ на это в газете «Konkordia» № 20 появилось новое возражение. В конце концов выяснилось, что Маркс совершенно верно передал выражения Гладстона, так как его источники, хотя и менее официальные, вероятно гораздо подлиннее, чем источники его обвинителей, которые пользовались парламентскими речами, очевидно проредактированными для печати. Впрочем это не изменяет вопроса. Что же касается до сущности мысли Гладстона, то подвергшаяся нападкам фраза до такой степени верна, что даже дрянной тон Ганзардовского издания парламентских речей не изменяет ее смысла. Статистически доказанное возрастание богатства уже по тому ограничивается исключительно имущими классами, что все данные относятся к лицам, имевшим свыше 150 ф. стерл. годового дохода.—Но с другой стороны «Konkordia» во всяком случае доказала, что Маркс заимствовал из речи Гладстона лишь то, что было пригодно для его целей, и пропустил те взгляды Гладстона (в статистическом отношении впрочем бездоказательные), которые свидетельствуют о соответственном улучшении участи бедных, хотя эти взгляды находились в непосредственной связи с предыдущим местом.

32. В издаваемом Вирховым и Гольцендорфом сборнике популярных научных рефератов «Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge», Вып. 20 и 21. Berlin 1866, напечатана весьма поучительная публичная лекция д-ра Эмеля: «Preis der Arbeit» («Цена труда»). В ней автор указывает, как следует вычислять расходы рабочего, за исключением на его дневное пропитание... Вот главные статьи его бюджета:

I. Издержки на погашение капитала, затраченного в молодости на воспитание и образование:

- 1) Проценты и погашение на этот капитал;
- 2) Страхование этого капитала на случай смерти рабочего до погашения, на случай неспособности к труду, на случай временной утраты.

II. Издержки на поддержание жизни и способности к труду:

- 1) Расходы на поддержание и восстановление сил;
- 2) Страхование против преждевременной утраты способности к труду;

3) Страхование против временного прекращения заработков: вследствие болезни; вследствие кризисов или застоя в данной отрасли промышленности.

III. Издержки на поддержание жизни в старости.

Для простого рабочего, занятого физическим трудом, не требующим особенной подготовки, и работающего с 16-ти-лѣтняго возраста, Энгель оценивает капитал на *воспитание* в 750 тал., причем не принимает в расчет проценты и проценты на проценты, считая, что они оплачиваются случайными заработками в период детства. Капитал должен быть погашен в продолжение остальной части жизни, т. е., по выводам статистики, в 45 лѣтъ. В действительности, капитал этот не возвращается родителям, но идет на воспитание нового поколѣнія рабочих в лицѣ дѣтей. Къ этому присоединяется страхование против преждевременной утраты способности къ труду. Уже эти двѣ статьи расхода составляютъ 43, 45 тал. или круглымъ счетомъ 25 зильбергрошей в недѣлю. Издержки на поддержание и восстановление силы, т. е. на пищу, жилище, одежду и т. д., определены в 120 тал., расходы на случай болезни — в 5 тал. 12 зильб. Къ этому слѣдуетъ причислить страхование против временной безработицы в размѣрѣ 12 тал., затѣмъ 4 талера на содержание в старческомъ возрастѣ и наконецъ взносъ в похоронную кассу; итого получается сумма в 187 тал. ежегодно, изъ которыхъ лишь двѣ трети идутъ на поддержание жизни в тѣсномъ смыслѣ слова. Энгель замѣчаетъ далѣе, что сумма 187 тал. поразительно совпадаетъ съ действительными расходами, и это можетъ быть доказано подробными статистическими данными относительно заработной платы на желѣзныхъ дорогахъ. Конечно надо еще доказать, что желѣзнодорожный трудъ можетъ служить здѣсь основаніемъ для среднихъ выводовъ: правда, онъ является чисто физическимъ трудомъ, не требующимъ никакой особенной подготовки, но съ другой стороны онъ оплачивается щедро, потому что рабочихъ приходится выписывать издалека. Кроме того, чтобы этотъ трудъ не подорвалъ организма, требуется болѣе чѣмъ средняя физическая сила и сравнительно хорошее питаніе. Съ другой стороны надо замѣтить, что Энгель ассигнуетъ на содержание семьи, жены и дѣтей лишь ту сумму, которая соответствуетъ погашенію капитала, необходимаго на воспитаніе взрослого рабочего. Спрашивается, должна ли жена дѣлать на хозяйствѣ экономію в размѣрѣ 10 зильбергрошей в день, необходимыхъ на ея потребности и на погашеніе капитала, затраченного на ея воспитаніе, или же она должна зарабатывать эти деньги на сторонѣ? Энгель высказывается въ пользу второго предположенія (ib. S. 62), но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что значеніе домашнего труда женщины (т. е. вѣроятно этическое значеніе) превышаетъ значеніе сторонняго заработка. Но точнаго расчета онъ не приводитъ. Кроме того во всякомъ случаѣ остается еще покрыть издержки на тѣхъ дѣтей, которые не достигаютъ 16-ти-лѣтняго возраста, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что юноша, переживающій дѣтскій возрастъ, является, какъ нами выше неоднократно указывалось, лишь счастливымъ исключеніемъ. Вообще же надо замѣтить, что въ Германіи и въ Англіи, даже не говоря о случаяхъ крайней бѣдности и нищеты, общественная благотворительность покрываетъ къ выгодѣ предпринимателей

значительную часть исчисленныхъ Энгелемъ расходовъ. Гораздо выше Энгель оцениваетъ капиталъ на воспитаніе д-ръ Людге. (Въ журналѣ «Versich. Zeit.»). По его вычислениямъ, если распределить всѣ расходы на дѣтей, остающихся въ живыхъ, то ребенокъ уже в 3-лѣтнемъ возрастѣ обходится в 339 тал., в 6-лѣтнемъ — 705 тал. и в 15-лѣтнемъ — 2.119 тал. Допустимъ даже, что эти цифры преувеличены; но съ другой стороны цифру Энгеля в 750 тал. для 16-лѣтняго рабочего в настоящее время слѣдуетъ значительно увеличить.

33. Предполагаемое нами *потребленіе мяса* в размѣрѣ 60 ф. на душу несомнѣнно выше действительнаго; но это в данномъ случаѣ довольно безразлично. *Статистика скота*, положенная нами в основаніе нашихъ исчисленій, оставляетъ еще многого желать, какъ это доказалъ Энгель («Zeitschrift». 1864 г. S. 241), но она все-таки можетъ служить сравнительно однимъ изъ лучшихъ основаній. Въ изслѣдованіи Шлеммера относительно количества скота в Пруссіи вычисляется, что на каждую 1000 жителей приходилось:

ГОДЪ.	РОГАТАГО СКОТА.	СКОТА ВООБЩЕ.
1802	503 штуки.	1040 штукъ.
1816	386 »	683 »
1840	331 »	631 »
1867	302 »	575 »

Цифры второго столбца означаютъ не абсолютное количество скота, а рассчитаны, какъ это обыкновенно дѣлается статистиками, такимъ образомъ, что каждая штука рогатаго скота приравнивается $\frac{2}{3}$ лошади, 10 овцамъ, 4 свинымъ и 12 козамъ. Въ такой ли мѣрѣ увеличилось количество скота, чтобы доходъ остался безъ перемѣны или даже повысился, — остается неизвѣстнымъ.

34. Объ истинномъ значеніи *квартирнаго вопроса* см. основанное на тщательномъ изученіи предмета важное изслѣдованіе Маркса («Капиталъ», 1; стр. 567—576). Сущность его возрѣній содержится въ слѣдующихъ словахъ (стр. 598):

«Постоянное переселеніе въ города, образованіе избыточнаго населенія в сельскихъ округахъ, вследствие сосредоточенія земли въ немногихъ сравнительно рукахъ, обращеніе полей въ пастбища, приложеніе машинъ и т. д. идетъ рука объ руку съ постояннымъ вытѣсненіемъ сельскаго населенія и разрушеніемъ его жилищъ. Чѣмъ рѣже населеніе данной мѣстности, тѣмъ болѣе относительный избытокъ населенія въ разныхъ центрахъ, деревенскихъ и городскихъ, тѣмъ сильнѣе конкуренція, тѣмъ меньше свободныхъ жилищъ. Безпрерывное возрастаніе относительнаго излишка сельскихъ рабочихъ, не смотря на уменьшеніе ихъ числа, — вотъ колыбель ихъ пауперизма. А когда они обѣднѣютъ, ихъ изгоняютъ и они не находятъ себѣ жилья. Это окон-

чательно подрывает их способность къ сопротивленію и отдастъ ихъ въ полнѣйшее рабство ландрордамъ и арендаторамъ, такъ что *minimum* заработной платы становится для нихъ какъ бы естественнымъ закономъ».

Такъ какъ въ настоящее время проявляется склонность отрицать существованіе квартирнаго вопроса въ Англіи и въ особенности въ Лондонѣ, то мы приведемъ еще нѣкоторые выдержки изъ официальныхъ отчетовъ, заимствованныя нами у Маркса: «Два пункта,—говоритъ докторъ Гентеръ,—не подлежатъ сомнѣнію: во-первыхъ, что въ Лондонѣ есть около 20-ти большихъ кварталовъ, каждый приблизительно въ 10,000 жителей, бѣдственное положеніе которыхъ превосходитъ всякое вѣроятіе и вызвано почти исключительно неудовлетворительностью жилищъ; и во-вторыхъ, что переполненные и пришедшіе въ ветхость дома этихъ кварталовъ находятся въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ были 20 лѣтъ тому назадъ» (Марксъ 568). Далѣе въ томъ-же отчетѣ мы читаемъ: «Вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ въ чертѣ города, недавно въ субботній вечеръ можно было видѣть въ восточной части Лондона множество семействъ, изгнанныхъ изъ ихъ прежнихъ жилищъ и бродившихъ по улицамъ со своими скудными пожитками на сплнѣ безъ всякаго пристанища, кромѣ рабочаго дома». — Докторъ Гентеръ особенно порицаетъ неосмотрительную ломку домовъ, которая и въ Германіи, даже въ маленькихъ городахъ, къ сожалѣнію, становится все болѣе частымъ явленіемъ. Онъ замѣчаетъ, что эта «санитарно-полицейская мѣра» лишь усугубляетъ зло, такъ какъ жители, изгнанные изъ одного квартала, тѣснѣе скучиваются въ другомъ. «Либо,—говоритъ онъ,—надо измѣнить всю эту процедуру, какъ явную несообразность, либо общество должно принять къ сердцу это явленіе и исполнить то, что теперь безъ преувеличенія можно назвать *национальнымъ долгомъ*, именно—дать кровъ людямъ, которые, *вслѣдствіе недостатка капитала*, сами не могутъ себѣ его доставить, хотя и въ состояніи уплачивать періодически за наемъ квартиры». — Для Брадфорда докторъ Гентеръ составилъ перечень комнатъ и подвальныхъ помѣщеній, въ которыхъ скучено множество людей; такъ напримѣръ, во многихъ комнатахъ живутъ по 2 и 3 семейства, въ 1 комнатѣ помѣщается 18 человекъ, въ 1 подвалѣ—7 человекъ (онъ служитъ въ то-же время слесарною мастерскою и т. д.) (Марксъ 571 стр.). — Тамъ-же у Маркса собрана масса вполне достовѣрнаго матеріала о несравненно-худшихъ *деревенскихъ* условіяхъ. Только въ одномъ отношеніи картина Маркса вызываетъ нѣкоторые сомнѣнія: спрашивается, дѣйствительно-ли *усиленіе зла* совершенно нейтрализуетъ одновременное *улучшеніе* квартирныхъ условий *строительными обществами*. По Эмелю (см. слѣд. прим.), въ одной Англіи и Уэльсѣ въ 1872 г. насчитывалось приблизительно 2000 такихъ обществъ, получавшихъ свыше 11 мил. ф. стерл. годового дохода процентами и платежами на погашеніе долговъ. Членами этихъ обществъ состояло 800,000 лицъ. Объ организаціи этихъ обществъ см. брошюру: «*Every man his own landlord*» (нѣм. пер. «*Jedermann Hauseigentümer*». Duisburg, 1865).

35. Какъ видно изъ текста, литература по квартирному вопросу ограничивается по большей части изученіемъ условий въ большихъ городахъ и притомъ принимаетъ во вниманіе общее отношеніе квартирантовъ всѣхъ классовъ къ собственникамъ, строителямъ и спекулянтамъ.

Самыя полныя данныя по квартирному вопросу можно найти въ рефератѣ Эмеля, предназначенномъ для Эйзенхаскаго Конгресса «профессоровъ-соціалистовъ» 1872 г. Тамъ онъ былъ прочтанъ только въ выдержкахъ, но впоследствии напечатанъ цѣликомъ подъ заглавіемъ: *Dr. Engel «Die moderne Wohnungsnoth, Signatur, Ursachen und Abhülfe»*.

36. Законъ переложенія налоговъ далеко не пользуется въ политической экономіи общимъ признаніемъ, какъ и вообще все ученіе о переложеніи налоговъ слѣдуетъ причислить къ наименѣе изслѣдованнымъ вопросамъ. Часто говорятъ о переложеніи того или другого налога (напр. о переложеніи фабрикантомъ налога на сырье на потребителя посредствомъ возвышенія цѣны фабриката). Но, не смотря на важность этого явленія, въ большей части трактатовъ по теоріи налоговъ недостаетъ не только всесторонняго и глубокаго анализа этого вопроса, но даже общихъ точекъ зрѣнія на процессъ переложения. Шагомъ впередъ является мнѣніе Штейна («*Finanzwissenschaft*». Leipzig, 1860, стр. 191 и слѣд.), что *всякій* налогъ перелажается *всѣми*, т. е. что *всякій* налогъ во всемъ своемъ размѣрѣ входитъ въ издержки производства. Штейнъ полагаетъ (стр. 193), что поденщикъ, уплачивая налогъ (напр. при покупкѣ жизненныхъ припасовъ), *получаетъ его обратно въ своей заработной платѣ*, а фабрикантъ въ свою очередь переноситъ его цѣликомъ на товаръ. Странно, что Штейнъ повидимому считаетъ такимъ образомъ вопросъ рѣшеннымъ, между тѣмъ какъ онъ, напротивъ, здѣсь только и начинается; вѣдь съ перваго-же взгляда ясно, что еслибы налоги могли переноситься *безъ всякаго противодѣйствія* in infinitum, то никто не ощущалъ-бы ихъ бремени, что конечно было-бы весьма удобной теоріей для финансистовъ. Напротивъ, совершенно очевидно, что *всякое переложение налога встрѣчаетъ противодѣйствіе*, и что это противодѣйствіе, служащее истиннымъ указателемъ тяжести податнаго бремени, необходимо разнообразится, смотря по обстоятельству. Что напримѣръ косвенные налоги по большей части дѣйствительно ложатся на рабочихъ, видно изъ статистики, подтверждающей уменьшеніе потребления того или другого продукта, вызываемаго его вздорожаніемъ. Очевидно, противодѣйствіе, которое рабочій можетъ оказать повышенію цѣны на предметы первой необходимости, чрезвычайно незначительно, между тѣмъ какъ противодѣйствіе работодателя повышенію заработной платы громадно. Вслѣдствіе этого рабочимъ приходится нести хотя и не все бремя налоговъ, но весьма значительную часть его. Изъ этого видно, что въ сущности все ученіе объ экономическомъ значеніи налоговъ должно быть сведено къ теоріи переложения налоговъ, но отдѣляться авторитетными изреченіями тутъ нельзя; необходимъ точный анализъ тѣхъ противодѣйствій, которыя, подобно тому какъ треніе пріостанавливаетъ движеніе тѣла, истощаютъ производительность налога. А пока такого анализа нѣтъ, мы принимаемъ временно за аксіому, что вообще тяжесть налоговъ стремится къ *точкѣ наименьшаго сопротивленія*, а это равносильно гипотезѣ, что *всякій* налогъ (не исключая и прямого подоходнаго, даже если онъ прогрессивенъ) имѣетъ склонность обратиться въ подушную подать. Конечно между этой склонностью и дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла можетъ быть такая-же громадная разниа, какъ между уровнями различныхъ рѣкъ, впадающихъ въ одинъ и тотъ-же бассейнъ.

37. См. Brentano: «*Arbeitergilden der Gegenwart*» («Современные рабочие гильдии»), I. S. 133. Там же глава о «*Происхождении английских рабочих союзов*» (S. 89—132) содержит полное доказательство этого положения и массу весьма красноречивых фактов для уяснения себе рабочего вопроса.

38. Как известно, *предпринимательский риск* считается одним из самых решительных оправданий современного способа распределения прибылей между капиталистом и рабочим. Так напр., Шульце-Делич старался опровергнуть систему Лассалля *) преимущественно тем, что изображал ее полным непониманием экономического значения риска и нелюбимой попыткой отменить вознаграждение за риск. А между тем уменьшение вознаграждения за риск составляет одно из основных положений коммунистического учения в отличие от индивидуалистического. Это до такой степени очевидно, что послѣ некоторого размышления мы не можем признать его сущностью вопроса даже в стремлениях самого Шульце-Делича (в основѣ своих также коммунистических). Ростовщикъ, эксплуатирующий ремесленника, выдавая ему ссуды изъ 12, 25 и даже болѣе % — не только поступает вполне согласно съ принципомъ индивидуалистической экономіи, но всегда имѣетъ въ рискѣ свое оправданіе. Мелкимъ лавочкамъ, отырывающимъ рабочимъ кредитъ, приходится нести значительный рискъ и имъ нельзя довольствоваться равномерною умеренною прибылью. Начиная дѣло почти безъ всякаго капитала, большинство ихъ банкротятся, теряя на своихъ должникахъ или вслѣдствіе конкуренціи, и только незначительное число ихъ наживаетъ богатства. Но какъ народные банки и потребительныя общества оказываютъ благотворное вліяніе, стремясь къ ограниченію риска въ тѣсномъ кругу мелкой промышленности, такъ точно подобный результатъ можетъ быть достигнутъ въ широкихъ размѣрахъ посредствомъ «*организации труда*». Но другая сторона вопроса указана лишь за послѣднее время и, насколько намъ известно, первоначально въ средѣ самихъ рабочихъ. Мы разумѣемъ тотъ фактъ, что *рабочій самъ несетъ большую часть промышленнаго риска*. Весьма любопытно, что совершенно упускается изъ виду опасность, угрожающая рабочимъ остаться при первомъ же застоѣ въ промышленности безъ куса хлѣба, между темъ какъ предпринимателю рискъ ставится въ особенную заслугу. Пытались, правда, открыть въ заработной платѣ, въ видѣ ея составной части, элементъ страхованія противъ промышленныхъ кризисовъ, но мы уже указывали на несостоятельность этой попытки и замѣтили, что въ дѣйствительности это страхованіе по большей части оплачивается изъ *суммъ общественной благотворительности*. Нельзя признать простою случайностью, что вездѣ наряду съ развитіемъ крупной промышленности возрастаютъ и налоги въ пользу бѣдныхъ. А сколько нужды и горя приходится перенести рабочему, поставившему свое благо и благо своей семьи въ зависимость отъ удачъ предпринимателя, прежде чѣмъ онъ вообще рѣшится обратиться къ общественной помощи! Конечно можно возраить, что у рабочаго нѣтъ выбора, а слѣд. онъ не

*) В своей бр опюрѣ: «*Die Abschaffung des geschäftlichen Risiko durch Herrn Lassalle*». Berlin. 1866.

можетъ выражать претензіи на вознагражденіе за рискъ, потому что для него признается счастьемъ уже то, что онъ находитъ хлѣбъ у предпринимателя. Не говоря уже о томъ, что такого рода возраженіе заключаетъ въ себѣ оправданіе Лассалевской теоріи и стремленія рабочихъ во что-бы то ни стало измѣнить господствующій порядокъ вещей, имъ вполне подтверждается фактъ, что, несомнѣнно, рабочій въ значительной степени несетъ промышленный рискъ. Краткосрочность условій, заключаемыхъ предпринимателемъ съ рабочими, значительно ослабляетъ его рискъ. Разсчитавъ рабочихъ, онъ избавляется на время промышленнаго зстоя отъ нѣкоторыхъ издержекъ на рабочую силу, которая ему въ будущемъ все-таки понадобится для предприятия. То, что ему удастся такимъ образомъ сберечь, ложится бременемъ прежде всего на рабочаго, а затѣмъ уже на потребителей.

39. При консервативномъ характерѣ философіи Гегеля, можетъ паразитъ фактъ, что изъ его школы вышли самые радикальные дѣятели, какъ въ религіозной и политической, такъ особенно въ социальной сферѣ, каковы напримѣръ — Лассалъ, Марксъ и Энгельсъ. Прежде всего это объясняется тѣмъ, что его философія находилась въ оппозиціи не только съ рационализмомъ и либерализмомъ его эпохи, но и съ реалистическимъ направленіемъ, отрицавшимъ всякую философію. Чѣмъ болѣе усиливалась реакція, тѣмъ болѣе она опиралась исключительно на силу и отвергала философію. Но философія отомстила за себя, и радикальные ея представители выступили въ борьбу съ особенною энергіею, и это понятно. Во-первыхъ, признанію Гегелемъ всего существующаго разумнымъ предшествовалъ разрушительный критическій анализъ; а во-вторыхъ — система, изображавшая всю всемірную исторію непрерывнымъ развитіемъ абсолюта, должна была признать и существующій современный порядокъ вещей подчиненнымъ тому же принципу развитія. Въ сущности каждый интеллигентный ученикъ Гегеля долженъ былъ считать логическимъ послѣдствіемъ его системы мысль, что *предѣлъ развитія*, открываемый учителемъ во всѣхъ современныхъ явленіяхъ, только *относительный* и существуетъ лишь для даннаго момента. Съ точки зрѣнія самой системы, въ этомъ предѣлѣ развитія духъ эпохи постигаетъ только собственную сущность и достигаетъ полнаго самоопредѣленія, а это не исключаетъ возможности дальнѣйшаго развитія, выдвигающаго противоположенія этой повидимому заключительной ступени и ведущаго такимъ образомъ въ ходѣ всемірной исторіи къ высшему развитію, по отношенію къ которому предшествующая ступень будетъ лишь преддверіемъ, лишь однимъ изъ моментовъ развитія. Такимъ образомъ существующее, только что признанное разумнымъ, становится неразумнымъ. Словомъ, самый духъ *диалектическаго метода* является революціоннымъ принципомъ въ гегелевской системѣ. У той части школы, которой эта система нужна не только какъ мостъ, соединяющей съ грубой дѣйствительностью, но которая усвоила себѣ внутренній духъ системы, — онъ необходимо долженъ былъ одержать побѣду надъ содержаніемъ, вложеннымъ въ эту систему самимъ Гегелемъ. Уже при жизни Гегеля противорѣчіе между историческимъ пониманіемъ существующаго и простымъ преклоненіемъ передъ фактомъ ясно проявилось въ томъ, что наиболѣе выдающийся ученикъ его между юристами, профессоръ Гансъ (Gans), — глава философской школы среди юристовъ, рѣшительно разошелся съ знаменитымъ изслѣдователемъ Савиньи (Savigny), главою исторической школы. —

Направление Савиньи было именно историческое. Фактъ, самъ по себѣ исторически-сложившійся, потому что онъ исторически сложился, служить этой школѣ основаніемъ права; а для Гегеля историческій фактъ былъ основаніемъ права лишь потому, что онъ разуменъ, и можно прибавить, насколько онъ разуменъ. Если и въ его системѣ существующее повидимому потому только разумно, что существуетъ, т. е. потому, что оно есть продуктъ объективнаго духа, то вѣдь и перемѣны обуславливаются объективнымъ духомъ. То, что разумно на одной ступени, должно поэтому сдѣлаться неразумнымъ на другой. Самая крупная ошибка Гегеля—ошибка всего его времени—произошла оттого, что онъ принялъ простой роздыхъ въ революціонной эпохѣ за ея конецъ. Что дальнѣйшее революціонное развитіе гегельянства должно было сдѣлаться коммунистическимъ, объясняется не только діалектическимъ разладомъ съ консервативнымъ признаніемъ существующаго правоваго порядка, но и слишкомъ широкимъ значеніемъ, отводимымъ Гегелемъ государству, какъ высшему проявленію нравственнаго закона, которому индивидъ долженъ всецѣло подчиняться. И революціонеръ можетъ придавать большое значеніе государственной власти, но онъ сдѣлаетъ это не только въ силу субъективной симпатіи къ ней, но и потому, что можетъ усматривать въ ней начальную ступень будущаго высшаго развитія существующаго. Особенно же важное значеніе ей придаетъ коммунистъ (какъ это подтверждаетъ примѣръ Лассалля), пока онъ не пойметъ той истины, что нравственный законъ распространяетъ свое дѣйствіе и за предѣлы даннаго государства, и что поэтому индивиду должна быть предоставлена свобода примыкать или отдѣляться отъ него.

40. Извѣстно изреченіе Аристотеля: «Ясно, что государство создано природою, и что человѣкъ по природѣ есть существо социальное» (Рер. I, 2). Въ той-же главѣ сказано нѣсколькими строками ниже: «сдѣлательною человѣкъ есть существо социальное въ гораздо большей степени, чѣмъ пчела или стадное животное». Но за естественное основаніе политической организаціи Аристотель принимаетъ съ одной стороны—способность къ обсужденію и предусмотрительности, а съ другой—способность къ чисто физическому труду. На основаніи этого воззрѣнія онъ смотритъ на рабство, какъ на установленіе природы. Тотъ-же предразсудокъ господствуетъ еще и нынѣ среди большинства имущихъ, воображающихъ, что рабочіе, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, отъ природы способны лишь къ механическому физическому труду; между тѣмъ какъ имъ самимъ, благодаря прирожденному умственному превосходству, предназначено быть руководителями и предпринимателями. Аристотель въ подтвержденіе своего взгляда могъ еще сослаться на примѣръ животныхъ. Но въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что и въ животныхъ есть рабы, сначала поработанные или похищенные господами, затѣмъ воспитанные для своей подневольной работы. Это наблюдается, по свидѣтельству Дарвина, напр. у муравьевъ. *Formica fusca* въ независимомъ состояніи столько-же способна управлять собою и своимъ обществомъ, какъ и болѣе крупная и сильная *formica sanguinea*. Но когда послѣднему виду удастся овладѣть гнѣздомъ перваго вида, онъ умерщвляетъ его обитателей, пожираетъ взрослыхъ, а личинки уноситъ къ себѣ, чтобы воспитать изъ нихъ рабовъ. По отношенію-же къ другому мелкому, но очень храброму виду—*formica flava*—онъ на это не рѣшается; а когда

ему представляется возможность безопасно выкрасть дѣтенышей этихъ недоступныхъ героевъ, онъ и ихъ тащить домой и воспитываетъ рабами.

41. Напомнимъ здѣсь читателю слова Шиллеровскаго *Штауффера* («Вильгельмъ Телль»). Дѣйствіе II, сц. 2. Сходка въ Рютли).

«Нѣтъ; деспотизмъ имѣть-же предѣлъ!

Въ отчаяніи, подъ гнетомъ непосильнымъ,
Когда нигдѣ защиты нѣтъ и права,
Униженный съ послѣднею надеждой
Унылый взоръ возводить къ небесамъ.
Тамъ прирожденные находятъ онъ права
Ненарушимыми, какъ вѣчныя свѣтила,
И—достаешь ихъ смѣлою рукой:
Гдѣ человекъ обрадуется съ челобиткомъ,
Природный хаосъ торжествуетъ вновь!...».

Эта не трагическая діалектика страстей, но простая, чисто-философская истина, примѣнимая какъ къ социальнымъ отношеніямъ, такъ и къ политическимъ. Когда буква права обращается противъ его духа, когда рука государственной власти, приведенная въ движеніе извращенною формулою, угодбляется мечу рыцаря кулачнаго права и обращается съ одинаковою безцеремонностью и одинаковымъ упорствомъ противъ всѣхъ требованій естественнаго права, тогда исчезаетъ всякая надежда на общее подчиненіе такому праву, и угнетеннымъ остается самимъ помогать себѣ, какъ знаютъ и могутъ, пока имъ не удастся возстановить истинное право.

42. Христіанская идея безсмертія есть несомнѣнно идея полного отрѣшенія отъ интересовъ земной жизни. Строго придерживаясь этой идеи, ни одинъ христіанинъ не долженъ-бы дѣлать завѣщаній и тѣмъ болѣе такихъ завѣщаній, которыя имѣютъ продолжительную обязательную силу и носятъ на себѣ отпечатокъ римскаго наследственнаго права. Если въ завѣщаніяхъ и дарственныхъ записяхъ средневѣковаго христіанства проявилась диаметрально-противоположная черта, то это объясняется тѣмъ, что и тутъ христіанское ученіе было кореннымъ образомъ извращено.

43. Не вдаваясь въ теоретическое разсмотрѣніе сущности всеобщаго правосознанія, замѣтимъ здѣсь только, что при этомъ мы не имѣемъ въ виду правосознанія массъ. Масса неразвитыхъ индивидовъ, даже въ эпохи крупныхъ движеній пассивныхъ до наступленія кризиса, подчиняется, какъ это показало опытъ, быстро, хотя и не безъ сопротивленія, новымъ воззваніямъ, когда имъ удалось одержать рѣшительную нравственную побѣду надъ воззрѣніями, господствовавшими до тѣхъ поръ. Само собою разумѣется, что мы въ этомъ отношеніи не проводимъ различія между «грубой толпой» и такъ называемыми «образованными людьми», т. е. имущимъ классомъ, обладающимъ нѣкоторыми школьными познаніями и свѣтскимъ лоскомъ. Напротивъ, мы приписываемъ всѣмъ классамъ народа долю участія въ живомъ умственномъ движеніи эпохи, а съ другой стороны среди всѣхъ классовъ народа до самыхъ дѣльныхъ чиновниковъ и купцовъ и самыхъ ученыхъ профессоровъ, мы находимъ очень многихъ представителей пассивной массы. Во всякомъ случаѣ въ

обыкновенное время *процентное* отношение действительно чутких личностей, сознательно воспринимających идеи своей эпохи, въ высшихъ слояхъ общества значительнѣе, чѣмъ въ низшихъ, но въ періоды кризисовъ это отношеніе можетъ сдѣлаться обратнымъ. Никому, кто хоть нѣсколько понимаетъ современное положеніе дѣлъ, не придетъ нынѣ въ голову отрицать тотъ фактъ, что *среди фабричныхъ рабочихъ* появляется громадная масса самостоятельно мыслящихъ (или такъ называемыхъ «безпокойныхъ») людей и что поэтому они имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ можно было-бы ожидать, руководствуясь ихъ числомъ и средствами, которыми они располагаютъ. Исторія убѣждаетъ насъ, что дѣятельное *меньшинство* производитъ величайшіе перевороты именно потому, что въ его рядахъ находится *большинство* сознательно и энергично добивающихся своихъ цѣлей людей.

44. Въ моемъ сочиненіи «*J. St. Mill's Ansichten*» etc. (S. 90—109) находится подробное разсмотрѣніе воззрѣній Милля на необходимость пересмотра наслѣдственнаго права, равно какъ связь этого вопроса съ рабочимъ вопросомъ вообще.

45. Это подтвердила въ 1871 г. парижская коммуна, которая впроложеніе двухъ мѣсяцевъ была полновластнымъ хозяиномъ богатѣйшаго города всей континентальной Европы, не дѣлая однако попытокъ къ «грабежу» или «дѣлежу». Если-бы коммунизмъ действительно преслѣдовалъ тѣ цѣли, которыя ему приписываютъ, то легко себѣ представить, что должно было бы произойти въ Парижѣ во время господства вооруженнаго пролетаріата.

46. Строго говоря, это опредѣленіе уже потому ложно, что основывается на ошибочной мысли. Такъ какъ политическая экономія исходитъ изъ того положенія, что въ народномъ хозяйствѣ вселенъ индивидъ стремится получить возможно болѣе цѣнностей при возможно меньшей затратѣ труда, то въ сущности всякая мѣновая цѣнность съ одной стороны представляетъ собою извѣстное количество труда, насколько оно освобождаетъ отъ него собственника, а съ другой стороны цѣнность въ употребленіи, насколько она служитъ удовлетворенію потребностей. Въ большинствѣ случаевъ оба мѣрила цѣнности могутъ считаться тождественными, и такъ какъ только одно изъ этихъ мѣрилъ, а именно трудъ, поддается точному опредѣленію, то имъ однимъ и пользуются, молчаливо предполагая, что онъ служитъ въ то же время и мѣриломъ потребности, не поддающемуся количественному опредѣленію. Трудъ, не соответствующій никакой потребности, имѣетъ такъ-же мало цѣнности, какъ и потребность, удовлетвореніе которой не стоитъ никакого труда (напр. воздухъ, которымъ мы дышемъ). Но потребность и трудъ соответствуютъ другъ другу лишь при нормальныхъ условіяхъ; если же потребность возрастаетъ до необычайныхъ размѣровъ, то соответствующее ей количество труда становится недостаточнымъ, и мѣновая цѣнность опредѣляется цѣнностью въ употребленіи. («Царство за коня!»...) Впрочемъ утверждать, будто природа не производитъ никакихъ цѣнностей, можно только на основаніи устарѣлаго положенія, будто цѣнность предмета опредѣляется количествомъ затраченнаго на него труда, а не на основаніи болѣе вѣрнаго положенія, что цѣнность опредѣляется количествомъ накопленнаго труда. Случайно найденный самородокъ золота имѣетъ совершенно одинаковую мѣновую цѣнность, какъ и само-

родокъ, добытый послѣ систематическихъ поисковъ; и вообще при открытіи матеріала, утилизація котораго доставляетъ новыя выгоды при воспроизведеніи какого-нибудь предмета, тотъ, кто открылъ его первый, пользуется «преимущественной рентой», пока этотъ матеріалъ не войдетъ во всеобщее употребленіе.

47. Я оставилъ это мѣсто безъ измѣненія, чтобы имѣть случай разъяснить порожденное имъ странное недоразумѣніе. Мое ученіе о поземельной рентѣ, и особенно о «преимущественной рентѣ» находится въ зависимости отъ *теоріи цѣнности*, между тѣмъ какъ я имѣлъ въ виду показать, что нарушеніе естественнаго распредѣленія цѣнностей, обусловливаемое преимущественною рентою, имѣетъ мѣсто всегда и притомъ оказываетъ вредное вліяніе, независимо отъ теоріи цѣнности. Мнѣ кажется, что моя теорія вполне удовлетворительно объясняетъ всѣ реальныя явленія, ибо я показываю, что случаи преимущественной ренты не представляютъ исключенія изъ теоріи цѣнности Рикардо, но что въ нихъ вездѣ владѣлецъ монополии присвоиваетъ себѣ результаты *чужого труда*. Затѣмъ я сомнѣваюсь, что формула, предложенная Зибелемъ («*Die Lehren des heutigen Socialismus und Kommunismus*»,—Bonn. 1872), сколько-нибудь устраивала это невыгодное явленіе Зибель утверждаетъ, что источникомъ и мѣриломъ цѣнности служитъ не трудъ самъ по себѣ, а его *цѣлесообразность*. Если подъ этимъ подразумѣвается цѣлесообразность, опредѣляемая не философскимъ путемъ, а *требованіями рынка*, то эта теорія тождественна съ теоріей Карла Маркса, но только формулирована менѣе ясно. Но если это должно означать, что цѣлесообразность является мѣриломъ цѣнности *въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ*, то это указываетъ на невѣрное пониманіе процесса нашего современнаго производства и обращенія, и такое объясненіе не приложимо къ большинству всевозможныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, а только къ исключительнымъ случаямъ. Вообще я въ этомъ вопросѣ придерживаюсь основнаго взгляда Джевонса (Jevons: «*Theory of Political Economy*», London 1871 г.), который сдѣлалъ попытку строго математическимъ путемъ выяснитъ общіе законы обращенія.

48. Относительно погашенія капиталовъ, затраченныхъ на хозяйственныя улучшенія, см. мое сочиненіе: «*Mill's Ansichten*» etc. (стр. 48 и сл.), гдѣ указано, что для затратъ на сельско-хозяйственные улучшенія (разумѣется, включая сюда сооруженія дорогъ и т. п.) точно такъ же слѣдуетъ принимать періодъ погашенія, какъ и для другихъ затратъ капитала, такъ какъ они должны покрыть расходы, сдѣланные на нихъ, хотя бы втеченіе весьма продолжительнаго періода. Чередуваніе благоприятныхъ и неблагоприятныхъ періодовъ совпадаетъ съ постояннымъ возобновленіемъ поземельной ренты, и даже если имѣніе впроложеніе всѣхъ этихъ періодовъ оставалось въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, то вопросъ о поземельной рентѣ нисколько не измѣняется по крайней мѣрѣ по отношенію къ тѣмъ участкамъ, которые при первоначальномъ захватѣ находились въ благоприятныхъ условіяхъ. Только доходъ съ нихъ за это время упалъ до нуля или почти до нуля, а затѣмъ вновь повысился. Допустимъ, что тамъ, гдѣ въ странахъ съ многовѣковой культурой это погашеніе не производилось, земля по большей части дешевле общей суммы затратъ, употребленныхъ на нее,—но въ такомъ случаѣ это одинаково относится къ землямъ низшаго разряда, принося-

щимъ, по нашему предположенію, при одинаковыхъ затратахъ, меньше дохода.

49. Поземельную ренту, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ подводить подъ категорію *прибыли съ капитала* въ томъ случаѣ, когда участокъ покупается въ расчетѣ на предполагаемый ростъ поземельной ренты по такой цѣнѣ, которая хотя въ данную минуту приносить и низкій процентъ, но обѣщаетъ съ избыткомъ вознаградить эту потерю въ будущемъ,—какъ это особенно часто имѣетъ мѣсто въ спекуляціяхъ на возрастаніе цѣнности земельныхъ участковъ вблизи быстро развивающихся крупныхъ центровъ. Въ этомъ случаѣ счастливый спекулянтъ имѣетъ полное право считать получаемый барышъ результатомъ счастливой спекуляціи, а потому и прибыль съ капитала, которая достается ему по тѣмъ же законамъ, какъ и всякая другая прибыль, получается путемъ спекуляціи.—Но это только *субъективная* сторона дѣла. Спекуляція ничего не произвела, она только *воспользовалась* вѣрно рассчитанной выгодой. Съ *объективной* точки зрѣнія возрастающій доходъ съ этого участка все же остается поземельной рентой. Она должна была все равно получиться путемъ подобной спекуляціи или помимо ея, и еслибъ земля не перешла въ другія руки, то эта рента, согласно своему первоначальному характеру, досталась-бы первому владѣльцу (или его наслѣдникамъ), которому быть можетъ никогда не приходило въ голову, что сосѣдній городъ можетъ когда-нибудь расшпириться до его земли. Продавъ свой участокъ за болѣе дорогую цѣну, первоначальный владѣлецъ получаетъ отъ спекулянта часть будущей поземельной ренты въ капитализированномъ видѣ; другая часть достается спекулянту. Если-бы вслѣдствіе этого поземельная рента возрасла не такъ быстро, какъ ожидали, или если-бы ея ростъ даже совсѣмъ приостановился, такъ что затраченный спекулянтомъ на покупку земли капиталъ началъ бы приносить низкій процентъ, то спекулянтъ все-таки получилъ бы поземельную ренту, но только оплатилъ бы онъ ее слишкомъ дорого, а первоначальный владѣлецъ получилъ бы еще добавочную плату сверхъ капитализированной поземельной ренты.

50. Разница между *открытымъ хозяйствомъ* при избыткѣ незанятой и годной для обработки земли и хозяйствомъ *замкнутымъ* (т. е. хозяйствомъ съ ограниченной и вполне занятой землей) въ дѣйствительности только *относительна*. Въ известномъ смыслѣ громадные, незахваченныя культурой полосы земли открыты всякому, но для большинства людей препятствіе, представляемое выселеніемъ изъ отечества, не говоря уже о другихъ причинахъ, какова инертность (привычка, предубѣжденіе и т. п.), такъ значительны, что подобное хозяйство можно считать замкнутымъ, хотя въ абсолютномъ смыслѣ оно не таково. Наоборотъ, даже въ самой открытой колоніальной территоріи захватъ невоздѣланной земли наталкивается постоянно на разныя *препятствія*, придающія хозяйству нѣкоторый отпечатокъ замкнутости. Между этими двумя видами хозяйства существуетъ безчисленное множество переходныхъ ступеней (см. «*Mill's Ansichten*», стр. 50 и слѣд.), такъ что въ дѣйствительности экономическая жизнь дрожитъ какъ бы по діагонали между влияніями абсолютно-открытаго и абсолютно-замкнутаго хозяйства. Теорія должна однако разграничивать эти два вида хозяйства, такъ какъ только разсмотрѣніе ихъ въ отдѣльности можетъ выяснитъ сущность реальной экономической жизни. Хотя такимъ образомъ здравая политическая

экономія всегда должна имѣть въ виду оба обобщенія и затѣмъ показывать ихъ взаимодѣйствіе въ экономической жизни, однако часто встрѣчаются попытки объяснить ее съ одной изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Такъ напр., *Тюненъ* въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи («*Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft*». 3 Bde. Р. пер.) исходитъ изъ принципа о замкнутомъ хозяйствѣ. Классическая англійская экономія въ существенномъ исходила изъ принципа открытаго хозяйства и усматривала въ теоріи о поземельной рентѣ исключеніе настоятельно требовавшагося спеціальнаго анализа. Только приверженцы Бастіа и Кэри рѣшились, отвергая замкнутое хозяйство, превратить свою одностороннюю точку зрѣнія въ догматъ.

51. См. мою книгу: «*J. St. Mill's Ansichten über sociale Frage und die angebl. Umwälz. der Socialwissenschaft durch Carey*». Duisb. 1866, на которую я неоднократно уже ссылаюсь.

52. *Scheel: «Die Theorie der sozialen Frage»*. Iena 1871 («*Теорія социального вопроса*»).

53. Дѣятельность Шульце-Делича всѣмъ хорошо известна. Прибавимъ только, что даже самые горячіе его сторонники признаютъ недостаточность его въ другихъ отношеніяхъ столь неподготовной пдеи о мелкихъ ассоціаціяхъ для рѣшенія рабочаго вопроса во всей его полнотѣ.

54. «*Члены Общества распространенія просвѣщенія среди рабочихъ*» («*Arbeiterbildungsvereine*»), составлявшіе главный контингентъ широко-развѣтвленнаго «*Союза германскихъ обществъ*» на сѣздѣ 1864 г. (*Vereinstag deutscher Arbeitervereine*), въ то время еще строго слѣдовали въ практической жизни предначертаніямъ прогрессивной партіи и національнаго союза, касса котораго и снабжала ихъ пособіемъ, а прогрессивная партія была тогда въ вопросахъ социальной реформы на политической подкладѣ осторожнѣе, чѣмъ любая изъ современныхъ партій, не исключая и либеральной, которая можетъ считаться капиталистической партіей по преимуществу. На Лейпцигскомъ сѣздѣ (23-го и 24-го октября) дѣло дошло до столкновенія съ сторонниками Лассалля, которое главнымъ образомъ и побудило меня, въ связи съ моимъ избраніемъ въ комитетъ сѣзда, обнародовать первое изданіе предлагаемаго сочиненія, дабы избѣжать упрека въ двусмысленномъ образѣ дѣйствій. Мнѣ казалось, что моя склонность находить стремленія приверженцевъ Лассалля вполне основательными и моя одновременная дѣятельность на пользу ассоціацій требовали, чтобы я точно выяснилъ свой на видъ противорѣчивый образъ дѣйствій, тѣмъ болѣе что въ то время борьба между сторонниками Лассалля и Шульце-Делича обострилась до крайности. Объективное, не говоря уже симпатичное отношеніе къ Лассалю считалось для политическаго дѣятеля прогрессивной партіи вообще ересью. Не рѣшаясь теоретически отрицать всеобщее и прямое избирательное право, прогрессисты не любили однако говорить о немъ, а ихъ отвращеніе къ «государственной помощи» было такъ велико, что изъ-за него забывали о томъ, что рабочій долженъ принимать самое дѣятельное участіе въ политикѣ для установленія *соціальной правды*. Въ настоящее время большинство руководителей упомянутаго сѣзда выстѣсь съ большей частью ассоціацій принадлежитъ къ *соціально-демократіи*, хотя нѣкоторая часть ассоціацій строго воздерживается еще отъ политики. Но даже и это меньшинство до нѣкоторой степени уже начинаетъ

примыкать къ социаль-демократической партіи. Между тѣмъ какъ одинъ изъ моихъ тогдашнихъ товарищей по комитету съѣзда, депутатъ рейхстага *Бибель*, сдѣлался теперь главою второй социаль-демократической партіи, продолжающей враждебно относиться къ сторонникамъ Лассалю, — другой мой товарищъ, *Dr. Максъ Гиршъ*, также депутатъ съверо-германскаго рейхстага, много потрудился надъ перенесеніемъ англійскихъ *рабочихъ союзовъ* на германскую почву. Разумѣется, здѣсь несогласіе съ сторонниками Лассалю, также предпринимавшими организацію союзовъ, но на другихъ основаніяхъ, еще болѣе сильнѣе, если это только возможно. М. Гиршъ нынѣ считается яркимъ сторонникомъ Шульце-Делича и составляетъ для сторонниковъ Лассалю предметъ едва-ли менѣе пылкой ненависти, чѣмъ въ былое время. Но если обращать вниманіе не на этотъ антагонизмъ, а на цѣли, преслѣдуемыя въ настоящее время этими фракціями, и сравнивать ихъ съ тогдашними стремленіями, то придется сказать, что какъ партіи, такъ и общественное мнѣніе склоняются все болѣе въ сторону социаль-демократіи.

55. Главные спорные пункты между Лассалемъ и Шульце-Деличемъ отмѣчены въ брошюрѣ Шульце-Делича: «*Kapital zu einem Arbeiterkathismus*» (1863 г.) и въ отвѣтной брошюрѣ Лассалю: «*Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch*» (1864 г.).

56. Многие оспаривали мое мнѣніе, что Гегель придавалъ слишкомъ мало значенія *математическому и естественно-научному образованію*, и указывали на познанія самого Гегеля въ области математики. Кромѣ того приверженцы Гегеля, напр. Розенкранцъ (*Rosenkranz. «Hegel's Leben»*, S. 220), указываютъ съ особенною любовью и на естественно-научныя свѣдѣнія Гегеля. Все это однако нисколько не противорѣчитъ нашей мысли, что Гегель слишкомъ низко цѣнилъ образовательное значеніе математики сравнительно съ историко-философскими науками, что онъ подвергъ несправедливой критикѣ математическій методъ, истинное значеніе котораго себѣ не усвоилъ, и что онъ слишкомъ дорожилъ логическимъ развитіемъ идеи, чтобы вѣрно оцѣнивать реальный міръ. О его презрительномъ отношеніи къ анализу безконечнаго см. напр. *Шварцъ*: «*Опытъ философіи математики въ связи съ критикой положеній Гегеля*» (Schwarz: «*Versuch einer Philosophie der Mathematik verbunden mit einer Kritik der Aufstellungen Hegel's*»). Его односторонняя и преувеличенная оцѣнка значенія историческаго изученія классической древности видна изъ его академическихъ рѣчей и служебныхъ записокъ. Въ отчетѣ прусскому министерству отъ 7-го февр. 1823 г. (сообщено у *Thanlow'a*: «*Hegel's Ans. über Erzieh. u. Unterr.*» III. S. 275 u. ff.), онъ признаетъ главными предметами гимназическаго преподаванія, влияющими на общее развитіе ума, изученіе классической древности и религіи, къ которымъ присоединяетъ начала логики, какъ формальное приготовленіе къ философскому образованію. О вліяніи математики на развитіе ума нѣтъ и рѣчи. Упомянувъ о математикѣ (напр. въ ректорской рѣчи, читанной осенью 1809 г. въ юнбергерской гимназіи (см. *Thanlow'a*, III, S. 184 u. ff.)), Гегель причисляетъ ее къ предметамъ, включеннымъ въ кругъ преподаванія, благодаря ихъ прикладному значенію, и, соглашаясь на усиленіе занятій ею, дѣлаетъ лишь уступку общественному мнѣнію.

57. Совершенно вѣрно говоритъ *Брентано* («*Arbeitergilden der Gegenwart*» II. S. 21): «Для рабочаго защита путемъ ассоціацій гораздо

желательнѣе, дѣйствительнѣе и цѣлесообразнѣе защиты законодательнымъ путемъ. Не говоря уже о громадномъ воспитательномъ значеніи ассоціацій, онѣ стремятся не только къ поверхностному устраненію однихъ симптомовъ, но, напротивъ, подрываютъ зло въ самомъ корнѣ и устраняютъ его причину: ибо, благодаря имъ, рабочій становится въ такое-же положеніе, въ какомъ находится каждый другой продавецъ товара. Ассоціаціи доставляютъ рабочему возможность контролировать рыночное предложеніе его товара; благодаря имъ, онъ получаетъ возможность, предлагая свой товаръ, не соглашаться на пониженіе цѣны и имѣть голосъ при заключеніи условій продажи, слѣд., благодаря имъ, онъ достигаетъ той же независимости, какъ и другіе продавцы».

58. *Зибель* въ своихъ лекціяхъ о современномъ социализмѣ и коммунизмѣ (S. 82) причисляетъ меня къ «рѣшительнымъ» сторонникамъ *уничтоженія частной поземельной собственности* и дѣлаетъ замѣчаніе, что я при этомъ конечно имѣю въ виду не грубый сельскій коммунизмъ и ежегодные передѣлы земли, какъ у древнихъ германцевъ или нынѣшнихъ русскихъ. «Мы бытъ можетъ близко подойдемъ къ его мысли, — прибавляетъ Зибель, — если представимъ себѣ, что всѣ современные землевладѣльцы обратятся въ арендаторовъ государственныхъ имуществъ». Я считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній. Во первыхъ, я далеко не безусловный приверженецъ коммунистическаго землевладѣнія, — я только безусловный противникъ ходячихъ предубѣжденій противъ этой социальной идеи. Я считаю коммунистическое землевладѣніе нормальнымъ лишь тамъ, гдѣ и безъ того, вслѣдствіе чрезвычайнаго расширенія крупнаго землевладѣнія, не существуетъ *частнаго землевладѣнія* въ смыслѣ распространеннаго *важнаго фактора социальной жизни, определяющаго народныя воззрѣнія и привычки*, слѣдовательно прежде всего — въ *Англіи*. Но даже и здѣсь сеущественіе необходимой социальной реформы можетъ быть достигнуто противоположнымъ путемъ раздробленія земли и передачи ея въ руки болѣе мелкихъ собственниковъ. Въ странахъ же, гдѣ мелкое землевладѣніе распространено уже сильно, какъ напримѣръ во Франціи, Швейцаріи и западной Германіи, коммунистическое землевладѣніе въ строгомъ смыслѣ этого слова кажется мнѣ неосуществимымъ вслѣдствіе глубоко укоренившейся привязанности населенія къ землѣ. Здѣсь социальный прогрессъ слѣдуетъ искать въ кооперативной организаціи сосѣдей, а частью въ реформѣ поземельнаго кредита. Но я во всякомъ случаѣ думаю, что вездѣ, гдѣ сущность частнаго землевладѣнія уже искажена и право собственности обращено въ простое средство взиманія дани съ чужого труда (см. прим. 47), какъ напримѣръ въ нашихъ крупныхъ городахъ, безумно открещиваться вслѣдствіе сбивчивыхъ представленій о неприкосновенности основъ нашего современнаго общества отъ экспроприатій, которые всякій не предубѣжденный человѣкъ долженъ признать въ сущности единственно вѣрными и дѣйствительными. Поэтому я отъ души привѣтствовалъ бы законъ объ экспроприаціи городского землевладѣнія или бытъ можетъ еще лучше объ экспроприаціи незастроенныхъ городскихъ участковъ. Я убѣжденъ, что этотъ шагъ на пути къ установленію общаго землевладѣнія, если взятыя за дѣло толково, далъ бы благія послѣдствія и не вызвалъ бы никакихъ затрудненій. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что я не только не желаю возвращенія къ старому сельскому коммунизму, но что вообще подобная тенденція не имѣетъ въ социалистическомъ мірѣ никакихъ

сколько-нибудь видныхъ представителей (за исключеніемъ немногихъ русскихъ). Съ другой стороны картина превращенія современныхъ земледѣльцевъ въ государственныхъ арендаторовъ оставляетъ неосвѣщеннымъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, именно вопросъ объ отказѣ отъ аренды. Правда, на слѣдующій день послѣ изданія подобнаго общаго закона объ экспроприаціи, всѣ собственники сразу очутились бы въ положеніи арендаторовъ своей собственной земли: эту коренную реформу связываютъ съ вопросомъ о справедливомъ *вознагражденіи* (о которомъ могутъ позабыть только въ случаѣ *насильственной* революціи); но это вовсе не значитъ, что весь вопросъ окажется исчерпаннымъ съ превращеніемъ частныхъ земель въ арендные. Скорѣе надо думать, что государство, по мѣрѣ потребности и возможности, передастъ отчужденныя земли въ аренду тѣмъ, кто будетъ самъ ее *воздѣлывать*, и именно на кооперативныхъ началахъ. Что же касается закона, который изыалъ бы изъ частной собственности крупныя имѣнія въ Германіи (но не всѣ заразъ) и передалъ бы ихъ въ аренду земледѣльческимъ рабочимъ, то я бы его радостно привѣтствовалъ, несмотря на то, что его осуществленіе было бы затруднительнѣе, чѣмъ осуществленіе однороднаго закона по отношенію къ городамъ.

— КОНЕЦЪ. —

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ этой бібліотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ культурныхъ народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько мелкихъ сказокъ, иллюстрированныхъ большимъ или меньшимъ количествомъ рисунковъ. Книжки нумеруются по порядку ихъ выхода. Цѣна книжекъ отъ 5 до 20 коп.

До 1-го іюня 1895 года вышло 45 книжекъ.

Сказки Андерсена. 1) Дочь болотнаго царя. Съ портретомъ и біографіей Андерсена. Цѣна 15 к. — 2) Райскій садъ. 8 к. — 3) Домовой и лавочникъ. Свиныя-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красныя башмачки. 10 к. — 4) Супъ изъ колбасной палочки. 6 к. — 5) Оле-Луке-Оле. Ленъ. Свиныя. Капля воды. 10 к. — 6) Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. 10 к. — 7) Снѣжная царица. 15 к. — 8) Анна-Лизбета. 5 к. — 9) Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. 5 к. — 10) На дюнахъ. 15 к. — 11) Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣйка. 8 к. — 12) Бузиновая старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. 8 к. — 13) Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. 6 к. — 14) Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. 10 к. — 15) Камень мудрости. 8 к. — 16) Большой морской змѣй. Свѣчи. 5 к. — 17) Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. 6 к. — 18) Дикіе лебеди. 8 к. — 19) Сынъ привратника. 8 к. — 20) Морская царевна. Должна-же быть разница. 10 к. — 21) Соловей. Жаба. 8 к. — 22) Попутчикъ. 8 к. — 23) Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. 6 к. — 24) Калоши счастья. 10 к. — 25) Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. 8 к. — 26) Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. 8 к. — 27) Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. 8 к. — 28) Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. 10 к. — 29) Бутылочное горлышко. Подъ ивой. 10 к. — 30) Дѣва льдовъ. 18 к.

Сказки Гауфа. 31) Холодное сердце. Съ портретомъ и біографіей Гауфа. 18 к. — 32) Сказка о Калифѣ-алѣ. Молодой англичанинъ. 12 к. — 33) Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. 15 к. — 34) Карликовость. 12 к. — 35) Приключенія Саида. 15 к. — 36) Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. 10 к.

Сказки Густафсона. 37) Корона морского царя. Другія короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ портретомъ и біографіей Густафсона. 10 к. — 38) Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. 10 к. — 39) Храмъ истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скороспѣлка. Попугай и жаворонокъ. 10 к. — 40) Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. 10 к. — 41) Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. 10 к.

Сказки Жоржъ-Зандъ. 42) Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ портретомъ и біографіей Жоржъ-Зандъ. 18 к. — 43) Ровное яблоко. 12 к. — 44) Великанъ Іеусъ. 15 к. — 45) Крылья мужества. 25 к.

Вышедшія книжки продаются во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Съ осени 1890 года Ф. Павленковымъ издается біографическая
библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвя-
щается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, слаб-
женная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и
музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 коп.

До 1 іюня 1895 г. вышли отдѣльными книжками 165 біографій
слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Авакума, Аксаковыхъ, Андерсена, Аристотеля, Байрона,
Бальзака, Баха, Беккариа и Бентама, Беранже, Берне, Бетховена, Бэкона,
Бѣлинскаго (2 изд.), Карла Бэра, Бисмарка, Бокля, Богдана Хмельницкаго,
Боккаччо, Бомарше, Боткина, Джордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо
да Винчи, Волкова (основателя русск. театра), Вольтера, Воронцовыхъ, Га-
дилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона,
Глинки, Говарда, Гоюля (2 изд.), Граховъ, Грибоедова, Григорія VII, А. Гум-
больдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дагерра и Нансса, Даламбера, Данте, Дар-
вина (2 изд.), Дарюмижскаго, кн. Дашковъ, Демидовыхъ, Державина, Дефо,
Дженнера, Диккенса, Добролюбова, Достоевскаго, Жуковскаго, Жоржъ Занда,
Иванова (художника), Иоанна Грознаго, Калашникова, Канкринъ, Канта, Кан-
темира, Карасина (основателя харьк. университета), Карамзина, Карлейля,
Кеттэ, Кеплера, Ковалевской, Колумба, Кондорсе, Конта, Конфуція, Кошкова,
Коперника, Барона Н. А. Корфа, Крамскою, Кромвеля, Крыловъ, Кювье
(2 изд.), Лауазье, Лапласа и Эйлера, Лейбница, Лермонтова, Лессепса, Лес-
синга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, Лобачевскаго, Лойолы (2 изд.),
Локка, Ломоносова, Ляйбеля, Маколея, Мейербергера, Микель-Анджело, Милля,
Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта,
Никитина, Никона, Новикова, Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песта-
лоцци, Перова, Пирогова, Писарева (2 изд.), Писемскаго, Потемкина, Прже-
вальскаго, Прудона, Пушкина, Рабле, Рафаэля, Рембрандта, Рихелье, Рот-
шильдъ, Руссо, Сакіа-Муни (Будды), Салтыкова, Савонаролы, Свифта,
Сенеки, Сенковского, Сервантеса, Скобелева, В. Скотта, Адама Смита, С. Со-
логубова, Сперанскаго, Спинозы, Стефенсона и Фультона, Струве, Стэнли,
Сьрова, Теккерея, Льва Толстого, Торквемады, Тургенева, Уатта, Ушинскаго,
Фарадея, Фонвизина, Франклина, Цвингли, Шевченко, Шиллера, Шопенгауэра
(2 изд.), Шопена, Шумана, Щепкина, Эдисона и Морзе, Джоржъ-Эліота,
Юма, Эдмунда.

Приготавливаются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Александра II, Вашингтона, Вирхова, Гайдна, Гончарова, Декарта,
Дидро, Екатерины II, Ибсена, Золя, Лассалъ, Листа, Лютера, Магомета,
Маківелли, Мальтуса, Маркса, Менишкова, Меттерниха, Наполеона I,
Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Платона, Ренана, Сократа,
Спенсера, Суворова, Глба Успенскаго, Франциска-Ассизскаго, Фридриха II,
Шекспира, и др.

Курсивными буквами обозначены имена русскихъ дѣятелей.

Біографіи продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ
въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., д. 2).

ПЛАТЬЕ 80 1895

1

руб. 50

1975 г.